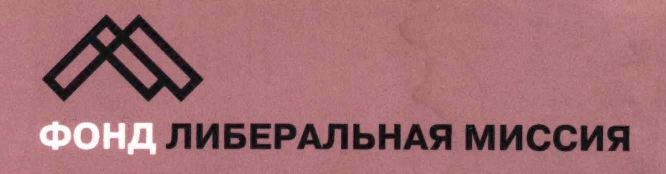
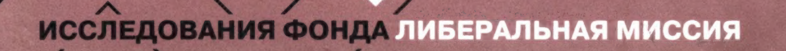

И.Ю. Смирнов

А чем Россия не Нигерия?

Фонд «Либеральная миссия»

И.Ю. Смирнов

А ЧЕМ РОССИЯ НЕ НИГЕРИЯ?

Москва 2006

Смирнов, И.Ю.
А чем Россия не Нигерия? / И.Ю. Смирнов. — М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006. — 308 с.

Автор книги полемизирует с нашумевшим сочинением А.П. Паршева «Почему Россия не Америка», доказывает, что оно изобилует ошибками, натяжками и подтасовками фактов и пытается разобраться в действительных причинах глубокого и всестороннего кризиса в России. Действительно ли, как утверждает г-н Паршев, территория нашей страны так трудна для проживания, что никакая экономическая деятельность здесь не приносит прибыли в рамках мирового рынка? Ждёт ли россиян гибель от холода после исчерпания ископаемых энергоносителей — нефти, газа и угля? Следует ли считать низкую продуктивность сельского хозяйства климатически обусловленной, или решающую роль играют социально-экономические факторы? И наконец, что представляет собой установившийся в современной России общественный строй и есть ли у него перспективы развития?

Данная книга представляет интерес для всех, кто привык думать самостоятельно, а не принимать на веру чужие слова.

ISBN 5-903135-02-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 4

Глава 1. «Ни шуб, ни свеч совсем не надо...»..6

Глава 2. Хватит ли хлеба?..41

Глава 3. Шведский виноград и российская клюква....................................129

Глава 4. Замёрзнут ли россияне? 178

Глава 5. Эх, дороги... 213

Глава 6. Опровержение теории передела..222

Глава 7. Третий Рим — в четвёртом мире 236

Глава 8. Существует ли в России общественный строй? 258

Глава 9. Уроки истории..287

ОТ АВТОРА

Один профессор, по политическим взглядам — завзятый коммунист, как-то предложил автору этих строк прочитать книгу А.П. Паршева «Почему Россия не Америка». Я отнекивался, поскольку по прошлому опыту знал: если профессору какая-нибудь книга или статья нравится, то на меня она точно будет действовать как рвотный порошок. Но в данном конкретном случае преподаватель все же уломал меня, заверив, что книга вовсе не о политике, а о климате и природных условиях.

Помнится, первые 39 страниц я прочел довольно равнодушно. Обычная компатриотическая пропаганда, ничего особенного. Но с. 40 задела меня за живое: **«Под Вильнюсом в июне поспевает черешня, а в Московской области — нет, потому что вымерзает зимой. Широта почти та же, но Вильнюс на 1000 км западнее»**[1].

И сразу вспомнился Анатолий Иванович Евстратов — замечательный селекционер, оригинатор известных сортов черешни для средней полосы России — Фатеж и Чермашная. Хотя мне довелось несколько лет проработать с ним в одном институте, мы мало общались, о чем я впоследствии очень сожалел. Анатолий Иванович казался тихим и незаметным, но это был на редкость талантливый и трудолюбивый человек. Он и умер на работе: зашёл к другому сотруднику, сел на стул и больше не встал... Так что сам Анатолий Иванович не может возразить человеку, который не ставил никаких опытов, но одной хлёсткой фразой перечеркнул всё дело его жизни, а заодно и работу ряда его предшественников по созданию зимостойких сортов черешни. Но не обязан ли кто-то из сотрудников института опровергнуть г-на Паршева и защитить память А.И. Евстратова?

Тогда я взял ручку и начал делать выписки из объёмистого паршевского шедевра. И чем больше выписок я делал и сверял утверждения автора с фактами, тем больше убеждался: Мюнхгаузен, Лысенко и Фоменко могут отдыхать. Г-н Паршев заткнул их всех за пояс. Убеждён: если имеешь дело с явной ложью, распространяемой большими тиражами, ей обязательно надо давать отпор. Из этого убеждения и выросла настоящая книга.

Уже когда она была закончена, автору указали на примечательный факт: печально знаменитое движение «Наши» взяло на вооружение опус г-на Паршева в качестве учебника для своих членов[2]. Конечно, «нашисты» — далеко не комсомол советского времени. Если комсомол прожил 70 с лишним лет, пока не разложился вместе с породившей его партией, то «Наши» — органи-

---

1 Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Паршев А.П. Почему Россия не Америка. Книга для тех, кто остаётся в России. М.: Крымский мост — 9Д ; Форум, 2000. (Все цитаты из сочинения г-на Паршева выделены полужирным шрифтом.)

2 См.: Орешкин Д. Антинародный климат // Большая политика. 2006. № 1–2.

зация-времянка. Пройдёт немного времени, и от этого путинского «комсомола» останутся жалкие развалины, как от движения «Идущие вместе». Но от этого политический контроль над верноподданной молодёжной организацией не становится менее жёстким. Всем известно, что «Наших» плотно контролирует администрация президента. Наверняка в этом участвует и Лубянка. И если «нашисты» взяли на вооружение идеи г-на Паршева, то отсюда следует непреложный вывод: мы имеем дело не с частнопрактикующим, а с государственно одобренным Мюнхгаузеном.

Но и помимо г-на Паршева и последовательных «нашистов» то и дело читаешь и слышишь выступления самых разных деятелей, которые сваливают вину за переживаемый ныне Россией глубокий социально-экономический кризис на холодный климат большей части нашей страны. Эта версия популярна, очевидно, именно потому, что позволяет списать на природу деяния (и злодеяния) людей. Такая точка зрения необычайно выгодна настоящим виновникам российского кризиса.

Нам необходимо выяснить подлинные причины невысокой конкурентоспособности и ещё более низкой инвестиционной привлекательности российской экономики. Только разобравшись в причинах, можно составлять какую-либо положительную программу. В книге изложены соображения автора по этим вопросам, причем он опирается на труды множества достойных специалистов в разных областях.

Основной вывод прост: Россия вполне может иметь здоровую, эффективную и конкурентоспособную экономику, основанную не на расходовании невосполнимых природных богатств, а на использовании мозгов своих граждан. Климат этому не помеха! Однако для перехода на путь разумного хозяйствования и устойчивого развития нужны коренные политические, экономические и социальные перемены.

Сердечно признателен всем, кто помогал готовить эту книгу, особенно первым её читателям — Владиславу Галецкому, Виктории Копейкиной (Колесниковой) и Наталье Пыхаревой. В сборе материала для книги неоценимую помощь автору оказали Александр Тэвдой-Бурмули и Сергей Калашников. За ценные критические замечания автор искренне благодарен Елене Поплевой, Сергею Ильичу Буланову и Игорю Моисеевичу Клямкину.

ГЛАВА 1. «НИ ШУБ, НИ СВЕЧ СОВСЕМ НЕ НАДО...»

Что? Факты вас смущают?
Так вы отбросьте все!!
Они лишь затрудняют,
Мешают мыслить мне.
Г.И. Григорьев
(из неопубликованного)

СУТЬ ПЕРЕДОВОГО УЧЕНИЯ

Основной приём автора книги «Почему Россия не Америка» — запугивание читателя всевозможными страшилками. Приём этот повторяется без конца и, честно говоря, приедается. Но все ужастики г-на Паршева производны по отношению к одному главному — утверждению, что в России чудовищно холодный климат, несравнимый ни с какой другой страной мира. Климат нашей страны в изображении г-на Паршева настолько плох, что поневоле удивляешься: почему наши предки поселились именно здесь, а не совершили бросок куда-нибудь на юг?

«Кто не знает, что мы живём в самой холодной стране мира? — вопрошает г-н Паршев. — **Это знают все. Но все ли представляют, насколько она холодна?»** (с. 37). И далее продолжает пугать читателя: **«Среднегодовая температура в России — минус 5,5° Цельсия. В Финляндии, например, — плюс 1,5°С»** (с. 39). Короче, у нас сплошная жуть, а Финляндия, как видно, очень тёплая страна.

Правда, несколько ниже вдруг выясняется, что **«средняя годовая температура в Москве 3,8°, в Ленинграде 4,3°»** (с. 43). И внимательный читатель может догадаться, что обе российские столицы всё-таки потеплее «средней» Финляндии. А в двух столицах у нас живёт более 1/10 всего населения (по-моему, это уродство, но разговор на данную тему — в другом месте). Да ведь и большинство остальных проживает не в Сибири и не на Севере, а в европейской части начиная с широты Москвы и далее к югу. Однако г-н Паршев продолжает кормить публику страшилками: **«И средняя годовая температура — ещё не всё. Есть ещё такое понятие, как суровость климата — то есть разность летней и зимней температур, да и разность ночной и дневной. Тут мы вне конкуренции. Ведь замерзает-то человек зимой, пусть даже летом у нас и жарко»** (с. 39).

О КОНТИНЕНТАЛЬНОМ И МОРСКОМ КЛИМАТЕ

Вообще-то, в научной литературе выражение «суровость климата» не применяется. Большую разницу летних и зимних, дневных и ночных температур

считают проявлением *континентальности*[1] климата. Понятия морского климата (с малой разницей летних и зимних, дневных и ночных температур) и противоположного ему климата континентального ввёл в науку почти 200 лет назад выдающийся немецкий географ и биолог Александр фон Гумбольдт.

Почти вся Россия и в самом деле страна с континентальным климатом. Вопрос в том, хорошо это или плохо. По г-ну Паршеву, который континентальность даже переименовал в «суровость», выходит, что однозначно плохо. Не будем пока сопоставлять Россию с какими-то иными странами, а сравним между собой два российских региона: Читинскую область с резко континентальным климатом и Камчатскую — с морским.

Средняя годовая температура в Чите минус 2,7°C[2], а в Петропавловске-Камчатском — плюс 1,9 С. Казалось бы, преимущество главного города Камчатки очевидно. Вот ведь г-н Паршев пишет: **«Вообще один градус средней годовой температуры — это на самом деле очень чувствительно»** (с. 43). А тут почти пять градусов разницы!

Но недаром основоположник русской климатологии Александр Иванович Воейков (1842–1916) говорил: «...как мало можно судить о климате страны по одной средней годовой температуре». Зима в Забайкалье намного суровее камчатской. Средняя температура января в Чите — минус 26,6°C, а в Петропавловске — всего минус 8,4°C (теплее Москвы!). Зато лето в Чите, как в Рязани (средняя температура июля 18,8°C), а в Петропавловске — холоднее даже приполярного Салехарда (в июле всего 13,5°C)! А ведь областной центр Камчатки по широте расположен южнее Москвы.

Так какой климат — резко континентальный забайкальский или морской камчатский — благоприятнее для человека? В большинстве случаев при сравнении двух любых территорий ответ на подобный вопрос можно получить, сопоставив плотность населения там и здесь. Для удобства читателей представим данные в табличной форме. Камчатская область взята без Корякского автономного округа, а Читинская — без Агинского Бурятского автономного округа.

Таблица 1.1. Плотность населения Читинской и Камчатской областей

Область	Площадь, тыс. кв. км	Население (всего), тыс. чел. (1998)	Сельское население, тыс. чел. (1998)	Плотность населения, чел. на 1 кв. км
Камчатская	170,8	370	54	2,2
Читинская	412,5	1195	424	2,9

1 Курсив здесь и далее мой. — *И.С.*
2 Здесь и ниже, кроме особо оговорённых случаев, все данные о климате нашей страны приведены по справочнику «Основные данные по климату СССР» (Обнинск, 1976).

Да, населения в обеих областях мало, крайне мало. Плотность его очень низкая. Но Россия — вообще недонаселённая страна; это мы докажем ниже. Тем не менее в Забайкалье густота населения всё-таки повыше. Это особенно заметно при сравнении плотности сельского населения. В Читинской области она составляет 1,0 человека на 1 кв. км, а на Камчатке — лишь 0,3 человека.

Конечно, ничего удивительного тут нет. Равнины и горные долины Читинской области вполне пригодны для земледелия, и лишь в горах оно невозможно. А благоприятность забайкальских степей для животноводства оценили ещё кочевники бронзового века. В средние века в степной части Читинской области было довольно густое кочевое население. И, по некоторым сведениям (оспариваемым современными монгольскими патриотами), именно на юге Читинской области, в 8 км от нынешней российско-монгольской границы, родился Тэмуджин, более известный как Чингис-хан.

Иное дело — Камчатка. Из-за холодного и дождливого лета почти вся её территория непригодна для зерновых и большинства овощных культур. Правда, там есть рыба. И какая — лососёвая! Ительмены, населявшие полуостров до прихода русских, почти одной рыбой и питались. Но этот этнос практически поголовно вымер от эпидемии оспы в 1769 году, а немногие выжившие настолько перемешались с русскими, что теперь ительмены как особая «национальность» существуют в основном лишь в официальных бумагах. А русские одной рыбой питаться не приучены, и оттого вот уже 200 с лишним лет Камчатка сильно зависит от привозного продовольствия.

Но есть на Камчатке район, который всё-таки может обеспечить себя продуктами питания. Как указано в Большой советской энциклопедии (т. 19, с. 553), «наиболее благоприятными климатическими условиями отличается район Камчатской впадины, удалённый от моря и защищённый с запада и востока высокими горными хребтами. Климат здесь, сравнительно с приморскими районами, континентальный, близкий к восточносибирскому. Зима малоснежная, с сильными морозами, лето более жаркое и сухое, а весна более ранняя. Абсолютный минимум температуры достигает –50°С, а максимум — +28°С. В то время как в июне на западном побережье ещё есть снег, в долине р. Камчатки днём бывает +15, +17°С, и цветёт черёмуха. Деревья распускаются в середине или конце мая. Средняя температура января в Мильково составляет –25°, июля — +16°». Вегетационный период в долине реки Камчатки длится 134 дня, что примерно соответствует Москве и больше, чем где-либо на остальном полуострове. В Камчатской впадине выращивают зерновые культуры, и там даже вызревают помидоры!

Простой анализ фактов привёл нас к выводам, противоположным утверждениям г-на Паршева. Оказывается, регион с континентальным климатом может быть благоприятнее для проживания человека по сравнению с регионом, которому свойствен морской климат, даже при более низкой средней годовой

температуре. Следовательно, континентальность (или, как выражается г-н Паршев, «суровость») климата не обязательно должна считаться недостатком. Бояться этой нашей особенности не стоит.

«НЕОБИТАЕМАЯ» КАНАДА

Но, может быть, такие выводы уместны лишь тогда, когда мы сравниваем российские регионы между собой? Что, если г-н Паршев прав, и по сравнению со всем остальным миром Россия просто несопоставимо холоднее? Вот ведь написано в книге «Почему Россия не Америка», что **«климат обитаемой, индустриально развитой части Канады примерно соответствует климату Ростовской области и Краснодарского края, но он более влажный»** (с. 44). Впрочем, а что нам мешает проверить эти слова?

Таблица 1.2. Сравнение климата Канады и юга России

Город, страна	Средняя годовая температура, °С	Средняя температура января, °С	Средняя температура июля, °С
Сочи (Россия)	14,1	5,8	23,2
Новороссийск (Россия)	12,7	2,6	23,7 (август)
Краснодар (Россия)	10,8	–1,8	23,2
Майкоп (Россия)	10,5	–1,7	22,1
Ейск (Россия)	10,1	–3,9	24,2
Тихорецк (Россия)	10,0	–3,8	23,2
Ванкувер (Канада)	9,8	3	18
Сальск (Россия)	9,5	–4,9	23,8
Ростов-на-Дону (Россия)	8,7	–5,7	22,9
Шахты (Россия)	8,0	–6,9	22,5
Торонто (Канада)	7,4	–5	20,5
Миллерово (Россия)	7,1	–8	22
Монреаль (Канада)*	6,9	–8,7	21,6
Галифакс (Канада)	6,6	–5 (февраль)	18
Оттава (Канада)	5,3	–11	20,5
Сент-Джонс (Канада)	5,0	–5,5 (февраль)	16,5 (август)
Квебек (Канада)	3,9	–12,5	19
Эдмонтон (Канада)	2,7	–14,1	17,3
Виннипег (Канада)	1,6	–19,5	19,5
Саскатун (Канада)	0,8	–18,5	18

* См.: Краткий климатический справочник по странам мира. Л.: Гидрометеоиздат, 1984.

Выборка по Канаде вполне представительна. Две самые многолюдные провинции этой страны представлены двумя городами каждая: Онтарио — Торон-

то и Оттавой, Квебек — Монреалем и Квебеком. Шесть остальных канадских городов расположены в шести различных провинциях: Галифакс — в Новой Шотландии, Сент-Джонс — в Ньюфаундленде, Виннипег — в Манитобе, Саскатун — в Саскачеване, Эдмонтон — в Альберте и Ванкувер — в Британской Колумбии. По Ростовской области в таблицу включены города, представляющие её различные районы: Миллерово — север, Шахты — среднюю полосу, Сальск — юго-восток и сам Ростов-на-Дону — юго-запад. Краснодарский край представляют как расположенные на севере Ейск и Тихорецк, так и находящиеся на берегу Чёрного моря Сочи и Новороссийск, а также сам краевой центр. Его местоположение почти совпадает с геометрическим центром края. Добавочно в таблицу включён Майкоп — столица Адыгеи. Эта республика сейчас не входит в состав Краснодарского края, но со всех сторон окружена его территорией. Следовательно, выборка по Краснодарскому краю и Ростовской области тоже вполне представительна.

Итак, мы видим, что климатических аналогов Краснодарского края в Канаде просто нет. Канадцы нередко называют район Ванкувера своими «субтропиками», но никакого сравнения даже с Черноморским побережьем Кавказа (а это всё же крайний север субтропиков!) он не выдерживает. Зима в Ванкувере и вправду как на северной окраине субтропиков, январь даже чуть теплее, чем в Венеции и Новороссийске. Но вот лето заслуживает совсем иных сравнений. Сплошные дожди, пусть и довольно тёплые. Похоже на Прибалтику, а ещё более — на туманный Альбион. Так что прав был Джордж Ванкувер, первый европейский мореплаватель, исследовавший тихоокеанское побережье Канады, который вполне основательно назвал эти края «Новым Альбионом». Город, которому дали имя прославленного капитана, по своему климату действительно очень напоминает Англию, только осадков выпадает ещё больше.

Добавим, что регионы, по климатическим условиям очень близкие к нашей Кубани, в Северной Америке всё-таки есть. Но они расположены в пределах США.

В чём г-н Паршев попал в точку, так это в сравнении Торонто с Ростовской областью. По сравнению с самим Ростовом-на-Дону климат второго по величине канадского города, разумеется, холоднее. Но он действительно сходен с климатом более северных районов области, и верно даже то, что в Торонто выпадает больше осадков. Ведь канадский город расположен на полуострове, с трёх сторон окружённом Великими озёрами. Отсюда и необычно малая для Канады разница между зимними и летними температурами. В большинстве крупных городов Канады эта разница больше, чем, скажем, в Москве, но в Торонто — меньше.

Но как же быть с Монреалем, Оттавой, Квебеком, Виннипегом, Эдмонтоном? Из таблицы 1.2 видно, что все эти города явно холоднее Ростовской об-

ласти, не говоря уж о Краснодарском крае. Одно из двух: либо мы должны отнести все эти города с населением от полумиллиона и больше к «необитаемой» и «индустриально неразвитой» части Канады. Но это звучит как-то неправдоподобно. Ведь тогда Канада превратится в единственное в мире государство с необитаемой столицей (Оттавой) и индустриально неразвитым крупнейшим городом-миллионером (Монреалем). Либо остаётся признать, что гражданин Паршев сврамши.

Вообще, о Канаде г-н Паршев пишет много, да всё невпопад. Например, он утверждает: **«Обитаемая Канада — это вполне Западная Европа, а не Московская область, и, хотя лето там попрохладней, зима в Монреале мягче, чем даже в Польше»** (с. 43). Но нетрудно найти в справочнике соответствующие данные.

Таблица 1.3. Сравнение климата Канады и Польши

Город, страна	Средняя годовая температура, °С	Средняя температура января, °С	Средняя температура июля, °С
Варшава (Польша)	8,0	–2,9	19,0
Монреаль (Канада)	6,9	–8,7	21,6

Таким образом, слова г-на Паршева верны с точностью до наоборот! Лето на юге канадской провинции Квебек заметно жарче, чем в Польше, зато зима гораздо холоднее. Иными словами, Монреаль отличается от Варшавы большей континентальностью климата, или, если пользоваться паршевской терминологией, его большей «суровостью». Конечно, искать климатические аналоги Монреаля в Западной Европе бесполезно — их там нет. Такие аналоги есть в Восточной Европе, а именно в чернозёмной полосе России (например, Белгород). Но об этом г-н Паршев никогда не скажет своим читателям!

А мы отметим, что неспроста потомки французских переселенцев в Канаде очень скоро научились ездить в санях и печь блины. Их предки, галлы, этого никогда не делали, но в новых условиях жизнь заставила!

«ВОТ ТАМ-ТО ПРЯМО РАЙ!»

Источники информации у разбираемого нами автора порой довольно странные. Часть сведений он явно получил от агентства АБС («Адна баба сказала»). Вот характерный образец: **«Как-то раз я встречал знакомых в Шереметьево в середине февраля, привозил им, по их просьбе, тёплую одежду. В Москве было минус 20 градусов, а в Англии столько же, но плюс»** (с. 39).

Но, верно, г-н Паршев запамятовал, откуда летели его знакомые. Английский язык широко распространён в мире, в том числе и в тёплых странах. Его приятели могли лететь из Бомбея или Сиднея. А может быть, и из Майами. Объяснялись они там по-английски, вот г-ну Паршеву и померещилось, что возвращаются из Британии. Но Англия тут явно не подходит. В Лондоне в феврале никогда не отмечали температуру выше плюс 16 градусов, а средняя температура февраля в британской столице — плюс 4,5 градуса. С нашей точки зрения, это не зима, но без тёплой одежды обойтись при такой температуре всё-таки проблематично.

Описывая климат Западной Европы, автор книги «Почему Россия не Америка» не может обойтись без восторженных восклицательных знаков: **«В Западной Европе тёплый ветер дует всегда, поэтому к тому же (внимание, садоводы и огородники) не бывает заморозков (!!!)»** (с. 40).

Что-то это напоминает, не так ли? Что-то знакомое с детства Ну конечно, это же дедушка Крылов!

Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть, и князь),
С приятелем своим пешком гуляя в поле,
Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счёту прилыгал.
«Нет, — говорит, — что я видал,
Того уж не увижу боле.
Что здесь у вас за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце спрячется, то светит слишком ярко.
Вот там-то прямо рай!
И вспомнишь, так душе отрада!
Ни шуб, ни свеч совсем не надо:
Не знаешь век, что есть ночная тень,
И круглый божий год всё видишь майский день.
Никто там не садит, ни сеет:
А если б посмотрел, что там растёт и зреет!
Вот в Риме, например, я видел огурец:
Ах, мой творец!
И по сию не вспомнюсь пору!
Поверишь ли? ну, право, был он с гору».

А о том, бывают ли в Западной Европе заморозки, полезно осведомиться у самих западных европейцев. Вот г-н Паршев цитирует книгу англичанина Х. Бейкера «Плодовые культуры» (ссылка на неё есть на с. 46), а на самом де-

ле едва ли её читал. Потому что не мог бы не заметить таких рассуждений британского плодовода: «Весенние заморозки наносят плодовым культурам заметно больший ущерб, чем даже продолжительные зимние холода. В состоянии покоя растения способны выдержать низкие температуры, но от внезапных весенних заморозков могут погибнуть почки, цветки и молодые побеги.

Чувствительность растения к низким температурам зависит от степени распускания почек — чем дальше продвинулось развитие почки, тем больше опасность. Возьмём для примера яблоню: распустившаяся цветковая почка гибнет при –3,5°С, для бутонов губительны –3°С, распустившиеся бутоны не выдерживают –2°С, на стадии опадения лепестков роковыми оказываются –1,5°С, завязи же убивает температура –1°С.

В местностях, подверженным заморозкам, следует по возможности выбирать поздно- и долгоцветущие сорта, а также сорта с заведомо выносливыми цветками. Малина и ежевика цветут относительно поздно, а потому заморозки им обычно не страшны. Чёрная смородина крайне чувствительна к заморозкам; лишь немногим уступают ей в этом отношении красная смородина и крыжовник. Земляника нередко страдает от заморозков на почве, но поскольку период цветения у неё долгий, полной потери урожая можно практически не опасаться»[1].

И далее, на с. 16–17 своей книги, мистер Бейкер подробно говорит о методах борьбы с заморозками. Они те же, что и рекомендуемые отечественными специалистами.

Понятно, что если угроза заморозков серьёзна в окружённой незамерзающими морями Англии, то на севере континентальной Западной Европы дело обстоит не лучше. Ещё А.И. Воейков писал: «И действительно, с апреля по июль опасность от ночных заморозков не менее в Швеции, чем в России под теми же широтами»[2]. То же можно сказать о Финляндии.

Но, как это ни удивительно, проблема весенних заморозков во всей остроте стоит и перед садоводами такой по-настоящему тёплой страны, как Италия. На Апеннинах одной из ведущих плодовых культур является апельсин. Он пробуждается очень рано, в феврале, и рискует попасть под заморозки. Ведь в этом месяце и в Италии возможно падение температуры до 6° мороза. Но итальянские плодоводы научились преодолевать подобные трудности. Они борются с заморозками при помощи дождевания. Стоит это очень недёшево, но будущий урожай удаётся спасти.

Мы уже убедились, что принимать на веру слова г-на Паршева не стоит. По отношению к нему недостаточна даже замечательная русская поговорка: «До-

---

1 Бейкер Х. Плодовые культуры/ пер. с англ. И. Гуровой; под ред. Ф.А. Волкова. М.: Мир, 1986. С. 12–13.

2 Воейков А.И. Климаты земного шара, в особенности России// Избр. соч. / под ред. акад. А.А. Григорьева. 2-е изд. (печатается по 1-му русскому изданию 1884 г. с дополнениями из немецкого издания 1887 г.). Т. 1. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1948.

веряй, но проверяй». Если вы слышите или читаете, что в Риме огурец бывает с гору, то как можно доверять тому, кто пытается нас в этом убедить?

Поэтому сразу же проверим следующее изречение г-на Паршева: **«А по нашим понятиям, Хоккайдо — субтропики»** (с. 82). Тут, во-первых, интересно притяжательное местоимение «нашим». Кто эти самые «мы»? По-видимому, те, кто руководствуется «*понятиями*». Причём г-н Паршев недвусмысленно включает себя в число таковых.

Во-вторых, самобытен тезис: «Хоккайдо — субтропики». На этом японском острове снег лежит несколько месяцев (на гористом острове число дней со снежным покровом сильно колеблется в зависимости от высоты над уровнем моря). Зима там по сравнению с большинством российских регионов отнюдь не суровая. Средняя температура января изменяется от –3,5°С в портовом городе Хакодате на юге острова до –10°С в горах центральной части. Но снега как раз выпадает очень много! Следовательно, по «понятиям» г-на Паршева и его корешей, характерная особенность субтропиков — многомесячный снежный покров. Пожалуй, такие «понятия» стоит взять на вооружение известной «оранжевой» партии «Субтропическая Россия». Провозглашённая этой партией цель — превращение России в субтропическую страну — окажется в этом случае легко достижимой. Достаточно просто узаконить паршевские «понятия» (а в России закон нередко приводят в соответствие с понятиями) — и дело в шляпе.

Можем сделать предварительное заключение: труд г-на Паршева не имеет никакого отношения к науке. Его нельзя также причислить к публицистике, поскольку хорошая публицистика требует не меньшей честности и добросовестности, чем научная работа. Следовательно, этот трактат необходимо отнести к сфере идеологии. Вот там ложь не только допускается, но, по существу, даже неизбежна.

ВЗГЛЯД С ЕЛИСЕЙСКИХ ПОЛЕЙ

Неприязнь автора книги «Почему Россия не Америка» к Западу совершенно очевидна. Причём она в равной степени распространяется и на Америку, и на Западную Европу. Однако это не мешает г-ну Паршеву время от времени ссылаться то на какие-то неназванные западные источники (да существуют ли они?), то на западных знаменитостей. Так, по словам Паршева, французский географ позапрошлого века Элизе Реклю **«назвал "эффективной" территорию, которая находится ниже 2000 м высоты и с температурой выше минус 2 градусов Цельсия. Считается, да и весь опыт человечества это подтверждает, что лишь на эффективной территории возможна относительно нормальная человеческая деятельность»** (с. 42).

Так и видишь Елисея Реклю, фланирующего во фраке и цилиндре по Елисейским Полям и взирающего на мир исключительно со своей любимой кочки на этих Полях! А с той кочки видно недалеко. Всё, что выше 2000 м, вообще не просматривается! Например, один из крупнейших городов мира — 20-миллионный Мехико, расположенный на высоте 2240 м, — оттуда незаметен. Если всерьёз относиться к теории Реклю — Паршева, то нельзя не прийти к выводу, что в Мехико живут одни ненормальные. Эдакий величайший в мире сумасшедший дом!

Но нас больше интересует вторая часть тезиса Реклю, одобренного Паршевым: о невозможности «нормальной человеческой деятельности» там, где средняя годовая температура ниже минус 2°С. Ведь это имеет прямое отношение к нашей стране, точнее, к её азиатской части. В европейской-то части России для перечисления городов, где средняя годовая температура ниже –2°С, хватит пальцев одной руки: Воркута, Инта, Печора, Усинск, Нарьян-Мар — и, кажется, всё. Остальная европейская территория России даже по оценке Реклю — Паршева должна считаться «эффективной».

Другое дело — Сибирь и отчасти Дальний Восток. Там немало городов, посёлков и деревень, расположенных на «неэффективной» территории. Это не только Салехард, Сургут, Норильск, Мирный, Якутск, Анадырь, Магадан, но и Братск, Илимск, Чита, Николаевск-на-Амуре. То, что многие из перечисленных городов лежат в действительно очень тяжёлых природно-климатических условиях, — неоспоримый факт. Некоторые из них являются лишь центрами добычи полезных ископаемых, да и то эксплуатация месторождений началась в условиях сталинского деспотизма и потребовала огромных человеческих жертв. Кажется, в наше время все знают, что подлинными основателями и первостроителями Воркуты, Норильска и Магадана были зэки и что из тех зэков до выхода на волю дожили очень немногие

(Кстати, вот загадка: почему новые города, основанные при сталинском режиме, получали совершенно «безыдейные» названия? Ведь этим городам как раз подошли бы имена Сталинград, Калинин, Молотов, Ворошиловград и т.д. Но нет! Сталинская шайка предпочитала переименовывать в честь себя, любимых, старые, основанные задолго до большевиков города. Почему? У меня одно-единственное объяснение: в глубине души даже пахан Сталин и его сообщники понимали, что использование в широчайших масштабах рабского труда зэков — преступление и позор.)

Но вся ли наша «неэффективная» территория столь трудна для жизни? Безусловно нет! Природные условия Читинской области мы уже разбирали. Хоть зима там суровая, но жить вполне можно. Между прочим, одним из дополнительных доказательств того, что Забайкалье — не Воркута и не Магадан, является тот исторический факт, что в 1918–1921 годах там шла полномасштабная гражданская война. Воевали казаки и «семейские». Казаки, имевшие не-

мало льгот и привилегий при царском правительстве, сражались за белых. «Семейские» — старообрядцы, потомки ссыльных времён Екатерины Второй, которых на протяжении многих поколений преследовали цари и господствующая церковь, — встали на сторону красных. В самой гражданской войне, конечно, нет ничего хорошего, это страшное бедствие. Но ведь воевали-то обе стороны за землю! А значит, она того стоит.

И разве так уж непригодны для «нормальной человеческой деятельности» Братск и Илимск? Энергоресурсов — вдосталь, и притом их источник — река, а не обречённые на исчерпание газ или уголь. А пригодность этих мест для земледелия доказана ещё в XVII веке. Об этом подробно рассказано в замечательной, но, к сожалению, мало кому известной книге В.Н. Шерстобоева «Илимская пашня»[1].

Автор очень тщательно изучил архивы Илимского воеводства. Эта давно упразднённая административная единица охватывала земли по среднему течению Ангары, её крупному притоку Илиму и верхнему течению Лены. По современному административному делению это северные (кроме крайнего севера и северо-востока) и центральные районы Иркутской области, за исключением бывшей Кежемской волости, отошедшей к Красноярскому краю. В Илимском воеводстве и сейчас климат далеко не жаркий. Он намного холоднее не только по сравнению со средней полосой России, но и с такими райскими уголками Сибири, как село Шушенское («сибирские субтропики», самое тёплое место во всей Сибири, куда по блату отправили в ссылку генеральского сынка Ульянова). В XVII–XVIII веках, в разгар «малого ледникового периода», на Ангаре, Илиме и верхней Лене (как и повсюду в высоких широтах Северного полушария), было заметно холоднее, чем сегодня. Тем не менее русские поселенцы быстро освоили этот район и превратили его в важнейший центр земледелия во всей Восточной Сибири.

В горно-таёжной местности для земледелия подходит далеко не вся территория, а лишь некоторые участки. Исключаются горы, на которых почти нет почвы, заболоченные места, а также приречные луга. Луга вдоль рек крестьяне поначалу старались распахивать, но скоро убедились, насколько это ненадёжно и опасно. Во-первых, посевы часто погибали во время половодья (как известно, недавно паводок на Лене снёс современный город Ленск), а во-вторых, на низменных участках возрастала угроза поздних весенних и ранних осенних заморозков. Плохи для земледелия и песчаные почвы, в которых почти нет питательных веществ. Поскольку удобные для распашки земли встречались редко, русские крестьяне в Илимском воеводстве обычно селились хуторами в 1–3 двора. Крупные деревни составляли исключение, да и крупными

[1] См.: Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства 17 и начала 18 века. Иркутск: Иркутское областное государственное издательство, 1949.

их могли считать лишь по сибирским меркам: не больше 25–27 дворов. Но, пожалуй, оно и к лучшему: не только бар в Сибири не было, но и чиновники крестьянам не очень докучали, поскольку редко до них доезжали.

По теории Реклю — Паршева территория бывшего Илимского воеводства самая что ни на есть неэффективная: в Братске средняя годовая температура минус 2,3°С, в Илимске — минус 3,6°С. В XVII–XVIII веках климат был ещё холоднее. Но вот русские крестьяне про ту теорию не знали и вели хозяйство, руководствуясь опытом, умением и здравым смыслом. Поскольку большинство из них переселилось в Сибирь с Русского Севера, природные условия тайги для них были привычными. И неплохо получалось: в петровское время урожайность зерновых в Илимском воеводстве составляла в пересчёте на современные единицы измерения 9–10 ц/га. Как известно, 200 лет спустя, на рубеже XIX–XX веков, в европейской части России средняя урожайность была несколько ниже. И Канада 100 лет тому назад уступала по урожайности Российской империи, там редко встречались урожаи выше 6 ц/га. А ведь и европейская часть России, и земледельческие районы Канады имеют плюсовую среднегодовую температуру!

Но зачем ограничиваться воспоминаниями о делах столетней давности? В наше время урожаи зерновых в 9–10 ц/га типичны для таких областей европейской части России, как Ивановская и Ярославская. Читатель может свериться с климатической картой и убедиться, что там среднегодовая температура на 5–6° выше, чем в бывшем Илимском воеводстве! При этом не следует забывать, что сибирские крестьяне XVII–XVIII веков были вооружены лишь сохами, боронами, серпами да косами, а словосочетание «лошадиная сила» тогда могло пониматься только буквально.

И ведь пашенные крестьяне Илимского воеводства кормили не только себя и малочисленное неземледельческое население острогов (настоящих городов в Илимском воеводстве в ту пору не существовало). Они ещё сдавали часть зерна (в среднем около 1/5 части урожая) государству, так сказать, в закрома Родины. Этим хлебом питались служилые люди и казаки Якутского воеводства, а позднее и Камчатки. И участники обеих Камчатских экспедиций В. Беринга тоже ели хлеб, выращенный в Илимском воеводстве.

Но мы слишком увлеклись оценкой пригодности той или иной земли для сельского хозяйства. Конечно, для того чтобы в данной местности жило по-настоящему оседлое, устойчивое население, территория должна обеспечивать его пропитание — если не полностью, то хотя бы в основном и главном. Но такой вид деятельности, как добыча полезных ископаемых, вполне возможен и за пределами проживания устойчивого населения. Нефть в наши дни и со дна моря качают!

Известно, что наибольшую часть российского экспорта составляет сырьё. О том, чем это обусловлено, мы поговорим позже. Здесь нас интересует только

вклад северных регионов в российский валовой внутренний продукт, экспорт и федеральный бюджет. Как ни странно, точные статистические данные о роли различных регионов найти не просто. Мне в этом очень помог известный российский экономист В.Ф. Галецкий, за что я выражаю ему глубокую благодарность.

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО?

Перед нами официальные статистические данные о производстве валового регионального продукта по субъектам Российской Федерации. (Под «субъектами» здесь подразумеваются не Лужков, Шаймиев, Рахимов, Хлопонин, Абрамович и др. — хотя знать их реальные доходы было бы тоже интересно, — а регионы.) Надо учесть, что статистики почему-то выделяют не 89 регионов, а всего 79. Девять из 10 автономных округов, кроме Чукотского, объединены с краями и областями, в состав которых они входили в советское время. А по Чечне официальных данных вообще нет. То есть российская государственная власть признаёт экономику Чечни вовсе не существующей.

С регионами у нас получается, как с отдельными гражданами. Четыре пятых из них беднее, чем Россия в среднем, и лишь одна пятая часть превосходит средний уровень. Данные о валовом региональном продукте на душу населения по 16 сравнительно зажиточным регионам за 2000 год представлены в таблице 1.4.

Таблица 1.4. Валовой региональный продукт на душу населения в 2000 г. Зажиточные регионы

№ п/п	Регион	ВРП на душу населения, руб.
1	Тюменская обл.	191 412,1
2	Москва	155 543,0
3	Респ. Саха (Якутия)	84 010,8
4	Красноярский край	71 730,0
5	Респ. Коми	64 068,4
6	Сахалинская обл.	61 207,9
7	Мурманская обл.	59 746,7
8	Чукотский авт. окр.	58 519,6
9	Магаданская обл.	55 480,2
10	Респ. Татарстан	53 694,5
11	Вологодская обл.	51 856,7
12	Камчатская обл.	48 189,7
13	Самарская обл.	47 339,3
14	Хабаровский край	45 424,2
15	Пермская обл.	44 423,8
16	С.-Петербург	43 914,0
В среднем по России		43 305,9

Таблица многим покажется странной, но такова наша официальная статистика. Конечно, безоглядно доверять ей не стоит. Статистика не включает теневую экономику, а последняя по величине сопоставима с официальной. Но всё же очевидно, что «прозрачная» экономика России сосредоточена в основном на Севере.

Основных исключений из этого правила три: Москва, Татарстан и Самарская область. Однако эти исключения — кажущиеся. Валовой региональный продукт Москвы — дутая величина, он в очень большой мере складывается из доходов сырьевых компаний. Хотя они и базируются в столице, но сырьё добывают за тысячи километров от неё. Татарстан в период «парада суверенитетов» выбил себе особый налоговый статус и платит в федеральный бюджет раза в три меньше налогов, чем остальные российские регионы. На этих-то льготах и основано шаймиевское «экономическое чудо». Наконец, в Самарской области ещё в советское время отгрохали крупнейший в России автозавод. Главным образом благодаря ему валовой региональный продукт Самарской области и выглядит довольно прилично на грустном общероссийском фоне.

А теперь для сравнения таблица, в которую включены данные по 15 беднейшим российским регионам. Все они более чем в 2 раза беднее России в среднем.

Таблица 1.5. Валовой региональный продукт на душу населения в 2000 г. Беднейшие регионы

№ п/п	Регион	ВРП на душу населения, руб.
65	Респ. Алтай	19 625,4
66	Еврейская авт. обл.	19 282,2
67	Чувашская Респ.	18 602,9
68	Алтайский край	18 391,3
69	Курганская обл.	18 245,8
70	Брянская обл.	18 212,7
71	Пензенская обл.	17 960,7
72	Респ. Северная Осетия – Алания	17 289,5
73	Респ. Марий Эл	15 668,6
74	Ивановская обл.	14 885,4
75	Карачаево-Черкесская Респ.	13 353,4
76	Респ. Адыгея	12 980,2
77	Респ. Ингушетия	12 689,6
78	Респ. Тыва	12 080,6
79	Респ. Дагестан	9 885,0

Здесь мы наблюдаем обратную картину. В числе восьми самых бедных регионов пять северокавказских республик, где достаточно тепло. Конечно, там

есть и высокогорные районы, но они малолюдны. Основная часть населения этих республик проживает в нижнем поясе гор и на «плоскости» (равнине). Далее, в списке 15 беднейших Брянская область — едва ли не самый тёплый регион среди исконно русских земель. В Сибири самыми бедными являются земли, вытянувшиеся возле её южной кромки: Алтайский край, Республика Алтай и Тува. На Дальнем Востоке беднейшей оказалась Еврейская автономная область, расположенная отнюдь не в экстремальных природных условиях. Но валовой продукт на душу населения там втрое ниже, чем в Чукотском автономном округе, хотя последний и находится в тундре. Недаром известный еврей-оленевод Р. Абрамович предпочёл занять пост губернатора Чукотки, а не Еврейской автономной области!

Безусловно, мы обязаны сделать существенную поправку на уровень цен. Цены на продукты питания на Севере намного выше, чем на Юге. Эта разница бывает многократной. Так что было бы большой ошибкой думать, что между самыми богатыми и наиболее бедными российскими регионами существуют 12–20-кратные различия в уровне жизни. Разрыв в самом деле велик, но не до такой степени.

Необходима и ещё одна важная оговорка. Быть бедным на Севере гораздо тяжелее и мучительнее, чем на Юге. Не только в северокавказских республиках, но и в Брянской и Пензенской областях можно даже при почти полном отсутствии официальных денежных доходов кое-как прожить за счёт овощей, плодов и ягод с приусадебного участка (при условии, что он превышает пресловутые шесть соток). Причём та часть плодов и овощей, которую сама же семья и съедает, ни в какие исчисления ВВП попасть не может. Её просто нельзя достоверно учесть.

На Севере бедным приходится много хуже. Уже в Ивановской и Курганской областях прожить за счёт приусадебного участка заметно сложнее. Картошка, капуста, многие другие овощи и ягодники и там хорошо растут, но набор традиционных плодовых культур уже в значительной степени ограничен, да и томаты с огурцами можно вырастить только в теплице. А на Чукотке, в Магаданской области, в большинстве районов Камчатки жить за счёт приусадебного участка вообще невозможно. Между тем бедных и там более чем достаточно, несмотря на внешне благополучные официальные цифры валового регионального продукта на душу населения. И, разумеется, на Севере любые перебои с отоплением и светом переносятся куда тяжелее, чем на Кавказе.

Но при всех этих оговорках совершенно ясно, что и современный российский экспорт, и федеральный бюджет последних лет держатся за счёт сырья, добываемого на «неэффективной» территории. Особенно показательны данные по самому зажиточному российскому региону — Тюменской области. В 2000 году её валовой региональный продукт составлял 618 031,5 млн

руб., из которых на долю Ханты-Мансийского автономного округа приходилось 440 884,2 млн руб. (71,3%), на Ямало-Ненецкий автономный округ — 127 907,6 млн руб. (20,7%), а на юг Тюменской области — всего 49 239,7 млн руб. (8%). А ведь на юге Тюменской области сосредоточено почти всё сельское хозяйство (кроме оленеводства) и почти вся обрабатывающая промышленность! И только эта часть области относится к «эффективным» территориям по терминологии Реклю — Паршева. Весь Ямало-Ненецкий округ и львиная доля Ханты-Мансийского округа имеют среднегодовую температуру ниже –2°С.

Если экономика возглавляющей список по валовому продукту на душу населения Тюменской области держится на сургутской и нижневартовской нефти и уренгойском газе, то в Красноярском крае (4-е место в списке) главным источником доходов служат норильские никель и платина. Это очень наглядно проявилось в 2001–2002 годах. Когда генерал Лебедь окончательно рассорился с Кремлём, компания «Норильский никель» перестала платить налоги в краевой бюджет. Бюджет тут же развалился, зарплату бюджетникам не выплачивали месяцами. Федеральная власть, конечно, не вмешивалась, ибо как неуплата краевых налогов, так и многомесячная задолженность по зарплате путинской «диктатуре закона» никоим образом не противоречат. Затем Лебедь очень вовремя разбился в авиакатастрофе, были назначены досрочные губернаторские выборы, и победу на них одержал один из руководителей «Норильского никеля» г-н Хлопонин. Что ж, красноярцев можно понять: жить без зарплаты действительно невесело.

В общем, получается парадокс: в России «неэффективная» территория в экономическом отношении очень эффективна, а «эффективная» территория на удивление неэффективна! Правда, только первое из этих явлений можно считать закономерным. Второе — это уродство, и в здоровой стране со здоровой экономикой такого быть не должно. Но — увы! — мы живём в больном государстве с больной экономикой. Ругать же нашу «неэффективную» территорию — огромные просторы Сибири и Дальнего Востока — право, нелепо. Сейчас именно эта территория и работающее там население являются главной опорой российской экономики.

А ТАК ЛИ СТРАШЕН КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ КЛИМАТ?

Мы успели убедиться, что стенания г-на Паршева об ужасно холодном российском климате, по крайней мере, сильно преувеличены. Столь же сильно преувеличены его утверждения, будто «обитаемая Канада — это вполне Западная Европа», в Западной Европе якобы «тёплый ветер дует всегда», а Хоккайдо — «субтропики». Но нам надо получить ответ на принципиальный воп-

рос: так ли плох наш континентальный климат? И здесь мы снова обратимся к работам замечательного русского учёного А.И. Воейкова.

В своём классическом труде «Климаты земного шара, в особенности России» Воейков обращает внимание на своеобразие чисто морского климата Исландии: «Исландия по своему климату и положению стоит одиноко в Европе... здесь преобладают восточные и северо-восточные ветры. Но, однако, зима не холодна, так как эти ветры проходят по открытому морю. Зато лето прохладно, и земледелие невозможно... В Исландии уже совсем отсутствуют тёплые летние дни, только на юго-западе раз наблюдали температуру 20,8°... Исландия представляет один из примеров того, как мало можно судить о климате страны по одной средней температуре года. Ещё в Стиккисхольме, на севере острова, она 2,8°, то есть та же, что в Казани, и значительно выше, чем во всей Сибири. Между тем, в Исландии даже ячмень не дозревает, а в южной полосе Сибири хорошо растут пшеница и арбузы»[1].

Не будем сравнивать Исландию с Сибирью, всё-таки разница средних годовых температур значительна. Но почему бы не сопоставить островное государство с Татарстаном?

Таблица 1.6. Средние температуры в Казани и Рейкъявике

Город, страна	Средняя годовая температура, °С	Средняя температура января, °С	Средняя температура июля, °С
Казань (Россия)	3,6	–12,8	20,0
Рейкъявик (Исландия)	5,0	–0,2	11,4

Из таблицы видно, что в столице Исландии средняя годовая температура на целых 1,4°С выше, чем в Казани. Мы помним, что, по мнению г-на Паршева, **«один градус средней годовой температуры — это на самом деле очень чувствительно»** (с. 43). Следовательно, по теории Паршева, климат Исландии надо предпочесть климату Татарстана.

Мы ещё больше убеждаемся в этом, сравнив разницу летних и зимних температур. В Казани она составляет 32,8°, а в Рейкъявике — всего 11,6°. По теории Паршева, в первом из названных городов климат очень суровый, а во втором — просто благодать! Хотя... Вдумаемся в цифры. Если температура самого тёплого месяца всего 11,4°С, значит, лета как такового просто нет!

[1] Воейков А.И. Указ. соч. С. 505.

Таблица 1.7. Сравнение Исландии и Татарстана по площади, численности и плотности населения

Страна, регион	Площадь, тыс. кв. км	Население, тыс. чел.	Плотность населения, чел. на кв. км
Исландия	103	281*	2,7
Татарстан	68	3778**	55,6

* См.: Global Population Policy, Datebase. 1999.

** См.: АПК России в 1998 году. М., 1999.

Анализируя таблицу 1.7, в который раз убеждаемся, что утверждения г-на Паршева, скажем мягко, не соответствуют действительности. Мы видим, что в условиях континентального климата плотность населения в 20 раз выше даже при несколько более низкой средней годовой температуре. Выходит, что континентальный климат не так уж плох!

А может ли, если задуматься, быть по-другому? Ведь в Исландии нет настоящих лесов (только местами растут малорослые деревья), не вызревают зерновые хлеба, и лишь небольшая часть острова пригодна для выращивания картофеля и овощей в открытом грунте. Правда, тепличное овощеводство исландцы наладили и с успехом выращивают даже ананасы. Но это заслуга человека, а не климата. В Исландии научились использовать геотермальную энергию — подземное тепло Земли, которого на вулканическом острове хватает. У нас на Камчатке возможностей для этого не меньше, а результат... Ну, слова из песни «на Камчатке замерзают города» все слышали. Причём власть и в центре, и на самом полуострове в последние годы сменилась, а эти слова по-прежнему остаются злободневными.

Но в целом для растениеводства климат островного государства почти непригоден. Выручают исландцев животноводство (которое, впрочем, возможно лишь в приморской полосе, занимающей не более 2/5 площади острова) и рыболовство.

Совсем другое дело — Татарстан. Здесь земледельческая культура (названная «именьковской» по деревне, возле которой археологи впервые раскопали её памятники) прослеживается по крайней мере с IV века н.э. Язык и этническая принадлежность «именьковцев» неизвестны. На этот счет существует не менее четырёх гипотез, по одной из версий (кажется, наименее вероятной), это могла быть даже отколовшаяся ветвь праславян. Однако точно известно, что этот загадочный народ состоял из хороших земледельцев. Дальнейшая судьба «именьковцев» также покрыта мраком. Очевидно, какая-то их часть осталась на месте и перемешалась с пришедшими в этот край в VII–VIII веках тюрками-булгарами, передав им свои земледельческие навыки и знания. Это и позволило булгарам едва ли не первыми среди тюрков перейти на оседлость и создать блестящую (по средневековым меркам) цивилизацию.

В X веке Булгарский эмират явно опережал по уровню развития Киевскую Русь. Об этом красноречиво свидетельствуют сохранённые русской летописью слова воеводы Добрыни, сказанные им своему племяннику князю Владимиру после сражения с булгарами, в котором русские захватили известное число пленных: «Такие не будут нам давать дани: они все в сапогах; пойдём искать лапотников»[1]. (В скобках заметим, что само слово «сапог» в русском языке тюркского происхождения.)

И удивляться тут особенно нечему. Ещё в начале X века, по сообщению участника арабского посольства к булгарам Ахмеда Ибн Фадлана, в Среднем Поволжье получали хорошие урожаи проса, пшеницы и ячменя. При этом процветало и традиционное для тюркских народов скотоводство, особенно разведение коров и лошадей. Сельское население Волжско-Камской Булгарии могло прокормить не только себя и жителей многолюдных (для средних веков) торгово-ремесленных городов — Биляра, Булгара (Бряхимова), Сувара и др. Эти города вели обширную торговлю, поставляя в южные мусульманские страны пушнину, а на север — разные ремесленные товары. В те периоды, когда эмират поддерживал мирные отношения с русскими князьями (бывали и войны, но не чаще, чем между русскими удельными княжествами), булгары иногда оказывали русским продовольственную помощь! Так, во время голода в Северной Руси в 1229 году булгарский эмир послал владимирскому князю Юрию Всеволодовичу 30 насадов (кораблей) с зерном.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Она необходима в первую очередь потому, что многие из нас о происхождении двух крупнейших неславянских этносов России — поволжских татар и чувашей — либо ничего не знают, либо имеют об этом превратные представления. Поволжских татар иные до сих пор считают потомками тех «монголо-татар», которые во главе с ханом Бату (Батыем) разгромили в 1237–1240 годах Северо-Восточную и Южную Русь, истребив большинство городского и неизвестно какую часть сельского населения. Такие люди ничего не знают о катастрофе Волжской Булгарии, предшествовавшей катастрофе Руси. В 1236 году монгольское войско захватило и сожгло булгарскую столицу Биляр, причём, видимо, все жители этого крупного города либо погибли, либо были уведены в рабство. Во всяком случае, Биляр, подобно Старой Рязани, уже никогда не возродился.

---

1 Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Т. 1. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. С. 189.

Несомненно, что основными предками поволжских татар являются как раз булгары. В XIV–XV веках они частично перемешались со степняками-кочевниками, которые в условиях иссушения степей и обусловленного им развала Золотой Орды расселялись к северу и там переходили на оседлость. Но вклад кочевников-золотоордынцев в формирование поволжских татар был едва ли большим, чем их же вклад в формирование русского дворянства и донского казачества.

О прошлом чувашей ничего не слыхало не только большинство русских, но и многие из самих чувашей. Таково наше школьное образование! Между тем именно чуваши сохранили булгарский язык — конечно, в изменённом виде. У поволжских татар этот язык был вытеснен кыпчакским (половецким). Основные предки чувашей — сувары, или сувазы, одно из четырех племён в составе средневековых булгар. В отличие от остальных булгар сувары в большинстве своем так и не приняли ислам, навязывание которого вызвало у них противодействие. Отсюда русофильская ориентация некоторых суварских князей ещё во времена Владимира Красное Солнышко. Впоследствии сувары смешались с соседними финноязычными народами (марийцами, мордвой) и сблизились с ними в культурном отношении.

Но всё это было давно. А как же современный Татарстан?

ВЕРНЁМСЯ К СОВРЕМЕННОСТИ

В 2003 году в республике был получен средний урожай зерновых в 34 ц/га. При этом некоторые хозяйства собрали с гектара и по 70, и по 80 центнеров. Очевидно, такие урожаи в условиях Татарстана должны стать нормой. В Западной Европе на той же широте подобную среднюю урожайность имеют Великобритания и Швеция. А там всё-таки природные условия менее благоприятные, чем в Татарстане: и летнего тепла меньше (в этом отношении страны с континентальным климатом всегда имеют преимущество над странами с морским климатом), и чернозёмов нет. В Татарстане же встречаются отличные чернозёмы. Да и животноводство в этой республике на неплохом уровне. Во многих хозяйствах надои от коровы достигают 5–7 тысяч литров в год. В среднем ни по Советскому Союзу, ни по России таких удоев никогда не бывало.

Напрашивается вывод: у нас нет оснований жаловаться на континентальность климата. Будь он мористее, наподобие Исландии, в нечернозёмной полосе европейской части России смогло бы жить не более 12–15 млн человек. А сейчас только в Москве и ближнем Подмосковье живёт как раз столько! Что же касается Сибири, то там при той же средней годовой температуре и менее континентальном климате плотность населения наверняка бы упала до уровня свободной ото льда части Гренландии (0,3 человека на кв. км). То есть вместо

нынешних 30 с лишним миллионов в Сибири и на Дальнем Востоке жило бы около трех миллионов человек. Другое дело, что всё сказанное выше в сослагательном наклонении, безусловно, невозможно. Наш континентальный климат обусловлен как раз огромной площадью России и шире — материка Евразии. В высоких широтах нашего крупнейшего на планете материка не только зима холоднее, чем где-либо на Земле (кроме Антарктиды), но и лето довольно жаркое.

Характерный пример — Центральная Якутия. По средней годовой температуре (минус 10,3°С) Якутск похож на необитаемые арктические острова, например на Северный остров Новой Земли. Но средняя температура июля в столице Якутии 18,7 С — выше, чем в Москве! Поэтому в Центральной Якутии и лес растёт — а вот Фарерские острова в Западной Европе, расположенные на той же широте, безлесны. Под Якутском можно выращивать рожь и ряд овощных культур. А то, что остепнённые луга Центральной Якутии вполне пригодны для выпаса коров и лошадей, предки современных якутов установили ещё за несколько веков до прихода русских. Так что и Центральная Якутия, где зима действительно исключительно суровая (в январе –43,2°С), а разница летних и зимних температур едва ли не рекордная (61,9°С), подходит для проживания устойчивого населения, а не только каких-нибудь вахтовиков.

Разумеется, проблема отопления зимой для всей России — одна из наиболее серьёзных. Но она вполне разрешима, и притом сжигание невосполнимых запасов ископаемого топлива отнюдь не является ни единственным, ни лучшим её решением. Однако об этом мы поговорим в другом месте.

ЧЕМ ЖАРЧЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ?

А вот ещё одно великое открытие г-на Паршева в области климатологии и заодно медицины. **«Но разница температур ещё не даёт полной картины: жара не холод,** — утверждает автор книги «Почему Россия не Америка». — **Плюс 50° человек может выносить довольно долго, а переохладиться и умереть можно и при +10°!»** (с. 48).

Интересная мысль! Если ходить голым, то, наверно, и в самом деле можно переохладиться и умереть и при +10°С. Но, к сведению г-на Паршева, населяющие Россию народы всё же имеют давний обычай носить одежду и обувь. Так что нашим соотечественникам ничто подобное не угрожает.

А вот утверждение, что человек может долго выносить температуру +50°С, могло не вызвать возражений у российских читателей лишь по одной причине: у нас таких температур, к счастью, не бывает. Но есть на земном шаре места, где подобная жара не редкость. Пример — Сахара. Чтобы понять, как там чувствует себя человек, предоставим слово известному немецкому исследова-

телю Африки Хайнриху Барту. В 1850 году он с караваном пересекал Сахару и решил в одиночку осмотреть развалины старинной крепости. И вот что из этого вышло: «Я поднимался вверх, пока не дошёл до большого ущелья... Так как я очень устал, то такое разочаровывающее препятствие едва не обезоружило меня, и потребовалась вся сила воли, чтобы спуститься и вновь подняться на другой стороне пропасти... Я спустился в голое ущелье, надеясь отыскать колодец. Было очень жарко, и так как мне нестерпимо хотелось пить, то я сразу выпил остававшийся ещё у меня небольшой запас воды. Это было примерно в полдень. Наконец я добрался до широкой равнинной подошвы горы, чтобы передохнуть. Напрасно осматривался я по сторонам. Подавая сигнал, я выстрелил из пистолета. Но ответа не последовало. Вдруг с невыразимой радостью я увидел в некотором отдалении маленькие круглые хижины. В восторге я бросился к ним, но хижины оказались заброшенными. Ни живого существа, ни капли воды. Теперь силы окончательно оставили меня. На одно мгновение мне почудилось, будто вдали проходит караван верблюдов. Но видение было обманчиво. Ничто так не полно обманчивых видений, как нагретые палящим солнцем равнины и просторы пустыни. Это издавна известно опытным арабам, и выражают они свои чувства тем, что населяют пустыню духами, смущающими одинокого путника и уводящими его в сторону. Я снова поднялся, чтобы осмотреться, но был уже так слаб, что едва держался на ногах...

<...> Но на следующее утро моё состояние стало ещё более невыносимым. Я ползал, каждую минуту меняя положение, чтобы использовать слабую тень какого-то оголённого, без листьев, дерева. В полдень исчезла и эта последняя тень. Её не осталось даже настолько, чтобы защитить хотя бы голову. Я страдал от невыразимой жажды и сосал собственную кровь. Наконец я потерял сознание и снова пришёл в себя, только когда солнце ушло за горы. Вдруг я услышал крик верблюда, самый приятный звук, какой я когда-либо слышал в своей жизни. С трудом поднявшись, я увидел медленно ехавшего верхом, озиравшегося по сторонам тарги (туарега).

Разжав высохшие губы, я слабым голосом произнёс: "Аман, аман! — Воды, воды!" Как счастлив я был, услышав в ответ ободряющее: "Вуа, ивуа!" Через несколько мгновений тарги присел возле меня и обрызгал мою голову водой. Лишь после этого мой спаситель дал мне напиться. Говорить я мог первое время очень мало и невнятно и в течение первых дней, прежде чем восстановил силы, ничего не ел»[1].

Не правда ли, плюс 50°С — очень приятная температура? Но, может быть, это только европейцы так плохо переносят жару, а местному населению она

[1] Цит. по: Раквитц Э. Чужеземные тропы, незнакомые моря / пер. с нем. М. Горлина, Г. Гаева и Л. Чёрной. М.: Молодая гвардия, 1969.

нипочём? Увы, нет. То есть физически выжить уроженцы Сахары могут дольше, но крыша от немыслимой жары и у них съезжает достаточно быстро. Французский археолог Анри Лот, изучавший наскальные рисунки Сахары, подробно излагает историю поисков заблудившегося поварёнка экспедиции — 15-летнего негра Билаля. Подросток ухитрился потеряться в 400 м от лагеря экспедиции! Лот категорически запретил участвовать в поисках Билаля всем французам, поскольку не сомневался в том, что они тоже заблудятся, и по той же причине: от перегрева мозги отключаются. Спасательную группу составили исконные жители Сахары — туареги.

Спасатели обнаружили следы пропавшего, которые «много раз пересекаются и уходят во все стороны, ясно показывая, что шедший был неуверен в направлении... Какое-то время мальчик шёл по верблюжьей тропе... но сошёл с неё, опять некоторое время блуждал, хотя, по-видимому, до того добрый час двигался в сторону И-н-Итинена [лагеря экспедиции]. Он уже совершенно ничего не узнавал».

Туареги всё-таки нашли и спасли Билаля. «Целых три дня он почти не двигался и много спал. У него так болели ноги, что он едва мог стоять». Лот попытался узнать у парня, как тот сумел заблудиться. «Но Билаль теряется и ничего объяснить не может. Для него, так же как и для туарегов, тут всё проще простого: он попал во власть дженуна Он шёл, не отдавая себе отчёта в направлении, и не особенно заботился о том, чтобы найти лагерь, от которого один раз был всего в ста метрах. Он полностью потерял понятие о времени и помнил только, что шёл ночью и шёл долго, потому что скалы были очень красивы в лунном свете. Рассказывая, он много раз подчёркивает эту странную, абсолютно фантастическую красоту; при этом воспоминании глаза его загораются...»[1]

Коварство климата пустыни в том и состоит, что человек может ещё держаться на ногах, но не способен помочь самому себе, поскольку уже ничего не соображает. Его может спасти только посторонняя помощь. К сожалению, она приходит нечасто

Преимущество реально наблюдаемых на территории России температур (и не только +10, но и –30°С) состоит, между прочим, в том, что при этих температурах мозг продолжает нормально работать. Поэтому, если человек одет и обут по погоде, спасать его не требуется. Конечно, при условии, что данный индивид не сильно пьян. По пьянке у нас замерзает немало народу. Но пьянство и алкоголизм — факторы не климатические. А случаи замерзания трезвых людей в России весьма редки. Для этого нужна какая-то необычайно сильная метель, при которой ни зги не видно, да ещё вдали от жилья. Так что по-

---

1 Лот А. К другим Тассили. Новые открытия в Сахаре / пер. с франц. Г.А. Берсеневой; послесл. и примеч. И.М. Дьяконова, А.Ю. Милитарёва. Л.: Искусство, 1984.

гибнуть в нашем климате всё-таки гораздо труднее, чем в условиях пустыни.

Следовательно, благоприятность природных условий той или иной территории зависит не только от наличия тепла. Климат Сахары холодным никак не назовёшь, а вот население там очень редкое — куда более редкое по сравнению с Россией. Тем большее изумление вызывает следующий риторический вопрос г-на Паршева: **«Может быть, в других странах проблемы с воздухом? С водой?»** (с. 288).

БЕЗ ВОДЫ — И НЕ ТУДЫ, И НЕ СЮДЫ!

Как было сказано в одной сугубо научной статье по плодоводству, «наступает полный отпад черенков». Интересно, а какие отметки по географии получал в школе Андрюша Паршев? Небось, сердобольная учительница натягивала ему положительную оценку, хотя следовало ставить «пару». Какой же школьник — кроме безнадёжных двоечников — не знает о больших проблемах с водой в Сахаре, Аравии, Каракумах, Кызылкумах, Такла-Макан, Гоби, Калахари, Атакаме, да и во всех прочих пустынях?

Но в действительности острая нехватка воды ощущается не только в пустынях. Почему десятилетиями длится израильско-палестинский конфликт? За что убивают друг друга представители двух родственных по языку народов, которые ведут своё происхождение от одного праотца Авраама/Ибрахима и чисто внешне практически неотличимы друг от друга (если не считать ту прослойку среди израильтян, которая имеет славянскую примесь)? Безусловно, это не только столкновение разных вероисповеданий и культур. В истории можно найти тьму примеров, когда вероисповедные и культурные различия не мешали народам мирно сосуществовать. Скажем, когда католическая инквизиция в конце XV века стала усиленно преследовать испанских и португальских евреев и особенно полюбила сжигать их на кострах, основная часть евреев Пиренейского полуострова бежала в арабские страны: Марокко, Алжир, Тунис. И там они чувствовали себя в безопасности.

Нет, борьба на Ближнем Востоке идёт за жизненное пространство и ресурсы. И не столько за землю, сколько за воду. Земля без воды в тех краях не представляет почти никакой ценности. А воды в Святой Земле остро не хватает. Очень вероятно, что существует прямая связь между высокой популярностью террористической организации «Хамас» в секторе Газа и острейшим водным кризисом на этом маленьком, но перенаселённом клочке земли. Уровень грунтовых вод там ежегодно понижается на 15–20 см из-за их перерасхода, а качество постоянно ухудшается вследствие проникновения морской воды.

Но и в самом Израиле положение трудное. Неслучайно именно в еврейском государстве изобрели капельное орошение — самый экономичный из всех способов полива. Но, несмотря на большие усилия по экономии воды, её нехватка нарастает. Израиль включён в список тех стран мира, которые в ближайшем будущем столкнутся с «абсолютным дефицитом воды». В том же списке — и большинство арабских государств. Когда живительной влаги мало, возникает соблазн воспользоваться ресурсами соседей. Правительство Израиля долго не выводило свои войска из Ливана главным образом потому, что вынашивало проект поворота ливанской реки Литани на территорию Израиля. Из этой затеи ничего не вышло, но даже сам по себе проект наверняка увеличил число антиизраильски настроенных боевиков в Южном Ливане.

Если борьба за воду породила столь уродливое явление, как взаимный антисемитизм семитов, то не в ней ли первопричина и ряда других вооружённых конфликтов? И в самом деле, порой это так и есть. Около 10 лет длилась война в Турецком Курдистане между турецкой армией и курдскими сепаратистами. У курдов есть свои обиды, которые и вызвали восстание. Но партизаны ни за что бы не продержались так долго против регулярной армии, не получай они внешней помощи. А помогала им Сирия. У сирийцев был зуб на Турцию вне всякой связи с турецко-курдским конфликтом. Дело в том, что турки построили на верхнем Евфрате каскад водохранилищ и забирали оттуда на свои нужды много воды. В результате Евфрат ниже водохранилищ сильно обмелел. А для засушливой Сирии эта река — главный источник воды.

Но это ещё цветочки, а теперь перейдём к ягодкам. В наше время, когда климат земного шара меняется на глазах, растущее иссушение угрожает двум самым многолюдным странам мира — Китаю и Индии.

Вот что пишут об этом в книге «Состояние мира 1999» Лестер Браун и Кристофер Флейвин: «В Китае и Индии, двух крупнейших по численности населения странах мира, запасы продовольствия наполовину или более зависят от орошаемого земледелия. В Китае уровни грунтовых вод снижаются повсеместно, поскольку местность там равнинная. Северная половина страны в буквальном смысле слова высыхает. Уровень грунтовых вод под большей частью территории севера Великой Китайской равнины, на которую приходится почти 40% производства зерна в Китае, снижается примерно на 1,5 м в год. Прогнозы, подготовленные Национальной лабораторией Sandia, США, показывают, что в начале нового тысячелетия в ряде основных речных бассейнов в Китае возникнут огромные водные дефициты».

Здесь мы прервём цитату и заметим, что китайцы не сидят сложа руки. Они строят огромную гидроэлектростанцию «Три Ущелья» на Янцзы — самой многоводной реке Евразии. Из зоны затопления водохранилища, которое возникнет выше плотины, планируется отселить 1,2 млн человек. И главная цель постройки гигантской плотины протяженностью более 500 км — не энергети-

ческая. Китайцы намерены проложить целых три канала, по которым воды Янцзы потекут на быстро высыхающий север страны. Они пройдут, соответственно, через восточные, центральные и западные районы Китая. По планам правительства уже в 2010 году воды Янцзы достигнут Пекина. По масштабу эта переброска южной реки на север Китая в полтора раза превосходит планировавшуюся когда-то в СССР переброску сибирских рек в Среднюю Азию, а стоимость проекта — 60 млрд долларов. Пожелаем китайцам успеха, но заметим, что он далеко не гарантирован. Эксперты-экологи опасаются, что строительство плотины приведёт к заиливанию и загрязнению верхнего течения Янцзы, что неблагоприятно скажется и на качестве перебрасываемой на север воды.

«В Индии ситуация с водой будет ухудшаться, возможно, ещё быстрее, — продолжают Л. Браун и К. Флейвин. — С приближением численности её населения к отметке 1 млрд. страна столкнётся с резким спадом в снабжении водой для орошения. Дэвид Секлер, руководитель Международного института управления водными ресурсами в Коломбо, ведущего научного центра в мире по исследованию водохозяйственных проблем, отмечает: "В Индии отбор воды из водоносных горизонтов в 2 с лишним раза превышает её накопление. Из-за этого почти повсеместно в Индии уровни водоносных горизонтов с пресной водой снижаются на 1–3 м ежегодно". Далее Секлер приходит к заключению, что перебои в орошении, обусловленные истощением водоносных слоёв, могут привести к 25-процентному сокращению урожаев. И произойдёт это в стране, где баланс между производством продовольствия и спросом на него уже и так нарушен в опасной степени и где в ближайшую половину столетия ожидается прирост численности населения на 600 млн. человек»[1].

К этому необходимо добавить, что в условиях глобализации экологическая катастрофа в одной из таких густонаселённых стран, как Китай или Индия, неизбежно потрясёт весь мир. Это пора усвоить и крепко зарубить на носу. В глобализованном мире чужого горя не бывает. Так что следует надеяться на лучшее, но готовиться к худшему.

Итак, мы установили, что во многих «других странах» есть проблемы с водой, причём большие и нарастающие. А как обстоит дело у нас в России? Кемеровский губернатор Аман Тулеев сказал в интервью «Российской газете» (9.09.2003): «Вода в нынешнем тысячелетии станет одним из основных, если вообще не главным, природным ресурсом. Тот, кто будет им обладать в достаточном объёме, окажется, образно выражаясь, на коне. Россия, слава богу, имеет треть мировых запасов пресной воды».

---

[1] Состояние мира 1999 : Доклад института о развитии по пути к устойчивому обществу/ пер. с англ. М.: Весь мир, 2000.

Вообще-то, верить на слово политикам не стоит. Во всех странах мира люди этой профессии превосходно умеют врать. А уж российские политики врут особенно нагло и цинично. Но в данном случае существуют психологические основания доверять губернатору. По происхождению г-н Тулеев наполовину туркмен, наполовину казах. И его предки по обеим линиям знали цену пресной воде! Ни Казахстан, ни особенно Туркмения ею отнюдь не изобилуют. Недаром один среднеазиатский советский поэт 1920-х годов написал обличающие русских царей стихи, которые в переводе звучат примерно так:

Как цари жили развратно:
Они купалися в воде!

Но, естественно, любое высказывание любого политика всегда требует проверки. В данном случае она оказалась весьма непростой. Не то что в разных изданиях — даже на разных страницах одной книги можно встретить различные и противоречащие друг другу данные о запасах пресной воды в России. Скажем, в официальном издании «Природные ресурсы и окружающая среда России»[1], подготовленном под руководством тогдашнего министра природных ресурсов Б.А. Яцкевича, удалось найти следующую весьма толковую таблицу.

Таблица 1.8. Суммарные водные ресурсы России

Ресурс	Средний многолетний объём (возобновление), куб. км/год	Статический запас, куб. км
Речной сток	4 270	–
Озёра	532	26 600
Болота	1 000	3 000
Ледники	110	39 890
Подземные воды	787	28 000
Почвенная влага	3 500	–
Всего	8 302	Более 97 000

Но в той же книге несколькими абзацами ниже можно прочитать, будто озеро Байкал содержит 20% мировых и более 90% национальных запасов пресной воды. Достаточно сравнить объём воды в Байкале (23 тыс. куб. км) с приведённой выше таблицей, чтобы понять ошибочность такого утверждения.

Очевидно, что статический запас воды трогать нельзя, и доступный для человечества объём пресной воды — это только возобновляемый объём. Любая

1 См.: Природные ресурсы и окружающая среда России (Аналитический доклад) / под ред. Б.А. Яцкевича, В.А. Пака, Н.Г. Рыбальского. М.: Издательство НИА-Природа и РЭФИА, 2001.

страна, которая встала на путь расходования статического запаса, движется к катастрофе. Поэтому все оценки наших водных ресурсов, включающие в эти ресурсы статический запас вод Байкала и всех остальных озёр, страдают преувеличением. Очевидно, жертвой одной из таких неверных оценок и стал г-н Тулеев. Однако и при учёте одного лишь возобновляемого объёма Россия на мировом фоне выглядит неплохо. Наш речной сток составляет 10% от мирового, равного 42 875 куб. км. По величине речного стока Россию превосходит только Бразилия (8120 куб. км). Но это естественно, с Амазонкой не в состоянии сравниться ни одна река земного шара! Если вспомнить, что население России не достигает и 2,5% населения планеты, то выходит, что граждане нашей страны обеспечены пресной водой *вчетверо* лучше среднестатистического землянина.

Эти выводы находят подтверждение и в авторитетном издании Всемирного банка World Development Indicators 2005. Там подсчитали не абсолютные размеры возобновляемых запасов пресной воды, а возобновляемый запас пресной воды в расчёте на одного жителя. И по этому показателю Россия заняла 18-е место среди 150 государств (карликовые страны не учитывались). Фактически её следовало бы переместить ещё на 2–3 строки вверх: в таких странах, как Перу и Чили, население и водные ресурсы сосредоточены в различных регионах, так что на деле эти поставленные выше России государства сильно страдают от засушливости наиболее многолюдных районов.

К сожалению, и у нас вода распределена неравномерно. В России немало переувлажнённых земель, особенно в Западной Сибири, на Дальнем Востоке и отчасти на Русском Севере. В то же время всё Поволжье ниже Самары, восток Ростовской области и Ставропольского края, север Дагестана и особенно Калмыкия весьма засушливы. А если сбудется сценарий резкого глобального потепления, засушливых местностей в России станет больше. В этом одна из причин того, почему Россия не заинтересована в глобальном потеплении. Но не стоит забывать о том, что природных пустынь в наших пределах всё-таки нет, а образовавшаяся в основном за последние 20 лет Калмыцкая пустыня имеет сугубо рукотворное происхождение. Путь улучшения климата сухих степей известен давно: это лесонасаждение. На крайний случай у нас останется китайский способ переброски рек, но при разумном хозяйствовании он не понадобится.

Существенно не только то, что Россия лучше большинства стран мира обеспечена пресной водой. Важно и качество этой воды. Сейчас в большинстве российских рек и во многих озёрах оно плохое. Но это результат длящейся десятилетиями безответственной политики. В стране, где нет независимой природоохранной службы (как известно, её упразднение было одним из первых шагов президента Путина), не стоит удивляться загрязнению рек, озёр и водохранилищ нефтепродуктами, фенолами, медью, цинком, железом,

а кое-где ртутью и формальдегидом. Однако — при условии коренного изменения всей политики — очистить наши реки можно очень быстро. Это на деле доказали немцы и англичане. Рейн и Темза ещё в 1960-х годах были настоящими сточными канавами, но теперь очищены настолько, что в них стала заходить на нерест сёмга. Так вот, при условии очистки рек России от промышленных и коммунальных стоков качество воды в них будет непременно лучше, чем в реках той же Бразилии. Просто в пресных тропических водах необычайно велико *биоразнообразие*. У нас его куда меньше, а следовательно намного меньше вредных для здоровья человека живых организмов.

И потом, у нас есть Байкал! Глубочайшее и самое многоводное из пресных озёр мира. До недавнего времени оно отличалось ещё и изумительно чистой водой. Теперь загрязнение уже и там заметное. К счастью, оно ещё не охватило всё озеро. Вряд ли стоит ещё раз рассказывать историю про белого бычка, или про Байкальский ЦБК. Уместно лишь отметить поразительный паралич воли всех правительств СССР и России за последние 30 с лишним лет. Все они вроде бы соглашались, что комбинат надо закрыть или перепрофилировать, но... ничего не делали.

Однако сейчас Байкалу угрожают новые опасности. Первая из них — нефтепровод, по поводу которого шли ожесточённые споры между ЮКОСом (М.Б. Ходорковский) и «державниками». Спорили о том, какой город должен стать конечной точкой нефтепровода: китайский Дацин или российская Находка? (Ходорковский в данном случае выступал как лоббист китайских интересов, хотя — странное дело! — даже из его врагов никто не объявил его китайским агентом. Только американским.) В итоге «державники» победили, а Ходорковский сел. Но главный вопрос не затронула ни одна из сторон! Те и другие сходились в том, что нефтепровод надо прокладывать к северу от Байкала на малом расстоянии от озера. К тому же нефтепровод должен был пересечь 213 рек бассейна Байкала и реки Ангары. Если учесть высочайшую сейсмичность Северного Забайкалья (там возможны землетрясения до 10 баллов), то легко понять, какая страшная угроза нависла над уникальным озером.

Другая опасность грозит со стороны «Газпрома». «Недавно в прибрежной зоне Байкала, — сообщают преподаватели географического факультета МГУ Н.И. Алексеевский и Г.И. Гладкевич, — геологи обнаружили запасы газа в размере от полумиллиарда до нескольких триллионов кубометров. Уже заключено рабочее соглашение с правительством Бурятии, согласно которому рабочая группа "Газпрома" и "Востокгазпрома" скоро начнёт работы сразу по нескольким направлениям — разведке газоносности месторождения, поставке сжиженного газа и совместной деятельности по добыче твёрдых ископаемых»[1].

---

1 Алексеевский Н.И., Гладкевич Г.И. Водные ресурсы в мире и России за сто лет // Россия в окружающем мире : Аналитический ежегодник. М.: Издательство МНЭПУ, 2003.

И нефтяной, и газовый проекты угрожают Байкалу чудовищной катастрофой. Но пока в нашей власти их остановить. И если мы сумеем сохранить Байкал, а это всецело зависит от нашей активности, то к середине нынешнего века Россия наверняка будет зарабатывать на экспорте байкальской воды очень серьёзные деньги. Конечно, ежегодные величины такого экспорта будут существенно меньше, чем размеры нынешнего вывоза нефти и газа. Но ведь байкальская вода — возобновимый ресурс! Поэтому за большой промежуток времени выручка всё равно превысит теперешние доходы от вывоза ископаемого топлива. Так что нынешние губители Байкала — не только экологически, но и экономически неграмотные люди, у которых алчность неразрывно соединена с глупостью.

А при разумном подходе Байкал следует признать одним из важнейших природных ресурсов России, причём ни у кого в мире ничего подобного нет.

ВЛИЯЕТ ЛИ КЛИМАТ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ?

Мы пришли к выводу, что климат России не так уж беспросветно плох. У него есть свои достоинства. Но насколько вообще качество жизни в тех или иных странах зависит от климата? Существует ли такая связь, а если она есть, то насколько тесная?

Уровень жизни довольно часто измеряют, разделив валовой внутренний продукт (ВВП) на численность населения. В результате получается некая цифра в долларах, якобы приходящихся на душу населения. Однако этот способ плох, по меньшей мере, по двум серьёзным причинам. Во-первых, во всех странах мира доходы распределены весьма и весьма неравномерно. На некоторые души населения приходится во много раз больше денег, чем на другие. Поэтому ВВП или средний доход на душу населения оказывается похож на среднюю температуру по больнице (она нормальная, если учитывать и морг). Даже в государствах Скандинавии, которые славятся наиболее равномерным распределением доходов, 10% наиболее богатых граждан получают в 6 раз больше, чем 10% наиболее бедных. Но во всём остальном мире эта разница ещё больше, и, как правило, намного.

Но есть и вторая причина, по которой денежный доход на персону непригоден для оценки качества жизни. У нас в России нетрудно найти города — хотя бы Череповец — где денежные доходы явно выше среднего по стране уровня. Но не то что работать на печально знаменитом металлургическом комбинате «Северсталь», а и просто жить в Череповце очень вредно. Уж слишком ядовиты выбросы «Северстали».

Наиболее объективной меркой благополучия любой страны служит средняя продолжительность жизни в ней. Этот показатель хорош тем, что все жи-

тели страны, независимо от уровня доходов, вносят в него одинаковый вклад. Кроме того, выбранная нами величина хорошо учитывает экологическую обстановку и уровень развития здравоохранения.

Следующая таблица показывает, какие страны, по данным на 1999 год, являются лидерами в мире по средней продолжительности жизни.

Таблица 1.9. Средняя продолжительность жизни в некоторых странах мира

№ п/п	Государство	Средняя продолжительность жизни, лет
1	Япония	80,6
2	Швейцария	79,6
3	Швеция	79,3
4	Исландия	79,2
5	Канада	79,0
6	Австралия	78,8
7–8	Франция	78,5
7–8	Норвегия	78,5
9	Италия	78,3
10	Израиль	78,2

В таблицу не включены карликовые государства, хотя в некоторых из них (Андорра, Монако) средняя продолжительность жизни просто рекордная. Но им именно малые размеры позволяют создавать островки исключительного благополучия. Не вошли в таблицу и такие государственные образования, как Гонконг и Макао. По продолжительности жизни они почти догнали Японию, но к числу независимых государств эти «особые районы» Китая не принадлежат.

Заметим, что приведённые в таблице данные несколько противоречат широко распространённым у нас представлениям о том, кому в мире жить хорошо. Хотя в десятку лучших попали 4 страны «большой семёрки», в ней нет ни США (средняя продолжительность жизни — 76,9 лет), ни Великобритании (77,2), ни Германии (77,0). С ВВП на душу населения в этих государствах всё просто замечательно, но есть, очевидно, какие-то «неденежные» факторы, отрицательно влияющие на качество жизни и её продолжительность. Вероятно, это прежде всего экологические проблемы, а в США, кроме того, высокий уровень преступности и наркомании.

Но как связана средняя продолжительность жизни с климатом? Существует расхожее мнение, будто долгожители встречаются в основном в горах. И у нас во главе списка две гористые страны — Япония и Швейцария. Но подавляющее большинство японцев проживает на приморских низменностях и в долинах. А в горах японцы сохранили леса, которые занимают 66% (!) пло-

щади густонаселённого островного государства. Так что если горы Японии и влияют на продолжительность жизни в стране, то только косвенно. Благодаря им экологическая обстановка в стране намного лучше, чем была бы в случае истребления лесов.

Наша таблица как будто подтверждает, что климат средиземноморского типа — сухие субтропики — действительно благоприятен для человека. В этой природной зоне почти целиком расположены Италия и Израиль, а также южное побережье Франции. Кроме того, южная полоса Австралии, где проживает 9/10 населения материка, по климату очень похожа на Средиземноморье. Выходит, правы те — а их миллионы, — кто предпочитает проводить отпуск под средиземноморским солнцем? И как будто бы прав Абдуррахман Абу Зейд Ибн Хальдун — арабский (тунисский) мыслитель XIV века, который утверждал, что цивилизация может процветать только в странах со средиземноморским (тёплым, но не слишком жарким) климатом.

По мнению Ибн Хальдуна, жители прилегающих к экватору стран не имеют побудительных причин для развития культуры, так как не нуждаются ни в прочных жилищах, ни в одежде, а пищу получают от самой природы в готовом виде. Наоборот, жители холодных северных стран затрачивают всю свою энергию на добывание пищи, изготовление одежды и постройку жилищ. Следовательно, у них нет ни сил, ни времени для занятий науками, литературой и искусством. (Внимательный читатель заметит, конечно, разительное сходство между учением Ибн Хальдуна и теорией г-на Паршева. Но между ними есть и важные различия, причём все они в пользу средневекового арабского мыслителя. Во-первых, теория Ибн Хальдуна выдвинута на 600 лет раньше, во-вторых, арабский социолог не имел привычки искажать и подтасовывать факты. А в-третьих, Ибн Хальдун на первое место ставил развитие культуры, тогда как интересы г-на Паршева не поднимаются выше материального благополучия.)

Но и холодные северные страны представлены в нашем списке совсем неплохо. Тут и Швеция, и Канада, и Исландия, и Норвегия. Да и наша соседка Финляндия, хоть и не попала в первый десяток, стоит к нему очень близко и опережает Штаты и Германию. Выходит, жить в холодных северных странах не так уж безотрадно! И цивилизация там может достигнуть высокого уровня. Ведь среднюю продолжительность жизни вполне можно рассматривать и как меру цивилизованности той или иной страны. Учение старика Хальдуныча практически опровергнуто?!

Однако не стоит спешить. Есть одна холодная северная страна, которая как нарочно старается подкрепить положения теории Ибн Хальдуна — Паршева о сугубой вредности холодного климата. Читатель уже догадался, что эта страна — Россия. У нас средняя продолжительность жизни всего 65,9 лет. Интересно, а кто наши «соседи» по этому показателю?

Таблица 1.10. Средняя продолжительность жизни в странах, близких по этому показателю к России (1999 г.)

Украина	67,3
Киргизия	67,3
Бразилия	67,2
Марокко	67,2
Египет	66,8
Молдавия	66,6
Монголия	66,6
Туркмения	66,1
Россия	*65,9*
Индонезия	65,7
Вануату	65,4
Гватемала	64,9
Казахстан	64,8
Сан-Томе и Принсипи	64,7
Гайана	63,7

Интересная подобралась компания! Даже страны СНГ, если исходить из теории климатической обусловленности качества жизни, никак не должны были располагаться столь тесной и сплочённой группой. И сам г-н Паршев, вероятно, должен будет согласиться, что в Молдавии или Туркмении замёрзнуть гораздо труднее, нежели в России. Очевидно, что единая группа стран СНГ сложилась совсем не по климатическим причинам. Между прочим, наша таблица серьёзно подрывает распространённую у некоторых жителей России веру в назарбаевское «экономическое чудо» в Казахстане. Если судить по продолжительности жизни (а этот показатель — важнейший!), «чудо» там точно такое же, как в России и на Украине. Если не хуже...

Но ведь в нашей компании не только постсоветские государства и примкнувшая к ним Монголия. Тут и Бразилия, где в лесах много диких обезьян, и вытянувшаяся вдоль экватора Индонезия. В этой стране до прихода голландских колонизаторов большинство жителей обоего пола носило только юбки (саронги), поскольку в тамошнем климате никакая более серьёзная одежда, в общем-то, не нужна. Правда, голландцы заставили индонезийцев приодеться. И, как ехидно утверждают современные индонезийские историки, отнюдь не из пуританских соображений, а для обеспечения сбыта продукции голландской текстильной промышленности. (Этот пример лишний раз доказывает, что дух капитализма ведёт как раз к выполнению требований протестантской этики.) А ещё в нашем обществе Марокко, где, по признанию самого г-на Паршева, хорошо растут мандарины. И островное тихоокеанское государство Вануату, в котором ведущей сельскохозяйственной культурой издавна служила кокосовая пальма.

Так что никакой зависимости качества жизни от климата вообще не получается! По всем природным условиям Россия должна находиться в одной группе с Канадой, Финляндией, Швецией, Норвегией, а она почему-то оказалась в компании Бразилии, Индонезии и Вануату! Следовательно, гипотезу о климатической обусловленности качества жизни необходимо отвергнуть. Россия бедна не потому, что зима у нас холодная, а по каким-то другим причинам. Эти причины нам предстоит отыскать. Да, наше отставание от передовых стран по качеству жизни, мерой которого служит её средняя продолжительность, огромно. Но русская зима тут ни при чём!

ВАРЯЖСКАЯ СТАРИНА

И вот ещё на какой вопрос нам стоит получить ответ: а всегда ли теперешние богатые и благополучные страны жили хорошо? Ответ будет совершенно определённым: нет, не всегда. Возьмём в качестве примера хотя бы Швецию. По своей культуре она нам как-то ближе и понятнее, чем, например, Япония. Понять загадочную японскую душу нам всё-таки сложно. Например, в Японии до сих пор преобладает 48-часовая рабочая неделя, но японцев это почему-то устраивает и на продолжительности жизни отрицательно не сказывается. А с варягами наши предки общались с древнейших времён и даже призывали их на княжение, что указывает на неплохое взаимопонимание. Так вот, нельзя сказать, что варяги всегда преуспевали и процветали. Очень интересно прочитать о Швеции второй половины XVIII — первой половины XIX века, описанной современной шведской писательницей Герд Реймерс. Она упоминает про визит литератора Аттербума к вдове знаменитого поэта предыдущего поколения Бельмана: «Его удивление также вызывает чистота, которая её окружает; возможно, не совсем обычное качество для погружённого в бедность Стокгольма в 40-х годах 19 века»[1].

В XVIII веке бедности было ещё больше. В ту пору Швецию единодушно считали если не беднейшей, то одной из самых бедных стран Европы. И, конечно, рука об руку с бедностью шло пьянство. Ему отдал дань и прославленный поэт, что с некоторой неохотой признаёт и Реймерс: «Разное писали об отношении Бельмана к бутылке. Нет, однако, сомнений в том, что в городе с населением в 70 тысяч и 700 кабаками, то есть там, где один кабак приходился на сто человек, он не был поборником трезвости»[2]. Что ни говори, а нравы Стокгольма того времени — по кабаку на сто жителей, включая грудных младенцев, — впечатляют!

---

1 Реймерс Г. В тени гениев. Жёны и музы. 20 портретов / пер. со швед. Н.Е. Френкель. М.: Искусство, 1993. С. 59.

2 Там же. С. 68.

Так жил и спивался шведский народ. А вот как жила интеллигенция, точнее, интеллектуальная элита: профессора Лундского университета. В XVIII — первой половине XIX века в Швеции было всего два университета: Упсальский и Лундский. Причём Упсала занимала ведущее положение в естественных науках, а Лунд — в гуманитарных. К числу профессоров Лунда в начале XIX века принадлежал и крупнейший шведский поэт-романтик Эсайас Тегнер. «Его положение профессора греческого языка в Лундском университете с социальной точки зрения казалось, конечно, привлекательным, но с материальной было полной катастрофой, потому что он не получал жалованья. Деньги приходилось зарабатывать другими путями — частными уроками, а также с помощью церковного прихода. Большая часть профессуры получала право на доходы из его средств. Это давало Тегнеру в натуре несколько бочек зерна или какую-либо другую снедь»[1]. Однако! Вам это ничего не напоминает, уважаемый читатель?

И на добавок — ещё про Швецию второй половины XVIII века, на этот раз из Брокгауза и Ефрона: «Из многих существенных недостатков государственной системы наиболее роковым было общераспространённое взяточничество чиновников, позволявшее представителям иностранных держав обеспечивать свои интересы в ущерб самым существенным интересам самой Швеции»[2].

Такое ощущение, что это не Швеция, а какая-то другая страна, знакомая нам куда лучше. Интересно, а водились ли среди шведов того времени единомышленники г-на Паршева? Вполне возможно, они там были. И точно так же доказывали, что все беды Швеции — от холодного климата. Ведь зима там действительно заметно холоднее, чем в Германии, Франции, Англии, не говоря уж об Италии!

Но шведы сумели добиться того, что их страна из числа бедных перешла в разряд наиболее благополучных. Заметим, что колоний у Швеции не было. Последний обломок некогда обширной европейской империи — Финляндию — шведы потеряли в ходе русско-шведской войны 1808–1809 годов, то есть до начала экономического подъёма Швеции. Похоже, что утрата империи послужила для этого подъёма необходимой предпосылкой. То же самое можно сказать и о Японии после 1945 года.

У нас империи тоже больше нет, а потому самое время браться за ум. Мы можем и обязаны обустроить Россию! Но для этого надо понять действительные причины нашей бедности, а затем найти способы её преодоления.

---

1 Реймерс Г. Указ соч. С. 82.
2 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 39. С. 339.

ГЛАВА 2. ХВАТИТ ЛИ ХЛЕБА?

Надо быть гениальным,
чтобы оставить Россию без хлеба.
У. Черчилль

СПОСОБНА ЛИ РОССИЯ ПРОКОРМИТЬ СЕБЯ?

Думаю, что этот вопрос волнует большинство читателей. А должен волновать всех! Потому что если даже Россия с её необъятными просторами не в состоянии обеспечить продовольствием своё далеко не густое население, то человечество, численность которого в текущем столетии должна вырасти до 9–10 млрд, ждёт поистине катастрофическое будущее.

Г-н Паршев в данном случае сперва как будто колеблется и даже не прибегает к своему излюбленному приёму — запугиванию читателей страшилками. Он говорит: **«...нашей пашни (около 100 млн. га) едва ли хватит для самообеспечения России хлебом»** (с. 42). То есть скорее не хватит, но может и хватить. Однако такой неопределённый ответ не соответствует стилю и приёмам нашего идеолога. Г-н Паршев, подобно Нине Андреевой, любит однозначность.

И вот он уже вернулся на круги своя — к сочинению ужастиков: **«В представлении многих мы всё ещё "одна шестая часть суши". Увы, мы уже только "одна седьмая". И суша эта уже не та. Мы потеряли половину пахотных земель (причём лучшую половину) и большую часть минеральных ресурсов»** (с. 58). И ещё круче: **«Вовлечение экономики России в мировые рыночные отношения ("международное разделение труда") губительно и в короткий срок приведёт её к коллапсу Увы, но территории России не хватит для ведения натурального хозяйства нынешним населением. Демеханизация и дехимизация сельского хозяйства приведёт к тому, что деревня будущего сможет прокормить население не более чем в 1914 году — 90 млн. человек, из них всего 15 млн. горожан. Напомню, и тогда ежегодная смертность от голода и болезней, связанных с недоеданием, исчислялась десятками и сотнями тысяч. А если в селе не будет солярки, а конское поголовье ещё не достигнет уровня 1914 года — ситуация будет хуже, чем в начале века»** (с. 207).

Насколько эти утверждения автора книги «Почему Россия не Америка» соответствуют истине? Начнём с площади российской пашни. По данным официального издания «АПК России» (М., 2000), она в 1999 году составляла 121 616 тыс. га. Следовательно, г-н Паршев «забыл» ни мало ни много 21 млн га. Это площадь всей Белоруссии! Очевидно, по мнению нашего идеолога, такую «мелочь» вообще не стоит принимать в расчёт. Но верно ли это?

Возьмём для примера такую страну, как Канада. В конце 1980-х годов вся площадь под зерновыми составляла в этой стране 20 262 тыс. га, что меньше «забытой» г-ном Паршевым российской пашни. И с тех пор она едва ли выросла. Этой площади канадцам хватает не только для обеспечения продовольствием своего населения (31 млн человек), но и для крупного экспорта. Размеры этого экспорта, конечно, колеблются по годам, но в урожайные годы Канада вывозит половину всего собранного зерна. В целом, 20 млн га канадской пашни под зерновыми хватает для пропитания 40–60 млн. человек (в Канаде и за её пределами).

Как заверяет читателей г-н Паршев, лучшую половину пахотных земель бывшего СССР «мы» (надо полагать, «мы» — это московская бюрократия, как единственный и универсальный собственник всей земли в социалистическом государстве) потеряли. Значит, российская пашня составляет худшую половину. (Вообще-то, российская пашня составляла не половину пашни бывшего СССР, а 58%, но мы знаем, что любовь к точности г-ну Паршеву несвойственна.) Проверим данное утверждение.

После России наибольшую площадь пашни в пределах бывшего СССР имел Казахстан. Урожайность там всегда была значительно ниже средней по Союзу из-за засушливости климата. В среднеазиатских республиках пашня никогда не занимала особенно больших площадей, поскольку там земледелие в большинстве районов возможно только при наличии орошения. А воды в Средней Азии и в самом деле мало, да вдобавок её расходовали в советский период в высшей степени неразумно. При этом часть пахотных земель погубили — из-за засоления их пришлось оставить. А те поля, что пережили погоню за рекордным урожаем хлопка, с трудом могут прокормить многочисленное (и продолжающее расти) население Средней Азии. Так что от независимости среднеазиатских государств мы, россияне, в экономическом отношении ничего не потеряли.

Азербайджан во многом похож на Среднюю Азию: и по густоте населения (часть которого ныне вынужденно переместилась в Россию), и по необходимости орошения на большей части равнины. А в горных районах Азербайджана жители испокон веков занимались преимущественно скотоводством, а не земледелием. Армения — почти целиком горная страна с иссушающе жарким летом и достаточно холодной (и часто бесснежной) зимой. Её никак не отнесёшь к странам с благоприятными для земледелия природными условиями.

Белоруссия и Литва с их бедными почвами и избыточно влажным летом выделялись в царской России самой низкой урожайностью и тяжёлым положением крестьянских масс. Причём безосновательно обвинять в этом царизм. И в 1812 году, вскоре после раздела Польши, такого зоркого наблюдателя, как прусский офицер К. Клаузевиц, поразила нищета литовских и белорусских

крестьян. Они жили гораздо беднее не только по сравнению с уже освобождёнными от крепостной зависимости крестьянами Пруссии, но и по сравнению с крестьянами Центральной России. Латвия и Эстония по природным условиям похожи на Литву и Белоруссию, но летнего тепла там меньше. Правда, в Эстонии частичной компенсацией за сырое и прохладное лето служит наличие ценных в с.-х. отношении дерново-карбонатных почв. Но они занимают отнюдь не всю Эстонию.

Если же в конце существования СССР прибалтийские республики и Белоруссия превосходили РСФСР по урожайности зерновых и ряду других показателей, то дело тут не в климате. Не следует забывать, что Прибалтика и западные области Белоруссии отбыли под властью людоедского сталинского режима втрое меньший срок, чем Россия, и маниакальная сталинская политика уничтожения крестьянства как класса нанесла им существенно меньший ущерб. А в дальнейшем номенклатурная верхушка Прибалтики и даже Белоруссии до известной степени выступала в качестве заступника интересов сельского населения своих республик перед Центром. Понятно, что российское чиновничество на это было решительно не способно! Поэтому российскую деревню обдирали, как липку, а прибалтам и белорусам делали некоторые поблажки.

Так что по совокупности климатических и почвенных условий выигрывают сравнение с Россией только Украина, Молдавия и Грузия. На их долю приходилось лишь около 1/6 пахотных земель бывшего СССР. Остальные 11 бывших союзных республик никаких природно-климатических преимуществ перед Россией не имели. Им не хватало либо запасов питательных веществ в почвах вследствие избыточного увлажнения (Прибалтика, Белоруссия), либо, наоборот, влаги (Казахстан, Средняя Азия, Армения, отчасти Азербайджан).

Не будем пока подробно разбирать другой тезис г-на Паршева: якобы демеханизация и дехимизация нашего сельского хозяйства — результат вовлечения экономики России в мировые рыночные отношения. Здесь наш идеолог неоригинален: об «иностранной продовольственной интервенции» у нас много кричали и без него. Заметим лишь, что, на наш взгляд, существуют две куда более важные причины, породившие переживаемый нами глубокий аграрный кризис. Первая и главная из них — колхозно-совхозный строй. Колхозы и совхозы, пусть переименованные и скрытые под труднопроизносимыми сокращениями вроде ЗАО, ОАО и СПК, органически неспособны работать в условиях рынка — хоть мирового, хоть сугубо внутреннего. Впрочем, и в условиях командной («плановой») экономики они тоже работали из рук вон плохо. Позор наших так называемых «реформаторов» (это слово нельзя употреблять без кавычек!) в том и состоит, что они оставили в неприкосновенности основанный Сталиным колхозно-совхозный строй, тем самым обрекая страну на затяжной аграрный и продовольственный кризис.

Другая немаловажная причина упадка сельскохозяйственного производства в современной России — полное отсутствие какого-либо аналога того учреждения, которое во времена ненавистного Паршеву П.А. Столыпина именовалось Крестьянским банком. Специализированный банк для нужд сельского хозяйства, безусловно, необходим. И в стране со слаборазвитой и не вызывающей доверия банковской системой это должен быть государственный или контролируемый государством банк с многочисленной сетью отделений на местах. Но ничего подобного у нас сейчас не существует. Правда, в 1990-е годы в России был Агропромбанк, но, во-первых, работал этот банк плохо, а во-вторых, в дальнейшем, после приватизации и переименования в «СБС-Агро», он... исчез. Исчезновение этого банка — настоящий детектив, только пока не дождавшийся своего Шерлока Холмса или Эраста Фандорина. Однако нас больше интересует производственная, а не социальная и тем более не криминалистическая сторона аграрного вопроса. Сейчас вроде бы создан Россельхозбанк. Но вот кого он обслуживает? Однако об этом позднее.

О «НЕРЫНОЧНОСТИ» РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Лучше проверим ещё одно утверждение г-на Паршева — что якобы российское крестьянство перед войной 1914 года вело натуральное хозяйство и при этом постоянно голодало. Безусловно, на огромных просторах Российской империи даже в начале XX века можно было отыскать такие уголки, где крестьянское хозяйство оставалось почти натуральным. Вполне натуральным оно, разумеется, нигде не могло быть по той простой причине, что налоги с крестьян государство взимало деньгами. Поэтому даже самым патриархальным крестьянам приходилось как-то зарабатывать деньги для уплаты податей. Ведь натуральные налоги господствовали на Руси только до Петра Первого. Пётр ввёл подушную подать, которую крестьянам приходилось платить деньгами. И хотя наряду с этой денежной податью (которую правительство время от времени повышало) кое-где ещё удерживались платежи зерном, они постепенно отмирали и исчезли к началу XIX века. Так что читатель может сам оценить забавное утверждение г-на Паршева, что-де **«в начале 20 века нерыночное население России составляло несколько десятков миллионов человек и даже платило налоги зерном и солдатами»** (с. 102).

Для оценки «нерыночности» русского крестьянства начала XX века удобно взять экспорт сливочного масла из России. Во-первых, масло производили в основном в Сибири и северных губерниях (Вологодской, Костромской, Ярославской, Новгородской, Тверской), то есть как раз в тех частях России, где климат действительно холодный. Во-вторых, если в вывозе зерна значительную роль играли помещичьи хозяйства, то о масле этого никак нельзя ска-

зать. Производство масла на экспорт к 1914 году более чем наполовину сосредоточилось в руках крестьянских кооперативов. Но и частные торговцы вывозили масло, произведённое из крестьянского молока. Основными поставщиками молока для переработки на масло и для кооперативных, и для частных заводов были крестьяне с 2–3 коровами. Они превосходили по зажиточности среднестатистических крестьян соответствующей губернии, но ненамного.

Таблица 2.1. Экспорт сливочного масла из дореволюционной России

Годы	Среднегодовой экспорт масла, т	Доля России в мировом экспорте масла, %
1895–1899	7 207	4,1
1900–1904	33 677	15,1
1905–1910	52 187	18,5
1911–1914	67 224	23,6

Эти данные заимствованы из книги крупного российского экономиста-аграрника Н.П. Макарова[1], как и все честные экономисты-аграрники, репрессированного при Сталине. Для удобства современного читателя пуды пересчитаны в тонны. Как видно из таблицы, экспорт масла быстро рос, причём главным козырем российского масла была его дешевизна. Российское масло продавали на 20% дешевле, чем датское. Но это не вело к убыткам ни для торговцев, ни для кооперативов, ни для самих крестьян. Ведь себестоимость одного пуда масла в России (Волоколамский уезд Московской губернии) составляла 64 коп., а в Дании — 1 руб. 14 коп. Поэтому крестьяне в российской глубинке были кровно заинтересованы в переработке своего молока в масло. Отсюда и лавинообразный рост маслодельных артелей, число которых в 1914 году достигало примерно 3250. Причём две трети кооперативов располагались в Западной Сибири, включая и некоторые уезды, ныне относящиеся к Северному Казахстану. Остальные артели были сосредоточены в нечернозёмных губерниях севернее Москвы.

Участие в артелях приносило ощутимые выгоды. У крестьян — членов кооперативов росли денежные доходы. Они постепенно заводили больше лошадей и коров, причём обеспеченность дворов скотом становилась более равномерной. Во многих местах уже начинался переход от старинного трёхполья к более правильным севооборотам с посевами клевера и вики. В основе всех этих улучшений лежала высокая товарность молочного хозяйства. В районах, охваченных кооперативным движением, крестьяне продавали 71,3% молока, тогда как из продуктов полеводства на рынок шло только 22,5%[2].

---

1 См.: Макаров Н. Рыночное молочное хозяйство и кооперация. М.; Л.: Всероссийский кооперативный издательский союз, 1926.

2 См.: Чаянов А.В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М.: Наука, 1991.

Всего этого давно уже нет. Крестьянские артели были уничтожены по воле ВКП(б) и лично Сталина вместе с крестьянством как классом в 1929–1933 годах. Но причём здесь климат и природные условия? Факты свидетельствуют о том, что российское крестьянство прежде своего уничтожения успешно входило в мировой рынок и неуклонно теснило иностранных конкурентов.

РАСТУТ ЛИ В РОССИИ ОЗИМЫЕ?

На чём же основывает г-н Паршев свой пессимизм в отношении российского сельского хозяйства? Скажем прямо, доводов у него немного. Но те, что им выдвинуты, следует разобрать.

«Проблема в том, — утверждает г-н Паршев, — **что на нашей территории из озимых культур устойчива только рожь, а все остальные возделываемые культуры, если и дают урожай (это бывает не каждый год), то втрое-вчетверо меньший, чем в Европе, при работе крестьянина без сна и отдыха в течение пятимесячного земледельческого сезона (норма урожайности пшеницы для Швеции — 77 ц/га, для России — 14 ц/га)»** (с. 264).

Начнём с простого вопроса: а какие зерновые культуры вообще выращивают в качестве озимых? К сожалению, далеко не каждый горожанин способен ответить на такой вопрос. Хотя хлеб едят все. А ответ тоже прост: в основном всего две культуры — мягкую пшеницу и рожь. Овёс, кукурузу, просо и сорго сеют только в качестве яровых. Твёрдая пшеница (она отличается от мягкой не только числом хромосом, но и хозяйственным использованием, поскольку идёт не на хлеб, а на макаронные изделия) традиционно возделывалась как чисто яровая культура, причём в Среднем Поволжье и степной полосе Западной Сибири такое положение сохраняется и по сей день. На юге России, особенно в Ростовской области, за последнее время районированы и озимые сорта твёрдой пшеницы, но они пока ещё не очень распространены. Озимый ячмень — тоже сравнительная новинка, которая в последние десятилетия с успехом внедряется на Кубани. Но на большей части российской пашни ячмень — исключительно яровая культура. Остаётся ещё тритикале — межродовой гибрид пшеницы и ржи, получивший распространение в производстве лишь начиная с 80-х годов минувшего века. Тритикале возделывают именно как озимую культуру, но её зерно используют лишь как фуражное. К тому же площади под тритикале пока невелики, хотя эта культура зимостойкая и заслуживает большего распространения.

Мы видим, что «все остальные возделываемые культуры» г-на Паршева как-то незаметно ужались до одной, хотя и важнейшей — озимой мягкой пшеницы. Очевидно, именно она **«если и даёт урожай (это бывает не каждый год), то втрое-вчетверо меньший, чем в Европе»**. К яровым культурам это изречение г-на Паршева относиться никак не может, поскольку для яровых тем-

пература зимы решительно безразлична. А летнего тепла в России не меньше, чем на той же широте в Швеции.

Но действительно ли озимая пшеница — такая ненадёжная культура? Статистические данные не подтверждают этот тезис.

Таблица 2.2. Урожайность озимой пшеницы и зерновых в целом по России (ц/га)

	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Зерновые культуры в целом	14,9	17,8	12,9	14,4	15,6	19,4	19,6
Озимая пшеница	19,3	24,1	18,3	22,3	22,3	29,1	29,9
Урожайность озимой пшеницы по отношению к зерновым в целом, %	129,5	135,3	141,8	154,9	142,9	150,0	152,6

Источник: российские статистические ежегодники 2001 и 2003.

Мы видим, что урожайность озимой пшеницы существенно выше, чем у зерновых в целом. Причём озимая пшеница даже в самый неурожайный год даёт больше 14 ц/га (и откуда г-н Паршев выкопал эту цифру?). А в среднем за 7 лет её урожайность превысила 23 ц/га. Это при крайне незначительном внесении и органических, и минеральных удобрений, а при соблюдении агротехнических норм внесения удобрений урожайность этой культуры наверняка выросла бы в 1,5–2 раза. Как водится у г-на Паршева, он приводит неверные данные по урожайности пшеницы не только в России, но и в Швеции. Фактическая урожайность пшеницы в Швеции в среднем за 1990–1998 годы — 58,4 ц/га[1]. Следовательно, различия в урожайности между Россией и Швецией хотя и очень большие, в реальной жизни отнюдь не достигают 5,5 раза, как на страницах паршевского шедевра.

Следует также отметить, что, хотя отдельные хозяйства могут после неблагоприятной зимы остаться вообще без урожая озимой пшеницы, неурожай её во всероссийском масштабе просто невозможен. У нас есть большое естественное преимущество: Россия велика. И даже отдельно взятая Московская область превосходит по площади Швейцарию, не говоря уж о Голландии и Бельгии. Поэтому общего неурожая по всей России в силу природно-климатических причин быть не может. Если иногда в нашей истории случался голод на больших территориях, то его причины всегда были политическими и экономическими.

А какие причины вызывают гибель озимых? Возьмём примеры по Московской области за последние годы. Это время глобального потепления. Оно началось не вчера. Его отмечал ещё А.С. Пушкин: «В тот год осенняя погода / Стояла долго на дворе. / Зимы ждала, ждала природа. / Снег выпал только в январе / На третье в ночь.» (Пушкин пользовался старым стилем, значит, по новому стилю снег выпал в ночь на 15 января.)

[1] Slafer G.A., Peltonen-Sainio P. «Yield trends of temperate cereals in high latitude.» *Agricultural and food science in Finland.* 2001. Vol. 10. P. 121–131.

Но никогда раньше потепление не меняло до такой степени характер русской зимы, как за последнее десятилетие. Обычным явлением стали частые оттепели. Половина январских дней с плюсовой температурой для Москвы теперь практически норма. За пределами мегаполиса потепление выражено, конечно, не столь резко, но если раньше в средней полосе России за зиму обычно бывало три оттепели, то в наши дни — десяток. Для озимых культур это плохо, поскольку возросла угроза вымокания и выпревания.

Заметим, что сам по себе мороз при нормальной глубине снежного покрова озимым не страшен. Даже тридцати- и сорокаградусные морозы при достаточно глубоком снеге угрозы для них не представляют, поскольку под снегом температура намного выше. Но при отсутствии снега посевы озимых гибнут и при –20°С, если эта температура держится сколько-нибудь долго. Поэтому самые опасные и прямо губительные для озимых зимы по большей части не совпадают с наиболее суровыми. В ноябре — первой половине декабря морозы обычно не самые сильные, а наибольший ущерб урожаю — при отсутствии снега — наносят именно они.

Пример — зима 2002/03 года. Многим москвичам она показалась суровой, но это иллюзия, просто не было ставших привычными оттепелей. Однако за всю зиму температура ни разу не упала ниже 28° мороза. Тем не менее для озимых создались очень неблагоприятные условия. Выпавший в первой половине ноября снег к югу от Москвы затем повсеместно растаял, и как раз после этого ударили морозы, доходившие до минус 19–21°С. Причём уверенность г-на Паршева в том, что чем теплее, тем лучше, и на сей раз оказалась неосновательной. В Подольском районе, к югу от Москвы, морозы начались при бесснежье, и в результате озимые погибли. А на севере Подмосковья, в Дмитровском районе, потепление во второй половине ноября не привело к полному сходу снега, и даже небольшой его слой защитил всходы. И там урожай озимой пшеницы превысил 30 ц/га, что при полном отсутствии минеральных удобрений совсем неплохо.

Но, хотя повреждающих факторов довольно много и с глобальным потеплением частота неблагоприятных зим увеличилась, отказываться от озимой пшеницы нелепо. Другое дело, что попытки продвинуть её на север и восток не всегда оправданны.

А вот ещё одно «новое слово в науке» г-на Паршева: **«Пусть в Сибири кое-где летом жарко (в Минусинской котловине арбузы выращивают), но озимые культуры не растут — убиваются зимой морозами»** (с. 48).

Это «гениальное открытие» г-на Паршева практически опровергнуто русскими крестьянами ещё в XVII веке! Основная масса переселенцев двигалась в Сибирь с Русского Севера, особенно с рек Сухоны, Юга (район Великого Устюга), Вычегды и Ваги. И они принесли с собой главную северно-русскую зерновую культуру — озимую рожь. В Сибири, как раньше на Русском Севере,

озимая рожь проявила себя в качестве самого надёжного и устойчивого хлебного злака.

Известно, что в Восточной Сибири зимы намного суровее, чем в Западной. При этом снега в Восточной Сибири выпадает меньше. Более континентальный климат всегда означает меньшее количество осадков. То есть условия зимовки озимых в Восточной Сибири во всех отношениях хуже по сравнению с Западной Сибирью. И тем не менее в Илимском воеводстве XVII–XVIII веков преобладающей культурой была именно озимая рожь. Как убедительно показал в своей книге В.Н. Шерстобоев, озимая рожь давала там куда более высокие и устойчивые урожаи, чем яровые ячмень или овёс. Это вполне закономерно: самым трудным периодом для зерновых в Ангаро-Илимо-Ленском крае является засушливая весна. И яровым весенняя засуха наносит больший вред, чем озимым.

Ещё в 1639 году известный землепроходец Ярофей[1] Павлович Хабаров распахал поле под Киренском. Очевидно, это была первая пашня в истории бассейна Лены! И уже очень скоро Хабаров смог ссудить якутского воеводу тысячей пудов ржи. Читатель может проверить по климатическим справочникам: Киренск далеко не самое тёплое место в Сибири. Он расположен как раз в пределах территории, где средняя годовая температура ниже –2°С, и которую господа Реклю и Паршев объявили «неэффективной».

Пока на Руси преобладали натуральные подати, крестьяне Илимского воеводства в основном сдавали государству именно рожь. При существовавшей тогда системе налогообложения крестьянам приходилось платить хлебом с ржаной «государевой десятины» и с яровой «государевой десятины». (Имеется в виду десятина как мера площади, а не десятая часть урожая. Государство отбирало у крестьянина куда больше одной десятой.) Так большинство крестьян предпочитало и за яровую «государеву десятину» расплачиваться рожью!

Когда же Пётр Первый ввёл денежный налог — подушную подать, то крестьяне Ангаро-Илимо-Ленского края продавали в основном опять же озимую рожь, чтобы выручить необходимые для уплаты этой подати средства. И до самой коллективизации озимая рожь оставалась ведущей зерновой культурой северных и центральных районов Иркутской области.

Но потом ситуация круто изменилась. Дело в том, что со времени коллективизации от крестьян уже не зависело, что им прикажут сеять. Этот вопрос стали решать чиновники. А в чиновничьих кабинетах, притом скорее московских, чем иркутских и прочих сибирских, видимо, и в самом деле сложился миф, будто озимые в Сибири не растут. И уже в 1940-е годы, по свидетельству

[1] С начала XIX века стали писать «Ерофей». Однако при жизни знаменитого землепроходца такое написание не встречалось. Во всех документах XVII века он назван либо Ярофеем, либо Ярафеем.

того же Шерстобоева, доля озимой ржи в посевах на территории бывшего Илимского воеводства упала до 3–5%! Разумеется, произвол чиновников и на этот раз принёс вред, а не пользу. Яровые в Ангаро-Ленском крае дают более низкие и менее устойчивые урожаи по сравнению с озимой рожью. К тому же без озимых там невозможно составить правильные, научно обоснованные севообороты.

Так что г-н Паршев не сам выдумал миф, будто в Сибири не растут озимые. Он лишь впитал, как губка, анонимную «мудрость» страшно далёких от сибирской пашни столичных чиновников.

Правда, существует такая часть Сибири, притом расположенная южнее илимской пашни, где возделывание озимых действительно рискованное и неблагодарное занятие. Это Забайкалье: Бурятия и особенно Читинская область. Но озимые там не удаются не столько из-за морозов, сколько из-за малоснежных, иногда почти бесснежных зим.

Однако это как раз то исключение, которое подтверждает правило. Озимая рожь хорошо растёт на всём огромном пространстве от Урала до Байкала. И если сейчас её в Сибири сеют мало, то отнюдь не по природно-климатическим причинам. А в степной и лесостепной части Западной Сибири, где снега выпадает значительно больше и минимальные температуры не такие низкие, можно с успехом выращивать и озимую пшеницу. Она действительно занимает значительные площади, особенно в Тюменской и Омской областях и в Алтайском крае.

Здесь мы вновь обратимся к трудам Госкомиссии по сортоиспытанию. В «Госреестре селекционных достижений, допущенных к использованию» (2000) для Западной Сибири приведено 9 районированных сортов озимой ржи и 7 районированных сортов озимой пшеницы, а для Восточной Сибири — 9 сортов озимой ржи и 2 сорта озимой пшеницы. То есть Госкомиссия, опираясь на данные сортоучастков, пришла к несколько иным выводам насчёт возможности выращивания озимых в Сибири, чем никогда не ставивший никаких опытов г-н Паршев.

А ЧЕМ ПЛОХИ ЯРОВЫЕ?

Однако не следует считать, что на озимых свет сошёлся клином. Есть обширная северная страна, которая производит и вывозит много зерна, хотя сеет почти одни яровые. Речь опять о Канаде.

Львиная доля канадской пашни сосредоточена в трёх степных провинциях — Манитобе, Саскачеване и Альберте. Впрочем, словом prairie канадцы называют не только степь, но и лесостепь. И лесостепь в Канаде распахана как раз сильнее, чем открытая степь, потому что лучше увлажнена. Зима в Мани-

тобе, Саскачеване и Альберте холодная, средние температуры января в основном минус 17–19°С. Только на западе Альберты, у подножья Скалистых гор они повышаются до –14°С, поскольку там зимой нередко дует тёплый ветер — фён. Но минимальные зимние температуры ниже как раз на западе канадской степи и лесостепи (–50°С), чем на востоке (–44°С). Снега выпадает не очень много. В этих условиях канадцы пошли по пути приспособления к природе и стали сеять почти исключительно яровые. Ведущее место в посевах занимает пшеница, меньшую роль играют овёс и ячмень. Урожайность действительно не слишком высока. Но ведь и затраты на выращивание яровых хлебов на чернозёмах невысоки! Поэтому по соотношению затрат и выручки от реализации канадские фермеры в минусе не остаются.

Так что вполне возможно и действительно существует зерновое хозяйство, основанное почти целиком на выращивании яровых. А для них температура зимы безразлична. Что касается летнего тепла, то хоть в России, хоть в Канаде его как раз хватает на всей пригодной для земледелия площади. Ведь северная граница земледелия всюду обусловлена именно нехваткой летнего тепла, а не зимними морозами.

ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ БИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОДУКТИВНОСТЬ

Наконец, самый сильный довод г-на Паршева против способности России прокормить себя — будто бы крайне низкая биологическая продуктивность нашей территории. Как ни удивительно, в книге «Почему Россия не Америка» этот важнейший тезис выдвинут походя, между делом. Сравнивая численность лосей в России и Финляндии, г-н Паршев утверждает: **«...в зоне тайги — северо-восток Финляндии — плотность лосей, как у нас, а вот западная часть — зона широколиственных лесов. Там в основном лоси (да и финны) живут, биологическая продуктивность леса и поля в этой зоне чуть не на порядок выше»** (с. 39).

Очевидно, что вопрос очень серьёзный, хотя поставлен в странной форме. Плотность лосей волнует сравнительно немногих. А вот оценка продуктивности лесов и полей России исключительно важна для понимания перспектив сельского хозяйства и лесоводства в нашей стране.

Начнём с уточнения границ природных зон. При беглом взгляде на любую карту (например, из учебника П.П. Второва и Н.Н. Дроздова «Биогеография») сразу станет ясно, что на северо-востоке Финляндии лоси вообще не живут и жить не могут. Там тундра, где пасутся большие стада домашних и диких северных оленей. Тайга расположена южнее. Она занимает всю среднюю, наиболее обширную полосу Финляндии, а также юго-восток этой страны. А небольшая юго-западная часть Финляндии принадлежит к природной зоне смешанных (хвойно-широколиственных) лесов.

Неспособность г-на Паршева различить широколиственные и хвойно-широколиственные (смешанные) леса приводит к очень грубой ошибке. Любой школьник обязан знать различия между ними! Даже совсем далёкому от географии человеку понятно, что Москва и Киев расположены в разных природных зонах. Столица России стоит у северной границы смешанных (хвойно-широколиственных) лесов, поэтому в городских лесопарках можно встретить и дуб, и липу, и сосну. Ель (кроме так называемой голубой ели) в загазованном городе не жилец, но в ближнем Подмосковье ельников много. А вот в зоне широколиственных лесов, в которой находится столица Украины, ель уже не растёт. И редкие сосновые боры встречаются только на песках. Зато разнообразие широколиственных пород возрастает: к дубу и липе добавляются граб и явор, а в посадках и настоящий, съедобный каштан.

Но если г-н Паршев перепутал расположение природных зон (хочется надеяться, что не намеренно ввёл читателей в заблуждение), то, может быть, в своих рассуждениях об их сравнительной продуктивности он всё-таки прав?

Прежде всего, отметим, что продуктивность леса и продуктивность поля — две совершенно разные величины. Требования к условиям окружающей среды деревьев и травянистых растений (например, хлебных злаков) сильно отличаются. В XIX веке этой простой истины не понимали даже некоторые учёные. И оттого великому русскому почвоведу В.В. Докучаеву в «Русском чернозёме» приходилось разъяснять: «Данный комплекс климатических условий не может быть одновременно вполне благоприятным и для степной, и для лесной растительности, а поэтому и говорить о большой пригодности климата вообще для растительности невозможно (разрядка В.В. Докучаева. — *И.С.*)»[1]. Естественно, что у главных полевых культур — хлебных злаков — требования к климату близки к требованиям дикорастущих степных злаковых трав. (Исключение составляет рис, но его в России сеют очень мало.) То есть максимальная продуктивность леса и поля нигде и никогда не совпадет. В одних местностях лес будет расти хорошо, а полевые культуры — посредственно, в других — наоборот.

Продуктивность поля измерить сравнительно легко — её мерой служит урожайность возделываемых культур. Правда, при измерении продуктивности через урожайность надо строго выдержать принцип единственного различия. Поясню это на примере. По урожайности зерновых сравниваются две страны. В одной из них (допустим, в Швеции) ежегодно вносят большие дозы минеральных удобрений. В другой (допустим, в России) уже больше 10 лет минеральные удобрения либо не применяют, либо вносят очень малыми дозами и нерегулярно. К тому же и до этого их применяли по принципу: где густо,

[1] Докучаев В.В. Русский чернозём : Отчёт Вольному экономическому обществу / вводн. ст. и общ. ред. В.Р. Вильямса; биогр. и коммент. З.С. Филипповича. (С приложением 3 почвенных карт под редакцией Л.И. Прасолова). М. ; Л.: ОГИЗ — Сельхозгиз, 1936. С. 268–269.

а где пусто. Очевидно, что если мы сравним урожайность в странах со столь огромными различиями в агротехнике, то полученные нами цифры не будут отражать естественную продуктивность полей.

Однако в пределах одного государства экономические условия и культура земледелия обычно различаются не столь резко. Поэтому можно предположить, что урожайность сельскохозяйственных культур (например, зерновых) в среднем за несколько лет отражает большую или меньшую благоприятность почвенно-климатических условий.

Сравним урожайность зерновых в двух российских областях — Брянской и Владимирской. Первая из них большей частью находится как раз в зоне широколиственных лесов, хотя её северная треть уже попадает в полосу смешанных (хвойно-широколиственных) лесов. Владимирская область принадлежит к природной подзоне южной тайги. Если всерьёз воспринимать слова г-на Паршева, то продуктивность поля в Брянской области должна быть «чуть не на порядок выше», чем во Владимирской.

Таблица 2.3. Урожайность зерновых в Брянской и Владимирской областях (ц/га)

Область	1996	1997	1998	1999	Средняя
Брянская	9,5	13,5	10,4	8,0	10,3
Владимирская	14,2	17,0	10,2	6,8	12,1

Источник: АПК России. М., 2000.

Конечно, урожайность там и здесь удручающе низкая. Но всё же во Владимирской области она оказалась даже немного выше! И, разумеется, ни о каких различиях «чуть ли не на порядок» и речи быть не может.

Наша страна — не исключение из правил. Вообще, нельзя утверждать, что при продвижении с севера на юг урожайность обязательно должна расти. Где-то это так, а где-то действует обратная закономерность. Скажем, данные об урожайности сильной озимой пшеницы в четырех штатах США за 1971–1981 годы совсем не подтверждают обычного мнения г-на Паршева о том, что чем жарче, тем лучше.

Таблица 2.4. Урожайность сильной озимой пшеницы в некоторых штатах США (ц/га)

Штат	Урожайность
Небраска	24
Канзас	21
Оклахома	18
Техас	15

Источник: Николаев М.В. Современный климат и изменчивость урожаев. Зерновые регионы умеренного пояса. СПб.: Гидрометеоиздат, 1994.

В таблице 2.4 мы видим закономерное снижение урожайности при движении с севера на юг — из Небраски, по климатическим условиям напоминающей Ставропольский край, в субтропический Техас. Удивляться этому не следует, поскольку жаркий и засушливый климат неблагоприятен для сельскохозяйственных культур умеренного пояса.

Теперь коротко о продуктивности леса. Подсчитать её намного сложнее. Но всё же подсчёты сравнительной продуктивности различных растительных сообществ существуют.

Таблица 2.5. Биологическая продуктивность растительных сообществ суши (по Р. Уиттекеру, 1980)

Сообщество	Чистая первичная продукция фотосинтеза, кг/кв. м в год
Влажный тропический лес	2,2
Широколиственный лес	1,2
Тайга	0,8
Саванна	0,9
Степь	0,6
Тундра	0,14
Пустыня	0,09
Агроценозы	0,65
Пресноводные экосистемы	0,25
В среднем для суши земного шара	0,773

Как видно из таблицы 2.5, тайга, занимающая на территории России наибольшую площадь, совсем не так уж плоха по биологической продуктивности. Да, она уступает и влажным тропическим, и широколиственным лесам. Но отнюдь не на порядок! Показатель биологической продуктивности тайги почти совпадает со средней величиной по всей суше земного шара (немного превышает её). И, во всяком случае, тайга ближе по величине чистой первичной продукции фотосинтеза к широколиственным лесам, чем к таким малопродуктивным сообществам, как тундры и пустыни.

Между прочим, сообщества с высочайшей продуктивностью (более 2 кг первичной продукции на 1 кв. м), не уступающие влажным тропическим лесам, есть и на территории России[1]. Но это не леса и не поля, а тростниковые крепи в устьях Волги и Дона. Площадь их, конечно, мала. Однако сам факт наличия таких сообществ в умеренных широтах доказывает, что биологическая продуктивность зависит не только от теплообеспеченности. Хотя тепло наряду с влагой и доступностью элементов минерального питания —

[1] См.: Миркин Б.М., Наумова Л.Г., Соломещ А.И. Современная наука о растительности. М.: Логос, 2002.

это три самых важных фактора, влияющих на величину первичной чистой продукции.

Таблица убедительно доказывает правоту Докучаева: продуктивность леса и продуктивность поля напрямую не связаны. И в южной, и в средней тайге чистая первичная продукция фотосинтеза выше, чем в степях, и лишь северная тайга немного уступает степной зоне. Но не только в северной, но и в средней тайге земледелие развито очень слабо. А вот целинные степи в европейской части России почти не сохранились: они распаханы.

И ещё один важный вывод: человек пока хозяйничает на земле плохо. Созданные им искусственные сообщества культурных растений — агроценозы — менее продуктивны, чем природные экосистемы. Чистая первичная продукция полей превышает 1 кг/кв. м только там, где одновременно применяют и орошение, и минеральные удобрения. При отсутствии хотя бы одного из этих условий первичная продукция полей всегда меньше килограмма с квадратного метра, то есть уступает продуктивности среднего подмосковного леса. В лесах Московской области этот показатель как раз и равен 1 кг.

Но перейдём к положительной программе г-на Паршева. В области сельского хозяйства она не обширна. Но вот один из его глубокомысленных советов: **«Землю возделывай по Вильямсу — был у нас такой почвовед, впоследствии ошельмованный, который считал, что целью агротехники является повышение плодородия почвы, а не истощение его монокультурой на продажу»** (с. 223).

ЛАВАНДА С ЗАПАХОМ НАФТАЛИНА

Честное слово, хочется протереть глаза: верится с трудом! Прославлять Василия Робертовича Вильямса (1863–1939) — в наше время!! Г-н Паршев именует Вильямса «почвоведом», но для столь лестной оценки этого деятеля нет оснований. Хотя Вильямс и написал объёмистую книгу «Почвоведение», к науке о почвах в послереволюционный период своей деятельности он никакого отношения не имел. И сам в этом достаточно откровенно признавался. Вообще, более убийственной критики Вильямса, чем дословные цитаты из его сочинений, не придумаешь. Вот хотя бы: «Очень часто эти два раздела, почвоведение и общее земледелие, в вузах СССР составляют предмет ведения и преподавания двух отдельных кафедр, как две самостоятельных дисциплины.

Это, несомненно, грубейшая ошибка, вытекающая из некритического освоения наследства буржуазной науки Они (почвоведение и общее земледелие. — *И.С.*) искусственно лишаются главной основы марксистско-ленинско-сталинской диалектики, непосредственной связи с производством, поэтому не могут его обслуживать, а в таком виде могут принести только вред.

Первый раздел, почвоведение, обращается в "науку ради науки", в "педологию", "чистую науку", никому не нужную, ибо её выводы, основанные на формальных, то есть морфологических, количественных признаках, не могут быть использованы производством, основанным на качественных признаках. Только один раздел педологии, картография, блестяще развитая трудами академика Л.И. Прасолова, имеет производственное значение как основа инвентаризации основного средства производства»[1].

Вряд ли нужно доказывать, что ни один подлинный учёный, пусть даже работающий в прикладной области, не станет отрицать огромную важность фундаментальной науки («науки ради науки»). Весь мировой опыт развития всех наук неопровержимо свидетельствует о том, что без «чистой науки» и прикладные дисциплины беспомощны и бессильны. Очевидно также, что количественные и качественные признаки неразрывно взаимосвязаны. Отказавшись от изучения количественных признаков, ничего нельзя сказать и о качественных. Разве что «на глазок», «по наитию», но это не наука.

И наконец, разбирайся Вильямс хотя бы немного в почвоведении, он бы сообразил, что без тщательного и кропотливого изучения морфологических и количественных признаков никаких почвенных карт составить нельзя. А так у «почвоведа» вышла полная абракадабра: академика Прасолова он похвалил, а всю ту научную работу, на которой основывались прасоловские карты, объявил ненужной!

Разумеется, утверждение г-на Паршева, что Вильямса якобы «ошельмовали», совершенно ложно. Этот «народный академик» сам шельмовал других, и очень усердно. Вот характерный образец: «Не считаясь с основами теоретической химии, возрождается архаическое, уже сданное в архив гипотетическое представление о "почвенных цеолитах" под новым названием "поглощающего комплекса", отличающегося от старых "почвенных цеолитов" только тем, что в состав "поглощающего комплекса" входит, кроме "почвенных цеолитов", ещё и "минерально-органическая гуматная" часть. Последняя представляет возрождение из пепла не менее архаического гипотетического представления Л. Грандо и Эггертца о "чёрном веществе".

"Поглощающий комплекс" обладает одним неоспоримым преимуществом. Он очень быстро разрушается и также быстро восстанавливается, смотря по надобности в нём у экспериментатора или по его излишеству. Для меня совершенно ясны огромные трудности этого направления Но также ясен и огромный вред агрохимического направления» (с. 5–6)[2].

Всё это грубое ёрничанье направлено против крупнейшего открытия в мировом почвоведении первой половины XX века — теории почвенного погло-

1 Вильямс В.Р. Почвоведение. Земледелие с основами почвоведения. М.: Сельхозгиз, 1938. С. 5.
2 Здесь и далее ссылки на указ. соч. В.Р. Вильямса.

щающего комплекса, разработанной выдающимся русским учёным Константином Каэтановичем Гедройцем (1872–1932). Когда человек не в состоянии оценить передовое направление в той или иной науке, он тем самым доказывает свою некомпетентность в ней. Но Вильямс не только не смог понять теорию поглощающего комплекса, он и дельно критиковать её не был способен. Для этого ему следовало бы знать химию и разбираться в почвах. Но теоретическую химию Вильямс знал от силы на уровне середины XIX столетия, а якобы выделенную им в кристаллическом виде «креновую кислоту» больше уже никто никогда не обнаруживал. Это вещество оказалось сродни теплороду и флогистону. Что касается почв, то «народный академик», превратившийся после перенесённого ещё до революции инсульта в сугубо кабинетного теоретика, их по-настоящему не знал да и не желал знать. Куда проще было охаивать Гедройца и его школу, а теорию поглощающего комплекса издевательски сравнивать с давно забытыми гипотезами XIX века.

Зато самого Вильямса критиковать было нельзя. Он попал в обойму тех «авторитетов», которых разрешалось только восхвалять. И, зная о неподцензурности любой критики, Вильямс врал с три короба: «Нам хорошо известен процесс "прэцессии", или "предварения равноденствий". Оно состоит в том, что ежегодно моменты равноденствий наступают на 30,1 секунды раньше, чем в прошлом году. Такой процесс заставляет признать ещё одно вращательное движение всей массы Земли, совершающееся приблизительно в том же направлении, как и суточное обращение, но со скоростью одного оборота круглым числом в 100 000 лет...

Прэцессионное обращение Земли влечёт за собой такие последствия. Полярные в настоящее время области через 25 000 лет (округло) пройдут через экватор. Через следующие 25 000 лет они будут погребены под антарктическим ледником и ещё через 25 000 лет опять пройдут через экватор, но уже в западном полушарии и ещё через 25 000 лет займут приблизительно старое место» (с. 140).

Бред? Конечно! Ахинея? Очевидно! Но это официальный государственный бред сталинской эпохи. Книга Вильямса «Почвоведение» благодаря обилию подобной околесицы была допущена Главным управлением вузов и техникумов Наркомзема СССР в качестве учебного пособия для сельскохозяйственных вузов! Так что студентов обязывали заучивать эту галиматью.

И в самом деле: как смело! как решительно! как революционно! Двумя абзацами товарищ Вильямс ниспроверг сразу две науки: астрономию и геологию. Ни о каком «прэцессионном обращении Земли» представители этих наук не слыхали, и оно совершенно несовместимо со всеми фактами, накопленными астрономами и геологами. Правда, в астрономии существует понятие «прЕцессия», но этим словом обозначают движение оси вращения Земли, а не планеты как таковой! Что касается перемещения полюсов, то астрономы устано-

вили, что Северный полюс действительно движется в пределах квадрата со сторонами 30 метров!

Но, хотя вильямсовская «прЭцессия» — просто галиматья, именно на этой «строго научной» основе красный академик[1] построил всю свою теорию «единого почвообразовательного процесса». По этой злополучной теории, которую больше 20 лет вынуждены были зубрить советские студенты, тундровые почвы сменяются подзолистыми (лесными), подзолистые — дерновыми (луговыми), дерновые — болотными, а потом на месте болот почему-то развивается... степь. Чернозём же, по Вильямсу, может образоваться во всяком климате! Доказательств существования «прэцессий» — краеугольного камня своей теории — Вильямс вовсе не приводил. Они были излишни, поскольку на стороне «выдающегося советского почвоведа-агронома» выступали власть предержащие.

К сведению г-на Паршева, Вильямс излучал бескрайний оптимизм в отношении будущего первого в мире социалистического государства. На основе своих мифических «прэцессий» он «доказал», что у нас климат меняется в сторону потепления, и примерно через 13–15 тысяч лет мы окажемся на экваторе. Напротив, на Северную Америку неудержимо наступает полярный холод, и через такое же время и даже несколько раньше территория США покроется льдом. Даже странно, что г-н Паршев не взял эту «теорию» Вильямса на вооружение. Но скорее всего он и Вильямса-то не читал.

КОРНИ ЛЖЕНАУКИ

Почему всё-таки в Советском Союзе процветали откровенно чуждые и враждебные науке «учения»: лысенковщина в биологии, вильямсовщина в почвоведении, марризм в языкознании? Дело не только в общих свойствах всех тоталитарных и деспотических режимов, при которых мнение начальства выступает единственным твёрдым критерием истины. Большую роль сыграли и особенности господствовавшей в СССР идеологии — марксизма-ленинизма.

Идеологию можно определить как систему общественно-политических убеждений или как способ ориентации человека в посюстороннем мире (в отличие от религии, ориентированной на вечность). Но в любом случае это не система знаний, то есть не наука. Само утверждение марксистов-ленинцев, будто они создали научную идеологию, должно настораживать. На вопрос, может ли идеология стать научной, следует отвечать примерно так же, как отве-

[1] Вначале, в 1928 г., Вильямс пролез в ВКП(б), и лишь тремя годами позже, при сильнейшем давлении со стороны партии, — в академики. В ту пору академики-коммунисты встречались ещё крайне редко, и партия очень заботилась об увеличении их числа.

чал в известном анекдоте старшина на вопрос, летают ли крокодилы: «Летают, но низенько-низенько».

В состав идеологической мешанки временами могут попадать и некоторые элементы научных знаний, но в целом наука и идеология несовместимы. Цель науки — истина. Идеология же всегда обслуживает те или иные интересы и постоянно приносит истину в жертву этим интересам.

Однако марксизм претендовал на статус науки. Причём у бородатых основоположников — К. Маркса и Ф. Энгельса — попытка выдать свою ультралевую революционно-разрушительную идеологию за научную теорию, вероятно, не была сознательной маскировкой. Авторитет науки в середине XIX века нам сейчас трудно представить, настолько преклонялось перед ней тогдашнее образованное меньшинство. И Маркс не составлял исключения. Он с примерным трудолюбием занялся политэкономией и написал три толстых тома «Капитала» в надежде придать коммунистическому учению научное обоснование. Но фокус не удался. И дело даже не в том, что все свои основные положения Маркс и Энгельс изложили в «Манифесте Коммунистической партии» лет за 10 до того, как Маркс принялся всерьёз штудировать политэкономию. Такая последовательность применима и в науке. Сперва строится гипотеза, а потом проводят те эксперименты, которые призваны её подтвердить или опровергнуть. В современной физике такой подход безраздельно господствует. Но особенность марксистского учения в том, что оно принципиально непроверяемо: нет такого эксперимента, отрицательный результат которого послужил бы в глазах марксистов опровержением их теории. Отрицательных результатов в ходе марксистских экспериментов в различных странах получена тьма, но коммунистов это нисколько не задевает — знай талдычат своё. Таким образом, марксизм к науке никакого отношения не имеет, но под неё косит. То есть представляет собой характерный образчик лженауки.

На деле марксистское учение, особенно в его ленинско-сталинской разновидности, всецело держится на вере. Но этот факт коммунисты всегда старались тщательно скрывать. Более того, искренне верующие марксисты-ленинцы считали своё «передовое учение» образцом подлинной (классовой, революционной, преобразующей мир) науки. Причём чем ниже был у ленинца-сталинца образовательный уровень, тем крепче он верил в непогрешимость и научную обоснованность коммунистической идеологии. А в 1930-х годах советская партноменклатура на 60–70% состояла из людей с начальным образованием, возглавлял же её недоучившийся семинарист. Конечно, настоящую науку такие люди не понимали, а потому относились к ней враждебно. Зато «революционеры», сокрушавшие треклятую буржуазную науку и создававшие новую («упрощённую» и свободную от ненавистной всем марксистам математики), советскую, всегда могли рассчитывать на поддержку сверху. Ведь в конечном счёте прообразом всех подобных научных «револю-

ций» служила «революция», произведённая Марксом и Энгельсом в общественных науках.

И такие «революционеры» отыскались. Что объединяло Вильямса, Лысенко и им подобных, так это смелость невежества и крайняя категоричность и безапелляционность в суждениях. Они изрекали истину в последней инстанции и не считали необходимым указывать какие-либо факты в подтверждение своих завиральных идей — отчасти и потому, что таких фактов просто не существовало. Ещё одно неизменное свойство таких «народных академиков» — открытая враждебность к «чистой» (фундаментальной) науке. И Вильямс, и Лысенко твердили, что «чистая» наука бесполезна, а вот их «гениальные открытия» в кратчайшие сроки помогут производству. Конечно, чиновников это приводило в восторг. Ибо когда же отечественные чиновники не испытывали ненависти к науке и не провозглашали, что их цель — подъём производства?

ЧЕМ ВИЛЬЯМС ПЛЕНИЛ НАЧАЛЬСТВО, ИЛИ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПЛОДОРОДИИ

Вильямс без конца повторял слово «плодородие». По его утверждению: «Плодородие — существенный признак почвы... Понятия о почве и её плодородии неразделимы. Плодородие — существенное свойство, качественный признак почвы, независимо от степени его количественного проявления» (с. 35).

Но это определение ложно. В самом деле, если плодородие существует, то как его измерить? Другого способа исчисления плодородия, кроме учёта урожая растений, просто не придумано! А это означает, что плодородие — свойство не почвы, а растения. Вообще-то, об этом свидетельствует и само русское слово «плодородие»: именно растения «рождают» плоды, и никто другой. В переносном смысле слово «плод» может относиться к животным и людям, но чтоб к почве?! Она никаких плодов не даёт.

Действительно, какая из почв «плодороднее»: чернозём, торфяник или солончак? Смотря для какого растения! Пшеница даст хороший урожай на чернозёме, но на торфяном болоте погибнет от повышенной кислотности и переувлажнения, а на солончаке — от избытка солей и нехватки влаги. Но клюква и солянка другого мнения. Клюква признает «плодородным» торф, а на чернозёме погибнет почти так же быстро, как и на солончаке. А для солянки ничего «плодороднее» солончака и придумать нельзя.

Человек уже около 12 тысяч лет выращивает злаки и привык смотреть на «плодородие» со «злаковой» точки зрения. Но такому наивному взгляду, вполне простительному для необразованных крестьян прошлых веков, не место

в науке. К сожалению, некоторые наши учебники до сих пор повторяют вильямсовское пустословие насчёт «плодородия почв» и компостируют мозги уже нынешнему поколению студентов. К слову, известный немецкий учёный Гюнтер Кант советовал заменить понятие «плодородие почвы» понятием «здоровье почвы»[1]. И против этого трудно возразить.

Итак, мы убедились, что г-н Паршев похвалил Вильямса за то, что последний заботился о повышении мнимой величины («плодородия почвы»). Но и этой сомнительной похвалы «народный академик» никоим образом не заслуживает.

Здесь стоит остановиться на единственном заметном различии, которое существовало между Вильямсом и Лысенко. Создатель «мичуринской биологии» с самого начала своей блистательной карьеры занялся более выгодной и безопасной лженаукой и к настоящей науке никакого отношения не имел. Иное дело — Вильямс, большая часть жизни которого прошла до революции. Его работы 1890–1900-х годов находились в рамках науки, хотя и не на её передовом крае. Вильямс деградировал до лжеучёного лишь при тоталитарном сталинском режиме. Но понимание того, что представляет собой подлинная наука, у Вильямса всё же наличествовало. Более того, всячески принижая и оплёвывая крупнейших русских учёных своего времени (К.Д. Глинку, К.К. Гедройца, Д.Н. Прянишникова, Н.М. Тулайкова[2]), этот сын переселившегося в Россию американца до конца своих дней сохранял известное уважение к западной науке и кое-что оттуда заимствовал. В первую очередь — травопольные севообороты.

«ТРАВОПОЛЬНАЯ СИСТЕМА»

В советских справочниках и энциклопедиях можно прочитать, что Вильямс якобы «разработал травопольную систему земледелия». Это очень сильное преувеличение! В Западной Европе многолетние травы из семейства бобовых (клевер и люцерну) стали вводить в севообороты лет за 100 до «выдающегося советского почвоведа-агронома». И сам Вильямс это признавал: «Прототипом плодопеременного севооборота, удовлетворяющим всем требованиям, считался норфолькский севооборот в Англии: клевер, озимая пшеница, кормовая репа (турнепс) по навозу, двухрядный ячмень с подсевом клевера.

---

1 Кант Г. Биологическое растениеводство: возможности биологических агросистем / пер. с нем. С.О. Эбель. М.: Агропромиздат, 1988. С. 8.

2 Арест Тулайкова, погибшего в ходе сталинских репрессий, по крайней мере, отчасти на совести Вильямса, который многократно публично обвинял этого крупнейшего специалиста по земледелию в засушливых районах во «вредительстве». Вместе с Тулайковым посадили и многих его сотрудников.

<...> Растения, высевавшиеся на полях с целью кормления животных, принадлежали к трём группам: 1) корнеплодам, в Англии турнепс, в Германии кормовая свёкла и в скандинавских государствах брюква; 2) кормовым капустам, во Франции; и 3) травам, в Испании эспарцет и люцерна, в Италии преимущественно александрийский клевер и люцерна и в Англии клевер. Италия скоро забросила культуру александрийского клевера и перешла на люцерну, откуда последняя перешла во Францию и в Венгрию. Из Англии клевер перешёл в Голландию, Данию, Бельгию, позже в скандинавские страны и уже оттуда перекочевал в Германию, прибалтийские страны, и возвратился, наконец, в Россию под названием английской дятловины.

В первое время развития посева многолетних бобовых они разводились только с кормовыми целями. Но раз проникнув на поля, они быстро оказали влияние на значительный подъём урожаев однолетних зерновых хлебов и быстро завоевали своё место в севообороте.

<...> Время вспашки травяного поля — причина, по которой старый норфолькский севооборот — 1) клевер, 2) озимая пшеница, 3) репа, 4) ячмень с подсевом клевера — не может быть признан травопольным, а представляет паровой севооборот с клевером в занятом пару. По этой же причине ясно, почему современный норфолькский севооборот необходимо считать травопольным: в нём поле многолетних трав вспахивается в октябре и на следующий год используется под яровую пшеницу» (с. 306, 310–311, 339).

Конечно, нельзя исключать, что норфолкский севооборот изобрёл какой-нибудь Williams. В Англии эта фамилия встречается с той же частотой, как в России Иванов или Смирнов. Но уж верно Williams'а из Норфолка звали не Василием!

Стоит добавить, что травопольные севообороты были известны и в России конца XIX века. Их сторонником выступал крупный учёный А.В. Советов (1826–1901).

Травопольные севообороты, то есть севообороты с многолетними бобовыми, действительно полезны. Бобовые живут в симбиозе с азотфиксирующими бактериями, поэтому почва под многолетними бобовыми обогащается азотом. А азот — один из трёх основных элементов минерального питания всех растений. Поэтому травопольные севообороты на самом деле улучшают и обогащают почву, делают её более «плодородной» (с точки зрения основных сельскохозяйственных культур, в первую очередь хлебных злаков, а также возделывающего их человека). И если бы Вильямс просто пропагандировал изобретённые задолго до него севообороты с многолетними бобовыми, то эта сторона его деятельности заслуживала бы положительной оценки.

Но Вильямс был типичным лжеучёным. И даже такое хорошее дело, как травопольные севообороты, он постарался изгадить. Во-первых, «травопольная система земледелия» была объявлена единой и общеобязательной для всей

огромной территории СССР. «Доказательство» общеобязательности этой системы всецело лежало в плоскости политической демагогии: одному типу хозяйства — социалистическому — должна соответствовать одна система земледелия — травопольная. Во-вторых, из множества бобовых трав Вильямс рекомендовал только две: клевер и люцерну. Между тем общий недостаток клевера и люцерны — низкая урожайность семян. Поэтому практики — агрономы и руководители колхозов и совхозов — сразу поняли, что довести площадь бобовых до требуемых начальством (и теорией Вильямса) величин будет необычайно трудно. Правда, «народный академик» твердил, что «это — пустая отговорка. Если нет семян, то нужно их получить. И задача получения семян представляется чрезвычайно легко выполнимой» (с. 330). Но то, что «чрезвычайно легко» получалось у Вильямса на бумаге, никак не удавалось в реальной жизни. Задача получения высоких и устойчивых урожаев семян клевера и люцерны не решена в России и по сей день.

Ещё одна характерная черта травопольных севооборотов по Вильямсу состоит в том, что они у «великого учёного сталинской эпохи» совсем не связаны с почвами! Кроме шуток: Вильямс рассматривал всего «три группы комбинаций многолетних злаков и многолетних бобовых, отвечающих в большей или меньшей степени условиям северной, южной и среднеазиатской областей СССР» (с. 332). То, что различные почвы — а в каждой из трёх огромных «областей» разнообразие почв очень велико — требуют соответствующего набора приспособленных к ним культур, до академика не доходило.

А следующий совет Вильямса начисто разбивает утверждение г-на Паршева, будто возвеличенный сталинским режимом «почвовед» выступал против монокультуры. Судите сами: «По всему, что сказано выше, понятно, что после травяного поля должно следовать только растение, которое может использовать этот избыток азота И лучшим растением, которое может использовать все благоприятные условия такого поля, представляются яровые мягкие пшеницы, которые могут следовать за травяным полем в течение двух лет подряд» (с. 347).

Вообще-то, на языке 1930-х годов подобный совет называется вредительством. Выращивание пшеницы по пшенице резко увеличивает угрозу поражения посевов болезнями. А потери урожая от ржавчины, твёрдой и пыльной головни и прочих грибных заболеваний могут исчисляться десятками процентов. Припомним ещё и то, что эффективных фунгицидов в ту пору не было. Впрочем, во вредительстве в сталинское время обвиняли только честных людей, а такой заведомый прохвост, как Вильямс, чувствовал себя в безопасности.

Но коренной порок «травопольной системы земледелия» состоял всё-таки в том, что теория Вильямса никоим образом не позволяла определить, повышается «плодородие почвы» или снижается. То есть никто не мог проверить,

полезна рекомендуемая этой теорией агротехника или вредна. Узнать это можно только путём точного химического анализа почвы. Если принятый севооборот ведёт к увеличению содержания в почве гумуса и азота, то его необходимо признать почвоулучшающим. Урожайность сельскохозяйственных культур в таком севообороте будет постепенно повышаться от ротации к ротации. Пользуясь ненаучной, но не вышедшей до конца из употребления терминологией, можно сказать, что в подобном севообороте возрастает «плодородие почвы». И напротив, если севооборот приводит к снижению содержания гумуса и азота в почве, то условия для сельскохозяйственных культур будут ухудшаться, а урожаи (при прочих равных условиях) — падать.

Однако определить, что происходит с почвой на самом деле, нельзя без обращения к точным количественным методам. А Вильямс, как мы помним, безоговорочно отверг изучение количественных признаков! Более того, «народный академик» требовал запретить составление агрохимических карт! Конечно, это объясняется прежде всего полной беспомощностью «учёного-большевика» в химии, но результат всё равно был плачевным. Что касается научного почвоведения, которое не надо смешивать со «школой Вильямса», то его представители от точных количественных определений не отказывались. Но разве могли они надеяться на публикацию данных, противоречащих высочайше одобренному «учению» Вильямса?

И, наконец, вершина «мудрости» Вильямса — полное отрицание севооборотов как таковых: «Основы чередования культур травопольного севооборота. Здесь нельзя входить в большие детали по этому вопросу, потому что самый состав культур полевого севооборота может подвергаться значительным колебаниям в зависимости от государственных плановых заданий» (с. 343). И ещё откровеннее: «...тот севооборот верен, то хозяйство правильно специализируется, которое полностью обеспечивает выполнение государственных плановых заданий в их перспективном аспекте» (с. 427). Перспективный аспект тут для отвода глаз, а суть проста: начальство всегда право!

Понятно, что наверху восторженно относились к такой, с позволения сказать, «науке». Ещё бы: заранее оправдывался любой произвол чиновников, любые самые вздорные и нелепые решения — лишь бы они шли сверху, от партии и правительства. И, конечно, такой подход в принципе несовместим с заботой о «плодородии почвы», если подразумевать под этим обогащение почвы гумусом и азотом и улучшение её структуры. Но ждать от лакея деспотического режима — а как иначе назвать Вильямса? — заботы о грядущих поколениях нелепо. Такие «выдающие(ся) деятели» всегда живут одним днём.

Четверть века «травопольная система земледелия» считалась непогрешимой. Её не только вбивали в головы студентам — будущим агрономам и почвоведам, даже ведущих советских учёных заставляли выступать с похвалами в адрес Вильямса и его вздорной «теории». На подобное унижение принудили

пойти таких крупных почвоведов, как академики Б.Б. Полынов и И.П. Герасимов. Они, как и все настоящие учёные, хорошо знали истинную цену Вильямсу и его «учению». Но против лома нет приёма! В том-то и состояло паскудство сталинской эпохи, что нависавшая над каждым угроза лагеря — а то и расстрела — заставляла даже порядочных людей идти на сделки с совестью. Уверяют, будто старик Полынов плакал, когда написал требуемый от него сверху панегирик Вильямсу: «Это самая позорная статья в моей жизни». Но в 1937–1939 годах Полынова уже продержали в тюрьме почти два года, и испуга хватило на всю оставшуюся жизнь.

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ: «ЦАРИЦА ПОЛЕЙ»

Однако протекли годы, и у кормила власти усатого людоеда сменил лысый любитель загранпоездок. И тут, в строгом соответствии с марксистско-ленинской диалектикой, на смену «травопольной системе» пришла её противоположность: по всей территории СССР стали сплошь сеять кукурузу.

Наивно и неразумно радоваться, когда наши чиновники кидаются из одной крайности в другую. Может быть, они и впрямь хотят, «как лучше», кто знает. Душа человеческая — потёмки (правда, сам факт наличия души у чиновников неочевиден). Во всяком случае, опыт показывает: когда бюрократия вместо одной кампании развязывает другую, «как всегда» выходит редко. Обычно становится хуже.

По общепринятому мнению, Никита Хрущёв влюбился в кукурузу после того, как побывал в американском штате Айова. Там этот злак действительно хорошо удаётся. Вообще, у кукурузы есть очевидные достоинства. Прежде всего — высокая продуктивность. На Кубани она даёт до 90 ц/га. И даже на северном пределе возделывания кукурузы на зерно, в Пензенской области, вполне достижимы урожаи 64–74 ц/га. Если вспомнить о присущей всем поколениям советских чиновников страсти к выполнению и перевыполнению планов по валу, то их выбор в пользу кукурузы далеко не случаен.

Но заставь дурака Богу молиться — он и лоб расшибёт. Кукурузу заставляли сеять повсеместно, независимо от климата и почвы. Как-то раз я заинтересовался послужным списком одного из столпов нынешней Российской академии сельскохозяйственных наук (РАСХН, бывшая ВАСХНИЛ) — академика В.С. Шевелухи. И обнаружил там статью, посвящённую возделыванию кукурузы в Ярославской области! При каком правителе вышла эта статья, каждый легко догадается без подсказки. Чуткий конъюнктурщик, Шевелуха всегда держал нос по ветру. Таков он и сейчас. Только сегодня делает ставку на генетически модифицированные организмы (ГМО).

Всё-таки до чего несправедливо обвинение части жителей Ярославщины — пошехонцев — в том, что они главные дураки на Руси! Наихудшие дураки сидят в московских чиновничьих кабинетах. Ну какой пошехонец додумался бы сеять на своей малой родине кукурузу? А ведь заставили.

Однако беда была не только в том, что кукурузу насаждали там, где она не могла дать урожая. Эта культура имеет и ряд других отрицательных качеств. Так, зерно кукурузы — хороший корм для скота и птицы, но содержит слишком мало белка. Вместе с кукурузой надо давать высокобелковые добавки. Но у нас об этом нередко забывали, а ещё чаще никаких белковых кормовых добавок в натуре не было. Результаты получались плачевными.

Но ещё печальнее другое: кукуруза, как и прочие пропашные культуры, ухудшает и истощает почву. Дело в том, что пропашные культуры требуют неоднократной междурядной обработки в течение сезона. Но чем больше рабочие органы сельскохозяйственных машин дробят и измельчают почву, тем сильнее разрушается её структура. Водопрочные агрегаты размалываются, способность почвы удерживать влагу ослабевает. Заодно гибнет и множество дождевых червей. А вклад этих скромных животных в формирование почвенной структуры очень велик. К тому же они способствуют переходу питательных веществ в доступную для растений форму.

Дальше — хуже. Из-за разрушения структуры и снижения влагоудерживающей способности почвы под кукурузой ускоряется минерализация гумуса и падает его содержание в почве. Снижается, притом очень заметно, и запас основных питательных веществ, поскольку кукуруза их очень много выносит с урожаем. Если же возмещать этот вынос высокими дозами удобрений, то очень трудно избежать сильного загрязнения грунтовых вод. Особенно вредно возделывать «царицу полей» на склонах, где многократные обработки почвы очень способствуют усилению эрозии. К тому же в ходе всех этих обработок сжигается большое количество горючего.

Короче, кукуруза — высокозатратная и одновременно экологически вредная культура. И не стоит думать, что перечисленные вредные последствия её выращивания наблюдаются только в нашей стране. Американцы, хотя бы в том же штате Айова, заметили их ещё раньше. Чтобы нейтрализовать отрицательные последствия возделывания кукурузы, они, во-первых, стали выращивать её в трёхпольном севообороте с клевером и овсом, во-вторых, запахивали послеуборочные остатки и вносили навоз, в-третьих, применяли высокие дозы минеральных удобрений и, в-четвёртых, изобрели синтетические структурообразователи для восстановления разрушенной структуры почвы. Но последние показались американским фермерам чересчур дорогостоящими и получили лишь ограниченное распространение.

У нас дозы минеральных удобрений даже в самый благополучный для отечественного сельского хозяйства период сверхвысоких мировых цен на нефть

(1973–1986 годы), когда толика нефтедолларов перепадала и аграрному сектору, были в несколько раз ниже, чем в США. В хрущёвское время эти дозы вообще можно считать ничтожными. С навозом у нас хронический кризис, обусловленный, однако, не климатическими причинами, а фантастической глупостью отечественных чиновников (подробнее об этом ниже). Правда, в начале 1960-х в этом отношении дела обстояли лучше, чем сейчас. Синтетические структурообразователи в нашей стране вообще не применялись и не применяются. Из доступных нам средств на первое место стоит поставить севообороты. Но они у нас обычно соблюдались плохо. То из-за произвола чиновников, которые всё портили «планом по валу» и «планированием посевных площадей», то просто по недостатку семян той или иной культуры.

ПРОЦЕСС ПОШЁЛ

Из всего сказанного нетрудно сделать вывод: у нас отрицательные последствия широкого разведения кукурузы оказались выраженными куда резче, чем в США. Это подтверждают исследования почвоведов. Для оценки качества почв один из важнейших показателей — содержание в них гумуса.

Впервые систематическим определением содержания гумуса в почвах России занялся выдающийся русский учёный Василий Васильевич Докучаев (1846–1903), которого весь мир признал основоположником почвоведения как науки. Соратником Докучаева был Павел Андреевич Костычев (1845–1895). Если Докучаев брал в поле образцы почв, то Костычев проводил химические анализы в лаборатории. Результаты этих анализов вошли в классический труд Докучаева «Русский чернозём» (1883).

По данным Докучаева — Костычева, многие чернозёмные почвы европейской части России были исключительно богаты гумусом. Причём любопытно, что существовала достаточно чёткая закономерность — увеличение содержания гумуса в чернозёме с запада на восток. На Украине среднее содержание органического вещества в чернозёмных почвах составляло около 4,5%, причём на Правобережной Украине почвы оказались в среднем беднее гумусом, чем на Левобережной. Докучаев нашёл этому явлению верное объяснение. Украинские почвы по своему механическому составу в основном лёгкие, с высоким содержанием песка, а такие почвы накапливают меньше гумуса, чем суглинистые и глинистые. Кроме того, чернозём образуется только под степной растительностью. Под лесом — и Докучаев это впервые неопровержимо доказал — чернозём развиться не может. Между тем в довольно влажном климате Правобережной Украины существовали более благоприятные условия для лесной, а не степной растительности. И лишь человек, вырубив леса и создав на их месте пашни, превратил боль-

шую часть Правобережной Украины в безлесное или бедное лесом пространство.

Совсем другую картину обнаружил Докучаев в чернозёмной полосе России в её теперешних границах. Здесь ему нередко попадались очень богатые гумусом почвы. В центральной части чернозёмной полосы (так Докучаев называл территорию от водораздела Дона и Оки с Днепром и до правого берега Волги) среднее содержание гумуса в исследованных образцах достигло 8,4%. А между Волгой и Уралом оно составило 9,8%!

Данные по содержанию органического вещества в некоторых докучаевских образцах почв представлены в табличной форме. Для удобства читателя всюду указано современное административное деление, а вместо точных указаний Докучаева, в скольких верстах от города или села взят образец чернозёма, приведены лишь названия городов и уездов. Расстояние от городов нигде не превышает 12 вёрст, а часто составляет только 1–2 версты.

Таблица 2.6. Содержание гумуса в некоторых чернозёмных почвах (по В.В. Докучаеву)

Город, уезд (по старому административному делению)	Область, республика (по современному административному делению)	Мощность чернозёмной почвы, см	Содержание гумуса, %
Сергачский уезд	Нижегородская обл.	46–81	10,1–14,8
Саранск	Респ. Мордовия	45–63	10,1–10,4
Землянский уезд	Воронежская обл.	94	11,4
Балашовский уезд	Саратовская обл.	112–117	11,6–13,7
Саратов (правый берег Волги)	То же	61	10,5
Хвалынск	То же	40	15,1
Симбирск (правый берег Волги)	Ульяновская обл.	75	19,2
Чистопольский уезд	Респ. Татарстан	76	11,7
Мензелинский уезд	То же	65–71	10,8–11,3
Бугульма	То же	48	15,4
Бирский уезд	Респ. Башкирия	?	14,2–15,5
Бугурусланский уезд	Оренбургская обл.	60–71	12,4–13,1
Бузулукский уезд	То же	45–60	10,0–11,6
Ташла	То же	70	14,6–15,0
Пестравка	Самарская обл.	60	10,4
Самара (левый берег Волги)	То же	63	10,5

Докучаев справедливо предположил, что для сложения таких почв нужны тысячелетия. Современные почвоведы также считают, что на формирование чернозёма уходит 2,5–3 тысячи лет. Причём чернозёмы образуются в северных

(«луговых») степях, которых в европейской части нашей страны теперь больше нет (они все распаханы). Далее на юг, в сухих степях, формируются не чернозёмы, а гораздо более бедные каштановые почвы. Очень высокое содержание гумуса в почвах бассейна Дона, Поволжья и Приуралья Докучаев объяснил как преобладанием в этих регионах суглинков и глин, так и давним существованием степей. К сведению г-на Паршева, чернозёмы образуются только в нелюбимом им континентальном климате. Во влажном климате накопление в почве гумуса и питательных веществ в сколько-нибудь большом количестве невозможно. Органическое вещество там быстро разлагается, а минеральные элементы вымываются в нижние горизонты.

Конечно, даже в пределах чернозёмной полосы чернозём встречался далеко не повсеместно. Сам Докучаев подчёркивал, что «чернозёмная полоса испещрена целым рядом перерывов, каковы: а) лесные участки, b) болота, c) холмистые местности, d) речные долины, e) пески и f) солонцы» (с. 407)[1]. И всё же чернозёмная почва составляла «коренное, ни с чем не сравнимое богатство России», которое являлось «результатом удивительно счастливого и весьма сложного комплекса целого ряда физических условий! Между внеевропейскими странами, может быть, одни степи Сибири, Миссури и Миссисипи способны в этом случае конкурировать с нашей чернозёмной полосой» (с. 503). Впоследствии почвоведы установили, что сибирские чернозёмы существенно уступают чернозёмам европейской части России и Украины. Чернозёмы США и Канады получше сибирских, но всё равно не выдерживают сравнения с чернозёмами европейской части нашей страны.

Эти сведения необходимы для того, чтобы читатель мог правильнее оценить многомудрые суждения г-на Паршева о якобы никуда не годной российской пашне. Страна, располагавшая наибольшими в мире площадями чернозёмов, и притом лучшего качества, не вправе жаловаться на плохие природные условия.

К сожалению, я не случайно употребил прошедшее время.

Постепенная деградация чернозёмов идёт давно. Начало её отметил ещё сам Докучаев в своей более поздней книге «Наши степи прежде и теперь» (1892)[2]. Некоторую роль в этом печальном явлении сыграли вековые естественные процессы, прежде всего неуклонное углубление речных долин. Оно вело к снижению зеркала грунтовых вод, иссушению почв в летний зной, но главное — к смыву большого количества чернозёма в овраги и реки в ходе весенних половодий. Однако основная вина уже тогда падала на человека.

---

1 Здесь и далее страницы указаны по уже упоминавшемуся изданию работы В.В. Докучаева «Русский чернозём».

2 См.: Докучаев В.В. Сочинения. Т. 6. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Далее в тексте ссылки на это издание.

Это может показаться странным, ведь в лесной зоне Евразии традиционное хозяйство русского крестьянина веками существовало в гармонии с природой. Почему же этот крестьянин, переселившись в степь, начинал играть разрушительную роль? Такое, на первый взгляд, непонятное явление легко объяснить при помощи теории этногенеза Л.Н. Гумилёва. Согласно этой теории, у каждого этноса есть своё *месторазвитие*. Для русских это Волго-Окское междуречье, в основном лесистая местность с вкраплениями болот, лугов и так называемых ополий. Но даже «ополья», сосредоточенные в основном в пределах Владимирской области, всё же не степь. А настоящая степь для русских веками оставалась чуждой стихией. Оттуда совершали набеги на Русь этнические противники.

Заселение русскими степной полосы произошло сравнительно поздно. Хотя русское казачество прочно утвердилось на Дону, средней Волге, Тереке и Яике (Урале) во второй половине XVI века, в те времена казаки не занимались земледелием и, следовательно, не изменяли природу. Собственно крестьянская колонизация восточноевропейских степей началась в XVII веке и приняла более массовый характер в XVIII — первой половине XIX века. К тому времени крестьянский быт уже прочно сложился. Но этот быт оказался мало совместимым с дикой природой степей, включая и растительность, и животный мир, и почвы.

Естественная растительность степей быстро исчезала ещё во времена Докучаева, который писал: «К сожалению, теперь от типичной степной флоры... остались только жалкие лоскутки» (с. 57). Распашка, достигавшая местами 90%, вела к уничтожению свойственной чернозёму и наиболее благоприятной для удержания влаги зернистой структуры почвы. Обесструктуренный чернозём становился «лёгким достоянием ветра и смывающей деятельности всевозможных вод» (с. 88). Разрушительность весенних половодий возросла, одновременно увеличилось число оврагов. Напротив, количество постоянных, не пересыхающих летом малых речек сократилось. Росту овражной сети и уменьшению количества постоянных рек способствовала вырубка лесов как на водоразделах, так и в самих речных долинах. Едва ли не вреднее было уничтожение деревьев и кустарников по склонам оврагов, балок и речных долин. Тут вина не всегда падала на человека, иногда — на домашний скот, но от этого не легче.

Помимо водной эрозии, в российских и украинских степях после их распашки развилась и ветровая эрозия. Сильнейшие бури уносили верхний слой чернозёма вместе с семенами яровых и даже ростками озимых. Чаще всего эти бури случались в бесснежную, но морозную зиму либо весной после такой зимы. Крестьяне при этом чаще всего теряли весь урожай. Хотя изредка бывало и так, что на поле, засеянном пшеницей, вырастал овёс или ячмень, принесённый ветром с чужого, иногда отдалённого поля.

Под влиянием таких неутешительных фактов и особенно катастрофического неурожая 1891 года, вызвавшего массовый голод, Докучаев писал: «...если присоединить сюда не подлежащий сомнению, хотя и не вполне исследованный факт почти повсеместного выпахивания, а следовательно, и медленного истощения наших почв, в том числе и чернозёма, то для нас сделается вполне понятным, что организм, как бы он ни был хорошо сложен, какими бы высокими природными качествами он ни был одарён, но раз, благодаря худому уходу, неправильному питанию, непомерному труду, его силы надорваны, истощены, он уже не в состоянии правильно работать, на него нельзя положиться, он может сильно пострадать от малейшей случайности, которую при другом, более нормальном состоянии он легко бы перенёс или, во всяком случае, существенно не пострадал бы и быстро справился. Именно как раз в таком надорванном, надломленном, ненормальном состоянии находится наше южное степное земледелие, уже и теперь, по общему признанию, являющееся биржевой игрой, азартность которой с каждым годом, конечно, должна увеличиваться» (с. 89).

Увы, время внесло в эти суждения учёного свои поправки. По современным меркам состояние чернозёма во времена Докучаева следует признать ещё почти совершенно здоровым. Почвоведы нашего времени берут докучаевские описания за эталон, с которым они сравнивают современное состояние почв. К сожалению, за прошедшее столетие оно существенно, качественно ухудшилось.

Однако как в дореволюционный период, так и в первые 40 лет существования советского режима разрушение чернозёмов шло сравнительно медленно. Перелом наступил в годы хрущёвской кукурузной кампании. Деградация самых ценных в мире почв резко ускорилась. Причины этого прискорбного явления объяснены выше. Если воспользоваться любимым выражением другого политика, «процесс пошёл». И он отнюдь не остановился после свержения Хрущёва и прекращения выдержанной в стиле глуповских градоначальников кампании по повсеместному насаждению кукурузы.

НОВАЯ НАПАСТЬ — ИНТЕНСИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Но почему? Ведь, казалось бы, произошёл частичный поворот к здравому смыслу. Увы, это нам только почудилось. А сущность и видимость, как скажет любой философ, совсем не одно и то же.

Сущность советской аграрной политики 1970–1980-х годов можно охарактеризовать как закапывание в землю нефтедолларов. Разумеется, сельскому хозяйству доставалась очень небольшая их доля, но и это было кое-что. Уж больно высоки тогда были цены на нефть: в пересчёте на нынешние, из-

рядно подешевевшие, доллары — 60–70 баксов за баррель. И цены не взлетали на считанные месяцы, а устойчиво держались на этом уровне!

По видимости же в стране внедрялись интенсивные технологии. Кричали об этом громко. Но нам надо спокойно и трезво разобраться в том, что такое интенсивное сельское хозяйство и насколько оно соответствует природным и экономическим условиям нашей страны.

Существуют две разновидности интенсивного сельского хозяйства: трудоёмкое и капиталоёмкое. Первое возможно только в странах с высокой плотностью сельского населения и дешёвой рабочей силой. Такими государствами являются прежде всего Китай, Индия, Индонезия. В бывшем СССР сходные условия существовали только в Средней Азии, особенно в Узбекистане. Для России такая модель развития в принципе невозможна: результатом правления коммунистов стало чудовищное и необратимое обезлюдение русской деревни.

Другая, более современная, разновидность интенсивного сельского хозяйства предусматривает высокие затраты капитала. Она характерна для стран Западной Европы и США. Этот путь развития сельского хозяйства предусматривает отличную оснащённость фермеров разнообразными и высококачественными сельскохозяйственными машинами и орудиями, внесение высоких доз минеральных удобрений, широкое применение различных ядохимикатов (пестицидов, фунгицидов и гербицидов). При этом товарность производства очень высокая, а специализация каждого фермера обычно узкая.

Надо учесть, что страны Западной Европы вступили на путь интенсификации в значительной мере под влиянием своих климатических и почвенных условий. Климат Северо-Западной Европы (сюда можно включить Британские острова, Голландию, Бельгию, Данию, север Германии и Франции — словом, как раз ту часть Европы, которая на протяжении нескольких веков опережала по уровню экономического развития весь остальной мир) весьма влажный. Следовательно, здесь роскошные условия для поражения культурных растений грибными болезнями. Ведь грибы — не только съедобные, шляпочные, но и паразитирующие на растениях — обожают влагу. Значит, приходится применять фунгициды. Но от частых и регулярных дождей пышно растут и сорняки. И как тут обойтись без гербицидов? Почвы Западной Европы бедные, чернозёмов там нет, запасы гумуса незначительны, а потому и питательных веществ мало. И без широкого применения минеральных удобрений рассчитывать на высокие урожаи нельзя. Но высокие урожаи для западноевропейских стран превратились в настоятельную необходимость. Ведь индустриализация и урбанизация здесь начались раньше, чем в какой-либо другой части света. Притом две мировые войны и почти не прекращавшаяся международная напряжённость до и после них убеждали западноевропейские правительства в том, что рассчитывать на подвоз продуктов питания из-за мо-

рей и океанов неосновательно, нужно стремиться к самообеспечению продовольствием.

Если в Западной Европе интенсивный и капиталоёмкий путь развития сельского хозяйства был, вероятно, единственно возможным, то о США этого сказать нельзя. Это государство очень большое и притом отнюдь не перенаселённое. Даже если вычесть малолюдную Аляску, то и на основной территории США плотность населения в 3–7 раз ниже, чем в ведущих странах Западной Европы. Так что жизненного пространства там хватает, и безусловной необходимости перехода на экологически опасную дорогу интенсификации не было. И многие американцы — от независимых экспертов в области сельского хозяйства до части простых фермеров — убеждены в том, что интенсивные технологии им искусственно навязали крупные корпорации и тесно сросшаяся с ними государственная машина. Связи между госаппаратом и корпорациями в США действительно очень прочные, типичным проявлением их служит переход ушедших в отставку госчиновников на доходные должности в крупных компаниях. Иногда при этом зарплата возрастает во много раз. И потому корпорации и государство в Америке в четыре руки работают над тем, как бы не допустить массового отказа фермеров от ядохимикатов. Ведь тогда гиганты химической промышленности, вроде печально знаменитой «Монсанто», непременно вылетят в трубу. Правда, банкротство «Монсанто» неизбежно привело бы к улучшению здоровья американских граждан, а заодно и жителей многих других стран мира. Но мы уже рассмотрели показатели средней продолжительности жизни и знаем, что в США здоровье населения стоит не на первом месте. Этим американская модель развития как раз и отличается от японской, шведской или — зачем так далеко ходить? — канадской.

Но всё это их проблемы. А нам пора вернуться к нашим бедам. Из сказанного выше следует, что в России (имею в виду и РСФСР 1970–1980-х годов, и современную Россию) никаких природных, демографических и экономических предпосылок для внедрения интенсивных технологий не было и нет. Природные условия этого не требуют: земля наша велика и (в чернозёмной полосе, а также кое-где за её пределами) обильна, а населения, увы, немного. Рабочих рук в деревне мало, а из имеющейся рабсилы изрядная часть, к несчастью, сильно пьёт. Это называется «Смерть интенсивным технологиям!». Ожидать, что пьяный тракторист качественно выполнит ту или иную работу, по меньшей мере, наивно. А трезвого зачастую найти не удаётся.

Кстати, некоторые российские интеллигенты почему-то считают, что пьянство — это некое врождённое и неискоренимое свойство русского народа. Такой взгляд необходимо признать абсолютно ложным. Про Швецию XVIII века мы уже читали и при этом знаем, что сейчас там пьяниц и алкоголиков совсем немного. А вот что писал А.И. Герцен об Англии XIX века: «Английская толпа груба, многочисленные сборища её не обходятся без драк,

без пьяных, без всякого рода отвратительных сцен и, главное, без организованного на огромную скалу воровства»[1].

Напрашивается вывод: массовое пьянство развивается там и тогда, где не просто жить плохо и безрадостно, но где отдельный человек чувствует своё бессилие и беспомощность. Он уверен, что от него ничего не зависит и он не в силах ничего изменить. На гегельянско-марксистском наречии такое состояние называется отчуждением.

Проверим это предположение на материале отечественной истории. В XIX веке в средней полосе России, где господствовало крепостное право, пили сильно. Правда, не все. По свидетельству Н.А. Некрасова, «у нас на семью пьющую/ Непьющая семья».

Но ведь и крепостными были тоже не все. Даже в центральных губерниях вокруг Москвы, где крепостничество расцвело наиболее пышным и махровым цветом (ныне это «красный пояс»), на положении крепостных находилось от 56 до 69% населения. Это большинство, но не подавляющее. Конечно, прямой связи между крепостным состоянием и пьянством не существовало. Но разве можно усомниться в том, что крепостные мужики спивались гораздо чаще, чем вольные люди вроде описанного И.С. Тургеневым однодворца Овсянникова?

Совсем по-другому обстояло дело на Русском Севере и в Сибири, где проживали лично свободные государственные крестьяне. Там очень значительную часть населения (во многих районах — большинство) составляли старообрядцы. А они, как известно, вообще не пили (и не курили). Сторонники господствующей церкви такой твёрдостью не отличались. По праздникам мужики выпивали, иногда — сильно. Но пьяницы встречались редко. Например, по данным Шерстобоева, в петровское время на жителя Илимского воеводства приходилась одна бутылка хлебного вина в год. Бутылки тогда были больше нынешних (600 г), а половину населения составляли дети до 16 лет. Однако и 1,2 литра спиртного на взрослого жителя за год — немного. По более поздним сведениям начала XX века, среди русских старожилов в дореволюционной Сибири насчитывалось всего 7–8% бедняков, и доля пьяниц наверняка не превышала этой цифры. Правда, в Сибири существовало одно печальное исключение: и в царское время (как позднее в советское и теперь в постсоветское) по-страшному спивалось коренное нерусское население. Но это другая тема, которую мы затрагивать не будем. Для нас важна хорошо прослеживаемая на материале XIX века закономерность: пьянство было широко распространено там же, где и крепостное право (ту же географию имел тогда и мат).

Поэтому легко понять неизбежность массового пьянства в колхозно-совхозной деревне. Находясь сперва на положении крепостных (при Сталине), а затем батраков (начиная с Хрущёва и заканчивая настоящим временем), кол-

[1] Герцен А.И. Былое и думы. Л.: ОГИЗ ; Гос. изд-во художественной литературы, 1946. С. 659.

хозники как раз и составляли тот разряд людей, от которых ничего не зависит и которые ничего не могут изменить своими силами. Можно, конечно, сбежать в город. Но все (или почти все) сильные и умелые из русской деревни уже давно сбежали. Кто-то удрал в город от ужасов раскулачивания и коллективизации, как моя бабушка с отцовской стороны. Кто-то исхитрился сбежать из деревни уже после сталинской паспортизации (1932), когда колхозников нарочно оставили без паспортов, чтобы легче было отлавливать беглецов в городах. Но большинство смылось в хрущёвские и брежневские времена, когда государство соизволило признать колхозников своими гражданами (а не недочеловеками) и выдать им паспорта. И остался в деревне один «терпеньем изумляющий народ», у которого пресловутое долготерпение почти обязательно сочетается с пьянством.

Однако вернёмся к интенсивным технологиям. Не только рабочие руки были не те (чересчур часто тряслись), но и капитала не хватало. Даже когда нефтедоллары лились в СССР могучим потоком, не могло быть и помину о том, чтобы поднять капвложения в сельское хозяйство до западноевропейского и североамериканского уровня.

Вдобавок у нас ещё и общественный строй оказался не тот, который совместим с интенсивными технологиями. Техника сплошь и рядом отказывала, но ведь выбирать-то не приходилось: при всеобщем дефиците оставалось хватать, что дают. Минеральные удобрения выпускали на советских комбинатах в таких формах, что часто отсыревали и слёживались в бетонные по твёрдости глыбы. Когда же они попадали в почву, то во многих случаях либо бывали смыты в соседние ручьи, пруды и овраги вешними водами, либо частично переходили в соединения, недоступные для растений. За границей — хотя бы в соседней Финляндии — уже тогда выпускали такие формы минеральных удобрений, которые и эффект давали максимальный, и экологический ущерб сводили к минимуму. Но ведь социалистическое государство — не свободный рынок! Никто и заикнуться не мог о покупке финских удобрений. А «отечественные товаропроизводители» знай себе гнали план по валу...

ПЛОДЫ ИНТЕНСИФИКАЦИИ

На Западе критиков интенсификации тоже хватает, поскольку экологический ущерб от неё и там очевиден. Но несомненен тот факт, что западным странам удалось многократно повысить продуктивность сельскохозяйственных культур. Так, во Франции средняя урожайность зерновых составляла в 1930-х годах 18 ц/га, а в 1990-е возросла до 72 ц/га.

У нас дело обстояло иначе. Все экологически вредные последствия интенсификации мы познали сполна, но притом урожайность в 1970-х годах росла

медленно и неустойчиво, а в первой половине 1980-х вообще перестала расти. Зато ущерб, нанесенный почвам, оказался колоссальным.

Широкое распространение пропашных культур (та же кукуруза, но в основном на силос, подсолнечник) и многократные междурядные обработки усиливали эрозию. (А она в свою очередь увеличивала смыв с полей минеральных удобрений, тем самым сводя на нет интенсификацию.) Довольно часто применялся и чёрный пар, который полезен для увеличения запаса влаги в почве, но неизбежно вызывает значительные потери гумуса. Совсем пришли в упадок многолетние бобовые травы — клевер и люцерна. Их семена и в период засилья «травопольной системы» Вильямса удавалось получать лишь в совершенно недостаточном количестве, но в эпоху интенсификации положение стало намного хуже, поскольку опылителей клевера и люцерны — шмелей и одиночных пчёл — погубили ядохимикаты. Доля площадей под многолетними бобовыми уменьшилась, а это означало, что восстановление запасов гумуса и азота в почве почти прекратилось. Ухудшалась и структура почвы, ведь ничто так не способствует её восстановлению, как возделывание многолетних бобово-злаковых травосмесей. А ухудшение почвенной структуры резко усиливает вредные последствия как засухи, так и избыточного увлажнения.

Положение могли бы поправить другие бобовые растения, получить семена которых не так затруднительно: донник, эспарцет, козлятник. Но их... не жаловало начальство. Колхозы и совхозы не имели права самостоятельно решать, что им сеять. Посевные площади планировались сверху. В результате о выращивании каких-либо новых и нетрадиционных культур (или старых, но незаслуженно забытых) не могло быть и речи. Почти на всей территории тогдашнего СССР (некоторое исключение составляли Закавказье и Средняя Азия) насаждался в основном один и тот же набор культур, местные климатические и почвенные условия чиновники учитывать не желали. Понятно, что в такой обстановке научно обоснованные севообороты могли существовать только в виде счастливого исключения.

Не поощряли чиновники и возделывание сидеральных культур. А ведь сидераты — растения, зелёную массу которых запахивают в почву, — второй по важности, после многолетних бобовых, источник восстановления запасов гумуса в почве. Третий такой источник, пусть и уступающий первым двум, — навоз. Но его практически не стало, причём окончательное исчезновение навоза совпало как раз с эпохой интенсивных технологий. Всё дело в том, что по манию чиновников на просторах всего Советского Союза стали воздвигать... дворцы для коров. Помимо гигантских размеров важным преимуществом этих сооружений в глазах бюрократии был автоматический смыв навоза — по принципу обыкновенного унитаза. В этом-то и заключалось главное зло. Смытый навоз превращался в липкую массу, которую не знали, как использовать. В таком виде она практически не годилась на удобрение, а пере-

рабатывать её тогда в нашей стране не умели, да и по сей день не научились. Хотя идеи были и даже не потеряли своей актуальности. По одной из технологий в процессе переработки навоза получали три фракции: жидкую (сусло), твёрдую (лигнин) и биогаз. Сусло использовалось для выращивания кормовых дрожжей, лигнин — для производства удобрений, а из одной тонны сухого вещества навоза получали до 350–400 кубометров биогаза. По теплотворной способности кубометр биогаза способен заменить 0,6 кг керосина, 1,5 кг каменного угля или 3,5 кг дров[1]. Так что это неплохой энергоноситель, притом получаемый из возобновляемого источника. Но, увы, вся эта разумная технология не нашла сколько-нибудь широкого применения в жизни. На практике чаще всего разжиженный навоз просто попадал в реки и другие водоёмы. Так что истощение запасов гумуса в почвах шло нога в ногу с ухудшением качества питьевой воды.

Не стоит забывать и про увлечение советской промышленности изготовлением тяжёлой и сверхтяжёлой с.-х. техники. Это, к несчастью, не случайность, а закономерность. Трактора выпускали те же заводы, что и танки, и нередко разрабатывали их одни и те же изобретатели. Привыкнув к проектированию тяжёлых танков, они изготавливали не менее тяжёлые трактора. А тяжёлые машины и орудия не только разрушали структуру почвы — они в сочетании с широким применением глубокой вспашки способствовали накоплению в почве возбудителей различных болезней.

Современные российские почвоведы отмечают, что на протяжении всего периода распашки оподзоленный чернозём терял в среднем за десятилетие на 1 га 530 кг гумуса в слое 0...30 см и 1000 кг гумуса в слое 0...100 см. У чернозёма южного потери гумуса были несколько меньше: 300 и 400 кг в соответствующих слоях[2]. Однако эти потери отнюдь не распределялись равномерно на протяжении всего 200–300-летнего периода земледелия в степях и лесостепи. В основном гумус растрачен за последние 100 лет. Такое «хозяйничанье» даже хуже, чем рубка леса без лесопосадок. Ведь запасы гумуса в почве восстанавливаются гораздо медленнее, чем растёт лес.

Приговором «интенсификации» в советско-чиновничьем варианте стало превращение СССР в крупнейшего в мире импортёра зерна. Хотя первые крупные закупки зерна за границей состоялись при Хрущёве, но тогда они не носили регулярного характера. Не то в 1970–1980-х годах. В этот период Советский Союз закупал зерно ежегодно и в огромных масштабах. В 80-е средние размеры зернового импорта составляли 36 миллионов тонн! Платить за зерно США, Канаде, Аргентине, Австралии приходилось, конеч-

1 См.: Панцхава С. Использование отходов сельскохозяйственного производства // Водоснабжение и санитарная техника. 1986. № 10. С. 23.

2 См.: Чендев Ю.Г., Лукин С.В. Влияние длительной распашки на свойства лесостепных и степных чернозёмов // Вестник РАСХН. 2005. № 1. С. 37–39.

но, долларами. Доллары СССР приобретал, продавая невосполнимые ископаемые богатства — нефть и газ. Получался самый нелепый и вредный с точки зрения национальных интересов вид участия в международном разделении труда. Но, быть может, «партия и правительство» делали хоть что-нибудь для исправления положения?

Конечно нет! В плановом государстве всё делалось по плану. А планы в период естественного гниения и разложения социалистического строя составлялись с учётом интересов различных мафий. Одна мафия была кровно заинтересована в экспорте нефти и газа. Её теперь страна хорошо знает, поскольку впоследствии в значительной мере те же самые люди (включая анекдотически знаменитого Черномырдина) прихватизировали газовую отрасль и часть нефтяной (другую часть нефтепромыслов захватили банкиры позднейшей формации). Но существовала и другая мафия, не столь засветившаяся и, вероятно, менее могущественная, но всё же отлично организованная. Она занималась импортом зерна.

По официальной версии, СССР обеспечивал себя продовольственным зерном и ввозил только фуражное. Казалось бы, при такой трогательной заботе о скотах их благополучию должны были завидовать все, включая людей. Но выходило иначе. В коровьем рационе преобладали силос (главным образом, кукурузный), солома и концентраты. Под «концентратами» подразумевали зерно с небольшими добавками, а иногда и без таковых. При подобном рационе ждать от коров высоких удоев не следовало. Кукурузный силос в основном состоит из воды, на перевозку которой уходило огромное количество горючего. Солома содержит большое количество не перевариваемой животными целлюлозы. А кормление зерном по любым меркам нельзя не признать дорогим и неэффективным, к тому же в зерне злаковых культур недостаёт белка.

Курс на ускоренное развитие животноводства оказался очень энергоёмким. Ведь в отличие от растениеводства, где происходит усвоение энергии Солнца зелёными растениями, в животноводстве энергия только тратится. Причём на каждые затраченные пять калорий получается всего одна калория продукции[1]. Казалось бы, при таком отрицательном балансе энергии следовало приложить максимум усилий, чтобы хотя бы частично заменить животный белок растительным. Но ничего подобного в бывшем Советском Союзе не делали и не собирались делать.

И ведь нельзя сказать, что не находились люди, стремившиеся исправить положение. Но такие люди доступа к власти не имели, а потому все их усилия разбивались о железобетонную бюрократическую стену. В начале 1980-х годов группа изобретателей во главе с Константином Ивановичем Крыщенко придумала способ обработки соломы, резко повышавший её кормовую цен-

1 См.: Коньков В.П., Пичугина Г.В. Молоко и киловатты. М.: ВО «Агропромиздат», 1988. С. 18.

ность. Очень простая обработка вела к разрушению целлюлозы до перевариваемых животными веществ. Испытания в уральских колхозах показали, что технология дёшева и даёт прекрасные результаты. При внедрении этого изобретения СССР легко избавился бы от импорта фуражного зерна! Но... Читатель уже догадался, что импортировавшая зерно мафия не допустила технологию в производство.

Однако, может, не стоит ворошить старое? Ведь сейчас у страны другие проблемы... Стоит, господа! У России огромный внешний долг — около 175 млрд долларов, из которых 98 млрд — долгосрочный государственный долг. Ежегодные выплаты по нему составляют 12–15 млрд долларов, а в 2005 году — даже 17,5 млрд. Естественно, страна должна знать своих «героев», знать, каким образом возникла такая колоссальная задолженность и кто за это отвечает.

Так вот, больше половины госдолга накопил ещё Советский Союз и в основном за последнее пятилетие своего существования (1986–1991). В 1986 году обрушились мировые цены на нефть. Они упали не стихийно, над этим долго работала вся группа экономически развитых стран во главе с США. Советский Союз к тому времени уже больше десятилетия сидел на игле нефтедолларов — и вдруг оказался у разбитого корыта. Но импорт зерна продолжался и ничуть не сократился, только теперь иностранное зерно стали ввозить в долг. Значительная часть нашего внешнего долга этим и обусловлена. Так что разгул советской зерноимпортной мафии до сих пор обходится России в миллиарды долларов в год.

КУКУРУЗА И СОЯ В КАНАДЕ И РОССИИ

Но пора вернуться к г-ну Паршеву и его изумительным открытиям. Вот еще одно из них: **«...Канада в промышленных масштабах производит такие культуры, как соя и кукуруза. Напомню (мало кто знает), что в Московской области кукуруза достигла спелости лишь один раз за больше чем сто лет выращивания, а именно в 1996 году. А о сое и не слыхивали. У нас эта культура растёт только на самом Юге, ближе к Чёрному морю. Но вообще-то урожайность зерновых в Канаде невелика — чуть больше 20 ц с га. Для сравнения: в Англии, Голландии, Швеции — 70–80 ц/га!»** (с. 44).

Логическая несообразность этого «рассуждения» бросается в глаза. Если Канада производит в промышленных масштабах сою и кукурузу, то, выходит, противопоставленная ей Россия их не производит? Но тут же г-н Паршев проговаривается, что в Подмосковье кукурузу выращивают уже более 100 лет!

Но, быть может, наш идеолог старался доказать, что в Канаде, в отличие от России, возделывают кукурузу на зерно? О том, что кукуруза на силос в России занимает большие площади, каждому ведь известно. А в недавнем прошлом её сеяли намного больше. Хорошо помню июль 1981 года, когда я подростком впервые попал на место Бородинского сражения. Всё обширное Бородинское поле было засеяно кукурузой. Не могу сказать, что кукурузное море тянулось до самого горизонта — как раз вдали виднелись леса, а где-то и деревни — но вблизи всюду подымались могучие стебли с широкими листьями. И, признаюсь честно, думая о давнишней великой битве, я прикидывал, как бы изменился её ход, если бы и тогда на поле росла столь же высокая и пышная кукуруза. Выходило, что французы долго не могли бы обнаружить затерянную среди маиса батарею Раевского (на этом месте злак как-то особенно разросся) и не знали бы, какой участок русской позиции атаковать. А батарея делала бы своё дело Теперь-то я хорошо понимаю наивность своих тогдашних размышлений: к 7 сентября кукурузу в любом случае уже скосили бы.

Однако хватит лирики. Перейдём к фактам. Кукурузу на зерно возделывают и в России. И хотя наибольшие площади она занимает на юге страны, особенно на Кубани, товарные посевы кукурузы имеются и много севернее — до Орловской и Пензенской областей включительно. Данные по России в целом за вторую половину 1990-х годов приведены в следующей таблице.

Таблица 2.7. Площадь под кукурузой на зерно и её валовой сбор в России

	1995	1996	1997	1998
Площадь, тыс. га	643	622	918	791
Валовой сбор, тыс. т	1738	1088	2675	820
Урожайность, ц/га	27,0	17,5	29,1	10,4

Хотя урожаи зерна кукурузы в конце 1990-х были очень низкими, всё же никак нельзя сказать, что эта культура возделывается в России не в промышленных масштабах!

Конечно, нелепо утверждать, что кукурузу можно выращивать на зерно в нечернозёмной полосе. Однако и в Канаде маис на зерно сеют отнюдь не на всей пригодной для сельского хозяйства территории, а лишь на юге провинции Онтарио. Это сравнительно небольшой, но густонаселённый пятачок, где расположен один из двух крупнейших городов Канады — Торонто. Как мы уже знаем из первой главы, климат там по ходу температур соответствует Ростовской области, но существенно более влажный из-за близости Великих озёр. В южном Онтарио кукуруза на зерно — сельскохозяйственная культура № 1. Но во всей остальной Канаде её практически не выращивают. Это либо невозможно, либо рискованно.

Так что различия между Россией и Канадой только количественные, а не качественные. В обеих странах для возделывания кукурузы на зерно подходит меньшая часть пригодной для сельского хозяйства территории. Но всё-таки в России подходящая для разведения маиса на зерно площадь в несколько раз больше, чем в Канаде.

Но нужно ли России много кукурузы? Кажется, на этот вопрос мы уже ответили. Если мы выберем путь экологически грамотного, низкозатратного, ресурсосберегающего сельского хозяйства — а для России это единственно разумный путь, — то кукуруза и на зерно, и на силос не должна занимать особенно больших площадей. Поэтому наблюдающееся падение площадей под кукурузой в современной России не должно нас пугать. Это как раз поворот к здравому смыслу в сельском хозяйстве. Отказываться совсем от этой культуры не надо, но ошибочно делать на неё ставку.

Что по-настоящему плохо, так это резкое сокращение площадей под соей, которые, наоборот, следует увеличивать. Соя принадлежит к семейству бобовых и, как все растения этого семейства, способна обеспечивать себя азотом благодаря симбиозу с азотфиксирующими бактериями. Поэтому она прекрасно вписывается в экологически ориентированное и ресурсосберегающее сельское хозяйство.

В конце 1990-х посевные площади и сбор сои в нашей стране выглядели следующим образом.

Таблица 2.8. Площади под соей и её валовой сбор в России

	1995	1996	1997	1998
Площадь, тыс. га	487	485	404	448
Валовой сбор, тыс. т	290	282	278	275
Урожайность, ц/га	6,0	5,8	6,9	6,1

Урожайность сои у нас в среднем очень низкая. Однако по валовому сбору она вообще не может соперничать с кукурузой. Ценность сои в другом — в химическом составе её бобов. Семена сои содержат до 45% белка, до 25% жира и до 20% углеводов. Таким образом, хотя урожайность сои в одинаковых почвенно-климатических условиях примерно втрое ниже по сравнению с кукурузой, сбор белка с единицы площади при выращивании сои оказывается выше! Ведь зерно кукурузы содержит всего 8% переваримого протеина.

Ведущее место в посевах сои в России занимает Амурская область — 206,5 тыс. га в 1998 году, то есть 46% всей площади под соей. А раньше её доля была ещё выше. Она расположена далековато от Чёрного моря, куда почему-то поместил сою г-н Паршев. Но, быть может, климатические условия Амурской области напоминают Причерноморье?

Таблица 2.9. Климат Амурской области

Город	Средняя годовая температура, °C	Средняя температура января, °C	Средняя температура июля, °C
Благовещенск	0,1	–24,2	21,5
Белогорск	–1,6	–28,6	20,7

Из таблицы видно, что это далеко не так. Зима в Амурской области нисколько не напоминает ни Сочи, ни Одессу. Скажем откровенно, зима там достаточно суровая, притом малоснежная, так что озимые не растут. Но для сои, как и для любой однолетней яровой культуры, температура зимы значения не имеет. А вот лето в южной части Амурской области одновременно тёплое и влажное. Последний фактор для сои особенно важен. Разведение её в европейской части России ограничивается не столько недостатком тепла, сколько нехваткой влаги. Например, в Саратовской и даже в Самарской области тепла для сои хватает во все годы. Обеспеченность теплом там выше, чем на среднем Амуре. Но в Поволжье часты летние засухи, которые эта культура не переносит. Поэтому сою в Среднем Поволжье рекомендуют сеять только на орошаемых землях. К сожалению, даже в условиях орошения её пока в Поволжье сеют мало.

Между тем Россия способна занять на мировом рынке сои видное место. Дело в том, что в США и Канаде большую часть площадей под соей в последние годы заняли трансгенные сорта. Но за пределами Северной Америки к опытам с генетически модифицированными организмами (ГМО) относятся крайне настороженно. И для этого есть веские основания. Ни один генетик не возьмётся предсказать последствия пересадки растениям чужеродных генов. Весьма вероятен плейотропный эффект, так генетики называют множественность действия одного гена. Помимо повышения устойчивости растения к вредителям и болезням (ради чего обычно и проводят генетическую трансформацию, то есть пересадку генов) ген может, например, вызывать аллергию у человека. Такие случаи уже известны. Другая угроза заключается в том, что чужеродная ДНК способна приобрести мобильность и начать «перепрыгивать» из одного живого организма в другой. Какие свойства она приобретёт на новом месте, заранее предвидеть нельзя.

К счастью, в Амурской области посевов трансгенной сои пока нет. Вся производимая там соя экологически безопасна. Поэтому её можно продавать по более высокой цене, чем американскую, канадскую или китайскую трансгенную сою. Нам бы воспользоваться этой благоприятной конъюнктурой рынка, но пока никаких шагов в этом направлении не делается. Наоборот, лоббисты американских компаний вроде небезызвестного К. Скрябина доказывают, что без ГМ-организмов мы никак не проживём. И на Кубани трансгенная соя

уже есть. Так что сейчас уже не вся российская соя может считаться биологически безопасной, а только выращенная на Дальнем Востоке. Это очень плохо, поскольку в Приамурье благоприятный для выращивания сои район невелик, и удовлетворить потребности всей России он не способен. К тому же значительная часть амурской сои в наши дни экспортируется в Китай. Резкое наращивание производства этой действительно ценной культуры возможно лишь за счёт европейской части страны и, возможно, Западной Сибири (новосибирские селекционеры добились значительных успехов в селекции сои для своего региона). Но, если соя в западной части страны будет трансгенной, мы потеряем большое преимущество перед иностранными конкурентами.

Что касается Канады, то с соей там дела обстоят примерно так же, как с кукурузой. Её возделывают в основном на юге провинции Онтарио. А в главных зерновых районах Канады — провинциях Манитоба, Саскачеван и Альберта — эту культуру не выращивают.

А теперь, не забывая о производственной стороне аграрного вопроса, нам стоит сосредоточиться на его социальной стороне.

«РЕФОРМЫ»: НУЛЕВОЙ ВАРИАНТ

Весь мировой опыт экономических преобразований свидетельствует о том, что они всюду и всегда начинались с преобразования сельского хозяйства. Во Франции в 1789 году после взятия Бастилии первым шагом Национального собрания стал декрет от 4 августа об упразднении феодальных повинностей, тяготевших над крестьянами. Когда Наполеон в войне 1806–1807 годов наголову разгромил Пруссию, прусский король нехотя призвал спасать государство барона Х. фон Штейна. И первым делом Штейн отменил крепостную зависимость крестьян. Довести до конца аграрную реформу ему не дали. Наполеон понял, что при таком правительстве Пруссия скоро восстановит свою военную мощь, и добился отставки и изгнания реформатора, которому пришлось бежать в Петербург.

В России после поражения в Крымской войне сложилось положение, очень похожее на ситуацию в Пруссии полстолетием раньше. Освобождение крестьян от крепостного права назрело и перезрело, и царь Александр Второй провёл в 1861 году реформу, несмотря на яростное сопротивление крепостников. Тут надо оговориться, что своего Штейна в России не нашлось. Все искренние сторонники реформы занимали в бюрократической табели о рангах весьма незначительные посты. А наверху оставались старые николаевские сановники — все до одного махровые крепостники, к тому же в большинстве своем явные казнокрады. Именно из них состоял Главный комитет по крестьянскому делу. Царь-освободитель, как человек добрый

и мягкий, боялся обидеть хотя бы одного из представителей старой номенклатуры и потому держал их на занимаемых должностях до конца жизни, даже если они впадали в маразм (что действительно произошло с председателем Комитета министров, бывшим шефом корпуса жандармов А.Ф. Орловым). Оттого крестьянская реформа и получилась в России достаточно кривой. То же можно сказать и о Пруссии, но там вина падала на Наполеона. По всей вероятности, если бы аграрные реформы XIX века в Германии и России удалось довести до ума, ни одной из двух стран не пришлось бы пережить ужасы тоталитарных режимов в следующем столетии. Но что толку в запоздалых сожалениях?

По Манифесту от 19 февраля 1861 года на крестьян возложили тяжёлые выкупные платежи. Ежегодная сумма платежей достигала 10% тогдашнего государственного бюджета России. Для их обеспечения затруднили выход крестьян из общины. К тому же в русских губерниях у мужиков отрезали в пользу помещиков от 11 до 35% тех наделов, которыми они владели до реформы[1]. Интересно, что в украинских, белорусских и литовских губерниях, где преобладало политически неблагонадёжное польское дворянство, землю отрезали не у крестьян, а у помещиков! Так что крепостники-бюрократы из Главного комитета защищали даже не классовые, а скорее групповые или клановые интересы: свои, своей родни и своих знакомых.

Но при всех этих характерных уродствах освобождение крестьян от крепостной зависимости стало для России огромным шагом вперёд. Впервые за два с половиной века самое многочисленное в стране сословие могло считать себя людьми, а не рабами. Стоит отметить, что после реформы 1861 года в Российской империи значительно ускорился рост населения. У свободного населения прирост и раньше был высоким, а у крепостных — низким из-за очень высокой смертности. И, конечно, нельзя забывать о необычайном культурном подъёме в России 1860–1870-х годов.

П.А. Столыпин начал свои преобразования тоже с аграрной реформы. До сих пор не перевелись противники его курса. Вот и г-н Паршев утверждает, что принявший в годы столыпинской реформы массовый характер уход крестьян на хутора будто бы не подходит для России. Якобы **«предлагавшаяся Столыпиным "хуторская система" (по опыту Виленского края) в России не прижилась — далековато получалось жить. Россия — Россией, но и другие народы Восточной Европы тоже что-то хуторами не живут, а всё довольно большими сёлами»** (с. 398).

[1] См.: Чернышёв И.В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 года. К вопросу об общине / предисл. П.А. Кудинова. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. (Переиздание книги, впервые вышедшей в 1918 г.)

Однако жизненность хуторского расселения убедительно доказали годы нэпа. Тогда власти отнюдь не насаждали хутора (как иногда случалось при Столыпине), но и не препятствовали их возникновению. И переход крестьян на хутора во многих губерниях принял массовый характер. Хуторян стало едва ли не больше, чем в царское время.

Что касается расселения крестьян в средней полосе России «довольно большими сёлами» и деревнями, то оно отнюдь не изначальное. Историки давно доказали, что с древнейших времён и по XVI век жители средней полосы в основной массе селились малыми деревнями в 1–3 двора. По сути, это хутора, хотя в средневековой Руси именно такие малые поселения назывались деревнями. Положение коренным образом изменилось в XVII веке. Малые деревни вдруг почти все исчезли, и возникли довольно крупные сёла. Что это? Победа начал общинности и соборности? Увы, всё гораздо проще и гораздо хуже. В конце XVI века в России установилось крепостное право, окончательно узаконенное Соборным уложением 1649 года. Крестьяне перестали распоряжаться своей судьбой. За них теперь всё решали помещики. А барам было куда удобнее надзирать за мужиками, собранными вместе в одно большое село рядом с господской усадьбой. Так произошла первая в русской истории коллективизация. Так же как и позднейшую (и куда более разрушительную) большевистскую коллективизацию, её произвела внешняя по отношению к крестьянству сила.

На Русском Севере, где крестьяне остались вольными людьми, расселение малыми деревнями, иногда — хуторами, сохранялось долго. Во многих местах на Севере малые деревни и хутора пережили даже сталинскую коллективизацию. Их добил Хрущёв. С 1955 года он начал кампанию по укрупнению деревень. Она велась принудительными и чисто варварскими методами. Жителей «неперспективных» деревень просто насильственно выселяли на центральные усадьбы колхозов. Побудительные причины этой кампании ничем не отличались от мотивов помещиков XVII века: чиновники хотели держать крестьян под более пристальным надзором и при этом не ездить по бездорожью в отдалённые малые деревушки.

Так что идея Столыпина потому и оказалась жизненной, что предполагала возврат к естественному для лесной зоны Евразии типу расселения. Но мы отвлеклись от основной темы — аграрных реформ как стержня любых глубоких социально-экономических преобразований.

Особенность Японии 1945 и ряда последующих лет состояла в том, что инициаторами реформ выступали американские оккупационные власти. Неизвестно, до чего додумались бы сами американцы. Свойственная им прямолинейность очень часто к добру не приводит. Но, к счастью для японского народа, правительство США догадалось поручить проведение аграрной реформы в Японии изгнаннику из России Вольфу Исааковичу Лодыженскому. (Он был не эмигрантом, а именно изгнанником, высланным из Советской России на

«философском пароходе» в 1922 году.) Лодыженский действовал быстро и решительно. Помещичье землевладение было ликвидировано сразу и без остатков. Все излишки земли сверх максимального надела в 3 гектара подлежали изъятию и раздаче безземельным и малоземельным крестьянам. Результаты реформы сказались очень быстро. Ещё в конце 1940-х годов значительная часть японцев по-настоящему голодала, но уже в 1955 году страна полностью обеспечила себя продовольствием. Современные японцы неохотно вспоминают имя Лодыженского. Для них это напоминание о поражении и последовавшей затем оккупации. Но без нашего бывшего соотечественника никакое «экономическое чудо» не могло бы состояться.

Не составляет исключения из общего правила и Западная Европа первых лет после Второй мировой войны. Её восстановление началось с программ возрождения сельского хозяйства, в основу которых была положена стабильность продовольственного рынка и обеспечение промышленности сырьём.

И в Китае путь наверх из глубокой ямы, в которую страна угодила вследствие «большого скачка» и «культурной революции», начался опять-таки с аграрных преобразований. Упразднение «красных коммун» (это китайская, притом ухудшенная, разновидность советских колхозов) и возврат к единоличному крестьянскому хозяйству начались по инициативе снизу. Но её сразу же поддержал один из высокопоставленных деятелей компартии Китая Чжао Цзыян, а затем и фактический руководитель партии и государства Дэн Сяопин. Для упразднения «красных коммун» во всей Поднебесной хватило двух–трех лет. И ещё примерно столько же понадобилось для резкого увеличения урожаев и перехода к самообеспечению страны продовольствием.

В России 1990-х годов необходимость коренных изменений в аграрном строе вроде бы и доказывать было не надо. Раз страна зависела от импорта продовольствия и притом не имела средств его оплачивать, значит, надлежало действовать, и действовать быстро.

Но наши «радикальные реформаторы» почему-то считали иначе. Они начали с того, что посадили на сельское хозяйство генерала А. Руцкого. Генерал этот, вообще-то, ничем, кроме неоднократной сдачи в плен, не прославился. А его взгляд на сельское хозяйство оказался и вовсе бесхитростным. Руцкой считал колхозно-совхозный строй совершенным и ничего не желал менять. То есть неизвестно, что он думал на самом деле, да и думал ли вообще. Речь ведь идёт о классическом тушинском перелёте, который сегодня говорит одно, а завтра — прямо противоположное. Но что бы генерал ни думал, факт состоит в том, что он ничего не делал. Впоследствии Руцкой этим очень гордился. Если его послушать, выходило, что именно он спас колхозно-совхозную систему от погибели, которую ей якобы готовили треклятые реформаторы.

Однако эта похвальба гроша ломаного не стоит. С октября 1993 года Руцкой утратил всякую власть и на короткое время даже угодил в кутузку. И что? Началось реформирование сельского хозяйства? Да как бы не так!

ПОЧЕМУ БЕЗДЕЙСТВОВАЛИ РЕФОРМАТОРЫ?

Но, быть может, проблема была настолько сложной, что никто не знал, как к ней подойти? Ведь Россия — не Китай. Это в Китае «красные коммуны» продержались всего 20 лет, и ко времени их роспуска большинство крестьян трудоспособного возраста ещё помнили прежнюю единоличную жизнь и мечтали к ней вернуться. Заслуга китайского правительства состояла лишь в том, что оно пошло навстречу пожеланиям трудящихся.

У нас всё наоборот. Поколения, помнившие доколхозную жизнь, сошли в могилу до падения коммунизма. Исключение составляли немногие старики и старухи уже глубоко пенсионного, нетрудоспособного возраста. Впрочем, старухи попадались разные. Помню встречу с одной из них в подмосковном селе Борисове Можайского района (это ныне небольшое село некогда служило загородной резиденцией царя Бориса Годунова!). Июль 1981-го. Жара. Картошка — в дефиците: молодой ещё нет, а прошлогодняя кончилась. Нет, говорят, у такой-то бабки картошка есть! У неё подвал заасфальтированный, она всегда хранит до июля. Идём к старухе. Бабка — в отличной форме, хотя лет ей уже очень много. «Сколько, бабушка?» — «Да восемьдесят восемь. Или больше. Точно не знаю. Когда всех в колхоз сгоняли, так записали: с девяноста третьего года». Картошка — превосходная. В магазинах тогда такой советской не бывало, разве что польская картошка могла состязаться с борисовской. Да ведь и с тех времён отечественный картофель едва ли улучшился И очень я сомневаюсь, что среди нынешних старух того же возраста попадаются такие, как борисовская бабка, к которой чуть не целое село ходило в июле по картошку.

Но, помимо смены поколений и утраты былых крестьянских традиций, существовало и другое качественное отличие посткоммунистической России от постмаоистского Китая. В китайских «красных коммунах» механизация почти отсутствовала. В наших же совхозах и колхозах техники было довольно много, правда, зачастую ржавой и неисправной. Но и количество исправных машин, тракторов, комбайнов составляло на начало 1990-х немалую величину. Вставал неизбежный вопрос: а можно ли это поделить? И нужно ли? А ведь во владении колхозов и совхозов находились ещё где животноводческие фермы и целые комплексы (те самые нелепые «коровьи дворцы»), где теплицы, где подсобные цеха по переработке продукции, где холодильники... Так, может, стоявшая перед реформаторами задача в самом деле оказалась неразрешимой, и потому они отступили?

Нет! Это неправда. Потому что нельзя сказать, будто отсутствовали наработки, как и во что можно преобразовать колхозы и совхозы.

В 1992 году Виктор Анатольевич Гулов защитил кандидатскую диссертацию на интересующую нас тему: «Реформирование колхозов в условиях перехода к рыночной экономике». Гулов — не теоретик, а практик. Он сам руководил реформированием двух колхозов: «Победы» в Матвеево-Курганском районе Ростовской области и «Зари» в Медынском районе Калужской области. И осуществил в этих хозяйствах две разные схемы преобразований.

В «Победе» Гулов организовал сеть внутрихозяйственных кооперативов. Они создавались на базе населённых пунктов, к которым были привязаны севообороты и животноводческие постройки. Всех кооперативов получилось 24, из них 5 растениеводческих, 6 животноводческих, 6 по обслуживанию основного производства (ремонтно-технический, транспортный, строительный, нефтепродуктовый и др.) и 6 в сфере социально-бытового обеспечения (столовая, детсад, бытовой комбинат и т.д.). Все кооперативы продавали друг другу свою продукцию по ценам реализации. 24-м стал кооператив общехозяйственного управления. Его численность сократилась до 12 человек, тогда как раньше контора колхоза «Победа» насчитывала 47 душ. Но надо полагать, что именно эта сторона реформ активно не понравилась вышестоящим чиновникам: а ну как их самих сократят вчетверо? Во всяком случае, несмотря на рост в реформированном хозяйстве урожаев, надоев и рентабельности, чиновники распространять опыт «Победы» не стали.

Конечно, насаждать его повсеместно было бы нелепо. Россия велика, и местные условия в нашей стране крайне разнообразны. Вот и в «Заре», преимущественно животноводческом колхозе средней полосы, попытка Гулова воспроизвести опыт «Победы», по его собственному признанию, «положительного результата не принесла» (уже за одно это признание Гулов достоин уважения!). Здесь пришлось искать несколько иной путь. В рамках колхоза, переименованного в союз крестьянских хозяйств, создали 8 «межсемейных» крестьянских хозяйств, по сути — малых кооперативов. В отличие от ростовского варианта в такие кооперативы входили семьи, а не отдельные лица. Семь из 8 «межсемейных» хозяйств насчитывают от 2 до 5 семей и, следовательно, приближаются к естественным для средней полосы России размерам деревни (что мы обсуждали выше). В самостоятельные кооперативы превратились ремонтная мастерская, нефтебаза, механизированный ток, газовое хозяйство, столовая, детсад, дом культуры. Правда, в «Заре» было два животноводческих комплекса из разряда печально знаменитых «коровьих дворцов». Даже изобретательный Гулов не придумал, что с ними делать, хотя и предоставил им статус малых предприятий. Дадим слово ему самому: «...крупные животноводческие фермы и комплексы не вписываются в задуманную систему реформирования хозяйства, поскольку ответственность каждого члена большого

трудового коллектива за использования средств производства и результаты труда остаётся расплывчатой»[1].

Так что планы преобразования колхозов и совхозов в начале 1990-х годов существовали. Один только Гулов предлагал два различных варианта в зависимости от местных условий. Были и другие идеи, например исходившие от сибирских учёных. Но «реформаторы» не востребовали ни одну из них.

Получается настоящее зазеркалье! «Радикальные реформаторы» не проводят, по крайней мере в сельском хозяйстве, никаких реформ. И не потому, что не могут, а потому, что не хотят. А их противники твердят, что обвал сельского хозяйства произошёл из-за «радикальных реформ».

ПАКТ МОРО — БЕРЛИНГУЭРА: РУССКОЕ ИЗДАНИЕ?

Одна из причин бездействия «реформаторов» достаточно очевидна. Единственной «реформой», которую они проводили с подлинным энтузиазмом, была приватизация. Применительно к России это слово желательно писать с буквой «х», поскольку такое написание лучше отражает суть дела. «Реформаторы» не могли не знать о дотационности сельского хозяйства в развитых странах и на этом основании делали вывод, что и в России в этой сфере нельзя рассчитывать на высокие доходы. А потому сельское хозяйство их просто не интересовало. То ли дело нефть и газ!

Но следует ли считать эту причину нулевого варианта реформ единственной? Уверенности в этом нет. Есть целый ряд оснований думать, что в России 1990-х годов действовало соглашение, аналогичное итальянскому пакту Моро — Берлингуэра.

Напомню: сделка между премьер-министром Италии и одновременно председателем христианско-демократической партии (ХДП) Альдо Моро и генсеком итальянской компартии (ИКП) Энрике Берлингуэром была заключена в 1974 году. В соответствии с этим тайным соглашением компартия отказывалась от «раскачивания лодки» и из непримиримой оппозиции превращалась во вполне лояльную. Заодно коммунисты разрывали со своей прежней — просоветской — внешнеполитической позицией. Как раз на это Берлингуэр и его соратники пошли с лёгким сердцем, поскольку после подавления советскими танками «пражской весны» СССР им действительно разонравился. Но поскольку рассчитывать на советскую денежную помощь компартия уже больше не могла, она потребовала финансовых вливаний из иных источников. И получила деньги! Схема выглядела так: правительство предоставляло субсидии

[1] Гулов В.А. Реформирование колхозов в условиях перехода к рыночной экономике : Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1992. С. 16.

красным сельскохозяйственным кооперативам, которыми руководили члены ИКП. А кооперативы жертвовали часть этих денег любимой партии. Так правительство взяло на себя финансирование компартии, на словах всё ещё решительно оппозиционной.

В итоге все остались довольны. И христианско-демократические волки были сыты (а значительная часть руководства ХДП имела теснейшие связи с мафией, хотя о Моро этого сказать нельзя). И коммунистические овечки... тоже сыты. А что касается обмана подавляющего большинства избирателей, по привычке считавших ХДП и ИКП непримиримыми противниками, то о такой мелочи участники сделки вовсе не думали.

Существовал ли аналогичный договор между «партией власти» и верхушкой КПРФ в России 1990-х годов? Прямых доказательств пока нет. Но некоторые косвенные основания предполагать наличие подобной сделки имеются. По какой-то необъяснимой странности за сельское хозяйство в правительствах Ельцина — Черномырдина с 1993 по 1998 год неизменно отвечали представители очень близкой в то время к коммунистам Аграрной партии: А. Заверюха, А. Назарчук, Г. Кулик. Следует напомнить, что аграрная фракция в Госдуме 1995–1999 годов существовала только благодаря тому, что коммунисты делегировали в неё внушительную группу своих депутатов. Так что распределение субсидий и кредитов для сельскохозяйственных предприятий — пусть и небольших по размерам — находилось всецело в ведении дружественных компартии чиновников. Попадала ли часть этих денег в партийную кассу? Исключать такую возможность не стоит, тем более что, по свидетельству «Новой газеты», видный деятель КПРФ Илья Пономарёв в 2003 году признал, что компартия получала-таки деньги от «антинародного государства». Но, во всяком случае, прокоммунистические вице-премьеры и министры были полны решимости не допустить каких-либо аграрных реформ и в этом преуспели.

Если в России действительно был свой «пакт Моро — Берлингуэра», то можно с большой уверенностью вычислить время его заключения. Это либо самый конец 1993-го, либо самое начало 1994-го. Именно тогда и правительство Ельцина — Черномырдина, и верхушка КПРФ явно повернули от действительно жёсткого противостояния к «номенклатурному примирению».

Вряд ли нужно объяснять, что судьба отечественного сельского хозяйства обе стороны мало интересовала. «Партия власти» мечтала о «стабильности» и беспрепятственном проведении «прихватизации». Коммунисты считали, что при сохранении колхозно-совхозного строя голоса сельского населения на выборах им обеспечены. Ведь ни для кого не тайна, что большинство сельских избирателей голосует так, как прикажет начальство. А колхозное и совхозное начальство тогда было сплошь красным. Вот только расчёт коммунис-

тов на то, что такое положение сохранится навсегда, не оправдался. В последние годы основная часть агрочиновников перебежала на сторону «партии власти».

ВЛИЯНИЕ МАКРОЭКОНОМИКИ

Итак, «радикальные реформы» не могли вызвать кризис сельского хозяйства 1990-х годов, потому что в сельском хозяйстве их просто *не было*. Но при этом производство упало сильно, а реальная зарплата работников сельского хозяйства — ещё сильнее. Следует выявить подлинные причины этого падения. Начнём с макроэкономики.

Во всех развитых странах сельское хозяйство получает более или менее значимые государственные дотации. Этот факт часто упоминают, но на удивление редко хоть как-то пытаются объяснить. Но не найдя ему объяснения, мы ничего не поймём и в нашем собственном кризисе.

В любой стране сельское хозяйство — это та отрасль экономики, которая менее других поддаётся монополизации. Независимых производителей всегда много. Если цены рыночные, то эти независимые производители конкурируют между собой и в ходе конкурентной борьбы сбивают цены на сельскохозяйственные продукты. Такое положение выгодно для потребителя, но самим производителям наносит ущерб.

Однако те отрасли, от которых в высокой степени зависит нормальная работа сельскохозяйственных предприятий, как правило, организованы иначе. Так, электроэнергетика в большинстве стран мира представляет собой государственную или контролируемую государством монополию. За последние десятилетия из этого правила появились исключения, главное из которых — США. Но там ослабление (отнюдь не полная отмена!) государственного регулирования отрасли положительных результатов пока что не дало. Вместо всеобъемлющей монополии под государственным контролем образовалась сеть частных монополий регионального масштаба. И вероятность «конца света» (электрического) в одном отдельно взятом регионе даже возросла. А реальной конкуренции как не было, так и нет.

В ряде других отраслей существует не монополия, а олигополия. Например, нефть и нефтепродукты в западных странах находятся под контролем примерно десятка крупных ТНК. Похожую картину можно увидеть в производстве минеральных удобрений и химических средств защиты растений. В основном на западном рынке удобрений и ядохимикатов господствуют шесть гигантских корпораций. Есть и более мелкие независимые производители, но их роль невелика. Олигополия отличается от монополии тем, что конкуренция не исчезает. Поэтому олигополия не ведёт к технологическому за-

стою. Но ценообразование в таких условиях нельзя считать вполне рыночным. Всегда возможен прямой сговор между немногими крупными фирмами. Однако и при отсутствии такого сговора компании могут одновременно «играть» таким образом, чтобы поддерживать цены на выгодном для себя (= высоком) уровне.

Несколько лучше для фермеров западных стран обстоят дела в производстве сельскохозяйственных машин и орудий. Конкуренция между производителями в этой отрасли сильнее. Но всё равно число независимых производителей в с.-х. машиностроении не слишком велико.

Итак, цены на сельскохозяйственные продукты оказываются заниженными вследствие острой конкуренции. А цены на товары и услуги других отраслей, от которых зависят с.-х. предприятия, наоборот, обычно завышены. Об этом «заботятся» моно- и олигополии. Так возникает *диспаритет цен*. Ничего самобытно российского в этом явлении нет. Оно существует и в западных странах.

Но в условиях демократии (без кавычек) никакое правительство не может быть заинтересовано в массовом разорении своих фермеров и упадке сельского хозяйства в своей стране. Поэтому государство придумывает разные способы возмещения тех потерь, которые несут аграрии. Частично это открытые субсидии, к разряду которых относятся и закупки продукции в государственный фонд по высоким ценам, частично — налоговые льготы. Существование такого механизма возмещения действительно необходимо и неизбежно.

В СССР цены назначали чиновники. В конце советской эпохи, в 1970–1980-х годах, соотношение цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию стало относительно благоприятным для аграрного сектора. Выгодность этого соотношения не стоит преувеличивать. Современный российский экономист-аграрник Е.И. Царегородцев отмечает, что и в 70-х годах паритета цен не существовало, ибо ценовые пропорции всё равно были искажены в пользу промышленных товаров[1]. Но в последнее 20-летие советского режима уровни цен на продовольствие и промтовары всё же можно признать терпимыми для сельхозпроизводителей.

Следует отметить, что так было не всегда. При Сталине, проводившем политику систематического ограбления деревни, существовали весьма разорительные для крестьян «ножницы» цен. Это тот же диспаритет, только возникший вследствие сознательных действий государственной власти. Да и в 1960-е годы соотношение цен никак нельзя было назвать выгодным для деревни. В то время рентабельность колхозов и совхозов зависела преимущественно от наличия у них подсобных цехов. Если такие цеха существовали (ска-

1 См.: Царегородцев Е.И. Основы адаптивного управления в сельском хозяйстве. Йошкар-Ола: МарГУ, 1996.

жем, гнали плодово-выгодное вино), то хозяйство получало доход, в противном случае оно обычно оказывалось убыточным. Но к концу советского периода положение действительно несколько изменилось в лучшую для села сторону.

После отмены государственного контроля над ценами в постсоветской России вновь возникли «ножницы» цен. Но механизма возмещения, подобного существующим в западных странах, не было создано. Отчасти это объясняется объективной причиной — бедностью нашего государства. Государственная поддержка сельского хозяйства в тех масштабах, которые свойственны странам «большой семёрки», у нас просто невозможна — шишей не хватит! Но совершенно очевидно, что и при нынешних скромных финансовых возможностях государство могло бы возмещать сельскохозяйственным предприятиям гораздо большую долю их потерь от диспаритета цен. Хватило же у российского государства денег на две безусловно вредные и позорные войны в Чечне! Следовательно, дело не только в ограниченных возможностях, но и в полном нежелании поддерживать отечественное с.-х. производство.

Кроме ценовых «ножниц», огромный ущерб сельскому хозяйству нанесла гиперинфляция 1992–1995 годов. Но гиперинфляция, вообще-то, равно вредна для любого реального производства. При инфляции в сотни и тысячи процентов в год такая нехитрая «экономическая» деятельность, как обмен валюты, а точнее, игра на понижение национальной «деревянной» денежной единицы по отношению к твёрдым валютам всегда доходнее и надёжнее, чем какое бы то ни было производство. Кроме того, высокая инфляция резко усиливает имущественное расслоение. Меньшинство (спекулянты и те, кто приближен к государственной кормушке) обогащается, а большинство неизбежно нищает. При этом совокупный платёжеспособный спрос тоже неотвратимо и очень сильно падает. Обнищавшие рабочие, интеллигенты, пенсионеры даже продукты питания покупают в меньшем количестве. А падение спроса вызывает свёртывание производства. Естественно, при сокращении производства себестоимость продукции растёт, рентабельность падает или сменяется убыточностью. Возникает порочный круг, из которого без обуздания инфляции выбраться нельзя.

Вдобавок гиперинфляция отучает думать на перспективу. «Инвестиции» при инфляции в сотни и тем более в тысячи процентов в год — это инвестиции на неделю, на месяц, очень редко на полгода. О более долгих промежутках времени никто не вспоминает. Но никакая отрасль экономики не может обойтись без долгосрочных капиталовложений, а сельское хозяйство в особенности. Поэтому отсутствие долгосрочных инвестиций на протяжении целого пятилетия 1992–1996 годов (в 1996 году инфляция уже потеряла приставку гипер-, но инфляционные ожидания оставались очень высокими) не могло не привести к глубокому спаду в сельском хозяйстве в последующие годы.

Когда в почву не вносят удобрения, не закупают новые машины и орудия, не ремонтируют фермы и теплицы (не говоря уж о постройке новых), не закладывают новые сады и толком не обрезают существующие, всё это в будущем может привести только к развалу.

Вред гиперинфляции для сельского хозяйства состоял и в том, что между сбытом продукции (чаще конец лета или начало осени) и получением выручки за неё, с одной стороны, и затратами на новый урожай — с другой, у большинства хозяйств существовал временной разрыв. За этот промежуток в несколько месяцев деньги сильно обесценивались.

Однако ошибочно думать, будто глубокий кризис сельского хозяйства в 1990-х годах обусловлен одними макроэкономическими, внешними по отношению к селу причинами. Огромную роль сыграл и давно уже нараставший...

...САМОРАСПАД КОЛХОЗНО-СОВХОЗНОГО СТРОЯ

Любой колхоз или совхоз — воплощение советской бюрократической системы на клеточном уровне. Он всегда чётко подразделяется на: 1) контору; 2) работяг.

Среди служащих колхозной (совхозной) конторы есть некоторое количество полезных для общества людей. Таковы, например, многие агрономы и зоотехники и даже некоторые председатели (директора) и их замы. Но основная часть обитателей конторы не имеет никакого отношения к земле и вообще к производству. Эти служащие составляют и заполняют бумаги или, говоря высокопарно, работают с документами. Важно подчеркнуть, что даже при идеальном председателе (директоре) число таких решительно бесполезных людей не может быть равно нулю. Дело в том, что вышестоящие чиновники различного уровня постоянно изобретают всё новые и новые формы отчётности, которая неуклонно усложняется. И кто-то ведь должен заполнять эти бланки! Так большая бюрократическая система, стремясь исключительно к самосохранению и расширению, подпитывает малые.

Идеальные председатели (директора) в природе встречаются редко. Даже если в момент своего назначения они горят энтузиазмом, его в большинстве случаев хватает ненадолго. Обычно спустя некоторое время после назначения один руководитель начинает воровать, другой спивается, третий опускает руки и впадает в прострацию. А четвёртый суетится и мельтешит, но у него ничего не выходит. Наконец, пятый обеспечит себя квартирой в доме городского типа и машиной (скажем, джипом-внедорожником) и при этом жалуется на правительство. Это правительство виновато в том, что простые работяги получают в его хозяйстве по тысяче рублей, да и то с задержками, а он — народный заступник — ни в чём не виноват.

И во всех этих случаях колхозная (совхозная) контора, повинуясь закону Паркинсона, начинает разбухать. Обозначим численность служащих колхозной (совхозной) конторы, или людей с ложкой, буквой Л. Эта величина подчиняется следующему закону: Л $\to\infty$.

Совсем другой закон определяет численность работяг, или людей с сошкой, которую мы обозначим через С. Воспроизводство этой части сельского населения давным-давно стало суженным — где в 1960-х годах, а где ещё раньше. И дело тут не только и не столько в падении рождаемости, хотя этот фактор тоже нельзя списывать со счётов. Дело прежде всего в нежелании детей колхозников и рабочих совхозов оставаться в деревне. Да и кому охота выполнять тяжёлую, нередко грязную (в буквальном смысле слова) работу за гроши, да часто ещё к тому же при ненормированном рабочем дне?

Итак, С $\to$ 0.

Две величины устойчиво меняются в двух прямо противоположных направлениях. Их соотношение, конечно, тоже не остаётся неизменным. Величина Л/С, то есть число людей с ложкой, приходящихся на каждого человека с сошкой, неуклонно возрастает. Оттого экономическая эффективность колхозов и совхозов с течением времени устойчиво падает. Слишком уж тяжёлый груз в виде непомерно разбухшей конторы висит на шее у немногих оставшихся производительных работников. И притом не следует забывать, что средний возраст этих работников увеличивается, здоровье же хотя бы уже по одной этой причине не улучшается. А количество трезвых колхозников и рабочих совхозов падает быстрее, чем их общее число.

Это грустная тема. Но не стоит по-страусиному прятать голову в песок, скрывая от самих себя неприятную правду. Большинство хозяйств «общественного сектора» или уже развалилось, или медленно умирает. Причём это явление никак нельзя назвать новым. Ещё в 1970–1980-е годы всего 30% колхозов и совхозов давали более 80% всей с.-х. продукции «общественного сектора». А остальные 70% лежали на боку. И если в то время они не всплывали кверху брюхом, то только потому, что в условиях нефтяного бума (1973–1986) государство обладало возможностью их подпитывать.

Таким образом, никак нельзя сказать, что крайне неблагоприятные для села макроэкономические условия 1990-х годов — это первопричина кризиса. Макроэкономические факторы просто превратили хронический и вялотекущий кризис в острый. Но не породили его.

Самораспад колхозно-совхозного строя неизбежен по той простой причине, что землю с успехом может возделывать только хозяин, а не батрак. Так что аграрно-продовольственный кризис в России на рубеже XX–XXI веков был спланирован лет за 70 до его наступления, когда верхушка ВКП(б) приняла решение об уничтожении крестьянства как класса. Очень важно отметить, что массовое бегство из колхозов началось буквально сразу же после

их создания. Поэтому-то основатель колхозного строя, Сталин, был вынужден дополнить коллективизацию всеобщей паспортизацией горожан, лишением колхозников права иметь паспорта и введением прописки (1932). Другого способа предотвратить повальное бегство из деревни не нашлось. Забавно, что в 1932 году ещё у многих советских граждан имелись советские энциклопедические словари 1920-х годов, в которых паспортную систему определяли как «систему закрепощения трудящихся». Это точно! Лучше не скажешь!

ЧТО ТАКОЕ ПРОПИСКА?

В 80-х годах минувшего века одна интеллигентная московская дама обнаружила, что её тётушка, увезённая из России малолетней в первые годы после революции, до сих пор живёт и здравствует во Франции. Племянница и тётка начали оживлённую переписку. Тётушка осталась до кончиков ногтей русской, прекрасно знала родной язык, но некоторых явлений советской действительности совершенно не понимала. «Ты мне, пожалуйста, объясни, что такое *прописка*?» — спрашивала она в одном письме. Племянница была поставлена в тупик. Как объяснить, что это такое, французской гражданке, которая никогда ни с чем подобным не сталкивалась?

Действительно, иностранцам это самобытное явление понять трудно. А наши ничего — привыкли. Даже и тогда обычно не ропщут, когда кто-то попадает в замкнутый круг: прописку не дают, потому что нет работы, а на работу не берут из-за отсутствия прописки. А ведь так бывает нередко! Скажем, мой однокурсник по Тимирязевке Валентин Скуратов, ныне отец четверых детей, годами жил в подмосковном Ногинске, а прописки тем не менее не получил. Не удостоили. И на постоянную работу он никак не мог устроиться. А сколько таких семей по России, которые маются годами, иногда — десятилетиями!

Конечно, введённая Сталиным система закрепощения трудящихся не сохранилась в неизменном виде. Она существенно ослабла в 1950–1970-х годах, когда колхозникам постепенно выдали паспорта. Эта гуманная (без кавычек!) мера существенно ускорила бегство из колхозной деревни и, следовательно, сильно приблизила наступление аграрно-продовольственного кризиса.

Но в целом крепостнический институт прописки благополучно дожил в России до наших дней. Нельзя сказать, чтоб он был совсем уж уникальным. Сходная «паспортно-прописочная» система действовала в ЮАР времён апартхайда. Правда, там она распространялась только на чёрное большинство. Господствовавшее белое меньшинство обладало свободой передвижения. В середине 1980-х годов массовые выступления чёрных южноафриканцев вынудили режим белого меньшинства отменить полукрепостнические порядки. Это произошло задолго до полной ликвидации апартхайда.

Жители России пока ещё очень далеки от той степени свободы передвижения, которую получило чёрное население ЮАР в последние годы существования расистского режима. Между прочим, это одно из самых ярких доказательств того бесспорного факта, что никакой всамделишней демократизации в России не было и в помине. Любое мало-мальски демократическое правительство отменило бы прописку в первые дни после прихода к власти. Но у нас всё ограничилось в высшей степени забавной «реформой»: при Ельцине прописку зачем-то переименовали в регистрацию. (Тогда же несколько раз меняли название КГБ.) Это уж проявление какого-то первобытно-магического сознания: если переименовать какую-то вещь, не называть её настоящим именем, то вроде бы и сущность её изменится. А теперь, под предлогом трагедии в Беслане (а на самом деле с целью повышения доходов ментов), режим прописки хотят ужесточить ещё сильнее!

И не следует думать, будто это отступление не имеет отношения к теме. Ещё как имеет! Прописка исторически возникла как следствие коллективизации. И, похоже, избавиться от этих двух зол нам удастся только одновременно. Порознь — не выйдет.

Но вернёмся к проблемам сельского хозяйства. Всё-таки около 30% колхозов и совхозов в конце советского времени работали сравнительно неплохо. Как было возможно такое чудо?

РОЛЬ ЛИЧНОСТЕЙ В ИСТОРИИ

Директор одного из крупнейших хозяйств Волгоградской области — совхоза «Волго-Дон» В.И. Штепо славился в 1970–1980-х годах на весь Советский Союз. Возглавляемое им предприятие действительно могло гордиться своими успехами. Помимо орошения из одноимённого канала, грамотных севооборотов и высоких доз органических и минеральных удобрений, совхоз добивался неплохих урожаев и надоев ещё и благодаря аккордно-премиальной системе оплаты труда. Поясню, что это такое, для закоренелых горожан. В обыкновенном колхозе или совхозе советского времени работники утром спешили не в поле или на ферму, а к зданию главной конторы. Там им давали наряд на работу. А в конце дня надзирающие товарищи принимали проделанную работу, так что зарплату работники получали на основе выписанных нарядов. Вся эта тягомотина отнимала уйму времени (уж не меньше часа в день!), но в большинстве колхозов и совхозов отойти от этой системы не смели или не хотели. Тем более что тружеников конторы она устраивала. Кстати, не надо думать, что эта система повсеместно умерла. Кое-где утреннее хождение на наряд сохраняется по сей день даже неподалеку от МКАД.

Штепо выписывание нарядов упразднил. Каждому звену платили за выращенную продукцию. Рабочее время экономилось, а у рабочих совхоза даже появился стимул работать хорошо, что, вообще-то, противоречит самой сути колхозно-совхозного строя.

Как и большинство людей с предпринимательской хваткой, Штепо был жёстким руководителем. И далеко не все подчинённые испытывали к нему тёплые чувства. В 1991 году, когда изрядная часть наших соотечественников уверовала во всамделишнее наступление демократии, против Штепо вспыхнул открытый бунт. Коллектив демократическим путём избрал другого директора. А разобиженный Штепо ушёл в фермеры.

Прошли годы. От былой славы хозяйства остались одни воспоминания. Его финансовое положение сейчас тяжёлое. Там сменилось уже несколько руководителей, но упадок нарастает. И тогда селяне решили снова обратиться к Штепо. Пришли к нему с челобитной — звать обратно на царство. Каялись в былых прегрешениях, особенно в увлечении митинговой демократией, и твердили, что впредь лукавый их не попутает.

Однако... в одну реку нельзя войти дважды! Штепо отказался вернуться на пост директора и предпочёл остаться фермером. Спрашивается, почему? Ведь Штепо из того поколения, большая и лучшая часть жизни которого прошла при социализме. И не приходится сомневаться в том, что он — на уровне лозунгов — остался приверженцем этого строя. Казалось бы, такой человек должен мечтать о возвращении в «общественный сектор»... Ан нет! Это явление давно известно на Западе: самостоятельные собственники не хотят переходить на положение наёмных служащих, даже если они при этом выиграют в деньгах. Конечно, не все люди таковы. Но — большинство.

Несколько поколений советских граждан не могли заниматься частным предпринимательством, поскольку в СССР оно считалось уголовным преступлением. Однако люди с соответствующими способностями продолжали рождаться и в Советском Союзе. В сложившихся условиях они шли в хозяйственники и делали карьеру на государственных предприятиях, включая совхозы и колхозы. (Думаю, не надо доказывать, что колхозы в советский период представляли собой государственную собственность и что их кооперативная форма — чистой воды юридическая фикция.) И можно сказать с полной уверенностью: большинство успешно работавших колхозов и совхозов было обязано своим относительным благополучием именно управленческим талантам своих руководителей.

Это правило не без исключений. Кое-где на юге России природные условия для сельского хозяйства настолько благоприятны, что там очень трудно не добиться успеха. В данном случае всё дело в природной ренте. Помимо природной ренты, существует и рента местоположения, обусловленная близостью к большим городам, прежде всего к столице. Поэтому подмосковные

совхозы и колхозы в 1980-х годах в большинстве своем жили довольно благополучно, да и их производственные показатели заметно отличались от постыдно низких средних по стране. Наконец, в советский период существовал обычай создавать отдельные хозяйства-маяки. Они получали государственные капиталовложения в таких количествах, о которых остальные не смели и мечтать. Но, повторим, за вычетом всех этих не слишком многочисленных исключений, благополучные колхозы и совхозы держались благодаря своим директорам и председателям.

А теперь? Нынешнее поколение людей с предпринимательской жилкой в руководители хозяйств «общественного сектора» не пойдёт. Зачем, когда можно завести своё дело? А возврат к полному запрету легального частного предпринимательства уже просто невозможен! Даже если к власти придёт компартия (во что автор настоящих строк не верит), такого не будет. Руководящий слой этой партии уже слишком основательно оброс частной собственностью, чтобы запретить её. Но невозможность возврата к прежним порядкам означает, что даже в том фантастическом сценарии, в котором государственные капвложения в аграрный сектор вернутся на уровень 1973–1986 годов, поднять производство в «общественном секторе» до уровня тех лет не удастся. Не только рядовых работников не хватит, но ещё более — толковых управленцев.

ДРУГИЕ СЛАГАЕМЫЕ КРИЗИСА: ДУРАКИ И ПЛОХИЕ ДОРОГИ

Главный разговор о дорогах у нас впереди. Заметим лишь вкратце, что дороги в России плохи не по природно-климатическим, а по криминально-экономическим причинам. Правда, степень нашего бездорожья от климата всё-таки зависит. В степной и даже лесостепной зоне благодаря меньшему количеству дождей дороги не раскисают до такого состояния, как в средней полосе и на Севере. Не с этим ли связано относительно лучшее положение дел в сельском хозяйстве на Юге? Во всяком случае, пока по всей России не проложены хорошие дороги, любые ссылки на суровый климат как на причину кризиса сельского хозяйства смехотворны. При существующем в большинстве районов России бездорожье оно придёт в упадок во всяком климате!

А вот о дураках стоит поговорить подробнее. Глубина кризиса в той или иной отрасли сельского хозяйства часто в сильной степени зависит от их усилий.

Сильнее всего пострадало в России животноводство. Конечно, отчасти это объясняется тем, что резкое падение реальной зарплаты в годы гиперинфляции (1992–1995) и вторично — после дефолта (1998) превратило несколько десятков миллионов наших сограждан в вынужденных вегетарианцев (или полувегетарианцев). Но это только часть правды. Ведь импорт мяса, масла и дру-

гих продуктов животноводства вырос, а не упал. Почему же российское животноводство оказалось неконкурентоспособным? Из-за холодного климата? Да нет, всё гораздо прозаичнее: пресловутые «коровьи дворцы», усеявшие нашу страну в 1970–1980-х годах, в принципе не могут быть конкурентоспособными в рыночных условиях независимо от долготы, широты, среднегодовой температуры и суммы осадков. Такова уж их «гениальная» конструкция!

Дополнительный ущерб нанесла так называемая монопсония. Это такой вид монополии, когда у множества покупателей один продавец. Почти в любом районе бывшего СССР существовал единственный молочный комбинат и единственный мясокомбинат, куда колхозы и совхозы обязаны были сдавать свою продукцию. С отменой госконтроля над ценами эти предприятия, как монополисты районного масштаба, начали душить животноводческие предприятия при помощи низких закупочных цен. Молоко и мясо — такие товары, которые надо продавать быстро, поэтому животноводческие хозяйства попали в особенно тяжёлое положение.

Большие трудности возникли и у ранее процветавших тепличных комбинатов. В 1990-х годах многие из них стали убыточными. Формально вроде бы тут как раз подходит теория г-на Паршева: электричество резко подорожало, и поэтому затраты многократно выросли. Но вот почему затраты оказались столь высокими: из-за холодного климата или по какой-то иной причине?

Когда в 1984 году я поступил в Тимирязевскую сельхозакадемию, нас повели знакомиться с Овощной опытной станцией. Там среди прочих стояли две теплицы, построенные по иностранным образцам: голландская и финская. Помню, меня тогда поразило, что голландская теплица выглядела очень привычно. Она была покрыта стеклом, как практически все зимние теплицы в нашей стране. А вот финская теплица имела необычный, почти экзотический вид: плёночная, но зимняя! У нас плёночных теплиц тоже строили много, но всё весенние. И плёнку на них натягивали такую, что к осени она рвалась в клочья. А финской плёнке и зимние снегопады были нипочём. Но почему в СССР и Голландии строили одинаковые зимние теплицы, а в Финляндии какие-то другие, я в то время не понял, тем более что слабо разбирался в технике.

Причины, по которым для нашей страны не подходят теплицы голландской конструкции, стали ясны в 1990-е. В 1996–1997 годах та же Овощная опытная станция подверглась двум бедствиям подряд: граду и урагану. В обоих случаях от стёкол оставались одни осколки, которые приходилось долго собирать.

После урагана селекционеры-капустники ругали дежурившего в тот день своего товарища Диму Харламова за то, что он не успел закрыть форточки в теплице, где выращивали семенники капусты. Дескать, добеги он вовремя и закрой форточки, стекло могло бы устоять. Но это вряд ли. Скорее, опоздание Харламова предотвратило трагедию. Если бы стёкла посыпались прямо на него, не факт, что он вообще остался бы жив. В экстремальных погодных

условиях стеклянные теплицы представляют собой смертельную опасность для находящихся в них людей.

Но вся беда в том, что и в нормальных условиях стеклянные теплицы в России оказываются очень ненадёжными. Стёкла всегда время от времени трескаются и бьются. Морозы этому способствуют. Летом последствия маловажны, а вот зимой поддерживать нужную температуру при наличии дыр вместо стёкол практически невозможно. Кроме того, не надо забывать, что качество строительства в России далеко не голландское. Где-то недостаточно хорошо замазали — и возникает щель, сквозь которую утекает тепло. Поскольку таких щелей в теплице обычно не одна и не две, то общие потери тепла значительны. Так что даже при целых стёклах в русские морозы стеклянные теплицы сплошь и рядом не способны поддерживать требуемую для растений температуру. И иногда дело доходит до разведения костров в теплицах, лишь бы спасти растения.

Однако на этом список недостатков стеклянных теплиц в наших климатических условиях не исчерпан. В 1990-х годах цены на электроэнергию выросли гораздо сильнее, чем общий уровень цен. В отличие от советского времени, когда электроэнергия стоила баснословно дёшево, теперь расходы на неё составляют немалую сумму. И тут «вдруг» обнаружилось, что не держащие зимой тепла стеклянные теплицы очень энергоёмки и дороги.

Кризис тепличного овощеводства в России следует объяснять прежде всего этой причиной. Но был ли он неизбежен?

То, что в Финляндии, которая по климату нам куда ближе, чем Нидерланды, давно научились строить зимние плёночные теплицы, ни для кого из работавших в отрасли тайной не было. Понятно, что финны сооружали такие теплицы по двум причинам: они надёжнее (специальная плёнка рвётся гораздо реже, чем бьётся стекло) и куда менее энергоёмки. А при рыночных ценах на энергоносители это значит: более дешевы. Причём ещё в советское время ленинградское ПО «Лето» практически доказало, что зимние плёночные теплицы финского типа требуют на 20–25% меньше энергии по сравнению со стеклянными теплицами[1]. Но советские планировщики продолжали планировать тепличные комбинаты, состоящие целиком из стеклянных зимних теплиц. Видимо, уж очень крепка была вера в неизменность тех крайне низких цен на топливо и электроэнергию, которые искусственно поддерживались в советский период. Вот это как раз и стоит называть глупостью!

Конечно, поворот к здравому смыслу неизбежно произошёл, когда цены на электроэнергию стали кусаться. Сейчас на той же Овощной опытной станции в Тимирязевке построена большая зимняя плёночная теплица. Строили её под руководством нового директора станции Д. Пацурия самостоятельно, без всяких финнов и прочих иностранцев. И получилось на славу! И тепло эта

[1] Этот факт мне любезно сообщил заведующий кафедрой овощеводства Тимирязевской с.-х. академии Юрий Михайлович Андреев.

теплица держит намного лучше, и работать в ней безопасно, и затраты энергии меньше. Но сколько времени мы потеряли! И сколько энергии ушло на обогрев атмосферы!

Сказанное не означает, что все стеклянные теплицы надо сломать и заменить плёночными. У зимних плёночных теплиц тоже есть недостатки, в них плохо себя чувствуют и плохо работают пчёлы. Этот недостаток — продолжение достоинств: обмена воздуха с окружающей средой из-за надёжной изоляции почти не происходит, и пчёлы страдают от отсутствия свежего воздуха. Поэтому пчёлоопыляемые гибриды огурца желательно выращивать под стеклом. Но для культур, не требующих перекрёстного опыления (томат, сладкий перец, партенокарпические гибриды огурца), плёнка — лучший вариант.

ВЕРСИЯ Г-НА ПАРШЕВА И ЕЁ ОЦЕНКА

Причины кризиса российского сельского хозяйства мы разобрали. Климатические факторы оказались ни при чём. Но, разумеется, следует сравнить наши выводы с версией, выдвигаемой в книге «Почему Россия не Америка». Впрочем, г-н Паршев пишет по интересующему нас вопросу скупо и больше налегает на риторику.

«Например, какое население сможет жить на территории России в условиях рынка? Сколько рынок сможет просто прокормить?» — задаёт риторические вопросы автор книги «Почему Россия не Америка». И сам же отвечает: **«Западные оценки разнятся — от 15 до 50 миллионов. Такие цифры иногда шокируют, а тем не менее никакой ереси в них нет. Ведь чтобы закупать продовольствие на нынешнее население за счёт экспорта нефти, её производство надо увеличить в 6–7 раз... А почему придётся переходить на покупную еду? Да потому, что для сельского хозяйства действует аналогичная горькая теорема № 2»** (с. 100).

Здесь требуется пояснение. «Теорема № 1» формулируется г-ном Паршевым в нескольких местах его книги по-разному, но мы предпочтём следующее изложение: **«Любое производство на территории России характеризуется чрезвычайно высоким уровнем издержек. Эти издержки выше, чем в любой другой промышленной зоне мира... В первую очередь это происходит из-за слишком сурового климата — производство, да и просто проживание в России требует большого расхода энергоносителей. Энергия стоит денег, поэтому наша продукция при прочих равных условиях получается более дорогой»** (с. 103). Или, как пишет автор книги «Почему Россия не Америка» ниже, **«наша промышленная продукция, аналогичная иностранной по потребительским характеристикам, оказывается выше по себестоимости и при реализации по мировым ценам приносит нам убыток, а не прибыль»** (с. 103).

Следовательно, если верить теории г-на Паршева, российская сельскохозяйственная продукция должна иметь более высокую себестоимость по сравнению с зарубежной и при реализации по мировым ценам приносить убыток, а не прибыль. Но это утверждение легко проверить! Возьмём соотношение внутренних и мировых цен на некоторые виды зерна в середине 1990-х годов.

Таблица 2.10. Внутренние и мировые цены на зерно

Продукция	Мировая цена, долл. за тонну	Внутренняя цена, долл. за тонну	Отношение внутренней цены к мировой
Пшеница	241	131	0,54
Кукуруза	134	148	1,11
Соя	277	84	0,30

Источник: Царегородцев Е.И. Указ. соч. С. 80.

Как видим, российские пшеница и соя в середине 1990-х годов стоили куда дешевле иностранных. Правда, кукуруза стоила дороже, и это во многом объясняет падение площадей под ней во второй половине 90-х. Здесь важно отметить, что в развитых странах внутренние цены на с.-х. продукцию выше мировых. Это, как уже отмечалось, неизбежное следствие политики поддержки национального аграрного сектора, которую проводят все развитые страны. Разница между внутренними российскими ценами на пшеницу и сою и внутренними ценами развитых стран тогда была куда больше. Да и внутренние цены на кукурузу у «капиталистов» наверняка оказывались всё же выше наших. Но, может быть, всё это результат резко заниженного курса рубля по отношению к твёрдым валютам и с тех пор положение изменилось не в пользу российского сельского хозяйства?

В последние годы Россия стала экспортёром зерна. Вообще-то, само существование российского зернового экспорта служит достаточным опровержением паршевской теории. Если зерно вывозят, значит, это занятие выгодно! В убыток этого никто делать не станет.

Вывоз зерна из нашей страны исчисляется следующими цифрами.

Таблица 2.11. Экспорт зерна из России

	1997	1998	1999	2000	2001	2002
Натуральные размеры, тыс. т	1603	1455	411	729	2748	12346
Стоимость, млн долл.	152	108	27,2	61,4	220	914
Цена 1 т российского зерна, долл.	94,8	74,2	66,2	84,2	80,1	74,0

Источник: российские статистические ежегодники.

Примечание. Цены на вывозимое зерно рассчитаны автором.

Из таблицы следует, что вывозимое за границу российское зерно поразительно дёшево. Для российских производителей это очень плохо. Они получают гораздо меньшие доходы, чем могли бы иметь в случае прямого выхода на мировой рынок. Но для теории г-на Паршева приведённые цены на зерно — это приговор. Ясно, что издержки на производство зерна у нас как раз малы. Они гораздо ниже, чем в развитых странах! На этой разнице и играют те торговые фирмы, которые занимаются зерновым экспортом.

Вся (или почти вся) прибыль пока что достаётся торгашам-посредникам. И это огромная прибыль! Судя по таблице, норма прибыли превышает 100%. Торговцы стараются скупать зерно по самой дешёвой цене, по 50 долларов за тонну и даже ниже. В большинстве случаев это им удаётся, поскольку у производителей зерна нет возможностей для манёвра. Хранить зерно им негде, поэтому приходится продавать его по той цене, которую навязывают посредники. А сами перекупщики продают зерно по мировым ценам, которые в последние годы колеблются вокруг 200 долларов за тонну. Конечно, часть денег уходит на транспортные издержки. Но всё равно норма прибыли у современных экспортёров зерна — «достойных» наследников советской зерноимпортной мафии — огромная.

Действительно, продажа зерна по цене 50–80 долларов за тонну невыгодна российским производителям. Или они с трудом окупают издержки производства и имеют лишь незначительную прибыль, или (и чаще всего) вообще остаются в убытке. Рассчитывать на государство не приходится: путинский министр сельского хозяйства А. Гордеев — один из самых последовательных защитников интересов спекулянтов-перекупщиков. Под его чутким руководством процветают такие фирмы, как базирующаяся в Москве компания «Разгуляй». Она за бесценок скупает зерно и вывозит его за рубеж. А так как не каждое хозяйство продаст выращенный урожай по очень смешным ценам, то «Разгуляй» выбирает слабые (но всё же не окончательно развалившиеся) колхозы и совхозы и даёт им чуть-чуть подняться на ноги. Компания обеспечивает их техникой, горючим, семенами, но взамен требует продажи зерна по тем ценам, которые ей выгодны. Естественно, что для рядовых работников контролируемых «Разгуляем» хозяйств эта схема означает очень смешную зарплату. И при этом глава «Разгуляя» г-н Потапенко и его сподвижники вполне серьёзно считают себя благодетелями российского сельского хозяйства! В фирме даже вывешен длинный список контролируемых (то есть закабалённых) хозяйств.

Немало заработал (и продолжает зарабатывать) на экспорте зерна и г-н Федорычев — нынешний президент футбольного клуба «Динамо» (Москва). Бешеные деньги, которые этот клуб заплатил в 2005 году португальским игрокам и бразильскому тренеру, отчасти складываются из разницы между ценой зерна на внутреннем и внешнем рынках. По сути дела, иностранные футболисты

живут на средства, которые должны были бы пойти на зарплату работников российского сельского хозяйства, но достались не тем, кто их заработал.

А потом, когда перекупщики уже вывезли за рубеж всё, что можно, г-н Гордеев становится в позу поборника государственных интересов и вводит экспортную пошлину на вывоз зерна! Она появляется именно тогда, когда вследствие массированного вывоза внутренние российские цены на зерно подтягиваются к мировым на такое расстояние, которое делает экспорт малодоходным. Всё это даже не смешно...

Но способы борьбы с подобными спекулянтами, в принципе, известны давно. Их открыли ещё в конце XIX века в Канаде, а затем с успехом применили и в других западных странах. Тамошние фермеры объединились в пулы — снабженческо-сбытовые кооперативы, которые постепенно завоевали большую часть зернового рынка и обеспечили приемлемый для фермеров уровень закупочных цен. У нас сделать то же самое, вероятно, труднее, поскольку руководители колхозов и совхозов в массе своей остаются советскими людьми. И, как и положено советским людям, ждут милости от государства. (Свои личные проблемы они могут решать без всякого участия государства, но личное и общественное у них чётко разделено).

Но как бы ни было плохо нынешнее положение на зерновом рынке, низкая себестоимость российского зерна — очевидный факт. На ней-то и основана высокая прибыльность торговых операций с нашим зерном. Пусть цена в 50 и даже 100 долларов за тонну пшеницы — грабительская в отношении производителей, но она ненамного ниже уровня реальных затрат. А цена около150 долларов за тонну не только покроет издержки, но и обеспечит хозяйствам неплохую прибыль. Между тем себестоимость тонны пшеницы в развитых странах либо находится на уровне мировых цен (200 долларов за тонну), либо даже превосходит их. И только государственные дотации в разных формах помогают западным фермерам сводить концы с концами и даже получать прибыль при таком уровне цен.

ПРИМЕР «НЕПЕЦИНО»

ФГУП «ОПК "Непецино"» — не совсем обычное хозяйство. Оно числится по министерству двора, которое у нас нынче именуется Управлением делами президента. Благодаря усилиям П.П. Бородина общественность кое-что узнала про это ведомство. Но немного. Из своих источников (которые я, увы, не вправе разглашать) автор знает про него несколько больше среднестатистического россиянина. Например, эти источники сообщают, что самая распространённая фамилия в этом ведомстве конечно же Козлов. А по происхождению чиновники Управления в большинстве своем, естественно, фээсбэшни-

ки. Но здесь мы затронем только сельскохозяйственное производство в оздоровительно-производственном комплексе «Непецино». Это хозяйство, поставляющее часть своей продукции прямиком в Кремль, расположено в Коломенском районе Подмосковья.

У императорского двора свои традиции. Скажем, в «Непецино» разводят скот *голштинской* чёрно-пёстрой породы — не какой-нибудь другой! Голштинская ориентация, вероятно, сохранилась ещё с XVIII века. В экономическом отношении положение «Непецино», безусловно, выгоднее, чем рядового хозяйства, не имеющего таких высоких покровителей. Но с точки зрения климата и почвы «Непецино» находится в равных условиях с другими. Поэтому если соседние хозяйства загибаются (а за последние годы придворный госхоз поглотил три обанкротившихся колхоза — «Родину», «Победу» и «Борца»), а «Непецино» работает рентабельно, то дело тут не в климате. Дело в экономике!

Каковы же затраты на производство зерна в «Непецино»?

Таблица 2.12. Себестоимость зерна в ОПК «Непецино»

Год	Себестоимость зерна, руб. за т	Цена реализации зерна, руб. за т	Валютный курс на начало августа, руб. за долл. США	Себестоимость зерна, долл. за т	Цена реализации зерна, долл. за т
1998	630	324,8	6,2	101,6	52,4
1999	2170 (озимые) 2400 (яровые)	1505,4	24,2	89,7 (озимые) 99,2 (яровые)	62,2
2000	950 (озимые) 1680 (яровые)	2350,4	27,8	34,2 (озимые) 60,4 (яровые)	84,5
2001	1650 (озимые) 1600 (яровые)	1812,3	29,3	56,3 (озимые) 54,6 (яровые)	61,9
2002	1820,5 (озимые) 1982,5 (яровые)	1342,8	31,5	57,8 (озимые) 62,9 (яровые)	42,6

Приведённые в таблице данные требуют некоторой поправки, обусловленной завышенным курсом доллара к рублю. Если бы курс соответствовал паритету покупательной способности, то себестоимость зерна из «Непецино» в долларовом исчислении оказалась бы выше. Однако в августе 1998-го, перед дефолтом и девальвацией, курс доллара к рублю почти не был завышен. А в августе 2002-го превышение курса над паритетом покупательной способности составляло уже явно менее двух и почти наверняка менее полутора раз.

Издающаяся в российской столице англоязычная газета Moscow Times полагает, что себестоимость российской сельскохозяйственной продукции вдвое ниже, чем в развитых странах. Мы убедились, что по зерну эта оценка, по крайней мере, близка к истине. И скорее разница в себестоимости преу-

меньшена, чем преувеличена. А это значит, что паршевская «теорема № 2» не стоит и ломаного гроша.

Вместе с «теоремой № 2» даёт дуба и страшилка о будто бы неминуемом в условиях рынка сокращении населения России то ли до 15, то ли до 50 миллионов. И никакие таинственные «западные оценки» тут г-ну Паршеву не помогут. Враньё останется враньём, хотя бы автор книги «Почему Россия не Америка» и не сам его выдумал. Правда, я уверен, что никаких «западных оценок» подобного рода вовсе не существует. Иначе почему бы г-ну Паршеву не назвать свои источники?

Но, прежде чем мы ответим на вопрос, какое население сможет прокормить территория России в условиях рынка, нам следует уточнить, о каком пути развития сельского хозяйства пойдёт речь.

ЗАКОН ЗОНАЛЬНОСТИ

Представления о делении земного шара на «климаты» существовали ещё у древних греков. Позднее они перешли к средневековым арабам. Воззрения одного из крупнейших арабских мыслителей — Ибн Хальдуна — мы уже отчасти разбирали. В новое время большой вклад в развитие учения о природных зонах внёс Александр фон Гумбольдт (1769–1859), которого В.И. Даль в своём «Словаре» назвал «царём учёных». И всё-таки в современном виде представления о зональности сложились только после работ В.В. Докучаева.

До создания научного почвоведения господствовал взгляд о прямом влиянии климата на растительный и животный мир. Иногда это влияние распространяли и на человека, что, однако, всегда вызывало ожесточённые споры. Обратного влияния растительности и изменяющего её человека на климат даже в XIX веке часто не замечали. Но в любом случае, учёные XVIII–XIX веков усматривали настоящую пропасть между живой и неживой природой. А попытки преодолеть эту пропасть долгое время оказывались несостоятельными, иногда даже антинаучными (как «теория» самозарождения живых организмов из неживого вещества, окончательно опровергнутая Л. Пастером).

И только Докучаеву удалось перебросить мостик между неживой («косной») и живой природой. Посередине между ними встала почва — *биокосное* тело. Она состоит в основном из неживого вещества. Но почву создают живые организмы — растения, а другие живые организмы — бактерии, грибы, черви, насекомые — её необычайно густо населяют. Оказалось, что существующие в природе взаимосвязи много сложнее, чем думали прежде. Впрочем, лучше предоставить слово самому Докучаеву. Он умел излагать закон зональности так ярко и образно, как никто другой.

«Таким образом, — говорил Докучаев, — климат, почва, растительный и животный миры — идут здесь рука об руку! Вот почему я ещё в прошлом году высказал мысль, что в мире царствует, к счастью, не один закон великого Дарвина — *закон борьбы за существование*[1], но действует и другой, противоположный, *закон любви, содружества, сопомощи*, особенно ярко проявляющийся в существовании наших зон, как почвенных, так и естественно-исторических...

Надеюсь, милостивые государи, для вас достаточно ясно, что все указанные мною выше *почвенные* зоны в то же время являются и зонами *естественно-историческими*: тут очевидна теснейшая генетическая связь климата, почвы, животных и растительных организмов. Если б было время, не трудно было бы доказать, что и *человек зонален* во всех проявлениях своей жизни: обычаях, религии (особенно в нехристианских религиях), в красоте, даже — половой деятельности, в одежде, во всей житейской обстановке; зональны — домашний скот, так называемая культурная растительность, постройки, пища и питьё. Тот из вас, кому пришлось бы проехать от Архангельска до Тифлиса, легко мог бы убедиться, как сильно меняются постройки, платье, нравы, обычаи населения и их красота в зависимости от климата, животных, растений, почвы, свойственных той или другой местности»[2].

Но, может быть, этот закон устарел в отношении человечества? Не вышло ли оно за минувшие 100 лет из сферы его действия? Ведь постройки, одежда, пища, питьё и множество не существовавших во времена Докучаева предметов, от компьютера до стиральной машины, в наши дни могут быть совершенно одинаковыми независимо ни от природных условий, ни от государственных границ. Не пора ли сослать закон зональности в заповедники?

ПРОТИВ ПРИРОДЫ НЕ ПОПРЁШЬ!

Технократическая цивилизация XX века действительно бросила вызов закону зональности. Но в этом скорее её ограниченность, чем разумность, скорее слабость, чем сила.

Во-первых, существуют такие области человеческой деятельности, в которых против природы не попрёшь, хоть ты тресни. Это в первую очередь сельское хозяйство и лесоводство. Никаким указом не заставишь кукурузу вызревать в средней полосе России, и никакой квадратно-гнездовой метод не поможет вырастить дуб в полупустыне.

---

1 Курсив В.В. Докучаева.
2 Докучаев В.В. К учению о зонах природы. Горизонтальные и вертикальные почвенные зоны. СПб.: Типография СПб. Градоначальства, 1899. С. 19–21.

Во-вторых, в некоторых других отраслях идти против природы можно, но вредно. Конечно, почему бы не построить атомную электростанцию в сейсмичной зоне? Вот только стоит ли это делать... Также можно воздвигать дома и прокладывать дороги, не сообразуясь ни с климатом, ни с почвой. Правда, в этом случае дороги быстро станут непроезжими. А дома, не ровен час, провалятся или — в лучшем случае — просто окажутся очень энергоёмкими, их отопление влетит в копеечку!

В-третьих, есть и такие сферы, где на вид свобода выбора вроде бы ничем не ограничена. Скажем, кто-то любит квас, а кто-то — пепси или фанту. Казалось бы, на вкус и цвет товарища нет. Но последствия употребления этих напитков всё же различны. Квас — если в него не добавляют подсластители вроде аспартама — полезен для здоровья. О пепси и фанте этого никак нельзя сказать.

Здесь следует отметить, что при общей технократической тенденции и общности многих конкретных технологий развитые (или, выражаясь советским языком, капиталистические) страны и бывший СССР всё-таки шли не одним и тем же путём. В развитых странах наряду с силами, тяготеющими к переделке природы (крупные корпорации и государственная бюрократия), существовали и разнообразные общественные силы противоположной направленности. Сюда надо включить и многие органы местного самоуправления, и часть фермерства, и особенно широкий спектр неправительственных некоммерческих организаций — экологических, потребительских (общества потребителей на Западе — большая сила!) и всевозможных других. В 1960–1970-х годах в развитых странах произошёл перелом: стали явно меняться само направление развития и представления о «прогрессе». Под давлением общественности правительства ввели гораздо более строгие экологические нормативы. Европейцы взялись за очистку своих рек, а американцы — за возрождение к жизни Великих озёр. Нефтяной кризис 1973–1975 годов в конечном счёте обернулся для развитых стран благом. Они поневоле вплотную занялись энергосбережением и в массовом порядке заменили энергоёмкие технологии более экономными (и почти всегда экологически более чистыми). Возникло и вошло в моду «органическое» или «биологическое» земледелие. Его приверженцы отвергли ядохимикаты, а крайние из них — и минеральные удобрения. Урожаи у «органических» земледельцев несколько упали, а вот рентабельность не снизилась, поскольку «органические» продукты удавалось сбывать по более высоким ценам. И в селекции сельскохозяйственных растений с 1980-х годов произошёл явный поворот от «интенсивных» сортов (перекормленных неженок) к адаптивным, которые способны переносить далёкие от оптимума условия среды. (У нас к подобному повороту в селекции ещё с 1970-х годов призывал выдающийся генетик Иосиф Абрамович Рапопорт (1912–1990), только тогда его не слушали, а некоторые селекционеры и многие чиновники и по сей день ничего не усвоили.)

Так что преобладающие в развитых странах подходы явно сдвинулись от попыток переделки природы к стремлению восстановить гармонию с ней. Конечно, достигнутые в этом направлении успехи не стоит преувеличивать. Так, заметное «позеленение» крупных корпораций — во многом пиаровский ход. Если в Западной Европе, Северной Америке, Японии они, как правило, соблюдают природоохранное законодательство, то в более бедных странах сплошь и рядом прибегают к старым, чисто хищническим приёмам эксплуатации ресурсов. Да и правительства западных стран время от времени принимают экологически безответственные решения. Достаточно вспомнить отказ правительства США от ратификации Киотского протокола.

Но при всём при том лозунг «преобразования природы» безвозвратно сдан в архив и заменён лозунгом «устойчивого развития».

РИО-ДЕ-ЖАНЕЙРО И МЫ

Смену вех завершила международная конференция в Рио-де-Жанейро (1992). На ней переход к устойчивому развитию провозгласили целью на конец XX и XXI век. Во многих странах мира принятая в Рио «Повестка дня на XXI век» вызвала оживлённые дискуссии. Но только не у нас.

Мы шли, как известно, особым путём. Благодаря более поздней индустриализации и громадной территории экологическая обстановка в нашей стране примерно до середины XX века оставалась в целом более благоприятной, чем у «проклятых капиталистов». Но зато как раз в 1960–1980-е годы, когда в развитых странах взялись за ум, в СССР разрушение природной среды резко усилилось. Теоретически наша страна могла бы учиться на чужих ошибках и не превращать многие города и целые промышленные районы во вредные для проживания человека зоны, а также не разрушать почвы и не загрязнять реки. Однако при отсутствии гласности (не говоря уж о демократии и общественном контроле) и крайней бюрократической централизации такой благоприятный сценарий стал бы чудом. Чуда не произошло.

Долгое время у основной массы наших соотечественников отсутствовали элементарные знания об экологических угрозах. А если у кого-то такие знания были, то всё равно отсутствовал доступ к реальной информации. Ведь в условиях холодной войны всё кругом засекречивалось! При этом многие секреты являлись тайной только для граждан СССР. В то время как иностранные СМИ регулярно сообщали об очередных советских ядерных испытаниях (их от сейсмографа скрыть нельзя), у нас об этом говорить запрещали. А вот ещё точно не подтверждённая, но, увы, правдоподобная история. Рассказывали, что диоксин, которым американцы травили вьетнамцев во время индокитайской войны, делали... в Уфе. Конечно, правительство США не же-

лало развёртывать производство на своей территории столь сильнодействующего яда и предпочло закупать советский диоксин через подставную норвежскую фирму. Причём уфимцы получили бóльшие дозы диоксина, чем вьетнамцы.

Критики могут возразить, что такие факты надо документально доказывать[1]. Но разве у нас в 1960–1970-е годы существовала независимая служба, способная проверить, кого, где и чем травят? Да ничего подобного в СССР по определению не могло быть! Правда, на заре перестройки интерес к экологическим проблемам резко возрос. Но этому способствовали два сравнительно случайных обстоятельства: Чернобыльская катастрофа и крайне непопулярный в России проект переброски северных и сибирских рек на юг. Когда проект поворота рек удалось похоронить, а разговоры о Чернобыле приелись (увы, но это так!), наше общество опять почти забыло об экологии. По крайней мере, в период 1992–1998 годов о ней вспоминали немногие. Всё внимание поглощали политика и экономика, особенно последняя. Вообще-то, это естественно, поскольку десятки миллионов человек оказались в ситуации борьбы за выживание. Однако из-за глубины кризиса многие события были восприняты не так, как следовало. Например, закрытие заводов по производству химического оружия представляло для страны несомненное благо, потому что эти предприятия в силу своей технологии вели настоящую химическую войну против своих работников и всех жителей прилегающих территорий. Но поскольку работники этих заводов остались без работы и без копейки денег, многие из них с тоской вспоминают «светлое прошлое», когда они гробили себя и близких, но зарабатывали неплохо.

Так что можно сказать, что Рио-де-Жанейро у нас не заметили. Между тем, несмотря на расплывчатый текст «Повестки дня на XXI век», предназначенной сразу для всего мира, она содержит немало интересного. Возьмём только главы, посвящённые сельскому хозяйству и рациональному использованию земельных ресурсов. В «Повестке...» они почему-то разделены, хотя смысл этих разделов во многом один и тот же.

В главе «Устойчивое развитие сельского хозяйства и сельских районов» можно прочитать чрезвычайно злободневные для России слова: «Людей следует стимулировать к вложению средств в будущее земельных угодий путём предоставления им прав на владение землёй и обеспечения их ресурсами, финансами и средствами продвижения их продукции на рынки по справедливым ценам». Здесь точно перечислено всё, что в России *не делается*! Прав на владение землёй у большинства тех, кто её обрабатывает, как не было, так

[1] Про диоксин мне рассказал ныне покойный Сергей Олегович Герасимов, бывший сотрудник Тимирязевской с.-х. академии, в последние годы жизни работавший в Главном ботаническом саду РАН. Честно говоря, ему я доверяю больше, чем официальным отчетам, ТВ и газетам.

и нет. Хотя формально колхозники и рабочие совхозов и получили некие «земельные паи», но это чисто *виртуальная* собственность. От неё не холодно и не жарко. И очень многие из подобных виртуальных собственников уже успели продать свои земельные паи за бесценок. Теперь Путин и К° стараются ускорить процесс изъятия у сельского населения России даже такой липовой собственности, требуя передачи паёв в доверительное управление. А кому «доверять», решают, конечно, не владельцы паёв, а чиновники. И решают в пользу тех, кто даёт им на лапу...

А у тех немногих наших сограждан, у кого вроде бы права на землю есть (фермеры), в большинстве случаев с ресурсами и финансами дело обстоит совсем плохо. И ещё хуже с доступом к кредитам. Так, в 2003 году из 1500 реально работающих подмосковных фермеров банковские кредиты получили... 12 человек. И наконец, совместные усилия перекупщиков, чиновников, ментов и бандитов направлены на то, чтобы никто не мог продать свою продукцию на рынке по справедливой цене.

Однако есть и такие места в «Повестке дня », которые к нашей стране совсем не относятся. Так, правительствам рекомендовано «при управлении землепользованием сохранять соответствующие традиционные и местные способы ведения сельского хозяйства...». Но в России такие способы давным-давно исчезли. На большей части территории страны их уничтожили ещё в 1930-х годах, сразу после коллективизации. А там, куда чиновники из-за бездорожья почти не доезжали и где такие местные, приспособленные к природным условиям способы ведения сельского хозяйства какое-то время держались и при колхозном строе, их добила кампания по укрупнению деревень. Когда по всей огромной стране насаждается один и тот же набор культур и одинаковая агротехника, ничего хорошего из этого не выходит. Но мы об этом уже говорили.

Так что нам при переходе к устойчивому развитию сельского хозяйства местные навыки и приёмы помочь не смогут. Либо они утеряны безвозвратно, либо сохранились лишь на приусадебных участках. А это совсем другой масштаб.

Главный принцип устойчивого развития — обеспечение потребностей нынешнего поколения без ущемления интересов поколений последующих. Для этого необходимо не покорять природу, а сотрудничать с ней. Если при технократической интенсификации «природные реальности рассматриваются как нежелательные ситуации»[1], снижающие потенциальный урожай, то при переходе к устойчивому развитию ставится задача использовать природные факторы и даже учиться у природы.

---

1 Ван Мансвельт Я. Д., Мюлдер Дж. Особенности адаптивного развития сельского хозяйства в Европе // Аграрная наука. 1994. № 4. С. 22–25.

РУССКАЯ ИДЕЯ

У нас всё время ищут национальную идею. Уже не раз тем или иным чиновникам давали поручение её разработать. Правда, воз и ныне там. Чиновники никакой национальной идеи не родили, да они на это и не способны.

А может, не надо сочинять эту самую идею, а воспользоваться тем, что уже есть? Давайте признаем русской национальной идеей идею устойчивого развития. Ведь есть все основания считать её родоначальником нашего великого учёного Василия Васильевича Докучаева. Ещё в книге «Наши степи прежде и теперь» (1892) он предложил план перехода сельского хозяйства русских и украинских степей на путь устойчивого развития. Этот план включал целый комплекс мер, среди которых главными были лесопосадки и создание в степях искусственных водоёмов. Установив на основании почвенных исследований былое значительное распространение лесов в степной зоне, Докучаев считал необходимым восстановить их. Наряду с лесополосами (это то, что усвоили и использовали) основоположник научного почвоведения предлагал целиком засадить лесом пески, бугры и прочие неудобья, закреплять склоны оврагов и балок деревьями и кустарниками, обсаживать деревьями берега степных прудов. Не меньшее значение Докучаев придавал созданию прудов с целью максимального задержания и использования весенних и дождевых вод. Помимо водохранилищ на малых степных реках, которые уже и в те времена летом нередко пересыхали, учёный советовал строить плотины в оврагах, где это позволял грунт. Он рекомендовал и закладку прудов по степным водоразделам, главным образам в естественных ложбинках и «блюдцах» и особенно по путям естественного стока снеговых и дождевых вод.

Докучаев также признал необходимой выработку норм, определяющих относительные площади пашни, лугов, леса и вод. Такие нормы он предлагал согласовывать с климатическими и почвенными условиями, а также с характером господствующей сельскохозяйственной культуры. Учёный указал и на обязательность определения приёмов обработки почвы, наиболее благоприятных для сбережения влаги. Он не упустил из виду и селекцию, высказавшись за «большее приспособление сортов культурных растений к местным, как почвенным, так и климатическим, условиям»[1].

Могут возразить, что план Докучаева носил чисто региональный характер и предназначался только для степей европейской части Российской империи — от Прута до Урала, а в наше время очевидно, что устойчивое

[1] Докучаев В.В. Наши степи прежде и теперь // Соч. Т. 6. М. ; Л.: Издательство АН СССР, 1951. С. 90–91.

развитие возможно только во всепланетном масштабе. Но такое возражение против приоритета Докучаева следует считать чисто формальным. Ведь концепция устойчивого развития придаёт особое значение сохранению экологического равновесия на местном уровне. Именно из устойчивого развития каждой местности и должно сложиться устойчивое развитие всей Земли.

Не ограничиваясь теоретической разработкой вопроса, Докучаев предложил создать три крупных научных института (Почвенный, Метеорологический и Биологический) и широкую сеть опытных сельскохозяйственных станций. Власти, как обычно, были тяжелы на подъём, и при жизни великого почвоведа дальше создания немногих опытных станций дело не пошло. Однако самому Докучаеву поручили возглавить Особую экспедицию Лесного департамента. Эта экспедиция приступила к практическому выполнению разработанного в книге «Наши степи прежде и теперь» плана действий на трёх участках казённых земель площадью около 5000 десятин каждый: в Каменной Степи (Бобровский уезд Воронежской губернии), в Старобельском уезде Харьковской губернии и в Великоанадольском лесничестве (Мариупольский уезд Екатеринославской губернии). Обстоятельно исследовав почвы, подстилающие породы, грунтовые воды и растительность этих участков и заложив на них 6 метеостанций (по две на каждый участок), экспедиция приступила к практическим работам.

В Каменной Степи и на Старобельском участке были заложены питомники лесных культур. (На Великоанадольском участке лесной питомник существовал ещё с 1840-х годов, его создал один из первых энтузиастов лесопосадок в степи Виктор Евгеньевич фон Графф.) Докучаевский план лесопосадок включал: «а) влагосборные древесные посадки вокруг степных колодцев... б) защитные лесные полосы вдоль водоразделов; в) снегосборные опушки наперерез ветрам; г) живые изгороди между защитными полосами и снегосборными опушками, а также по венцу склонов к оврагам и вокруг луговинных западин в высокой степи; д) ивовые и тополёвые посадки около прудов и в сырых балках; е) закрепительные посадки по краям оврагов»[1]. Таким образом, речь шла о более сложной и лучше продуманной системе лесопосадок, чем однообразные лесополосы позднейшего времени. Экспедиция также устраивала пруды и копала артезианские скважины, проводила сплошное облесение песков, лёгких супесей и каменистых участков. Она устраивала орошаемые луга и организовывала опытные поля. В 1893 году экспедиция построила 9 водохранилищ — по 3 на каждом из участков.

---

1 Докучаев В.В. Труды Экспедиции, снаряжённой Лесным департаментом. Предварительный отчёт о деятельности Экспедиции с июня по ноябрь 1892 г. // Соч. Т. 6. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 145.

ДОКУЧАЕВ И ОРГАНИЧЕСКОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Очень важно отметить тот факт, что Докучаев выступал за органическое земледелие на чернозёмах, хотя признавал и горячо поддерживал применение минеральных удобрений в средней полосе и на севере России. Он говорил: «...таёжная полоса требует для своего плодородия удобрения во что бы то ни стало, — удобрения как минерального, так и навозного; таким образом, здесь, в тайге, среди подзолов, минерализация и дренаж почвы, можно сказать, центр тяжести всего сельского хозяйства. Наоборот, по моему глубокому убеждению, для чернозёмной России, за самыми малыми исключениями, удобрения покамест совсем не нужно; здешние почвы ещё достаточно богаты питательными веществами, надо только уметь их взять... Точно так же весьма сомнительна для меня и польза искусственного орошения наших более или менее типичных чернозёмов под хлеба; под травы — несомненно полезно... И вообще лично я полагаю, что центр тяжести удачной сельскохозяйственной культуры в чернозёмной полосе заключается в восстановлении (по возможности, конечно) первоначальной девственной физики почв, особенно мелкозернистой структуры нашего чернозёма, которая одинаково выгодна и для дыхания почвы, и для получения достаточного количества влаги, и для процессов выветривания, и развития корневой системы, и пр., и пр. В пояснение сейчас сказанного напомню здесь, что, благодаря неумелому хозяйничанью у нас, громадные пространства чернозёмной России превращены по верху в пылевидное, в сущности, очень плотное состояние, мешающее (подобно подзолам) правильному и свободному проникновению в почву воды и воздуха. В других местах, как, например, в наших казачьих землях, девственные степи забиты скотом до такой степени, что на их поверхности образуется довольно толстая, как бы каменистая корка, иногда в палец и более толщиной. А при таком состоянии почвы, можно сказать, при почти полном отсутствии растворителя и затруднённости почвенного дыхания, никакой чернозём, как бы он ни был богат питательными веществами, не может быть тароватым. Вот почему за последнее время в наших чернозёмных степях произошло заметное понижение урожайности не только хлебов, но и трав»[1].

Докучаев критически оценивал работу Петровской земледельческой и лесной академии и её преемника — Московского сельскохозяйственного института (ныне Московская с.-х. академия имени К.А. Тимирязева). По мнению великого почвоведа, преподаватели Петровской академии чрезмерно ориентировались на зарубежную, особенно немецкую, агрономическую науку. Однако «зарубежная агрономия выросла и расцвела на почвах и под небом, отличаю-

1 Докучаев В.В. Доклад об оценке земель вообще и Закавказья в особенности. Почвенные горизонтальные и вертикальные зоны // Соч. Т. 6. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 388–389.

щихся от наших Если западная агрономия в какой-то мере применима, и то с оговорками, на наших северных почвах и подзолах, то в случае применения её земледельцем нашей чернозёмной полосы это привело бы к самым плачевным для него результатам...»[1].

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДЛИННИК И СОВЕТСКИЙ СПИСОК

В 1920–1930-е годы власти не жаловали основанное Докучаевым генетическое почвоведение да и самого великого учёного оценивали невысоко. (Характерная деталь: в Малой советской энциклопедии предвоенных лет Докучаеву посвящено 9 строк, а, скажем, польскому коммунисту Домбалю — кто его сейчас помнит? — целых 14.) Но и особо не мешали жить этому научному направлению. В 1926 году даже удалось создать Почвенный институт, который сравнительно успешно работал на протяжении первых 10 лет своего существования. В 1937-м его, правда, несколько проредили, но так поступали в то время со всеми учреждениями и предприятиями.

После войны всё волшебным образом изменилось. 20 октября 1948 года совместным постановлением Совмина СССР и ЦК ВКП(б) был провозглашён Великий Сталинский План преобразования природы. Это событие с самого начала объявили историческим. Что любопытно, в постановлении говорилось, что план основан на идеях русских учёных Докучаева, Костычева и Вильямса. Для любого почвоведа и просто грамотного специалиста сельского хозяйства такое сочетание имён звучало дико. Докучаев и Костычев в конце жизни разошлись во взглядах и вели между собой достаточно жёсткую полемику, а Вильямс вообще представлял собой лжеучёного.

Анализ постановления показывает, что его составители действительно воспользовались некоторыми идеями Докучаева. В первую очередь чиновники усвоили мысль о необходимости лесопосадок в степи. Этот факт сам по себе следовало бы только приветствовать. Но... план предусматривал расположение лесополос правильными линиями вдоль широт и меридианов, что нельзя не признать очевидной нелепостью. А научное руководство этим действительно важным делом поручили «академику» Лысенко. И его «квадратно-гнездовой» метод посадок дуба в сухих степях и полупустынях привёл лишь к гибели подавляющего большинства запланированных лесополос. Дубы дали дуба. По подсчётам крупнейшего ботаника и лесовода академика В.Н. Сукачёва, из посаженных в степях и полупустынях СССР с 1948 по 1953 год деревьев

---

[1] Докучаев В.В. Природные почвенные зоны. Сельскохозяйственные зоны. Почвы Кавказа // Соч. Т. 6. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 467-468. (Подлинник на франц. языке; пер. с франц. И.А. Моро).

до осени 1956 года дожило всего 4,3%. Огромные средства ушли впустую. Тем не менее часть лесопосадок выжила, и это единственная польза, которую страна извлекла из «великого» сталинского начинания.

Гораздо хуже получилось с другой составляющей докучаевского плана — водохранилищами. Вместо множества малых водохранилищ на небольших степных речках советские чиновники приказали построить гигантские водохранилища по Волге, Дону и Днепру. Что поделаешь: страсть чиновничества к показухе и гигантомании непреодолима, она и советскую власть пережила. Цели, которые ставил Докучаев, при этом не были достигнуты. Водохранилища-гиганты не помогли сберечь ту влагу, которая достаётся степям от дождей. Она по-прежнему безвозвратно и бесполезно теряется. А вода, которая скапливается в волжских или днепровских водохранилищах, — это транзитная вода, поступающая из лесной зоны. В итоге малые степные речки частично просто исчезли, а частично до крайности обмелели и превратились в ручьи. Уровень грунтовых вод в степях падает, следовательно, вредоносность засух возрастает. Орошаемого земледелия в стороне от немногих крупных рек как не было, так и нет. Зато загрязнение перегороженной плотинами Волги неуклонно нарастает. Великая река превратилась в цепь водоёмов с почти стоячей водой и утратила способность к самоочищению. В водохранилищах всё чаще встречаются рыбы-мутанты. Всё это сказывается и на здоровье нации, ведь качество питьевой воды в Среднем и Нижнем Поволжье неуклонно ухудшается. Так что, может быть, чиновники и хотели, как лучше, а вышло намного хуже, чем было до «преобразования природы». Итог этой кампании подвёл наш замечательный биолог А.А. Любищев: «...преобразование природы имело место, но не в положительную, а в отрицательную сторону»[1].

ПОВОРОТ К ЗДРАВОМУ СМЫСЛУ

Если кризисные 1990-е годы и принесли нашей стране какую-то пользу, то эта польза состоит в избавлении от иллюзий и самообмана и более трезвом взгляде на вещи. Конечно, не все способны глядеть правде в глаза, когда она неприятна. Но это необходимо. Поскольку провал позднесоветской интенсификации стал очевидным фактом, начался поворот к более реалистическим путям развития российского сельского хозяйства.

Здесь следует особо отметить труды Пензенского НИИ сельского хозяйства и его директора В.Б. Беляка. Он поставил своей целью разработать такую систему агротехнических мер, которая позволила бы совместить экономичес-

[1] Любищев А.А. В защиту науки. Статьи и письма / сост. Р.Г. Баранцев, Н.А. Папчинская. Л.: Наука, 1991.

кую эффективность, энерго- и ресурсосбережение и благоприятное воздействие на окружающую среду, особенно на почву[1]. Это вообще трудно, а в современных российских экономических условиях особенно. Но всё же задача оказалась разрешимой.

В условиях роста цен на горючее, нехватки техники и (ещё больше) механизаторов начался стихийный отказ хозяйств от пропашных культур типа кукурузы на силос. По сути, это здоровое и правильное явление. Об энергозатратности кукурузы и разрушительном воздействии на почву севооборотов с высокой долей пропашных мы уже говорили. В Среднем Поволжье к тому же урожаи кукурузы на силос неустойчивы и сильно колеблются по годам. Но чем заменить её в качестве корма? Клевер и люцерна для этой цели не очень-то подходят из-за трудностей получения их семян. Площади под ними по этой причине ограничены. Виктор Беляк предложил шире использовать хорошо известные, но не пользовавшиеся расположением начальства в эпоху социализма бобовые культуры: донник белый, донник жёлтый и эспарцет. Эспарцет, к примеру, незаменим на песчаных и щебенчатых почвах, которые плохи для других бобовых культур. Он может занимать выводное поле (так называют поля, на время выведенные из севооборота и занятые многолетней культурой) по 3–5 лет.

Ещё полезнее новая культура — козлятник восточный. В условиях Пензенской области он даёт больше сухого вещества с гектара, чем любое другое кормовое растение. Как все бобовые, козлятник благодаря симбиозу с клубеньковыми бактериями сам себя снабжает азотом. Оттого травы из семейства бобовых так богаты белком. При этом козлятник занимает выводные поля, которые не надо каждый год пахать и засеивать. Козлятник — либо в чистом виде, либо в смеси с кострецом — может занимать выводное поле по 10–15 лет. И всё это время он даёт урожай корма с высоким содержанием белка. То есть эта культура позволяет не только получить много корма высокого качества, но и сэкономить большое количество горючего и рабочего времени механизаторов.

Благодаря сочетанию традиционных (клевер, люцерна), незаслуженно отвергавшихся советскими плановиками (донники, эспарцет) и новых (козлятник) растений долю многолетних трав из семейства бобовых можно увеличить до 30–50%. В отличие от тех жалких 5–11%, которые они традиционно занимали и занимают, это уже серьёзный масштаб.

Заметим, что азот в почве может иметь своим источником либо азотфиксацию бактериями, либо минеральные удобрения. Азот органических удобрений, в конечном счёте, происходит от одного из этих двух источников. По-

---

[1] См.: Беляк В.Б. Интенсификация кормопроизводства биологическими приёмами (теория и практика). Пенза: Изд-во ПТИ, 1998.

скольку свободноживущие бактерии фиксируют сравнительно мало азота, основная часть его накапливается благодаря клубеньковым бактериям, живущим в симбиозе с бобовыми. Поэтому для страны, где минеральных удобрений не вносят или вносят очень мало, как в современной России, резкое расширение площадей под бобовыми культурами — это единственный выход. При этом с энергетической точки зрения бактериальный азот многократно выгоднее, чем азот минеральных удобрений. По немецким данным, 42% (!) всех затрат энергии в земледелии приходится на промышленное получение минеральных азотных удобрений[1]. Фосфорные и калийные удобрения несравненно менее энергоёмки: на их получение идёт соответственно 4 и 2% энергозатрат.

Опыт Беляка доказывает, что не нужно воспринимать органическое земледелие как догму. Без внесения фосфорных и калийных минеральных удобрений обойтись нельзя. Но ввиду их малой энергоёмкости использование этих удобрений нельзя считать расточительством энергии. Кроме того, они реже угрожают водоёмам загрязнением, чем минеральные азотные удобрения. Что касается минеральных азотных удобрений, то их применение должно быть минимальным и они призваны служить лишь небольшой добавкой к азоту, полученному путём бактериальной фиксации.

Много бобовых нам необходимо ещё и по причине нехватки исправных тракторов и трезвых механизаторов в большинстве хозяйств. Как подсчитал тот же Беляк, для получения средней урожайности 350 ц зелёной массы с гектара требовалось на гектар для многолетних бобовых трав 12–15 гигаджоулей (ГДж), многолетних злаковых трав — 16–20, кукурузы — 25–30, кормовой свёклы — 32–46. При этом в Пензенской области наличие тракторов не позволяет рассчитывать на осуществление сезонной технологической нагрузки 20 ГДж на гектар, а в некоторых хозяйствах достижима нагрузка не более 15 ГДж на гектар[2]. Но, по данным немецких учёных, систематическая антропогенная нагрузка более 20 ГДж на гектар вообще недопустима, поскольку она нарушает экологическое равновесие и ведёт к разрушению почвы.

Есть и другие пути наряду с использованием многолетних трав и бактериальных удобрений. Так, в озёрах России накоплены огромные отложения ила — сапропеля. Его разведанные запасы превышают 250 млрд тонн[3]! В европейских и южных странах сапропеля либо нет, либо его запасы уже израсходованы. Так что за это богатство нам следует благодарить холодный климат лесной зоны нашей страны. Использовать сапропель не только можно, но и нужно именно ради сохранения экологического равновесия. Ил продол-

---

1 См.: Кант Г. Указ. соч. С. 68.

2 См.: Беляк В.Б. Указ. соч. С. 127–128.

3 См.: Гоготов И.Н. Биотехнологический потенциал сапропеля // Нетрадиционные природные ресурсы, инновационные технологии и продукты. Вып. 13. М.: РАЕН, 2005. С. 27–36.

жает накапливаться и в наши дни, это возобновляемый ресурс. И его избыточное накопление ведёт к эвтрофикации водоёмов, гибели рыбы и ухудшению качества воды. В лесной зоне — именно там, где удобрение, по словам Докучаева, нужно во что бы то ни стало — широкое использование сапропеля как органоминерального удобрения полностью оправданно. Разумеется, его не надо возить на дальние расстояния, тогда удобрение сапропелем превратится в энергетическую бессмыслицу.

Иными словами, мы можем выйти из существующего аграрного кризиса в соответствии с поговоркой «не было счастья, да несчастье помогло». Не будь кризиса, свернуть наше сельское хозяйство с экологически вредного и энергетически расточительного пути интенсификации, пожалуй, было бы трудно. Но сейчас интенсификация приказала долго жить. И воскрешать её труп не следует. У нас есть отличная возможность повернуть сельское хозяйство России на природо- и энергосберегающий путь развития.

Конечно, само собой это не сделается. Необходимы значительные усилия. Нужно, чтобы любой агроном или самостоятельный фермер имел возможность обратиться к научным консультантам и при их помощи составить грамотный севооборот и соответствующую ему технологическую карту, которые обеспечивали бы сохранение и даже увеличение содержания гумуса и азота в почве. Не менее необходимы крупные капиталовложения. Однако важно, что при ресурсосберегающем и экологически ориентированном хозяйствовании капитала потребуется всё-таки намного меньше, чем при ставке на «интенсивные технологии».

СКОЛЬКО НАРОДУ ПРОКОРМИТ РОССИЙСКАЯ ПАШНЯ?

Допустим, что предложенная выше перестройка российского сельского хозяйства осуществлена. Какое население в таком случае сможет прокормить российская пашня?

Предположим, что средняя урожайность зерновых будет составлять 25 ц/га. Это минимальная оценка. Она основана на допущении, что мы полностью откажемся от интенсивного (то есть энергозатратного и капиталоёмкого) пути развития и будем руководствоваться идеями устойчивого развития. Но и при этом допущении взятая нами цифра — самая низкая. Скажем, в Московской области при *отсутствии* минеральных удобрений и правильной в остальном агротехнике нормальная урожайность озимой пшеницы — около 30 ц/га. На курских, воронежских или самарских черноземах она, естественно, будет выше, а на Кубани — ещё выше. Но возьмём самую низкую оценку урожайности из возможных, чтобы избежать упрёков в строительстве воздушных замков.

Площадь под зерновыми немного повысится по сравнению с уровнем последних лет не за счёт других культур, а за счёт повторного освоения заброшенных за последнее десятилетие и превратившихся в залежи полей. Допустим, она составит 50 млн га. Меньше, чем в советское время, но это и хорошо. Ведь мы договорились, что многолетних трав (бобовых и бобово-злаковых смесей) следует сеять гораздо больше, чем это делали в советский период.

Следовательно, валовой сбор зерна у нас в условиях рынка (а не теперешнего монополистического квазирынка) должен составлять примерно 125 млн т. При этом скот мы кормим в основном не зерном. Какое население можно будет прокормить при этих условиях? Где-то от 160 до 200 млн человек, скорее всего около 180 миллионов. Речь идёт, понятно, о таком уровне продовольственного обеспечения, который не уступает развитым странам. Получается как будто больше не только по сравнению с теорией Паршева, но и по сравнению с наличным российским населением.

И ведь можно с полной уверенностью сказать, что после устранения причин современного российского экономического (в том числе аграрного) кризиса население России за несколько десятилетий непременно достигнет указанной величины. Другое дело, что это будет за население и какой процент его составят потомки нынешних жителей, а какой — выходцы из Китая, Средней Азии и других густонаселённых стран. Чтобы потомки современных российских граждан составляли большинство и в будущем, необходимо коренное изменение демографической и всей социальной политики, а это опять-таки немыслимо без смены власти. Но мы слегка отвлеклись от темы.

КАКОЙ ТИП ХОЗЯЙСТВ ВЫТАЩИТ РОССИЮ ИЗ ЯМЫ?

Мы уже разобрали, какие агротехнические и иные меры способны обеспечить устойчивое развитие. Но не менее важен другой вопрос: какой тип хозяйств способен осуществить такую программу?

На этот счёт выдвигаются разные мнения. Коммунисты считают (или, по крайней мере, говорят), что надо вернуться к колхозно-совхозному строю. Не стоит повторять то, что мы уже сказали о его нежизнеспособности, — она очевидна. Зададимся лишь вопросом: а кому сегодня принадлежит так называемый общественный сектор?

В советский период реальным собственником выступало государство. К разряду государственных предприятий на деле принадлежали не только совхозы, но и колхозы. У тех и других государство забирало в «закрома Родины» столько, сколько считало нужным. Но с начала 1990-х государство бросило эти предприятия и фактически отказалось от прав собственности на них. Отдельные исключения вроде ОПК «Непецино» редки и нетипичны.

Формально-юридически бывшие колхозы и совхозы вроде бы являются коллективной собственностью своих работников. Эти работники даже получили от правительства Ельцина очень смешные земельные паи. Особенность этих паёв, как известно, состоит в том, что им не соответствуют никакие реальные земельные участки. Выйти из ЗАО или ТОО (СХПК) с земельным наделом фактически невозможно. Начальство не позволит. Причём не только администрация бывшего колхоза или совхоза препятствует этому всеми силами, но и районные власти всегда с ней заодно.

Но вот с тех пор, как Путин пробил через Думу закон о купле-продаже земли, продавать земельные паи стало очень даже можно. Тут начальство не запрещает. Наоборот, оно почти всегда выступает инициатором продажи паёв. Особенно бойкая торговля паями развернулась в Московской области.

Здесь стоит особо удивиться доверчивости многих наших соотечественников. На протяжении почти всех 1990-х годов КПРФ и СПС (а до того его предшественник ДВР) яростно ломали копья по поводу купли-продажи земли. Страсти просто кипели! Но самое забавное, что обе стороны во время этих споров исходили из предпосылки, что купли-продажи земли в России якобы нет. И ведь многие рядовые приверженцы обеих партий принимали эту предпосылку за чистую монету!

Когда же наши сограждане научатся верить своим глазам, а не демагогии политиков? Ведь по статистике у 60% российских горожан есть дачи, садовые участки или собственные дома в деревне. И каждый из них, отправляясь за город, не мог не замечать растущие подобно мухоморам красные кирпичные коттеджи «новых русских». А многие — правда, это больше автовладельцы — наблюдали своими глазами и более укромно расположенные посёлки из чиновничьих и генеральских дач. И на чьей земле это всё построено? В громадном большинстве случаев это бывшая колхозная или совхозная земля. Причём, конечно, владельцы дач её *купили* за деньги. А директора (председатели) всяких ЗАО, ТОО и СХПК землю *продали*. Причём в подавляющем большинстве случаев всё это произошло ещё задолго до путинского Земельного кодекса, узаконившего такие операции.

Рядовые члены и сторонники КПРФ и СПС (ДВР) могли по своей наивности или, скорее, зашоренности этого не понимать. Но верхушка обеих партий состоит не из оторванных от жизни людей, она всё прекрасно знала. А это значит, что те и другие сознательно дурачили публику. Фактически же весь этот спор представлял собой «классовую борьбу» продавцов земли (КПРФ) с её покупателями (СПС). Покупатели считали для себя полезной легализацию сделок, а продавцов вполне устраивал теневой характер операций. Одна из причин, по которой теневой характер сделок казался руководителям хозяйств «общественного сектора» более выгодным, это возможность ничем не делиться с рядовыми работниками своего хозяйства.

После того как Путин ввёл Земельный кодекс с узаконенной куплей-продажей земли, делиться с рядовыми работниками всё же пришлось. В последнее время эта самая забитая и бесправная часть населения России имеет возможность выручить за проданный земельный пай кое-какие деньги. Но своё право владеть землёй они при этом теряют. И куда эти люди денутся, пока неясно. Ведь при новом законодательстве фирмы стали скупать уже не отдельные участки земли, а целые хозяйства с потрохами! Например, по свидетельству фермера Г.Ф. Дмитриева, в Рузском районе Московской области компания «Русское молоко» скупила 7 бывших колхозов. Компания «Союзснаб» скупила два развалившихся совхоза в Людиновском районе Калужской области. О деятельности компании «Интеко» по скупке земель в Белгородской области теперь знают все, поскольку эта фирма принадлежит родственникам Ю. Лужкова. И это далеко не единичные примеры.

То есть все бывшие совхозы и колхозы по их состоянию на текущий момент можно разделить на четыре группы. Очень немногие остались государственной собственностью, как «Непецино». Доля таких с.-х. предприятий не превышает 1/8 от их общего числа. Другие фактически перешли в собственность своих директоров (председателей) или в коллективную собственность администрации и бухгалтерии в целом. Но при этом они сохраняют не соответствующую действительности кооперативную (колхоз, СХПК) или акционерную (ЗАО, ОАО) форму с видимостью большого числа мелких пайщиков — рядовых работников. Как показывает весь мировой опыт, такое состояние крайне вредно и опасно для любого предприятия. Во всех акционерных обществах, где ни у кого нет контрольного или блокирующего пакета, наблюдается одна и та же картина: администрация обманывает и облапошивает рядовых (мелких) акционеров. И неважно, где это происходит: в огромной американской корпорации «Энрон» или у чёрта на куличках, в ЗАО (бывшем колхозе) «Красный лапоть». Хотя размеры воровства могут различаться в тысячи и десятки тысяч раз, в обоих случаях усилия управляющих направлены не на благо акционерного общества, а на присвоение чужой собственности.

Яркий пример — бывший совхоз «Заветы Ленина» в Подмосковье. Его председатель Михаил Лапшин путём таинственной эмиссии в 1998 году, о которой односельчане знать не знали и слышать не слышали, сосредоточил в своих руках 30,28% акций хозяйства. А ещё 34,23% акций перешли к его родственникам («Новая газета», 6–12 мая 2004 года). В данном случае самое смешное в том, что г-н Лапшин по совместительству ещё состоял председателем Аграрной партии России, которая годами проливала крокодиловы слёзы по поводу тяжёлой участи российского крестьянства. Да и теперь, когда Лапшина выгнали с должности главного агрария, он сохраняет пост губернатора Республики Алтай. И от стыда не краснеет. Это вообще руководителям левых сил несвойственно: они и без того красные. Лапшин, бесспорно, передовик

колхозно-совхозной «прихватизации». Но важно то, что процесс пошёл. И в тысячах хозяйств он уже пришёл или скоро придёт примерно к тем же самым результатам, что и в «Заветах Ленина». Отсюда следует сделать ещё один не слишком утешительный вывод: реформирование колхозов и совхозов, которое предлагали в своё время Гулов и другие «постепеновцы», в громадном большинстве случаев уже *запоздало*.

Третья группа бывших колхозов и совхозов на деле превратилась в собственность коммерческих фирм. Причём одни из них оформляют такую приватизацию юридически («Русское молоко»), а другие этого избегают («Разгуляй»). Точно исчислить размеры этой группы по указанной причине сложно, но она быстро растёт. Наконец, четвёртая группа хозяйств «общественного сектора» попросту развалилась. Одни из них даже юридически прекратили существование, а другие на бумаге ещё числятся, а на деле уже ничего не производят. По оценке президента АККОР В.Ф. Башмачникова, доля официально и фактически развалившихся хозяйств «общественного сектора» к февралю 2004 года достигла 35%[1].

Будет ли «Русское молоко» на самом деле производить молоко? Едва ли. Скорее всего, эта фирма продаст купленную ею землю под коттеджи и дачи. Но это занятие особенно выгодно в Подмосковье. Может быть, на остальной территории России такие коммерческие фирмы станут вкладывать капиталы в сельское хозяйство и тем самым поднимут его?

Именно такой путь развития сельского хозяйства в России отстаивает Путин. Он сделал ставку на агрохолдинги, то есть на «Интеко», «Разгуляй», «Русское молоко» и им подобных. Действующее законодательство требует от собственников земельных паёв до 2007 года либо продать их, либо сдать в аренду, либо самим пойти в фермеры. Но последний вариант практически неосуществим из-за полной недоступности кредитов. Таким образом, многократно обманутые и ограбленные государством селяне поставлены перед безрадостным выбором: либо продавать свои паи коммерческим фирмам и, получая небольшие деньги, терять право на землю, либо сдавать паи в аренду всяким переименованным бывшим колхозам и совхозам и вообще ничего не получать.

Но этот путь создания земельной олигархии ведёт в тупик. Олигархи (вообще-то, правильнее называть их плутократами, да оно и по-русски звучит выразительнее) ещё способны качать нефть, добывать никель и платину и, при условии низких цен на электроэнергию, выплавлять алюминий. Однако с сельским хозяйством им не справиться. При выборе между долгосрочными инвестициями и скорейшим получением прибыли они наверняка выберут вто-

[1] По свидетельству хабаровчанки Т.А. Копотевой, на весь далеко не маленький Хабаровский край остался один реально работающий совхоз — тепличный комбинат. Понятно, что энергии он тратит больше всех. Будь теория г-на Паршева истинной, тепличный комбинат, напротив, закрылся бы первым.

рое. Выберут ещё и потому, что не уверены в своём будущем. А что, если их завтра раскулачат, как Ходорковского с Лебедевым? Но путь скорейшего получения максимальной прибыли в сельском хозяйстве к добру не приводит никогда.

Вдобавок далёкие от сельского хозяйства хозяева агрохолдингов сами руководить производством не будут. А найдут ли они толковых специалистов? Ведь из хозяйств Московской и нескольких соседних областей значительная часть агрономов уже сбежала в Белокаменную — озеленять дачи чиновников и «новых русских». И по силам ли хозяевам агрохолдингов вернуть их на село?

К тому же рядовые работники при этой системе отношений остаются на положении батраков. И у них нет никаких побуждений работать лучше и пить меньше, чем при колхозном строе. Так что агрохолдинги не смогут решить проблему повышения производительности труда. А если в отдельных случаях у них это и выйдет, то лишь за счёт крупных капвложений. Однако, как мы уже доказали выше, склонность агрохолдингов к значительным инвестициям не стоит преувеличивать. Получается заколдованный круг...

Выйти из него можно только одним способом: земля должна принадлежать тем, кто её обрабатывает. Но не государству (читай: чиновничеству) и не крупному капиталу.

СКОЛЬКО ПРОИЗВОДЯТ ФЕРМЕРЫ?

Ни для кого не секрет, что большинство стран мира кормят в основном фермеры или крестьяне-единоличники (называйте, как хотите). Исключений немного: страны СНГ, некоторые другие государства бывшего соцлагеря и в какой-то степени Израиль. Прежде исключение составляли ещё латиноамериканские страны, где львиная доля земли принадлежала немногим крупным латифундистам и иностранным компаниям. Но аграрные реформы последних десятилетий изменили положение в большинстве этих стран, и главным образом по этой причине бывший «пылающий континент» перестал пылать.

Известно также, что большинство крестьян очень хорошо работают на своей земле. А те, кто работает плохо, быстро разоряются. Менее известно, что трудовое крестьянское хозяйство отличается ещё и высокой энергетической эффективностью. Например, по отношению выработки энергии к её затратам мелкие крестьянские хозяйства Китая превосходят весь остальной мир[1].

Но, может быть, Россия составляет какое-то исключение из общего правила? Ведь все противники фермерского движения в нашей стране — от красных

---

1 См.: Кант Г. Указ соч. С. 69.

до бурых — любят козырять якобы очень низкой производительностью фермерских хозяйств в России. Действительно, согласно официальной статистике российские фермеры в 2002 году произвели лишь 3,7% с.-х. продукции (по стоимости). Правда, на их долю пришлось 12,2% сбора зерна и 19,9% урожая подсолнечника. Но по большинству других видов продукции доля фермеров ничтожна. Если доверять официальным цифрам, они произвели всего 2,6% овощей, 2,1% молока, 1,9% скота и птицы на убой, 1,3% картофеля. При этом фермерам принадлежит 11% российской пашни и 5% кормовых угодий. На основании этих данных проправительственные и левые экономисты делают радостный для себя вывод, что фермерские хозяйства в России крайне неэффективны.

По Московской области можно привести ещё более впечатляющую цифирь. Если верить официальной статистике, урожайность картофеля на фермерских полях — 43 ц/га. А средняя фермерская корова в Подмосковье даёт якобы всего 1590 л молока в год! Но уж в это поверить никак нельзя. Такую корову никто не стал бы держать, её сразу же забили бы на мясо.

В данном случае на чиновников от статистики грешить не стоит. Врут не они. Врут фермеры. И притом врут поголовно или почти поголовно.

На 16-м ежегодном съезде Московского крестьянского союза (18 февраля 2004 года) председатель совета этой организации луховицкий фермер Н.А. Соин горячо убеждал делегатов отказаться от вранья и давать статистическим органам правдивые сведения. Соин рассказал, что фальшивые отчёты российских фермеров изумляют даже американцев. И из США должна прибыть группа, которая намерена обследовать действительное состояние фермерских хозяйств на примере двух районов Московской области — Дмитровского и Рузского. Но, судя по репликам из зала, его красноречие пропало даром. Фермеры не изменят своих привычек. Они уверены в том, что, начни они давать правдивые сведения об урожаях, надоях и т.п., их попросту съедят.

Правда, председатель Талдомской районной ассоциации фермеров Н.В. Перегудов на том же съезде призвал вообще не отчитываться перед государственными статистическими органами и пообещал исключить из руководимой им ассоциации любого фермера, который не присоединится к бойкоту статистики. Но можно не сомневаться, что и этот призыв не найдёт поддержки. Фермеры — люди практичные. Они знают, что лишний раз вступать в конфликт с чиновниками себе дороже, и продолжат делать вид, будто ничего или почти ничего не вырастили.

Разница между отчётами и реальными результатами работы фермеров очень велика. Так, в Московской области по отчётам фермеры производят от 1 до 3% всех основных видов сельскохозяйственной продукции — зерна, картофеля, овощей, молока, мяса. В действительности, по оценке Соина, их доля составляет не менее 7–8%. Сходную картину можно наблюдать и в других российских регионах. Только там и официальная, и фактическая доля фермерских хозяйств обычно значительно выше, чем в Подмосковье.

О НАЛОГАХ, ОТЧЁТНОСТИ И СЕРТИФИКАТАХ

Итак, по статистике получается, что подавляющее большинство фермерских хозяйств в России убыточно. Причём эта убыточность сохраняется уже лет 10 или больше. Как все фермеры за такой срок не бросили землю и не разбежались — непонятно. Но ситуация прояснится, если учесть, что государство забирает из прибыли 24% в виде налога. А ведь большую часть прибыли фермеры тратят на производственные нужды, уплату не зависящих от наличия прибыли налогов и на возврат кредитов, а не на личное потребление. Поэтому сознаваться в наличии прибыли — себе дороже. Хотя государство наказывает и за убыточность. Убыточное крестьянское хозяйство не является по данному году плательщиком страховых взносов, и потому этот год не входит в трудовой стаж членов хозяйства. И независимо от прибыльности или убыточности приходится платить единый социальный налог (22,8%), а также налог на землю.

Казалось бы, главное в налоге — заплатить его. Но мы живём в России, и у нас всё не так просто. Заполнить форму налога на землю — очень сложная задача. Причём это завоевание путинского периода. Ещё в 2000 году фермеры заполняли простенькую форму на одном листе. Сейчас форма разрослась уже до шести листов. А главное — её невозможно заполнить без помощи профессионального бухгалтера. Если фермер богат и его хозяйство процветает, то обращение к бухгалтеру не сильно подорвёт его финансовое положение. Но для бедных и особенно для начинающих фермеров необходимость прибегать к платным услугам бухгалтера крайне разорительна. По сути, это добавочный налог! И его нельзя истолковать иначе, как стремление государства не дать встать на ноги начинающим фермерским хозяйствам.

А есть и другие подобные бумаги. От фермера могут потребовать сертификат от санэпидстанции или паспорт по экологии. Самостоятельно составить паспорт по экологии невозможно! Приходится заключать договор на 15 тыс. рублей. Для фермера, у которого 5 или 10 гектаров пашни, это очень ощутимая прореха в бюджете. Да и для более зажиточных — чувствительно. Тяжёлой ношей ложится на небогатых фермеров и статистическая отчётность. Заполнять приходится точно такой же гроссбух, который заполняют колхозы и совхозы или богатые фермеры (у которых есть своя бухгалтерия). В данном случае прямых денежных потерь удаётся избежать, но большие потери рабочего времени неизбежны.

Существуют и иные удавки. Скажем, геодезические работы по определению контуров поля. Фермеру приходится проводить их в обязательном порядке. Плата в Московской области — 15–20 тыс. рублей за гектар. Можно было бы нанять калужских геодезистов — они берут меньше. Но чиновники не разрешают! Нет у калужан разрешения проводить такие работы в Подмосковье. И не будет! Потому что российский чиновник понимает рынок как монополию, а «рыночной» называет монопольную цену.

А вообще, по оценке В.Ф. Башмачникова, фермеры в нашей стране вынуждены до половины своего рабочего времени тратить в инстанциях. Поэтому наличие джипа для фермера зачастую важнее, чем наличие комбайна.

Проведённый автором этих строк мини-опрос подмосковных фермеров показал, что по некоторым вопросам их мнения полностью совпадают. Все опрошенные фермеры считают, что климатические условия не идеальны, но допускают возможность рентабельного с.-х. производства. Такую же оценку они дают почвам своих хозяйств. Не менее единодушны они в оценке налоговой отчётности: она усложнена и ведёт к непроизводительным тратам рабочего времени. Наконец, все фермеры утверждают, что получение различных разрешений и лицензий на работу затруднительно и отнимает не только время, но и деньги.

Вывод очевиден: причины трудностей российских фермеров и кризиса фермерского движения отнюдь не климатические, а сугубо социальные (и криминальные).

Среди доводов против фермерства есть и такой: дескать, небольшие частные хозяйства не способны эффективно использовать технику. Но этот аргумент — от лукавого. Не из чего не следует, что каждому фермеру надо иметь весь набор необходимых в хозяйстве машин. В Германии широко распространены «машинные кружки», члены которых совместно используют технику и оплачивают друг другу себестоимость выполненных работ. Число таких кружков превышает тысячу! При этом машины не превращаются в «колхозную» собственность — каждая из них имеет конкретного хозяина. После падения коммунизма такие кружки начали возникать и в Польше[1].

Но сильнейший довод врагов фермерства состоит в том, что в фермеры-де никто не пойдёт. При существующих социально-экономических условиях он не лишён смысла. В последние годы число фермерских хозяйств в России не растёт, а даже несколько сокращается. Это следствие государственной политики, о которой мы уже говорили выше. Фермеры, как свободные и независимые люди, нашей государственной машине не нужны, более того, они для неё опасны. Но ведь нынешний режим не вечен! А при другой политике — когда фермеры смогут получать кредиты в банках, когда в сельской местности проложат нормальные дороги, когда прекратится вымогательство со стороны чиновников и ментов (которые сегодня опаснее бандитов) — число желающих стать фермерами вряд ли окажется столь же незначительным.

[1] См.: Шептыцки А. Польское сельское хозяйство в период системных перемен в стране // Сельскохозяйственная наука северо-востока европейской части России. Т. 3. Животноводство, экономика. Киров: 1995. С. 105–109.

ГЛАВА 3. ШВЕДСКИЙ ВИНОГРАД И РОССИЙСКАЯ КЛЮКВА

Мы сидели под сенью развесистой клюквы
и пили чай, закусывая кусками самовара.
Иностранный фольклор о России

Автор книги «Почему Россия не Америка» весьма неравнодушен к вопросам плодоводства. Как обладатель диплома учёного агронома по плодоовощеводству и виноградарству и кандидат сельскохозяйственных наук, я могу только приветствовать такую склонность. Беда, однако, в том, что познания г-на Паршева в данной области не отличаются глубиной.

О якобы вымерзающей в Московской области черешне мы уже упоминали. Надо отметить, что «открытия» г-на Паршева в этой области не оказали никакого влияния на Госкомиссию по сортоиспытанию. В 2001 году она районировала сорт Фатеж, выведенный А.И. Евстратовым в Подмосковье и для Подмосковья[1]. А в настоящее время сортоиспытание проходит другой евстратовский сорт — Чермашная. Притом саженцы обоих этих сортов уже лет пять в большом количестве продаются садоводам-любителям. При моей единственной личной встрече с г-ном Паршевым я обещал ему раздобыть саженцы черешни для дачи, однако идеолог почему-то не клюнул. А жаль! Кушал бы теперь черешню прямо с дерева да меньше сочинял небылиц в своих книгах.

ГЕОГРАФИЯ ВСМЯТКУ

Мы уже отмечали, что в географии г-н Паршев слаб. И на карту смотрит редко. Иначе на страницах его шедевра «Почему Россия не Америка» не было бы таких чудес, как на с. 39: **«А в США группа самых престижных университетов — Гарвард, Йель, Стэнфорд, Принстон и т.д. называется "плющёвой лигой" за их старые здания, увитые плющом»**. Представляете дивное зрелище? По щучьему велению, по паршевскому хотению Стэнфордский университет приобрёл старые здания (у этого молодого университета в Калифорнии никаких старых зданий отродясь не бывало), в кратчайшие сроки оброс плющом и — главное! — перелетел на противоположный, северо-восточный конец США, где находится «плющёвая лига».

(В скобках заметим, что в данном случае г-на Паршева интересовал не Стэнфордский университет, а плющ. Силясь доказать, что климат России неизмеримо холоднее по сравнению со всем остальным миром, наш идеолог

---

1 См.: Характеристики сортов растений, впервые включённых в 2001 году в Государственный реестр селекционных достижений, допущенных к использованию. М.: 2001.

вспомнил про эту лиану: **«У нас эти вечнозелёные растения — тис и плющ — растут только в Крыму и на Кавказе»** (с. 39). Незадача г-на Паршева в том, что в США... плющ вообще не произрастает! Это европейское растение. В американском варианте английского языка плющом (ivy) стали называть другую, листопадную, лиану — девичий виноград. С настоящим плющом он состоит даже в более отдалённом родстве, чем сибирская «кедровая» сосна с настоящим ливанским кедром. Что касается зимостойкости девичьего винограда, то для Подмосковья она вполне удовлетворительная. И у нас тоже немало зданий, увитых девичьим виноградом или, по-американски, «плющом». Хотя бы то, в котором ещё недавно располагался кабинет автора этих строк. Но это так, к слову.)

НОВИНКА: ШВЕДСКИЙ ВИНОГРАД

И вот неожиданно на с. 46 паршевского труда мы видим карту! Да какую — карту зон зимостойкости плодовых и ягодных культур! Просто дух захватывает от такой приятной неожиданности. И от подписи к карте: **«Илл. 2. Схема зон сравнительной благоприятности для плодоводства (из книги X. Бейкера "Плодовые культуры", М., Мир, 1990, дополнена по материалам книги Е. Ярославцева и др. "Ваш сад", М., Агропромиздат, 1992)».** И особенно от авторского комментария: **«Обратите внимание на схему (Илл. 2): это уже не отвлечённая информация о климате, а, по сути, наглядное представление сведений о выгодности определённого вида хозяйственной деятельности. Каждая зона соответствует определённому набору культур и сортов, и устойчивость и продуктивность их (и прибыльность) падают от зоны к зоне. В Швеции и Болгарии ещё можно разводить виноград, но он будет хуже, чем во Франции»** (с. 47).

Читатель, вы когда-нибудь слышали про шведский виноград? Не пробовали, а хотя бы слышали? Нет? Так и не мудрено: в Швеции товарного виноградарства никогда не было и нет. То есть и среди шведов тоже есть отдельные любители, выращивающие виноград для своего удовольствия. Ведь есть же такие энтузиасты среди подмосковных дачников. И у некоторых из них совсем неплохо получается: такие подмосковные виноградари, как М.Р. Шалаевский и И.Д. Луковников, собирают со своих шести соток по 100 кг ягод и более. Но отдельные достижения немногих любителей не отменяют того факта, что в средней полосе России виноград не является товарной культурой. И в Швеции тоже.

Но почему, возразят те из читателей, на кого подействовали доводы г-на Паршева. Ведь не только в южной Швеции, на широте Москвы, но и в средней части этой страны, на широте Петербурга, зима теплее среднерусской?

Теплее. А в средней Шотландии (район Эдинбурга и Глазго), расположенной на одной широте со столицей России и южной оконечностью Швеции, зима ещё теплее! Там средняя температура января заметно выше нуля.

Вот только виноград как товарную культуру и в Шотландии никогда не разводили и не разводят. Потому что дело тут не в зиме, а в лете.

Виноград — требовательное к теплу растение. Ему нужна определённая сумма активных температур. Так принято называть среднесуточные температуры выше 10°С. Вообще-то, у многих учёных есть подозрения, что для большинства сельскохозяйственных культур умеренного пояса важны не среднесуточные, а только дневные температуры. Ведь ночью растения покоятся, и для них необходимо лишь, чтобы температура не падала ниже нуля. А добывать энергию путём фотосинтеза растения способны исключительно в светлое время суток. Но, во-первых, метеорологи привыкли измерять именно среднесуточную температуру, а не температуру за дневные и ночные часы по отдельности. А во-вторых, некоторые сельскохозяйственные культуры тропического происхождения (например, томат, перец, баклажан, огурец) необычайно чувствительны к холодным ночам. Если ночью температура опускается ниже необходимого для них минимума (10...14°С), то они не будут нормально расти даже при оптимальной дневной температуре. Поэтому растениеводы, включая плодоводов и овощеводов, обычно пользуются именно показателем суммы активных температур.

Разным сортам винограда требуются разные суммы температур выше 10°С. Но для культурных сортов европейско-азиатского винограда она всегда достаточно велика[1].

Таблица 3.1. Потребность в тепле сортов винограда

Скороспелость сорта	**Сумма активных температур выше 10°С**
Раннего срока созревания	2500
Среднего срока созревания	2700
Среднепозднего срока созревания	2900
Очень позднего срока созревания	3100

Сумма активных температур зависит в основном от географической широты. Особняком стоят горные местности, где она резко уменьшается. Кроме того, значительное снижение теплообеспеченности характерно для морских побережий с влажным климатом. Так, во Франции единственная область, где нет товарного виноградарства, — Бретань. Зима там даже для Франции тёплая (средняя температура января плюс 6°С), но лето прохладное и очень дождливое. Поэтому если

[1] См.: Лазаревский М.А. Роль тепла в жизни европейской виноградной лозы. Ростов: Изд-во Ростовского университета, 1961.

в остальной Франции крестьяне издавна делали виноградное вино, то бретонцам приходилось довольствоваться яблочным сидром. Если кто-то в этом сомневается, советую открыть роман О. Бальзака «Шуаны, или Бретань в 1799 году».

На широте Москвы средней многолетней суммы активных температур от 2500° и выше нет нигде в мире. Поэтому отсутствует и товарное виноградарство. На деле для него нужна даже большая сумма температур. Чтобы получить гарантированный урожай винограда, необходимо, чтобы сумма активных температур никогда не падала ниже указанных в таблице величин. Для этого приходится выбирать более тёплые районы, прибавляя к соответствующим цифрам ещё около 300°. Так, для получения гарантированного урожая раннеспелых сортов винограда нужна сумма температур около 2800°. В России это примерно широта станицы Вёшенской на Дону и города Камышина на Волге, то есть приблизительно 50-я параллель. Но и в Западной Европе товарное виноградарство почти не идёт севернее 50-го градуса широты: Франкфурта-на-Майне в Германии и Праги в Чехии. Бельгию и Голландию трудно отнести к странам с холодной зимой, но виноградарство в них в основном тепличное[1].

Следует отметить, что виноградарство на юге России действительно находится в худших условиях, чем в тех же широтах Западной Европы. У культурного европейско-азиатского винограда лозы подмерзают при температуре –18°...–22°С, а повреждение почек наблюдается уже начиная с –15°С[2]. Поэтому виноградарство на юге России почти повсеместно укрывное. Неукрывное виноградарство распространено только на Черноморском побережье Кавказа, а полуукрывное — в Анапском и Темрюкском районах Краснодарского края. Работы по укрытию и раскрытию винограда весьма трудоёмкие и требуют значительных затрат. Так что большинство российских виноградников, вероятно, в самом деле неконкурентоспособно в условиях мирового рынка.

Но не всё так уж безнадёжно. Виноградарские хозяйства Анапского и Темрюкского районов по всем показателям принадлежат в последние годы к числу самых рентабельных и преуспевающих сельскохозяйственных предприятий России. Им явно не стоит бояться иностранной конкуренции. К тому же российские селекционеры уже давно работают над повышением зимостойкости винограда. Ведь у культурного вида есть исключительно зимостойкий дикий сородич — виноград амурский. Он переносит морозы до –45°С. Чтобы получить действительно перспективные сорта, приходится вводить в скрещивание и североамериканские виды. По зимостойкости они занимают промежуточное положение между культурным и амурским виноградом, но обладают исключительной устойчивостью к грибным болезням и главному вредителю винограда — филлоксере. Соединение у одного сорта ценных признаков трёх ви-

1 См.: Лойко Р.Э. Северный виноград. М.: Издательский дом МСП, 2003.
2 См.: Агроклиматические ресурсы Краснодарского края. Л.: Гидрометеоиздат, 1975.

дов — весьма сложная задача. Но она постепенно решается. Уже созданы сорта винограда с высоким качеством ягод, переносящие морозы до –27...–28°С. Для большей части Краснодарского края этого достаточно. Есть, конечно, и ещё более зимостойкие и менее требовательные к теплу сорта, как раз их-то и выращивают подмосковные виноградари. Но по качеству плодов они пока значительно уступают южным. Тем не менее распространение винограда как потребительской культуры к северу от районов товарного виноградарства уже идёт и в последнее время ускоряется. Так что будущее у российского виноградарства есть. Но в настоящем нам стоит делать ставку на другие культуры.

А вот в Болгарии виноградарство исконно неукрывное. Хотя на севере этой страны средняя температура января отрицательная, сильных морозов на равнине и в долинах не бывает. А похолодания до –15°С для виноградной лозы не представляют опасности. При этом сумма эффективных температур в Болгарии повсеместно (кроме гор) выше, чем в северной и центральной Франции. Только южная Франция в состоянии соперничать с братьями-славянами. Существенно и то, что для хорошего налива ягод и накопления в них сахаров очень желательна солнечная погода с дневными температурами 28...35°С. Такие солнечные дни в Болгарии опять-таки наблюдаются чаще, чем на севере и в средней полосе Франции. Так что по качеству болгарский виноград обязательно должен быть лучше среднестатистического французского! И, конечно, нет никаких природно-климатических причин, по которым болгарские виноградники уступали бы по продуктивности и прибыльности французским.

Правда, фактическая средняя урожайность винограда во Франции — 75 ц/га, а в Болгарии — 73 ц/га[1]. Получается, что во Франции она на целых 2 ц/га выше. Но климат здесь явно не при чём. Просто во Франции лучше агротехника и выше капиталовложения в один гектар виноградников. Кстати, это означает, что и затраты тоже выше. Соответственно, прибыль должна быть меньше. Но, как известно, в Европейском союзе фермеры получают достаточно щедрые субсидии, а в Болгарии, которая пока не сумела войти в ЕС, таких субсидий нет. Поэтому финансовое положение французских виноградарей, по всей вероятности, значительно лучше, чем их болгарских коллег. Однако это уже чистая политика вместе с экономикой.

СОПЕРНИКИ МАРКА ТВЕНА

Заметим, что ссылаться в печати на книгу Е. Ярославцева и др. «Ваш сад» (М., 1992) как-то несолидно. Никто до г-на Паршева на это сочинение и не ссылался да и впредь едва ли будет это делать. Книжка Ярославцева и др.

---

1 См.: Витковский В.Л. Плодовые растения мира. СПб.: Лань, 2003.

изобилует невероятными ошибками и прямыми нелепостями, вроде анекдотического совета: «Ослепите крота — и он попадёт в банку». Так что использовать это произведение в качестве источника — всё равно что ссылаться на сельскохозяйственную газету, которую редактировал герой Марка Твена. Как книга «Ваш сад» попала в печать — диву даюсь, поскольку соавторы имеют в своём послужном списке серьёзные научные работы. Из уважения к ним фамилий двух других соавторов не привожу.

Но перейдём к другим открытиям г-на Паршева в области плодоводства. Неожиданно в сферу его интересов попал мандарин, а точнее — его выращивание в Грузии. **«Он**, — говорит о мандарине г-н Паршев, — **в Грузии на трифолиуме привит, а это не лучший подвой»** (с. 359).

Звучит круто! Любой человек с сельскохозяйственным или просто биологическим образованием сразу же вспомнит, что Trifolium (произносится «трифолиум») по-латыни — клевер. И, ясное дело, клевер для мандарина далеко не лучший подвой. Более того, наверняка из подобной прививки вообще ничего не выйдет. Деревянистый привой (мандарин) с травянистым подвоем (клевером) не срастётся. А к тому же ещё мандарин и клевер — виды из двух разных и совершенно не родственных семейств.

Но, может быть, в Грузии разработали принципиально новую технологию? Скажем, вывели особую травянистую форму мандарина, которую можно размножать прививкой на клевер? Это было бы заманчиво, ведь клевер живёт в симбиозе с бактериями-азотфиксаторами, и привитый на клевер мандарин не требовал бы внесения минеральных азотных удобрений! А вдруг его заодно можно было бы и дальше на север продвинуть?

Увы, ничего этого нет. А есть лишь элементарная малограмотность. Г-н Паршев просто хотел сказать, что мандарин в Грузии прививают на зимостойкий подвой Poncirus trifoliata, который по-русски обычно сокращённо называют «трифолиатой». Но, поскольку в плодоводстве наш идеолог не разбирается, он перепутал созвучные слова и в результате впервые в истории «привил» мандарин на клевер. Тем самым г-н Паршин сравнялся с Е. Ярославцевым и др.: тот и другие ничем не уступают знаменитому редактору сельскохозяйственной газеты, у которого тыква росла на деревьях!

КЛЮКВА БОЛЬШАЯ И РАЗВЕСИСТАЯ

И уж совсем порадовал меня г-н Паршев, когда проявил интерес к клюкве. Ведь это моя узкая специальность! Да к тому же у нас в России все клюквоводы и клюквоведы наперечёт, а тут появился новый знаток: **«Чем будем платить** (за медь. — *И.С.*) **замбийцам и чилийцам? Клюквой? Американская, с плантаций, урожайнее и дешевле»** (с. 288).

Интересная мысль! То, что выращиваемая на плантациях клюква намного урожайнее дикорастущей, бесспорный факт. Причём различия в урожайности десятикратные и больше. Как любит говорить г-н Паршев, «на порядок». Но чтобы культурная клюква оказалась дешевле той, которая в природе растёт на болотах? Это из области ненаучной фантастики!

Создать плантацию клюквы совсем не просто. Во-первых, нужно разбить тщательно выровненные чеки, которые при необходимости можно затоплять. Без этого не обойтись. Там, где зима достаточно суровая (скажем, в американском штате Висконсин), обязательно затопление клюквенных плантаций на зиму. Вода замерзает, клюква вмерзает в лёд и превосходно зимует. Но и в тех американских штатах, где зима мягкая (Нью-Джерси, Орегон, Вашингтон) и зимнее затопление не нужно, плантации всё равно приходится затоплять для сбора урожая. При этом зрелые ягоды всплывают на поверхность, специальный комбайн счёсывает их с плодоножек, и они дрейфуют в нижнюю часть чека. Там их собирают, причём опять же не вручную, засасывая агрегатом в ёмкость. Для затопления плантаций необходимо вырыть пруд, размеры которого зависят от величины плантации. Нельзя обойтись и без шлюзов или трубы с задвижкой, которые при затоплении плантации открывают, а при спуске воды закрывают. Так что клюквенная плантация — это довольно сложная гидротехническая система.

Во-вторых, при закладке плантации поверх торфа американцы насыпают тонкий и ровный слой песка. Этот простой приём сильно повышает продуктивность клюквы, но ведь он требует и кое-каких затрат! Особенно там, где песка практически нет, как в северо-западных штатах Орегон и Вашингтон.

В-третьих, нужны специализированные машины. О клюквоуборочном комбайне мы уже упоминали. Но и для посадки клюквы используется особая машина, разбрасывающая черенки по поверхности чека и затем вдавливающая их в грунт. Внесение минеральных удобрений и обработку ядохимикатами американцы тоже проводят не вручную.

Сами удобрения и ядохимикаты опять-таки достаются фермерам не бесплатно. А ведь есть ещё и горючее, которого требуют все перечисленные машины! Если всё это сложить, то себестоимость культурной клюквы достигнет величины, заметно отличающейся от нуля. Поэтому клюква с плантаций никак не может быть особенно дешёвой.

При сборе дикорастущих ягод на наших родных российских болотах дело обстоит несколько иначе. Есть сборщики, есть усыпанная алыми ягодами трясина под ногами и серое осеннее небо над головой. В нём иногда — журавли. Но обычно слышно лишь курлыканье, и лишь когда небо проясняется, удаётся разглядеть самих птиц. Они по горькому опыту многих поколений боятся человека и близко к себе не подпускают. Изредка ещё попадаются сотрудники заповедника, заказника или общественные инспекторы, защищающие при-

роду (в частности, журавлей) от нагло вламывающихся в чужие владения сборщиков клюквы. Тогда сборщику придётся платить штраф. Но такое случается только на охраняемых территориях. Обычно же штраф в себестоимость дикорастущей клюквы не входит. Эта себестоимость включает только затраченное на сбор ягод время и расходы на проезд до клюквенного болота. Для деревенских бабулек это стоимость автобусного билета туда и обратно, для большинства горожан — стоимость горючего для машины. Получается как-то меньше, чем при выращивании клюквы на плантациях.

ЧЬИ ФРУКТЫ ВКУСНЕЕ?

Однако вернёмся к г-ну Паршеву. Его интерес к выращиванию плодов и ягод не ограничен одной Россией. Он простирается и за пределы нашей страны, например в Восточную Европу.

«Теперь понятно, почему ни полякам, ни прибалтам в Западной Европе делать нечего?» — задаёт риторический вопрос автор книги «Почему Россия не Америка». И сам же на него отвечает: **«Они там со своей сельхозпродукцией вылетят в трубу. По всем видам Западная Европа продуктивнее, чем наши соседи, и свободная игра рыночных сил быстро расставила всё по местам. Представляете — даже в благодатных Чехии и Венгрии (черешня там поспевает в мае) условия для сельского хозяйства, по западноевропейским понятиям, не идеальны. И фрукты там не так вкусны, и сезон короток, и высокотехнологичные в обработке и хранении, но нежные сорта плодов и ягод там не растут.**

К осени 1998 г. польский частник оказался в глубокой дупе из-за дешёвых германских продуктов. Они сейчас бузят там, бастуют, тракторами дороги перегораживают, а ведь не поможет. Польские фермеры протестуют против наводнения польского рынка более дешёвыми западноевропейскими, в основном германскими, продуктами, в частности, картофелем. Они лишились сбыта. А спустить цены польские крестьяне не могут — это для них медленная смерть. Несколько лет они потрепыхались, так как наше правительство обеспечивало полякам рынок, но торговля шла на доллары а доллары у России возьми, да и кончись» (с. 357–358).

Разберём плоды паршевского красноречия по долькам. Начнём с того, что народы Западной Европы, за небольшими исключениями, живут всё-таки не по понятиям, а по законам. Автор книги «Почему Россия не Америка» вместить столь несложную мысль, похоже, не в состоянии. Но именно в этом причина процветания Западной Европы. Именно поэтому сюда бегут представители самых разных народов из всех частей света: арабы и негры, турки и армяне, индийцы и пакистанцы, китайцы и вьетнамцы, да и некоторые русские.

Что Европа никогда не стала бы тем, чем она является сегодня, живи она по понятиям, доказать очень просто. На юге Западной Европы, как раз в самом тёплом климате, сохранились уголки, где понятия в полной силе. Обычно вспоминают Сицилию, но есть ведь ещё и Корсика. Что характерно, большинство коренных корсиканцев сейчас проживают не на родном острове, а в материковой Франции. Ничего не поделаешь: на острове очень высокая безработица. А откуда взяться чему-то другому? Кто станет вкладывать капитал в экономику острова, если в затраты необходимо включить большие и непредсказуемые расходы на крышевание со стороны местной мафии? Не включишь — могут и взорвать, а взрыв объяснить национально-освободительной борьбой за независимость! Про Сицилию средний российский телезритель знает больше, но не представляет, какие бюджетные средства Италия вбухала в эту чёрную дыру. Жизненный уровень населения Сицилии, очень низкий по меркам Европейского союза, поддерживается всецело за счёт дотаций из центра. Если они вдруг прекратятся, сицилианцы, скорее всего, очень быстро станут беднее россиян.

Но вернёмся к плодам. По уверению нашего идеолога, **«фрукты не так вкусны»** в Восточной Европе, как в Западной. С чего бы это? Понятно, что на вкус и цвет товарища нет. Но всё же несомненное большинство людей предпочитает сладкие плоды и ягоды кислым. (Между прочим, в этом одна из причин нынешнего кризиса российского плодоводства. Но об этом ниже.) Сладкий вкус определяется соотношением сахаров и кислот, содержащихся в плодах. Чем оно выше, тем слаще плоды или ягоды. Накопление кислот в плодах определённого вида и сорта обычно довольно постоянная величина, а количество сахаров более изменчиво. У одного и того же сорта оно может значительно варьировать в зависимости от условий среды, особенно от продолжительности прямого солнечного освещения. Чем дольше плод пробыл на солнце, тем больше в нём при прочих равных условиях накапливается сахаров. Вряд ли стоит пояснять, что на одинаковой географической широте в более континентальном климате солнышко светит чаще. Так что на одной широте плоды и ягоды одного и того же сорта в Восточной Европе получатся более сладкими, чем далее к западу. А большинство потребителей, включая едва ли не всех детей, считает более вкусными как раз сладкие плоды. Разумеется, эта климатическая закономерность не строгая, а лишь вероятностная: и на западе Европы иногда бывает засуха, а на востоке выдаются дождливые годы, — но отрицать её существование очень странно. Популярная немецкая песенка «На Востоке всё лучше», во всяком случае, в отношении качества плодов и ягод действительно справедлива.

Но, могут возразить единомышленники г-на Паршева, зима в Восточной Европе заметно холоднее, чем в Западной, а стало быть и набор культур ограниченнее? Ведь есть такие теплолюбивые культуры и отдельные сорта более зимостойких растений, которые и польскую зиму выдержать неспособны.

У братьев-славян морозы всё-таки могут доходить до –34°С, как сравнительно недавней зимой 1986/87 года.

Это возражение верно. Но отсюда следует простой вывод: страна должна выращивать те плодовые и ягодные культуры (и сорта), которые хорошо приспособлены к её климату.

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ

В Польше персики не разводят, и товарного виноградарства там нет. Зато по производству ягод садовой земляники (которую г-н Паршев, вместе со многими обывателями, неправильно именует клубникой) наши западные соседи занимают четвёртое место в мире после США, Испании и Японии. А в Европе Польша — на втором месте. По общему урожаю смородины поляки несколько уступают России, но зато превосходят остальной мир. И, в отличие от России, где смородину в основном выращивают владельцы приусадебных участков и дач, в Польше преобладает товарное производство. Поэтому поляки практически контролируют европейский рынок. По малине Польша — четвёртая в мире, но первая в Европейском союзе. Россия, опережающая Польшу и весь мир по сбору этой ягоды, на рынке не конкурент, поскольку в нашей стране почти отсутствуют товарные посадки. А в последнее десятилетие поляки основательно занялись голубикой высокой. Ягоды у этого американского по происхождению растения очень вкусные. При этом из-за трудностей с размножением спрос на них сильно превышает предложение, так что цены очень высоки. Поляки уловили конъюнктуру и заняли лидирующее положение в Европе и по этой ягодной культуре.

Конечно, в Польше не забывают и про яблоки. В 2001 году по сбору яблок Польша вышла даже на первое место в Европе, но в обычные годы она несколько отстаёт от Франции и Италии. Однако ничего похожего на российскую яблочную монокультуру в Польше нет. Польское садоводство отличается широким набором различных товарных культур.

Плодоводство и ягодоводство в Польше — важная экспортная отрасль. По данным конца 1990-х годов, ежегодный экспорт плодов, ягод и овощей из Польши превышал 700 млн долларов в год. В значительном количестве поляки вывозят и яблоки, и ягоды. Причём, что совершенно естественно, в 1990-е годы экспорт был направлен в основном на Запад, а не на Восток. Там ведь жили куда более платёжеспособные потребители! В числе главных импортёров польских плодов и ягод Франция, Германия, Швеция, Нидерланды, Бельгия. Правда, в последние годы картина меняется: западноевропейский рынок усиленно завоёвывают китайцы, тесня и местных производителей, и поляков благодаря баснословной дешевизне своей продукции (в основе которой

копеечные зарплаты). И польский экспорт плодов и ягод частично меняет ориентацию с западной на восточную. Тем более что на востоке покупательная способность несколько подросла.

О «НЕЖНЫХ» СОРТАХ

Над выражением **«высокотехнологичные в обработке и хранении, но нежные сорта плодов и ягод»** будет долго смеяться любой плодовод. На переработку идут в подавляющем большинстве отнюдь не «нежные» плоды и ягоды, а такие, которые трудно продать в свежем виде. Например, известный шотландский сорт садовой земляники Редгонтлит даёт высокие урожаи, но его ягоды, по крайней мере в дождливое лето, трудно назвать вкусными. Поэтому они чаще идут на переработку. То же можно сказать о некоторых старых сортах яблони русской (Боровинка) и прибалтийской (Штрейфлинг) народной селекции. Плодоводческие колхозы и совхозы, в садах которых была велика доля этих сортов, начали вылетать в трубу задолго до всяких реформ, в 1970-х годах. Просто Москва перестала закупать такие яблоки. И тут можно ругать советскую госторговлю, но факт остаётся фактом: не только Мелба, Ренет Симиренко и Слава переможцям (у нас этот украинский сорт обычно называют Слава победителям), но даже пресловутый Джонатан из Венгрии превосходят указанные сорта по вкусовым качествам. А производство яблок для переработки даже в 1970–1980-х годах сплошь и рядом приносило хозяйством не доход, а убыток. Во всяком случае, соки и консервы прибыли обычно не давали. Выручало до поры до времени вино, но лишь до 1985 года. А вообще, производство сырья для переработки — гораздо менее выгодное занятие, чем выращивание плодов и ягод для реализации в свежем виде.

Кроме того, «нежные сорта» плодов и ягод очень плохо подходят для столь восхваляемой г-ном Паршевым приатлантической части Европы. В той полосе, где влияние океана самое сильное, климат очень влажный. А во влажном климате хорошо растут грибы! В том числе — паразитические, которые любят плоды и ягоды не меньше, чем человек. В результате получить урожай плодов и ягод в приморских районах Западной Европы, где сумма осадков превышает 800 мм в год, удаётся только ценой многократных обработок ядохимикатами[1]. И едва ли современный экологически грамотный европейский потребитель выберет такую продукцию.

Но чем дальше вглубь материка, тем больше возможностей для органического земледелия. Поэтому для всех более или менее зимостойких культур условия в Восточной Европе предпочтительнее, чем в Западной. Там значительно легче

[1] См.: Бейкер Х. Плодовые культуры / пер. с англ. И. Гуровой ; под ред. Ф.А. Волкова. М.: Мир, 1986.

получить урожай экологически чистых плодов и ягод. Отсюда и высокая конкурентоспособность польских «частников» на западноевропейском рынке.

И, конечно, им помогает более низкая зарплата в их стране. Известный польский экономист-аграрник Э. Макош подсчитал, что общие затраты на производство 1 кг яблок в Польше в среднем за 2002–2004 годы составляли 0,84 злотого, что в пересчёте даёт 0,20 евро. В то же время в Западной Европе затраты на производство килограмма яблок достигают 0,30–0,35 евро[1]. Главная причина дешевизны польских яблок — более низкая оплата труда с.-х. рабочих: 1,5–2 евро в час в Польше, 5–7 евро в час в Западной Европе. Но и меньшее число обработок ядохимикатами в Польше по сравнению с более западными странами тоже сказывается.

Что касается «дешевизны» германских сельскохозяйственных продуктов, в частности картофеля, то это яркий пример государственного вмешательства в ценообразование. Ни для кого не тайна, что в Германии, как и в остальных развитых странах, сельское хозяйство получает крупные государственные дотации. За счёт них-то германский картофель и оказывается «дешёвым»! А реальная себестоимость его высока. Мы уже разобрали, что такое интенсивное капиталоёмкое земледелие, и знаем, что оно требует очень высоких затрат.

В последние годы глава Всемирной торговой организации (ВТО) Майк Мур неоднократно призывал развитые страны резко сократить сельскохозяйственные дотации. Мур совершенно справедливо считает, что лучший способ помочь развивающимся странам — дать им возможность самим зарабатывать деньги. В случае сокращения дотаций цена на сельскохозяйственную продукцию развитых стран поползёт вверх, её конкурентоспособность снизится, а сельскохозяйственный экспорт развивающихся стран резко увеличится. Но подобные шаги, приближающие мировую экономику к свободному рынку, в развитых странах крайне непопулярны. Они угрожают массовым разорением западноевропейским и североамериканским фермерам, да и не только им одним. Неслучайно антиглобалисты ведут против ВТО настоящую пропагандистскую войну! Западные правительства формально вроде бы находятся в другом лагере, чем антиглобалисты, но к призывам М. Мура на деле относятся точно так же, только внешне реагируют спокойнее.

При недавнем вступлении восточноевропейских стран в Европейский союз западным государствам удалось добиться очень важного для себя условия: восточные «салаги» не смогут рассчитывать на сельскохозяйственные дотации в тех размерах, в каких их получают западные «деды».

Но полякам, чехам, словакам, мадьярам и жителям Прибалтики сочувствовать сейчас как-то поздно. Они свой кризис преодолели, с задачей вступления в ЕС справились, и будущее их выглядит безоблачным. Нам надо сосредоточиться на наших трудностях, поскольку в России положение куда тяжелее.

---

1 См.: Макош Э. Методы экономических исследований в польском садоводстве // Плодоводство и ягодоводство России: Сборник научных трудов. Т. 14. М.: ВТСИСП, 2005. С. 80–94.

РОССИЙСКОЕ САДОВОДСТВО: ИСТОКИ КРИЗИСА

Сейчас среднестатистический житель России съедает всего 32 кг плодов и ягод в год. Почти половина этого количества падает на импорт. Производство плодов и ягод в нашей стране колеблется около 18,5 кг на человека в год[1]. Это очень мало! Например, в Новой Зеландии на душу населения производится около 140 кг плодов и ягод ежегодно. На том же уровне находятся и некоторые страны Западной Европы, а Испания и Италия даже превосходят его. Научно обоснованная норма потребления плодов и ягод на душу населения составляет 80 кг. Следовательно, мы едим в 2,5 раза меньше плодов и ягод, чем необходимо, а выращиваем почти в 5 раз меньше!

Кризис садоводства в России начался давно. Площадь садов в РСФСР достигла наибольшей величины в 1968 году, и с тех пор устойчиво сокращалась. В постсоветской России темпы этого сокращения ускорялись примерно до 1997–1998 годов. Затем они снова замедлились. Но по-прежнему площадь, занятая под садами и ягодниками, уменьшается. Новых садов в России сажают меньше, чем вырубают старых.

Причём уменьшаются площади именно под товарными садами. На садовых и приусадебных участках картина противоположная. Количество их сильно выросло по сравнению с 1968 годом. И посадки плодовых деревьев и ягодных кустарников тоже расширились, хотя и в меньшей степени. Дело в том, что у самых богатых и самых бедных владельцев участков никаких садов и ягодников зачастую нет. Некоторые из «новых русских» ориентируются на западные образцы и разбивают на своих дачах газоны или высаживают декоративные хвойные, а плодовые и ягодные культуры не сажают. В то же время некоторые малоимущие собственники «шести соток» не могут освоить даже такую площадь, и их земля пустует. Но всё же обе эти крайности являются исключениями из правила. Потребительское садоводство в России имеет тенденцию к росту. Может быть, это расцвет перед упадком, и следующее поколение владельцев садовых участков не захочет копаться в земле, но пока садовые и приусадебные участки служат более важным источником витаминов, чем товарные сады.

Но почему неуклонно сокращаются площади товарных садов? В чём дело? Может, в холодной зиме? Ведь плодовые и ягодные культуры — всегда многолетние растения, и потому их продуктивность действительно зависит от условий зимовки. Этим они принципиально отличаются от яровых зерновых, зернобобовых и подавляющего большинства овощей, для которых температура холодного периода вовсе не имеет значения.

---

1 См.: Метлицкий О.З. Тенденции производства и потребления фруктов // Плодоводство и ягодоводство России. Т. 10. М., 2003. С. 38–48.

Для начала выясним особенности товарного плодоводства в России. Оно в советский период развивалось как «яблоководство». Это не преувеличение: доля яблони в товарных — колхозных и совхозных — садах в 1980-х годах превышала 80%. И с тех пор положение существенно не изменилось, поскольку в 1992–1996 годах садов почти не сажали, а в последующие годы посадили сравнительно немного. При этом подавляющее большинство составляют яблоневые сады на сильнорослых семенных подвоях. В основном за последние годы стали появляться слаборослые сады на клоновых подвоях, а в виде совсем редкого исключения — посадки колонновидных яблонь. Но они пока не делают погоды в российском садоводстве.

ПОЧЁМ НЫНЧЕ МОЛДАВАНЕ?

Пару лет назад я слушал доклад директора одного из садоводческих ОПХ (опытно-производственного хозяйства), расположенного в Курской области. «В нынешнем году, — рассказывал директор, — у нас в хозяйстве небывалый урожай яблок. Я пятнадцать лет работаю, а такого благоприятного для яблони года никогда не было. Так не знали, как собрать урожай. *Купили молдаван* — 51 человек, по 4 тысячи каждый. С их помощью с трудом, но собрали».

Рассказ внешне смешной, а по сути — страшный! Курская область всё-таки принадлежит к чернозёмной полосе, где деревня не до такой степени обезлюдела, как на Севере и во многих районах средней полосы. Но и там собирать урожай яблок, как выясняется, некому! Так что директору пришлось *покупать* молдаван. А что, если завтра цена на молдаван вырастет? Да, сегодня Молдавия официально признана беднейшей страной в Европе. (Заметим в скобках: самой холодной в Европе эту страну не назовёшь.) Но совсем необязательно так будет всегда! Если же молдаване «подорожают», то, выходит, урожай яблок в российских садах вообще пропадёт? Ведь уже и теперь большой урожай кажется директору едва ли не катастрофой!

Бывает и гораздо хуже. В 1992 году один из моих друзей поступил на работу в фирму, арендовавшую 200 га совхозного сада. Перед этим сад пять лет не давал урожая! Под руководством моего приятеля (незадолго перед этим окончившего Тимирязевку и ещё не утратившего юношеского максимализма) сад впервые за много лет обрезали по всем правилам. Для этого пришлось приглашать тимирязевских студентов. Совхозное начальство не хотело их селить, и эту проблему решили с большим трудом. Затем провели опрыскивание нитрафеном против комплекса вредителей и болезней. При этом случился не совсем приятный эпизод. Для опрыскивания мой друг пригласил местных жителей, обитателей 101-го (считая от Москвы) километра. Все — с опытом отсидки. Но он им платил за работу с раннего утра до 12 часов как за полный

рабочий день, и они поверили в него. Почки на деревьях уже вот-вот должны были распуститься, и возникла опасность ожога их ядохимикатом, поэтому мой приятель распорядился опрыскивать однопроцентным раствором нитрафена. Но тут наблюдать за опрыскиванием явился главный агроном совхоза и стал убеждать рабочих, что нитрафена надо насыпать в 3 раза больше. По книгам так и следовало! Но так как опрыскивание проводили в далеко не оптимальные сроки, то трехпроцентный раствор нитрафена непременно сжёг бы все почки, и урожай был бы потерян. Этого ли хотел совхозный агроном? Скорее всего — да! Не весь совхозный сад был сдан в аренду, и если бы начальство увидело обильное цветение сада, то заставило бы агронома собирать урожай. А урожай ему было некем собирать... Отсюда и попытка сжечь почки в арендованной части сада. К счастью, рабочие не стали слушать агронома. Моему другу они верили больше.

Летом деревья ломились от урожая! Но... Фирма, взявшая сад в аренду, понадеялась на договор с дивизией имени Дзержинского. Дивизия должна была послать необходимое число солдат на сбор урожая. В кои-то веки «дзержинцы» имели шанс заняться полезным и в то же время приятным делом. Однако тогдашний министр обороны неожиданно отменил договор. Найти рабочую силу в другом месте фирма уже не успела. И почти весь огромный урожай пропал...

Такие случаи не единичны. В сильнорослых садах проблема сбора урожая вообще стоит очень остро и удовлетворительного решения не имеет. Что собирать плоды с сильнорослых деревьев тяжело и неудобно, знает каждый владелец садового участка (кроме тех, кто уже давно выращивает яблони на карликовых и полукарликовых подвоях). Нужны лестницы, и притом всё равно в большинстве случаев все яблоки собрать не удаётся. Часть плодов падает и бьётся об землю. Такая падалица, конечно, пригодна уже исключительно на переработку. А с рыночной точки зрения её следует относить к потерям урожая.

Способ избежать всех этих трудностей и потерь известен давно. Это прививка яблонь на слаборослые подвои.

НЕОБХОДИМЫЕ СВЕДЕНИЯ О СЛАБОРОСЛЫХ ПОДВОЯХ

В плодоводстве принято называть очень слаборослыми подвои, на которых высота деревьев не превышает 2 м. Просто слаборослые подвои ограничивают высоту яблони 2–3 метрами. Полукарликовыми называют подвои высотой от 3 до 4 м. И среднерослые подвои — те, на которых деревья достигают 4–5 м. Но очень часто все эти группы объединяют под общим именем слаборослых подвоев. В старых книгах их называли карликовыми, но сейчас от этого термина отказались.

Все слаборослые подвои — клоновые. Это означает, что их размножают вегетативным путём — черенками или отводками. Поскольку клоновые подвои генетически совершенно однородны, сад из привитых на таком подвое деревьев оказывается выровненным по высоте. В саду на семенных подвоях (а сильнорослые подвои — это сеянцы либо культурных сортов, либо дикой яблони) добиться такого в принципе невозможно.

Слаборослые яблони — отнюдь не новинка. Первоначально предковые формы современных слаборослых подвоев были просто сортами народной селекции. Такие сорта яблони (часто даже не древовидные, а кустовые) издревле выращивали в Закавказье, особенно в Грузии, а также в Турции, Иране, Туркмении, Узбекистане. Разводили их, как и сильнорослые сорта, ради плодов. А размножали черенками либо отводками. В XVI веке слаборослые яблони попали в Западную Европу. И там додумались использовать «карлики» в качестве подвоев для других сортов.

До XX века яблони на слаборослых подвоях выращивали чаще в декоративных целях или как диковинку, но затем ими заинтересовались всерьёз. Появились товарные сады на слаборослых подвоях. Однако их выбор был беден, а недостатки — существенны. В начале XX века в европейских садах использовали всего две слаборослые «парадизки» и четыре среднерослых «дусена». И ни один из этих подвоев не соответствовал полностью тем требованиям, которые предъявляло промышленное плодоводство.

Поэтому в 1920–1930-х годах в Англии начали систематическую селекцию клоновых подвоев. В короткие сроки было получено много новых форм. Причём если старые европейские «парадизки» и «дусены» практически ничем не отличались от исходных грузинских, армянских и азербайджанских сортов, то новые селекционные подвои (такие, как слаборослый М 27, полукарликовые М 26, ММ 102 и ММ 106, среднерослые ММ 104 и ММ 111) во многом их превосходили.

В 1950–1960-х годах плодоводы Западной Европы почти полностью перешли на слаборослые сады. У нас на это реагировали крайне слабо. И чиновники, и столпы официальной сельхознауки (с 1948 по 1964 год всецело проникнутой лысенковским духом да и потом медленно от него освобождавшейся) смотрели на происходящее как на некое западное «чудачество», не имеющее отношения к нашей стране.

Нельзя сказать, что в СССР не сажали садов на слаборослых подвоях. Небольшое число таких садов имелось ещё в дореволюционной России, в основном в Крыму и на Кубани. В 1930-х годах преимущественно в тех же регионах заложили ряд крупных совхозных яблоневых садов на «дусенах» с примесью «парадизок». Однако эти насаждения довольно сильно пострадали в исключительно суровые зимы 1953/54 и 1955/56 годов. Надо отметить, что корневая система старых «дусенов» и «парадизок» действительно обладала заметно

меньшей морозостойкостью по сравнению с «сибирками», «китайками» и даже сеянцами среднерусских культурных сортов. Это естественно, если вспомнить о южном происхождении слаборослых подвоев. Разумным решением было бы широкое развёртывание селекционной работы с целью получения более зимостойких клоновых подвоев. Эти делом в последние годы жизни увлёкся И.В. Мичурин. Но после смерти Мичурина клявшиеся именем великого селекционера многочисленные мичуринцы его работу... свернули. И в 1970–1980-х годах у нас даже на юге продолжали закладывать сады на сильнорослых семенных подвоях, хотя их бесперспективность уже стала очевидной.

В.И. БУДАГОВСКИЙ И ЕГО ДЕЛО

К счастью, нашёлся человек, который взял на себя нелёгкую задачу по выведению зимостойких слаборослых подвоев. Речь идёт о Валентине Ивановиче Будаговском (1910–1975).

Будаговский уже в 1950-е годы увидел огромные экономические преимущества слаборослых садов. Во-первых, заметно упрощалась обрезка. Впоследствии, уже в 1970–1980-х годах, на Западе сумели в высокой степени механизировать обрезку слаборослых садов. Во-вторых, возрастала эффективность опрыскиваний против вредителей и паразитических грибков. В огромной кроне сильнорослого дерева почти всегда находились не затронутые обработкой участки, что способствовало выживанию цветоеда, плодожорки, грибка — возбудителя парши и прочих вредных (по мнению человека) организмов. В небольшой кроне слаборослого дерева убежищ для вредителей и патогенов не оставалось.

Но особенно наглядно превосходство садов на клоновых подвоях проявляется при сборе урожая. Ещё в 1950-е годы подсчитали, что затраты труда на сбор 1 т яблок в среднерослом саду снижаются в 1,5 раза, а в слаборослом саду — в 3,5 (!) раза по сравнению с сильнорослым садом. Причём ещё и труд этот разный. Лазать по высоким лестницам и стоять на трёхметровой высоте без всякой опоры — сомнительное удовольствие для немолодых женщин (а кто же ещё обычно собирает урожай в колхозных и совхозных садах?). Собирать яблоки со слаборослых деревьев несравненно удобнее, а риск для жизни и здоровья почти исключён. Потери урожая при сборе в сильнорослом саду неизбежны. Причём они не сводятся к одной лишь падалице. Если дерево запущено, его давно не обрезали или обрезку выполнили тяп-ляп (в наших садах это, увы, привычная картина), то часть яблок вообще становится недоступной для сборщиков! Преимущество слаборослых садов состоит в том, что в них товарный урожай близок к биологическому урожаю, а потери резко сокращаются. Даже падалицы меньше, поскольку ветер не так сильно раскачивает невысокие деревья.

Не стоит забывать и о более регулярном плодоношении слаборослых садов. Для традиционных сильнорослых яблонь типична периодичность плодоношения: один год — высокий урожай, другой — почти никакого. При высокой агротехнике её отчасти можно преодолеть, но это трудная задача. А вот яблони на слаборослых подвоях, как правило, плодоносят ежегодно, при правильном уходе им периодичность несвойственна.

Защитники сильнорослых садов подчёркивали, что яблони на карликовых подвоях менее долговечны. Это верно. Если на сильнорослых подвоях яблоня при хорошем уходе может давать урожаи до 50–60 лет (хотя сохранять сады старше 35–40 лет всё равно не рекомендуется), то сад на слаборослых подвоях придётся раскорчёвывать через 15–18 лет после посадки, сад на среднерослых подвоях — через 20–25 лет. Но зато сады на клоновых подвоях гораздо быстрее вступают в плодоношение! Сады на слаборослых подвоях дают товарный урожай уже на 2–3-й год от посадки, на среднерослых — на 4–5-й. А сильнорослые насаждения в среднем вступают в товарное плодоношение через 7 лет после посадки, причём этот срок сильно зависит от сорта. Одни сорта на сильнорослых подвоях приносят хороший урожай уже на 5-й год, а другие — только на 10–12-й.

Кроме того, в современных условиях недолговечность слаборослых садов во многом превратилась в достоинство. Селекция не стоит на месте. Старые, прожившие много веков сорта яблони неуклонно исчезают из товарных посадок и сохраняются лишь в научных учреждениях и у некоторых консервативно настроенных садоводов-любителей. На смену им идут новые сорта, превосходящие прежние как по урожайности, так и по качеству плодов. За последние 20 лет в разных странах мира широко распространились такие новые сорта яблони, как Фуджи, Гала, Эльстар, Джонаголд. Скорость внедрения этих сортов с очень высоким качеством плодов в товарные насаждения далеко превосходила темпы, возможные в старину.

Таким образом, сравнительно короткий срок жизни слаборослых насаждений обеспечивает быстрое сортообновление. А это повышает конкурентоспособность хозяйств. Как правило, яблоки новых сортов удаётся продать по более высокой цене.

Действительный недостаток слаборослых подвоев яблони в том, что привитые на них деревья приходится сажать достаточно густо, поэтому возрастают первоначальные затраты на закладку сада. Но ведь они окупаются! Урожайность в слаборослых садах, по самым скромным оценкам, в 1,6–1,9 раза выше, чем в сильнорослых, причём плоды обычно несколько крупнее и более выровненные по величине, к тому же они интенсивнее окрашены и потому внешне более привлекательны. Вероятно, это объясняется лучшим освещением в насаждениях на клоновых подвоях. Напротив, в сильнорослых садах внутренняя часть кроны сильно затенена, и там образуются мелкие, часто некондиционные яблоки.

Ни один из зарубежных слаборослых подвоев по зимостойкости корневой системы не подходил для средней и чернозёмной полосы России. Причём в Курской или Тамбовской области они вымерзали чаще, чем под Москвой, поскольку в чернозёмной полосе снеговой покров неустойчив. Будаговский указывал, что сады на зарубежных слаборослых подвоях на юге России застрахованы от вымерзания только к югу от линии Ростов-на-Дону — Ставрополь — Грозный — Махачкала[1]. Кроме того, их можно применять на юге Астраханской области и в Калининградской области. Слаборослые подвои, пригодные для чернозёмной и средней полосы, предстояло создать путём селекции.

Профессор Плодоовощного института в Мичуринске занимался этим попутно с основной преподавательской работой. И за несколько десятилетий селекционной работы Будаговский вывел ряд ценных подвоев: «парадизку краснолистную» (её чаще зовут «парадизкой Будаговского», или ПБ-9), слаборослые подвои 62-396 и 57-366, полукарликовые 54-118 и 57-545, среднерослые 57-233 и 57-490. По зимостойкости они равны сильнорослым подвоям или мало им уступают. Итоговую сравнительную оценку работы Будаговского и довольно слабых попыток вести селекцию клоновых подвоев для средней полосы в ряде других научных учреждений провёл в начале 1990-х годов известный плодовод В.И. Козлов: «В средней полосе имеются маточники только краснолистных подвоев селекции проф. Будаговского». К 1991 году почти во всех областях средней и чернозёмной полосы России подвои Будаговского уже были рекомендованы для производственного испытания[2]. Хотя практически, увы, применялись редко.

А как реагировало на труды селекционера господствующее направление в науке? Да никак. Ещё в 1990 году целое созвездие именитых учёных выпустило книгу, в которой рекомендовало создавать *интенсивные* яблоневые сады... на сильнорослых подвоях[3]. Что для таких трудоёмких «интенсивных» садов в русской деревне просто не осталось рабочих рук, два доктора и 13 кандидатов наук почему-то в упор не заметили!

СВИДЕТЕЛЬСТВО КАЛУЖСКОГО АГРОНОМА

Агроном из Калуги О.Н. Мятковский выпустил в том же самом 1990 году ценную и полезную книгу, которую можно считать эпитафией традиционному сильнорослому садоводству[4]. Он совсем не ставил перед собой такой задачи.

1 См.: Будаговский В.И. Культура слаборослых плодовых деревьев. М.: Колос, 1976.
2 См.: Плодовые культуры : Справочник / сост. Р.П. Кудрявец. М.: Агропромиздат, 1991.
3 См.: Промышленная технология возделывания интенсивных семечковых культур в Нечернозёмной зоне (рекомендации). М.: ВО «Агропромиздат», 1990.
4 См.: Мятковский О.Н. Красный сад. Страницы биографии совхоза. Тула: Приокское книжное издательство, 1990.

Напротив, Мятковский старался подчеркнуть достижения совхоза «Красный сад» (расположен в Мещовском районе Калужской области) и прославить его руководителей и специалистов, а отчасти и рядовых работников. Но писал честно — и ощущение от книги возникает отнюдь не благостное. Напротив, читатель начинает понимать, что совхоз уже вступил в полосу упадка, и это произошло до каких бы то ни было «реформ»!

Вот какие данные приводит калужский агроном по урожайности яблони в Мещовском районе (у автора они разрознены, мы позволили себе свести их в таблицу).

Таблица 3.2. Урожайность яблони в Мещовском районе Калужской области

	Годы	Урожайность, ц/га
Помещичьи и крестьянские сады	До революции (оценка О.Н. Мятковского)	35–50
Совхоз «Карташово» (с 1931 – «Красный сад»)	1929–1933	40
Совхоз «Красный сад»	1953–1958	56,4
То же	1960–1984	30,5

Тенденция к снижению урожайности яблони — это всецело наша самобытная особенность. В других странах ничего подобного не отмечали. Скажем, в США в начале 1950-х годов урожайность в 70 ц/га считалась высокой. Но по мере перехода на слаборослые сады с уплотнённым размещением деревьев средняя урожайность яблони в этой стране выросла в первой половине 1970-х годов до 160 ц/га. При этом США продолжали сильно отставать по урожайности от наиболее передовых стран Западной Европы, особенно от Франции.

Вряд ли нужно объяснять, что в дореволюционной России урожайность садов не могла быть высокой. Крестьянское садоводство развивалось туго из-за того, что в общинах происходил периодический передел земли. Поэтому на общинных землях никто садов не сажал. А приобрести землю в частную собственность могли лишь сравнительно немногие зажиточные крестьяне. Правда, каждая крестьянская семья на праве частной собственности владела усадьбой. Но её размеры не сильно отличались от размеров современных приусадебных участков, и товарный сад там не умещался. Что касается помещиков-садоводов, то чеховский Гаев — вполне типичный представитель этого разряда людей. Сами помещики обычно ни бельмеса не понимали в садоводстве, а нанятые ими садовники и неквалифицированные батраки были мало заинтересованы в успехе дела.

И при всём том урожайность дореволюционных садов была всё-таки выше, чем специализированного совхоза «Красный сад» в 1960–1984 годах! Но, быть может, это был совсем слабый, «лежачий» совхоз? Нет, как раз наобо-

рот! С 1965 по 1987 год он постоянно получал прибыль и ни разу не оказался убыточным по итогам года. Более того, многолетний (с 1962 по 1988 год) директор хозяйства В.Я. Корягин в 1971 году получил звание Героя Социалистического Труда. А его только членам Политбюро давали в обязательном порядке, а из директоров совхозов — не так уж и многим.

Тут читатель, пожалуй, подумает, что Мятковский — это какой-нибудь прораб перестройки, огульно охаивающий советскую действительность. Да ничуть не бывало! Калужский агроном — на все сто процентов советский человек. Приведём пару цитат из его книги: «Имели место и крупные недостатки в деятельности администрации и рабочкома профсоюза. Причиной этого являлось отсутствие своей партийной организации. В совхозе работало только два коммуниста, да и те были слабо связаны с кудринской ячейкой ВКП (б). Этот факт был освещён газетой «Батрак» от 27 октября 1929 года. В итоге обсуждения сигнала центральной печати на общем собрании совхоза в кандидаты партии подали заявления 13 батраков» (с. 13)[1]. И ещё: «В коллективе совхоза (в 1971 году. — *И.С.*) трудилось 123 ударника коммунистического труда. Звание бригады коммунистического труда получили шесть бригад хозяйства. Восемь раз поднимался вымпел трудовой славы в честь передовиков производства — коммунистов М.М. Комарова, А.А. Тарасова, А.С. Немчинова, Г.И. Ховеева» (с. 32). А вот урожаи у этих передовиков до предреволюционного уровня не дотягивали...

Почему? Вот признание Мятковского: «Биологический урожай садов совхоза значительно выше той, "амбарной", урожайности, что фигурирует в официальной отчётности. По целому ряду организационных причин за последние годы значительно возросли потери яблок в садах и порча собранных яблок на складах...» (с. 55). И ниже агроном разъясняет: «В последние годы соблюдаются преимущественно те работы по уходу за плодовыми насаждениями, которые удаётся механизировать, и те, что удаётся проводить в зимний период. Проведение ряда важных других работ или вовсе прекращено, или производится в совершенно недостаточных объёмах... Объясняются эти упущения крайним недостатком в совхозе квалифицированных садовых рабочих» (с. 59). Далее мы узнаём, что собрать урожай своими силами совхоз тем более не мог: «Отсутствие квалифицированных садовых рабочих заставило совхоз привлекать со стороны людей для сбора урожая яблок, главным образом учащуюся молодёжь городов Калуги и Калужской области» (с. 60). И печальный вывод автора книги: «Упрощенчество в уходе за садами, ежегодный допуск в сады больших, плохо организованных групп неквалифицированных сборщиков яблок снижает последующую урожайность и сокращает продуктивную жизнь деревьев яблони» (с. 61).

---

1 Здесь и далее цит. по: Мятковский О.Н. Указ. соч.

Одну острую тему Мятковский обошёл (а мы к ней вернёмся). Но и сказанного им достаточно для того, чтобы понять: традиционное яблоководство на сильнорослых подвоях изжило себя и начало приходить в упадок ещё до начала всяческих «реформ». Прибыльность того же «Красного сада» во второй половине 1970-х — начале 1980-х годов держалась в значительной мере на доходах от продажи плодово-выгодного вина, а доходы от садоводства падали.

Так что переход к слаборослым садам, снижающим затраты живого труда, — это единственный выход. Здесь читатель может возразить: в предыдущей главе вы критиковали интенсивный путь развития, а здесь ратуете за него. Ведь слаборослые сады более капиталоёмкие, чем сильнорослые, и переход к слаборослым подвоям — не что иное, как разновидность интенсификации. Это так. Но плодоводство вообще интенсивная отрасль! Она может быть либо трудоёмкой, либо капиталоёмкой. Третьего пока не дано. Но поскольку полная бесперспективность трудоёмкого сельского хозяйства в России совершенно очевидна, единственно разумный путь — не бояться значительных капитальных затрат на закладку слаборослых садов и отказаться от пустых и вредных мечтаний о решении проблем за счёт использования дешёвой рабочей силы: молдавской, таджикской, китайской или солдатской.

КОЛОННЫ

Однако на берегах туманного Альбиона не ограничились созданием слаборослых подвоев. Спустя несколько десятилетий, в конце 1960-х годов, англичане предложили ещё одну новинку: колонновидные яблони. Правда, самая первая «колонна» — Wijcik — была обнаружена в 1964 году в Канаде как случайная мутация известного сорта Мекинтош, но селекционную работу по созданию колонновидных сортов проводили в основном в Британии.

Особенность колонновидных яблонь в том, что деревья почти не ветвятся! Плодовые веточки отходят от самого ствола. Следовательно, практически исчезают затраты на обрезку, которые очень велики в традиционных сильнорослых садах и всё ещё значительны в слаборослых. Конечно, далеко не все колонновидные яблони растут в качестве одноствольных. На практике у них чаще развивается 2–3 ствола, расходящихся на высоте около полуметра. Но и в этом случае диаметр кроны у колонн всего около одного метра. Сбор плодов и любые обработки против вредителей и болезней при этом облегчаются до крайности.

Кроме того, колонновидная яблоня тратит меньше питательных веществ на древесину и больше на плоды, поэтому продуктивность колонновидного сада выше. И притом значительно! В Англии однажды в колонновидном саду был получен урожай в 4025 ц/га. Для сравнения: средняя урожайность яблони

в этой стране — 130 ц/га. Но за всякое удовольствие надо платить. Хотя колонновидные яблони рано вступают в плодоношение, они недолговечны. Кроме того, на единицу площади приходится сажать гораздо больше «колонн», чем даже яблонь на слаборослых подвоях. Тем не менее эти затраты в конечном счёте окупаются.

Поскольку первые колонновидные сорта пришли из Англии, у нас они тоже оказались незимостойкими. В настоящее время уже созданы зимостойкие «колонны», с успехом произрастающие в Подмосковье. Их оригинатор, профессор Виктор Валерианович Кичина[1], дал своим сортам на редкость «современные» имена: Валюта, Червонец, Президент, Диалог, Останкино и т.д. Однако даже сами названия возбуждают некоторые сомнения в съедобности таких яблок. Съесть Валюту и закусить Президентом — это как-то непривычно! И действительно, пока российские «колонны» уступают по вкусовым качествам лучшим традиционным сортам.

Но главная беда в том, что садов на слабо- и среднерослых подвоях в России до сих пор мало, товарный же колонновидный сад и вовсе один (в Ростовской области). А сильнорослые яблоневые сады не могут быть конкурентоспособными — ни в России, ни где-либо ещё в мире.

ОТКУДА ПОШЛА НЕКОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ?

В современной российской литературе по садоводству стало общим местом признание, что в 1990-х годах российские товарные сады не выдержали конкуренции с потоком зарубежных фруктов, разнообразных по ассортименту и стоимости. Главную причину этого явления — сохранение изживших себя сильнорослых садов, требующих огромных затрат труда и не дающих устойчивых урожаев, — мы уже указали.

Однако поставим вопрос ребром: какую роль в технологическом отставании российского плодоводства играет климат? Внешне вроде бы его значение велико. Мы ведь не можем чисто механически перенимать очередные новшества, которые на протяжении XX века приходили, как правило, из Британии. Нам пришлось создавать свои зимостойкие аналоги сперва слаборослых и среднерослых подвоев, а затем колонновидных сортов. Это потребовало времени, труда и денег.

Тем не менее, по сути, климатический фактор — лишь отговорка, призванная оправдать бездействие и запоздалую реакцию чиновников и столпов официальной сельхознауки. Кто мешал нам самим предвидеть пути развития ми-

[1] Соавтором В.В. Кичины при получении ряда колонновидных сортов была Надежда Геннадьевна Морозова.

рового плодоводства и идти вровень с англичанами или самостоятельно выйти на новые технологии? Ведь нужна очень крепкая вера в неизменность дедовских агротехнических приёмов, чтобы полагать, будто в век всеобщей механизации сельского хозяйства плодоводство останется в стороне от этой общей тенденции. Интересно, что ещё сто лет тому назад знаменитый американский селекционер-плодовод Л. Бербанк предупреждал: плодовые деревья, соперничающие по высоте с небоскрёбами, не имеют будущего. В СССР Бербанка охотно переводили, но на его предсказания не обратили внимания.

Конечно, среди причин низкой конкурентоспособности стоит назвать и сортовой состав садов. Около 50% яблоневых садов средней полосы занимали всего три сорта: Антоновка обыкновенная, Пепин шафранный и Штрейфлинг (Осеннее полосатое). Плоды Штрейфлинга, как мы уже отмечали, просто малосъедобны. Пепин шафранный в средней полосе не вполне зимостоек, к тому же в холодное лето его плоды мельчают. А Антоновка, конечно, является русским национальным достоянием, но это яблоко — на любителя. В рыночных условиях занимать Антоновкой более 10–15% площади товарного сада едва ли разумно (кстати, в «Непецино» доля Антоновки как раз 15%), а фактически её удельный вес во многих старых садах около 30%, иногда доходит и до 50%.

ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ: НАЛОЖЕНИЕ ДВУХ КРИЗИСОВ

Выше мы показали, что кризис товарного садоводства в России начался задолго до каких бы то ни было «реформ». Но в 1992–1996 годах он резко усилился, причём по простой и банальной причине — из-за гиперинфляции. Быстрое обесценивание денег делало невыгодными любые долгосрочные капиталовложения. А садоводство как раз та отрасль, где капиталовложения не могут быстро окупиться. Поэтому новые сады в годы гиперинфляции практически не закладывались, но, как только инфляция уменьшилась до сравнительно умеренных размеров, площади вновь закладываемых товарных садов снова стали увеличиваться. Однако пока они не достигли даже уровня 1991 года.

При этом и до 1991 года возрастная структура товарных садов России была далека от оптимальной. И тогда старых садов было чересчур много, а молодых — слишком мало. В уже известном нам совхозе «Красный сад» в 1984 году насчитывалось 7,1% яблонь старше 26 лет, 90,0% — от 19 до 25 лет, 0,4% — от 5 до 8 лет и 2,5% — до 4 лет (деревьев от 9 до 18 лет не было совсем[1]). Но с тех пор это соотношение ухудшилось. Естественно, что те сельскохозяйственные предприятия, у которых остались одни старые сады, сейчас

[1] См.: Мятковский О.Н. Указ. соч. С. 52.

на мели. Продуктивность старых садов падает, доходы тоже (нередко вместо доходов — сплошные убытки), и денег на закладку новых насаждений взять негде. На удобрения, ядохимикаты, даже на регулярную обрезку их также не хватает. И машинно-тракторный парк постепенно приходит в негодность. Разве что иногда помогают областные (краевые, республиканские) власти, но такое случается нечасто.

Положение многих хозяйств на самом деле тяжёлое. Но климат здесь решительно ни при чём!

ОТКРЫТИЕ ЯКОВА ПРОВОТОРОВА

Недавно аспирант Всероссийского селекционно-технологического института садоводства и питомниководства Яков Провоторов убедительно доказал, что в средней и чернозёмной полосе России урожайность товарных яблоневых садов совершенно не зависит от климата. Не верите? Поверить и в самом деле трудно! Но факты — упрямая вещь!

Таблица 3.3. Климатическая характеристика пяти областей европейской части России

Область	Сумма активных температур выше 10°С	Средний абсолютный минимум, °С	Продолжительность периода вегетации, дни	Средняя годовая сумма осадков
Московская	1880...2100	–32...–35	125...135	540...620
Тульская	2100...2360	–31...–32	135...140	550...600
Орловская	2268...2390	–29...–30	146...148	522...600
Курская	2400...2520	–27...–28	156...162	500...590
Белгородская	2400...2900	–26...–28	157...166	500...560

Источник: Кашин В.И., Косякин А.С., Волков Ф.А., Провоторов Я.П. Стабильность плодоношения яблони в Центральной России // Плодоводство и ягодоводство России. Т. 7. М.: ВСТИСП, 2000. С. 13–20.

Из таблицы мы видим, что при движении к югу обеспеченность теплом яблони увеличивается, а минимальные зимние температуры повышаются. Увеличивается и продолжительность вегетационного периода. Правда, в чернозёмной полосе несколько уменьшается количество осадков, но для яблони это скорее хорошо, чем плохо. При меньшем количестве дождей уменьшается угроза заболевания паршой. По любым меркам, не только с точки зрения г-на Паршева, но и с точки зрения традиционного научного плодоводства, урожаи яблок должны быть самыми низкими в Подмосковье, а дальше к югу возрастать. В Тульской области они должны быть выше, чем в Московской, в Орловской — выше, чем в Тульской, а Курская и особенно Белгородская области обязательно должны превосходить Орловскую. Так думал и Провоторов, ког-

да выбрал для исследований широтный срез, тянущийся с севера на юг. Но вот что мы видим на деле.

Таблица 3.4. Урожайность яблони на пяти госсортоучастках и в двух базовых хозяйствах в 1991–1998 гг.

Область	Госсортоучасток, хозяйство	Средняя урожайность, ц/га	Крайние значения, ц/га
Московская	Ленинский ГСУ	69,4	17,0–208,1
Тульская	Тульский ГСУ	52,5	0–230,2
Орловская	Орловский ГСУ	30,6	0–76,5
Курская	Обоянский ГСУ	178,2	148,8–228,0
Курская	ТОО «Садовод» (базовое хозяйство Обоянского ГСУ)	97,8	62,9–165,0
Белгородская	Белгородский ГСУ	65,2	8,7–204,9
Белгородская	ЗАО «Племзавод "Разуменское"» (базовое хозяйство Белгородского ГСУ)	22,8	2,3–69,0

Источник: Провоторов Я.П. Агроэкономическая эффективность адаптации яблони в средней полосе России: Автореф. дис. ... канд. с.-х. наук. М.: ВСТИСП, 2002.

«Каких-либо закономерностей по изменению показателей урожайности и стабильности плодоношения с севера на юг не выявлено», — констатировал Провоторов[1].

Урожайность яблони на сильнорослых подвоях от 52,5 до 69,4 ц/га при плохой агротехнике вполне возможна. Конечно, дело тут не в климате. Даже к северу от чернозёмной полосы при средней агротехнике урожайность яблони за многолетний период должна составлять порядка 85–105 ц/га (например, в совхозе «Большевик» Тульской области за 1981–1985 годы — 105,5 ц/га[2], а в уже знакомом нам ОПК «Непецино» за 1997–2002 годы — 84,7 ц/га). А в чернозёмной полосе нормальный уровень урожаев при средней агротехнике — тот, который наблюдался на Обоянском ГСУ. Конечно, урожайность при средней агротехнике намного ниже биологической продуктивности яблони. На небольших делянках и в Подмосковье собирали урожаи до 800 ц/га[3]. Однако реальная урожайность нигде в мире не достигает уровня биологической продуктивности, в нашей стране тем более. А если уход за садом плох, то падение урожаев до 50–70 ц/га не слишком удивляет.

Но урожаи яблони в 30,6 (Орловский ГСУ) и 22,8 ц/га (племзавод «Разуменское») — это диво дивное, чудо чудное. Это выходит за пределы би-

1 Провоторов Я.П. Агроэкономическая эффективность адаптации яблони в средней полосе России: Автореф. дис. канд. с.-х. наук. М.: ВСТИСП, 2002.

2 См.: Промышленная технология возделывания интенсивных семечковых культур в Нечернозёмной зоне. С. 56.

3 См.: Кудрявец Р.П. Продуктивность яблони. М.: Агропромиздат, 1987.

ологических возможностей культуры! В отдельный неблагоприятный год яблоня может и вовсе остаться без урожая. Но чтобы в течение восьми лет подряд складывались крайне неблагоприятные погодные условия... Ведь при обычной схеме посадки сильнорослых яблонь 8 х 4 м на гектаре растёт 312 деревьев. И урожайность 22,8–30,6 ц/га означает, что одна сильнорослая яблоня даёт всего 7–10 кг с дерева. Это полное стирание граней между яблоней и вишней! Для вишни такая урожайность нормальна, но вот для яблони...

Нет, немыслимо! И ссылки Провоторова на заморозки, заболевание паршой и поражение плодожоркой тут не помогают. Тем более что сам он в них не очень-то верил и вставил их в текст только для того, чтобы сделать работу «диссертабельной». Если б дело было в заморозках, болезнях и вредителях, то отчего такие различия в урожаях на смежных участках земли? На Обоянском ГСУ урожайность почему-то в 1,8 раза выше, чем в соседнем ТОО «Садовод». А на Белгородском ГСУ урожаи позорно низкие для чернозёмной полосы, но они втрое (а в отдельные годы в 4–6 раз) превосходят уровень расположенного рядом племзавода «Разуменское».

Невозможно, но факт! В чём же дело? Ответ прост: в воровстве.

ВОРУЮТ ВСЕ

Нельзя не отметить, что воровать плоды и ягоды гораздо интереснее, чем, скажем, картошку. Сперва можно класть в рот, а потом, набив оскомину, собирать в тару. Потому воровство плодов и ягод из государственных и колхозных садов носит в России массовый, даже подлинно народный характер. Автор настоящих строк в силу своей профессии неоднократно сталкивался с воришками и ворюгами и осмеливается даже представить опыт классификации таковых:

1) мальчишки и (реже) девчонки;
2) взрослые любители;
3) взрослые полупрофессионалы;
4) настоящие профессионалы из числа работников садоводческих хозяйств.

Первая категория — самая безобидная. От взрослых ребята 10–14 лет отличаются существенной особенностью: у них всегда есть совесть. В моей практике не было случая, чтобы пойманным за руку малолеткам не становилось стыдно. Нередко потом они превращались в моих помощников, причём с радостью, поскольку честно зарабатывать деньги на карманные расходы подросткам гораздо интереснее, чем воровать. Иногда работа их не привлекала, но больше они уже не лазили в чужой сад.

Ко второй категории относятся те граждане, которые лезут в сад при наличии дыры в заборе. Если готовой дыры нет, они не будут воровать. Но раз дыра образовалась, значит, можно! Как ни странно, такой довод эти люди выдвигают совершенно серьёзно и с умным видом. Перевоспитать их, в отличие от мальчишек и девчонок, невозможно, но починить забор — вполне выполнимая задача.

Третья категория состоит преимущественно из женщин почтенного и прямо пенсионного возраста. Они чувствуют себя обиженными и обделёнными. Далеко не все из них по-настоящему бедны, но все считают себя таковыми. Поэтому они воруют без малейших угрызений совести. Если поймать их за руку, хранительницы домашних очагов начинают бойко и без запинки рассказывать, что они всю жизнь работали, но пенсия (или зарплата) маленькая. А дачи вообще нет. А потому они *вправе* тащить яблоки (крыжовник, землянику) из принадлежащего государству сада. Подобные особы всегда приходят в сад с тарой и уносят такие сумки, что изумляешься, как им удаётся их поднять.

Тем не менее с экономической точки зрения важнейший разряд воров составляют сами работники садоводческих хозяйств. Они отличаются от первых трёх групп глубоким знанием предмета. Что, где и когда созревает, им превосходно известно. Более того, они знают и намеченные начальством сроки сбора урожая. И всегда успевают собрать если не всё, то многое, на несколько дней раньше.

Бороться с воровством собственных работников в государственных хозяйствах и колхозах практически невозможно. Сторожа не помогут: они, как правило, в доле. Собаки кидаются на чужих, а своих узнают и не трогают. И вот что интересно: седовласая Марья Сергеевна или Евдокия Тихоновна искренне считает себя честной труженицей, когда тащит из государственного или колхозного сада мешок ворованных яблок. У своей соседки она ни при каких обстоятельствах не украдёт, ей и в голову такая мысль прийти не может! А вот «всё кругом колхозное» значит «всё кругом моё»! И потом, разве начальство не подаёт пример? Какой директор не просит собрать для себя несколько ящиков? А под директором другие начальники, поменьше, которые тоже о себе не забывают. И почему начальству можно, а работягам нельзя? Вот и получаются в итоге те неправдоподобно малые величины урожайности, о которых сообщил в своей диссертации Провоторов.

Такие поразительно низкие урожаи для России типичны. Средняя урожайность плодовых и ягодных культур по стране за 1991–2000 гг. — 35 ц/га. Урожайность яблони, очевидно, несколько выше, но ненамного, ведь площади под товарными посадками других культур в нашей стране невелики. При этом печальную статистику несколько улучшают немногочисленные по-настоящему интенсивные сады, расположенные в основном на Кубани. Там урожайность

достигает 250 ц/га и выше[1]. А большинство российских товарных садов по урожайности находятся где-то между «Красным садом» и племзаводом «Разуменское». Какая уж тут конкурентоспособность! Одно утешает: по всей вероятности, реальное производство и потребление плодов и ягод в России превышает официальные оценки. Вряд ли государственная статистика учитывает воровство. Да и как его точно исчислить?

ПРОВИНЦИЯ — НЕ МОСКВА

Говоря о собственных наблюдениях над воровством, автор имел в виду исключительно столицу и ближнее Подмосковье. Но в провинции дело обстоит куда серьёзнее. Народ живёт намного беднее, чем в столице, часто и безработица массовая, поэтому значение ворованных из колхозных садов плодов и ягод для семейных бюджетов возрастает.

Недавно этой теме на примере наукограда Мичуринска посвятил большую статью «Мичуринские яблоки» корреспондент газеты «Труд» Андрей Полунин. Он приводит ценное признание 34-летнего наукоградца, раскрывшего источник дохода безработных мичуринцев: «Да яблоками поголовно занимаются. Тут же кругом сады колхозные. Никто их не охраняет. В сезон, кто и работает — либо отпуск берёт без содержания, либо увольняется. И — вперёд по яблоки. За день можно килограммов 200 натрясти. А потом сдать на приёмный пункт. Правда, принимают дёшево. Прошлый год неурожай был — так давали 1,5 рубля за килограмм. А обычно больше рубля не выпросишь. Поэтому многие сами торгуют — ходят вдоль поездов, благо их десятки через Мичуринск идёт. Там уж и 8 рублей можно просить, и 10. Вот и получается — день по садам работаешь, а навар как за месяц стояния у станка...»[2].

Но, может быть, массовое воровство — это всецело результат постсоветского экономического кризиса? Он, конечно, увеличил масштабы хищений, спору нет. Но мы помним осторожные слова Мятковского о значительном превышении биологического урожая над амбарным и о росте потерь урожая. Приводимые им цифры урожайности яблони в совхозе «Красный сад» свидетельствуют о том, что массовое воровство яблок началось в 1960-х годах. В это время агротехника улучшилась, а урожаи упали. А в 1970-х годах урожайность яблони в «Красном саду» уже опустилась до тех позорно малых величин, которые в 1990-е были типичны для Орловского ГСУ и племзавода «Разуменское». Средняя урожайность яблони в калужском совхозе в 1970–1974

---

1 См.: Теренько Г.Н. Садоводству России — государственную поддержку // Садоводство и виноградарство. 2002. № 3. С. 2.

2 Труд. 2004. 13 янв.

годах — 28,9 ц/га, в 1975–1979 годах — 23,0 ц/га. Пусть на это десятилетие выпало два года с действительно экстремальными погодными условиями (1972 — сильнейшая засуха, 1978/79 — исключительно суровая зима), всё равно такая низкая урожайность недостоверна!

Нельзя не отметить совпадение между началом массового воровства в совхозных садах и уходом — в лучшем случае на пенсию, а то и из жизни — того поколения, которое выросло до коллективизации. Вся русская деревенская проза 1960–1970-х годов (Ф. Абрамов, В. Белов, В. Распутин) — это прощание с тем уходящим поколением и шире — с крестьянством. Можно с уверенностью сказать: то поколение в основной массе не воровало. А вот на смену ему пришли другие люди, и именно их девизом стало выражение «Всё кругом колхозное, всё кругом моё». Стоит ли их винить? Свыше 200 лет назад Т. Джефферсон указывал, что более других склонны к коррупции те классы общества, которые оказались лишенными собственности. Но в нашей стране все оказались лишены собственности! А это значит, что склонность если не к коррупции, то к мелкому воровству стала у нас *всеобщей*. И, конечно, воровство яблок теми, кто причастен к их выращиванию, не столь уж большой грех. В какой-то степени это стихийное проявление *классовой борьбы*: вы нам не платите по-настоящему — мы сами своё возьмём!

Самобытная экономика российских колхозных садов, думается, теперь понятна читателям, и они смогут по достоинству оценить странный проект «возрождения российского садоводства», суть которого — доведение к 2020 году валового сбора плодов до уровня советского времени. Довести-то, конечно, можно. Но какая часть этого урожая будет собрана легальным путём, а какая — нелегальным? И о какой рентабельности можно говорить при повальном воровстве? А главное, зачем возрождать одностороннюю ориентацию на монокультуру яблони?

НЕ ЯБЛОКАМИ ЕДИНЫМИ

Причины кризиса российского товарного «яблоководства» мы рассмотрели и объяснили. Но сама односторонняя специализация российского садоводства нелепа и вредна. Отметим, что подобный перекос существует только в товарных садах. На садовых и приусадебных участках, напротив, царит разнообразие. Почти каждый владелец шести соток старается посадить кроме яблонь и груши, и вишни, и сливы — хотя бы по паре. Не забывают садоводы-любители и о ягодных культурах — чёрной и красной смородине, крыжовнике, жимолости, малине и садовой землянике, которую добрая половина из них всё ещё неправильно называет «клубникой». На шести сотках всё

это уместить трудно, но если участок побольше, соток восемь, а тем более двенадцать, то велика вероятность встретить на нём полный набор перечисленных растений.

Вывод ясен: потребительское садоводство в России ведётся куда разумнее, чем товарное. Если в колхозно-совхозных садах, за исключением крайнего юга, яблоня стала настоящей монокультурой, то приусадебное садоводство отличается многообразием возделываемых пород. А потому оно более устойчиво! Например, при неурожае яблок из-за майских заморозков вполне могут дать урожай раноцветущие косточковые (вишня, слива, алыча, тернослива) и груша. Раноцветущие породы повреждаются заморозками, конечно, чаще яблони, но зато в такие годы обычно бывает урожай яблок. Крайне редко случается, чтобы заморозки повредили бутоны, цветы и завязи сразу всех плодовых культур, но если это всё-таки происходит, то дадут урожай поздно зацветающие ягодники — земляника и малина.

Мы рассмотрели пример с заморозками. Но приблизительно то же самое можно сказать и в отношении вредителей и болезней. Урожай одной культуры может быть почти потерян, но на практике невозможно, чтобы вредители и болезни уничтожили урожай всех плодовых и ягодных культур. Так что владельцы садовых участков никогда не остаются без плодов и ягод, пусть количество их и колеблется по годам. А вот нулевой или очень близкий к нулю урожай в больших колхозно-совхозных садах — явление вполне возможное, и не только в средней полосе, но и в чернозёмных областях. Конечно, неизбежной эту потерю урожая не назовёшь. Против заморозков почти всегда действенно дождевание. Хорошо известны и средства борьбы с вредителями и болезнями, причём не только химические, но также агротехнические и биологические. Но у нас и в более благополучные в экономическом отношении 1970–1980-е годы все эти меры, направленные на достижение устойчивых урожаев, применялись крайне недостаточно и малоэффективно. А сейчас в большинстве хозяйств положение изменилось к худшему. К тому же там, где царит повальное воровство, начальство списывает потери от него на капризы природы, болезни и вредителей. (Эта версия озвучена и в диссертации Провоторова.)

В то же время возможности расширения товарных садов других плодовых деревьев, кроме яблони, пока представляются довольно ограниченными. Все косточковые (вишня, черешня, слива, алыча, абрикос) рано зацветают, поэтому их бутоны, цветки или завязи часто гибнут от весенних заморозков. Причём географическая широта тут большого значения не имеет. Абрикос редко даёт урожай на Черноморском побережье Кавказа, поскольку там он пробуждается особенно рано и попадает под возвратные холода. Да ведь и в Калифорнии у Л. Бербанка абрикос не плодоносил — и всё по той же причине. В Московской области под Коломной абрикос даёт урожай чаще, чем в Сочи, но всё

равно в среднем через год (наблюдения Л.А. Крамаренко[1], ведущего селекционера абрикосов для Подмосковья). Здесь, правда, другая причина частых неурожаев: вместо весенних заморозков — зимние оттепели и следующие за ними резкие похолодания, которые и губят цветковые почки абрикоса.

Однако и более традиционные для средней полосы косточковые культуры — вишня и слива — пока не более надёжны, и прежде всего из-за весенних заморозков. К тому же вишня в нашей стране сейчас страдает от вспышки опасного заболевания — коккомикоза. Эта болезнь привела к гибели одних вишнёвых садов и очень низкой урожайности других. Сравнительно надёжной культурой по сравнению с другими косточковыми считается гибридная алыча. Фактически это новый вид, созданный отечественными селекционерами (К.Ф. Костина, Н.В. Ковалёв, Г.В. Ерёмин и др.) от скрещивания алычи с китайской сливой. К сожалению, эта перспективная культура пока занимает небольшие площади, хотя благодаря своей зимостойкости она должна получить со временем широкое распространение не только на юге, но и в средней полосе[2].

По-видимому, устойчивые урожаи косточковых в России станут возможными лишь тогда, когда наши плодоводы смогут опрыскивать сады от заморозков, как итальянцы опрыскивают посадки цитрусовых. Но, боюсь, это будет ещё не очень скоро, а до тех пор косточковые культуры будут расти в основном на приусадебных и садовых участках.

В селекции груши за последние десятилетия достигнуты большие успехи. Российские селекционеры вывели ряд сортов с высоким качеством плодов, которые вполне зимостойки в Московской области и соседних областях средней полосы России. Сперва появились полученные в ТСХА сорта Лада и Чижовская (оригинатор С.Т. Чижов), позднее — Велеса, Видная, Верная, Детская из ВСТИСП (А.В. Петров, Н.В. Ефимова), а также Кокинская ранняя и Брянская красавица с Кокинского опорного пункта в Брянской области (А.А. Высоцкий). Но груша пока нетехнологична. Хороших слаборослых подвоев для неё в средней полосе нет. Для того чтобы удержать размеры кроны в разумных пределах, приходится наряду с весенней обрезкой прибегать к трудоёмкой летней выломке неодревесневших побегов[3]. А это для товарного са-

1 Ларисе Андреевне Крамаренко со своими абрикосами пришлось в буквальном смысле уйти в монастырь. Другого способа спастись от воровства саженцев она не нашла. А плоды ухитряются воровать и из-за монастырских стен! Но, по мнению Ларисы Андреевны, это ещё полбеды, лишь бы деревья не выкапывали. Любопытно, что некоторые из украденных у неё саженцев продавали в павильоне «Космос» на ВВЦ! Так что можно говорить о выходе российского воровства на космический уровень.

2 Ведущий селекционер гибридной алычи Г.В. Ерёмин недавно предложил переименовать этот новый вид косточковых в «сливу русскую». Однако пока новое название не устоялось.

3 См.: Хроменко В.В., Кондаков А.Г. Чистая продуктивность фотосинтеза и потенциальная продуктивность яблони, груши, вишни и сливы с малогабаритной плоской кроной // Плодоводство и ягодоводство России. Т. 9. М.: ВСТИСП, 2002. С. 279–283.

да дорого! Но в противном случае всё равно получится сильнорослое дерево со всеми его недостатками. К тому же груша не может реализовать свою потенциальную продуктивность из-за чересчур высокой облиственности кроны, во внутреннюю часть которой свет почти не проникает. Поэтому её удельная продуктивность ниже, чем у яблони. Так что пока прекрасные новые сорта груши распространяются почти исключительно по садовым и приусадебным участкам.

Ни в коей мере не отказываясь от выращивания плодовых деревьев, мы должны расширять площади в первую очередь под ягодными культурами. Это объясняется двумя простыми соображениями:

1) многие ягодные растения обладают высокой зимостойкостью и низкими требованиями к сумме активных температур, поэтому они могут с успехом выращиваться в тех частях России, где товарная культура плодовых деревьев сейчас и в ближайшем будущем невозможна;
2) ягодные культуры в большинстве случаев превосходят собственно плодовые по содержанию витаминов и биологически активных веществ.

И здесь нам стоит обратиться к наследию замечательного учёного-плодовода Леонида Ивановича Вигорова (1912–1976).

ЦЕЛЕБНЫЙ САД ПО ВИГОРОВУ

Практически всю свою жизнь Вигоров провёл в Сибири, где родился и вырос, и на Урале, где работал. Это не самые благоприятные для садоводства российские регионы. В Сибири крупноплодные сорта яблони растут только в стелющейся форме. В виде деревьев там можно выращивать лишь «ранетки» с мелкими плодами и посредственными вкусовыми качествами. На Урале крупноплодные сорта яблони всё же растут, но приходится выбирать свои, местные сорта с повышенной зимостойкостью. Даже для среднерусских сортов уральская зима чересчур холодна. Поневоле уклон в сторону «яблоководства» там ослабевал. Даже в немногочисленных товарных садах важную роль играли ягодники, а у любителей они преобладали.

Л.И. Вигоров, располагая ограниченными возможностями и немногими сотрудниками (в самые лучшие времена его лаборатория в Свердловске насчитывала 7 человек), приступил к систематической проверке разных пород и сортов плодовых и ягодных растений на содержание витаминов и биологически активных веществ. Разумеется, в основном он и его сотрудники анализировали сорта, растущие на Урале, хотя не отказывались и от анализа привозных фруктов. Главная цель его работы состояла в том, чтобы подобрать такое соотношение пород и сортов, при котором целебный эффект от витаминов и биологически активных веществ (БАВ) был бы наибольшим. Свои результа-

ты Вигоров не раз излагал в популярной форме для садоводов-любителей. Хотя уральский плодовод-биохимик избегал резкой и откровенной критики господствовавшего в теории и на практике «яблоководства», его работы — суровый приговор яблочной монокультуре и её поборникам.

Яблоки оказались сравнительно бедны витаминами и БАВ. За счёт одних яблок получить необходимое для организма количество витаминов практически невозможно. Особенно незначительное количество витаминов оказалось в яблоках, потребляемых в зимний период, когда витамины особенно нужны. Их крайне мало в плодах таких сортов, как Пепин шафранный, Ренет Симиренко, Кальвиль белый зимний, Джонатан. По сути, Вигоров доказал, что промышленное яблоководство не выполняло своего прямого и главного назначения, поскольку вносило лишь ничтожный вклад в обеспечение населения витаминами в критический зимний и ранневесенний период.

Мало помогают и привозные фрукты. Из них ценными источниками витаминов оказались только мандарины и апельсины (в наше время к ним надо добавить ещё плоды киви). А вот виноград и разные соки к существенным источникам витаминов не принадлежат. Банан полезен высоким содержанием каротина и рибофлавина (витамина В2), но беден аскорбиновой кислотой. А в России наиболее распространена именно нехватка витамина С. Но главное в том, что витамины из привозных фруктов, как подчёркивал Вигоров, усваиваются хуже, чем витамины из местных плодов и ягод. Это мнение разделяют и современные исследователи.

Зато высокой оценки как источник витаминов и БАВ заслуживают многие ягодные культуры: шиповник, облепиха, чёрная смородина, в меньшей степени — красная и белая смородина, крыжовник, земляника, малина. Именно ягодные культуры Вигоров считал основой лечебного сада. Не замыкаясь в академических рамках, учёный давал садоводам-любителям конкретные рекомендации, как хранить и перерабатывать плоды и ягоды различных пород с целью максимального сохранения витаминов[1]. Он также стал родоначальником нового направления в селекции плодовых и ягодных растений, которое ставит своей главной задачей выведение сортов с целебными свойствами.

ДОСТОИНСТВА ЯГОД

Роль аскорбиновой кислоты (витамина С) хорошо известна. Из следующей таблицы видно, насколько ягодные культуры превосходят плодовые деревья по содержанию этого необходимого для организма человека вещества.

---

[1] См.: Вигоров Л.И. Витамины на ветках. Лечебные свойства уральских плодов и ягод. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1969.

Таблица 3.5. Содержание аскорбиновой кислоты (витамина С) в плодах и ягодах

Культура	Содержание аскорбиновой кислоты, мг/100 г сырого веса
Актинидия коломикта	858...2155
Облепиха	32...364
Смородина чёрная	80...300
Смородина красная и белая	26...83
Земляника	40...80
Крыжовник	25...60
Малина	20...40
Черешня и вишня	5...15
Абрикос	10...12
Персик	3...16
Слива	2,5...7
Яблоня	2...54

Маленькая, но важная деталь: в плодах культурных крупноплодных сортов яблони почти никогда не накапливается больше 20 мг/100 г сырого веса аскорбиновой кислоты. Да и 15 мг% (так принято сокращённо записывать показатель «мг/100 г сырого веса») — для крупноплодного сорта яблони очень хороший показатель. Гораздо богаче витамином С сибирские «ранетки» и их гибриды с культурной яблоней — «китайки». Но ведь их много не съешь — кислы!

Так что преимущественный упор на ягодные культуры с точки зрения улучшения здоровья населения России совершенно оправдан. Все данные медиков свидетельствуют о том, что наши соотечественники в большинстве своём едят крайне мало витаминов. Это одна из главных причин отмечаемого всеми специалистами плохого здоровья молодёжи и детей. Улучшить положение при помощи традиционного «яблоководства» весьма сложно. А расширение посадок ягодных культур окажет гораздо большее воздействие. И притом более быстрое: ягодники вступают в плодоношение уже на 2–3-й год от посадки, тогда как традиционные сильнорослые яблоневые сады — в лучшем случае на 4–5-й год, а в большинстве случаев — гораздо позже.

Ценность ягодных растений далеко не исчерпывается их богатством витамином С. Так, очень богаты Р-активными веществами чёрная смородина (400...500 мг%) и особенно арония черноплодная (до 3000...3500 мг%; вообще-то арония никакая не ягода, а семечковая порода, но в народе «черноплодную рябину» дружно считают ягодой). Между тем Р-активные вещества для человеческого организма тоже крайне необходимы. Они усиливают действие витамина С и одновременно укрепляют стенки сосудов и расширяют капилляры. Чёрная смородина богата и пектиновыми соединениями, которые выводят из организма токсичные и радиоактивные вещества.

В следующей таблице обобщены сведения о содержании витаминов и биологически активных веществ (БАВ) в плодах важнейших ягодных культур и их воздействии на организм человека.

Таблица 3.6. Полезность ягод для здоровья человека[1]

Ягодные культуры	Основные витамины и БАВ, содержащиеся в плодах	Воздействие на организм человека
Земляника садовая	Аскорбиновая кислота (витамин С), Р-активные вещества (катехины и антоцианы), фолиевая кислота (витамин B_9), пектиновые вещества, кумарины, железо	Улучшает состав крови, особенно полезна для людей с почечными и желчными камнями, гипертонией, атеросклерозом, больными суставами, малокровием, подагрой
Малина	Аскорбиновая кислота (витамин С), Р-активные вещества (катехины, антоцианы), фолиевая кислота (витамин B_9), витамин B_{12}, стерины, пектиновые вещества, салициловая кислота, биотин (витамин Н), ряд микроэлементов	Средство профилактики и лечения сердечно-сосудистых заболеваний, предупреждает атеросклероз и имеет сильное кроветворное действие, улучшает пищеварение, помогает при простуде, малокровии, полезна для кожи и волос
Смородина чёрная	Аскорбиновая кислота (витамин С), рутин, витамины А, Е, F, группы В, пектиновые вещества, лимонная и яблочная кислоты, дубильные вещества, соли калия, железа и кальция	Защищает от стресса, служит жаропонижающим, противовоспалительным и сахароснижающим средством, улучшает пищеварение, удаляет из организма шлаки и радионуклиды
Смородина красная и белая	Аскорбиновая кислота (витамин С), биотин (витамин Н), витамины группы В, пектины, дубильные вещества, йод, у красной смородины – каротин	Жаропонижающее и противолихорадочное средство, нормализует обмен веществ, выводит из организма токсичные и радиоактивные вещества, помогает при камнях в почках
Крыжовник	Аскорбиновая кислота (витамин С), Р-активные соединения (антоцианы, катехины), витамины Е, группы В, каротин, пектиновые вещества, кумарины и оксикумарины, микроэлементы	Улучшает обмен веществ, помогает при малокровии и недостатке гемоглобина, очищает организм от различных ядов и радионуклидов

[1] При составлении данной таблицы использованы материалы из превосходной книги Е. Поплевой «Ягодные культуры в вашем саду» (М.: ЗАО «Фитон+», 2000).

Таблица 3.6. Продолжение

Ягодные культуры	Основные витамины и БАВ, содержащиеся в плодах	Воздействие на организм человека
Облепиха	Аскорбиновая кислота (витамин С), витамины А, Е, К, F и группы В, Р-активные соединения, алкалоид серотонин, янтарная кислота, пектиновые вещества	Повышает тонус организма и его работоспособность, предупреждает опухоли, атеросклероз, сердечно-сосудистые и желудочно-кишечные заболевания, имеет бактерицидное действие, предохраняет от действия различных токсинов и радиации, повышает половую активность
Жимолость	Аскорбиновая кислота (витамин С), Р-активные вещества, каротин, магний, калий, микроэлементы	Профилактическое средство от множества болезней

АДАПТИВНОСТЬ ЯГОДНЫХ КУЛЬТУР

Важным преимуществом большинства ягодных культур является их хорошая приспособленность к климату России. Объясняется это просто: чёрная смородина, жимолость и облепиха впервые введены в культуру именно на нашей территории. В происхождении многих сортов красной смородины, крыжовника и малины тоже участвовали (вероятно или совершенно точно) российские дикорастущие формы. Из наших главных ягодных культур лишь земляника имеет сугубо экзотических предков из Чили и США. Но её зимой обычно защищает снежный покров.

К тому же при выращивании некоторых ягодников открываются большие возможности для механизации. Пример — малина. До недавнего времени считали, что эта культура почти не поддаётся механизации. При двухлетней культуре это действительно очень сложно, но за последние десятилетия селекционеры вывели сорта малины, дающие урожай на однолетних побегах. Осенью эти побеги просто скашивают, а весной отрастают новые. Вполне реальной является и механизация сбора ягод чёрной смородины. Одним ягодоуборочным комбайном за сезон можно убрать урожай смородины с площади 25–30 га и заменить труд 300–350 сборщиков[1].

[1] См.: Гурин А.Г. Как создать ряд с узким основанием для механизированной уборки чёрной смородины // Садоводство и виноградарство. 2002. № 5. С. 10–11.

Товарная культура таких ягодников, как чёрная и красная смородина, малина, жимолость, облепиха, возможна в европейской части страны, по крайней мере, до Вологодской области включительно. Для сравнения: северная граница товарной культуры яблони идёт через Петербург — Великий Новгород — Тверь — Владимир — Нижний Новгород — южнее Ижевска — Уфу. А названные ягодные культуры зимостойки и значительно севернее этой линии. Что касается требования к летнему теплу, измеряемому суммой активных температур, то у ягодных растений они невысоки. Так, для созревания урожая жимолости достаточна сумма активных температур всего в 600°С, тогда как яблоне нужно не меньше 1700–1800°С. Неплохо удаётся на той же Вологодчине и садовая земляника, хотя урожаи её неустойчивы, поскольку зимовка не всегда успешна. Её неуспех обусловлен, как правило, не особо сильными морозами, а недостатком или отсутствием снега.

Все названные породы вполне пригодны и для южной полосы Сибири. Тем более что родиной жимолости и облепихи как культурных растений является как раз Сибирь, и прежде всего Алтай. Большинство отечественных сортов чёрной смородины тоже имеет в своей родословной дикорастущих сибирских или дальневосточных предков.

Очень существенно, что ягодные культуры образуют подлинный витаминный конвейер. В условиях средней полосы России свежие ягоды поступают с середины июня по середину октября.

Таблица 3.7. Ягодный конвейер для средней полосы

Культура	Сроки созревания
Жимолость	Середина июня
Земляника садовая	Вторая половина июня – начало июля
Смородина чёрная	Конец июня – начало августа
Смородина красная и белая	Июль – начало августа
Малина	Июль – начало августа
Крыжовник	Июль – начало августа
Голубика высокая	Июль – начало сентября
Облепиха	Август
Актинидия коломикта	Конец августа – начало сентября
Земляника садовая (нейтральнодневные сорта*)	Вторая половина июня – начало сентября
Малина (ремонтантные сорта)	Сентябрь
Клюква болотная (российские сорта)	Сентябрь
Клюква крупноплодная (американские сорта)	Конец сентября – первая половина октября

* Нейтральнодневные сорта земляники у нас пока мало распространены, но они значительно лучше ремонтантных. Если ремонтантная земляника даёт всего два урожая — в первой половине лета и в начале осени, то нейтральнодневная плодоносит непрерывно начиная с привычного срока созревания земляники и до заморозков. Хотя эти сорта (Трибьют, Тристар, Брайтон) получены в США, по зимостойкости они не уступают большинству российских сортов. Этот факт проверен в тяжёлую для земляники зиму 2002/03 года.

В таблицу включены только те ягодные растения, которые пригодны для выращивания в товарных хозяйствах. Конечно, ими разнообразие ягод, растущих в средней полосе России, не исчерпывается. Но пока неизвестно, удастся ли создать товарные плантации брусники, красники, актинидии аргуты, лимонника, ежевики, шефердии, гуми, или же в обозримом будущем они будут расти только у любителей на садовых участках. А такие культуры, как шиповник и боярышник, пока, скорее всего, останутся в группе лекарственных, а не плодовых.

При этом нельзя сказать, что поступление витаминов в средней полосе России ограничено всего четырьмя месяцами в году. Некоторые ягоды сохраняют витамины и биологически активные вещества при хранении в условиях замораживания и даже при переработке. Так, у чёрной смородины витамин С хорошо сохраняется и в замороженных, и даже в переработанных ягодах. Причём самые разные продукты из чёрной смородины: варенье, джем, мармелад, пастила и тем более сушёные ягоды — богаче аскорбиновой кислотой, чем свежие яблоки. Хороши для сушки также малина и арония. В малиновом варенье сохраняется около 30% аскорбиновой кислоты и более 50% антоцианов и катехинов. Поэтому малиновое варенье в зимний период может служить источником витамина С и Р-активных соединений. При замораживании хорошо сохраняют витамины облепиха, шиповник, рябина, калина, клюква. И у всех ягодных культур витамины и БАВ хорошо сохраняются в «сыренье» (сыром джеме).

РЫНОК ГОЛОСУЕТ ЗА ЯГОДЫ

Называть современную российскую экономику рыночной можно лишь с натяжкой. И монополий в ней чересчур много, и даже в тех секторах, где, казалось бы, должна процветать конкуренция, как в производстве овощей, плодов и ягод, цены на продукцию часто не рыночные, а регулируемые — на криминально-милицейском уровне. Именно так обстоит дело на московских рынках. И доступ на эти рынки регулируемый — зависит от того же союза чиновников, ментов и бандитов.

Но всё же некоторые рыночные черты российская экономика приобрела. Поэтому любопытно проверить, какие плодовые и ягодные культуры в современных условиях наиболее рентабельны. Пример обследованного Провоторовым ТОО «Садовод» в Курской области свидетельствует не в пользу яблони. Так, в 1999 году яблоня принесла этому хозяйству одни убытки, а вот ягодники дали прибыль.

Несколько другие данные получены по ОПК «Непецино». В этом придворном хозяйстве рентабельны и плодовые, и ягодные культуры. Причём уровень

рентабельности на протяжении пятилетия 1998–2002 практически одинаков: у плодовых деревьев — 41,1%, у ягодных культур — 41,9%. Но следует учесть, что ягодники занимают в «Непецино» небольшие площади — 15–20 га. По размерам участок ягодных культур напоминает фермерское хозяйство, напротив, плодовый сад площадью 154–170 га должен быть отнесён к разряду крупных хозяйств. Из экономической теории известно, что при *прочих равных условиях* издержки производства в крупных хозяйствах ниже, а рентабельность, соответственно, выше. Поэтому, если принять во внимание сравнительные размеры сада и ягодников, надо прийти к заключению о большей рентабельности выращивания ягодных культур и в этом случае.

Заслуживает пристального внимания и опыт брянского фермера В.Н. Ожерельева. Он — кандидат сельскохозяйственных наук, известный изобретатель — ушёл в фермеры в 1991 году. В последующее десятилетие ни жизнь, ни власти не баловали Ожерельева. Так, положенную по Закону «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» государственную компенсацию из областного бюджета за расходы на обустройство и создание инфраструктуры Ожерельев получил частью с опозданием на три года, а частью вообще не получил. К тому же, как бывший научный работник, не имевший предпринимательского опыта, он в первые годы допустил ряд дорогостоящих ошибок. Но, несмотря на всё это, Ожерельев не вылетел в трубу и не бросил землю. Ягода малина — а Ожерельев организовал крупнейшую в современной России малинную плантацию — оказалась, помимо прочих её достоинств, ещё и экономически рентабельной. Как пишет сам брянский фермер, «в материальном плане нам удалось сохранить дореформенный уровень жизни семьи, не поступившись при этом принципами, не растеряв чести и достоинства. За этим стоят каторжный труд и напряжение всех сил семьи»[1].

Можно с уверенностью сказать, что при создании более благоприятных экономических условий *каторжный* труд в ягодоводстве не понадобится. Но и в теперешних условиях выращивание ягод нередко себя окупает, тогда как сильнорослые яблоневые сады, как мы постарались показать, в большинстве случаев убыточны.

О КЛЮКВЕ, НО ВСЕРЬЁЗ

Ещё один резерв российского ягодоводства — растения из семейства брусничных. К нему принадлежат всем хорошо знакомые брусника, черника, голубика топяная и клюква болотная, а также некоторые другие «экзотические»

---

1 Ожерельев В.Н. Фермерское хозяйство «Ягодное»: десять лет на стыке науки и производства // Садоводство и виноградарство. 2002. № 2. С. 2–4.

для средней полосы виды: клюква крупноплодная и голубика высокая из Северной Америки и красника с российского Дальнего Востока.

Очень важно, что из всех почв клюква, голубика, красника и даже брусника предпочитают торфяники. Для этих растений наиболее благоприятны сильнокислые верховые и переходные торфяные почвы.

Известно, что болота занимают в России огромную площадь. Это настолько типичный, бросающийся в глаза российский ландшафт, что в некоторых иностранных языках болотно-зелёный цвет получил название «русского зелёного» (например, по-немецки Russisch gruen). Использование верховых и переходных болот в сельскохозяйственных целях до сих пор редко приносило положительные результаты. В 1960–1980-х годах шла кампания по массовому осушению болот. На осушительные работы истратили огромные средства, но эти затраты себя не окупили. Из-за высокой кислотности и своеобразной структуры осушенные торфяники плохо подходили для большинства сельскохозяйственных культур, особенно для зерновых. Зато в засушливую погоду они легко загорались и долго горели.

В условиях экономического кризиса 1990-х годов колхозы и совхозы в первую очередь забрасывали и переставали распахивать именно осушенные торфяники как самые малоценные угодья. Летом 2001 года я побывал на одном таком участке в Талдомском районе Московской области. Вместе с агрономом ЗАО «Север» (это ЗАО — типичный колхоз, всего лишь сменивший юридическую вывеску) мы продирались на газике сквозь густой и высокий бурьян и в одном месте спугнули взлетевшего прямо из-под колёс тетерева. Никаких признаков обработки почвы я не заметил.

Для поездки на бывшее болото автор этих строк обулся в сапоги, а агроном свои забыл. И, когда мы вышли из машины, он заставил меня идти на шаг впереди него, потому что боялся гадюк! По его сведениям, тамошние места ими изобиловали. Гадюк мы так и не встретили, зато слепни вились вокруг нас в неимоверном количестве. Ни в лесу, ни в поле я их столько никогда не видел (а на болотах слепней вообще не бывает). И только в искусственно созданных человеком зарослях бурьяна на осушенном торфянике плотность их популяции достигла рекордной величины.

В сверхзасушливое лето 2002 года осушенные торфяники средней полосы горели так сильно, что в Москве, как и во многих других городах и сёлах, сам воздух пропитался торфяной крошкой. Тут уж и чиновники не выдержали и дали задний ход. Десятилетиями они отстаивали тезис о полезности закапывания государственных денег на дне осушительных канав. И никакие доводы учёных и активистов «зелёного» движения на них не действовали. Трудно поверить, что вся масса чиновников боролась за осушение болот совершенно бескорыстно. Наверно, могущественный в своё время Минводхоз (а он заведовал не только орошением, но и осушением) тоже сыграл кое-какую роль в воз-

никновении тех крупных частных капиталов, которые вдруг невесть откуда явились в период поздней горбостройки. Однако в 2002 году бюрократия решительно пошла на попятную и заговорила об обводнении ранее осушенных торфяников.

Беда в том, что новая кампания ненамного лучше прежней. Технически очень просто соорудить плотины на существующих осушительных канавах. Более того, бобры местами такие плотины уже построили, не дожидаясь, пока поступят руководящие указания от начальства. Запруды на канавах приведут к восстановлению болот на прежних местах, и проблема пожаров будет решена. Но площадь сельхозугодий при этом неизбежно сократится! А вся совокупная работа осушителей и обводнителей будет представлять собой сизифов труд.

Возможен иной подход. Осушенные торфяники отлично подходят для устройства клюквенных плантаций. Полосы земли между осушительными канавами — это уже вчерне готовые чеки под клюкву. Да, придётся строить шлюзы, копать водоёмы для затопления плантаций, но всё же значительная часть работы уже сделана! Водный режим клюквенных плантаций по необходимости будет близок к естественному водному режиму верховых и переходных болот. Так что занятые под клюкву торфяники уже ни при каких обстоятельствах не загорятся! В то же время эти земли останутся в составе сельскохозяйственных угодий и будут снабжать население России крайне важной для него витаминной продукцией.

В США клюквенные плантации занимают около 10 тыс. га, средний ежегодный урожай составляет 170 тыс. т. Клюква крупноплодная в этой стране — одна из ведущих ягодных культур. В России клюквенных плантаций должно быть больше, чем в Штатах! Во-первых, у нас гораздо больше торфяников. Во-вторых, у нас нет климатических аналогов Калифорнии и Флориды, где американцы организовали массовое производство плодов ряда субтропических культур. Но надо ли об этом жалеть? Клюква и лимон по вкусовым качествам похожи, но по химическому составу ягоды клюквы представляют бóльшую ценность.

Конечно, определённые трудности создаёт тот факт, что американская клюква крупноплодная, технология выращивания которой давно и хорошо отработана, в России перспективна лишь в сравнительно немногих регионах. Это в основном Брянская, Калужская, Смоленская, Московская, Рязанская области и юг Нижегородской. Севернее американским культурным сортам не хватает летнего тепла для вызревания ягод. Температура зимы существенного значения не имеет. При наличии зимнего затопления плантаций вмороженная в лёд крупноплодная клюква благополучно зимует в американском штате Висконсин и ряде районов южной Канады, где температура зимы точно соответствует средней полосе России.

Кстати, в советское время у нас считали, что американские сорта клюквы крупноплодной не приживутся даже в средней полосе России. Поэтому в 1980-х годах клюквенные плантации закладывали только на территории Белоруссии. Там эта культура получила теперь широкое распространение. Площадь клюквенных плантаций в Белоруссии превышает 100 га[1]. А в России первую клюквенную плантацию заложили фермеры супруги Игорь и Жанна Мигачёвы в Смоленской области. Посадочный материал привезли из Белоруссии, а всю работу по превращению выработанного торфяника в ягодную плантацию выполнили в четыре руки[2]. Крупные хозяйства, естественно, на такое неспособны. Зарастает у них земля бурьяном — ну и пусть. В этом государство виновато! (В чём государство действительно виновато, так это в поддержке нежизнеспособного колхозного строя, но ругают его не за это.)

Есть некоторые основания думать, что американские сорта крупноплодной клюквы смогут с успехом расти на юге Дальнего Востока России — на юге Хабаровского края, западе и юге Приморья, а также на юге Сахалина. Но этот вопрос ещё недостаточно изучен. Опыты по выращиванию клюквы крупноплодной на Дальнем Востоке начались совсем недавно.

Но вся остальная — бóльшая — часть России без клюквы тоже не останется. И в этом главная заслуга принадлежит сотрудникам Костромской лесной опытной станции во главе с недавно ушедшим из жизни Алексеем Фомичом Черкасовым.

За несколько десятилетий упорной работы Черкасов создал уникальную коллекцию дикорастущих форм клюквы болотной и брусники из разных местностей России. Её пополнили и сеянцы дикорастущих форм, а также американские сорта клюквы крупноплодной и западноевропейские сорта брусники вместе с полученными от них сеянцами. Из этой огромной коллекции Черкасов и его сотрудники отобрали ряд урожайных форм, семь из которых в 1995–1998 годах районированы в качестве сортов[3]. Их урожайность — 0,6–1,3 кг/кв. м (а в пересчёте на гектар — 6–13 т) — вполне сопоставима с урожайностью американских сортов клюквы крупноплодной, и в 15–20 раз выше, чем урожайность дикорастущей клюквы на российских болотах. Очень важное их достоинство — полная приспособленность к природным условиям средней тайги, к которой относится Костромская область. В отличие от более теплолюбивых американских сортов клюквы крупноплодной, они прекрасно укладываются в сравнительно короткий вегетационный период этой полосы.

---

1 См.: Бордок И.В. Экономическая эффективность плантационного выращивания клюквы крупноплодной на выработанных торфяниках Беларуси // Состояние и перспективы развития нетрадиционных садовых культур : Материалы конф. / Межд. науч.-метод. конф., Мичуринск, 12–14 авг. 2003. ВНИИС. Воронеж: Кварта, 2003. С. 41–46.

2 См.: Михайлова Л. Клюква — краса болотная // Приусадебное хозяйство. 1999. № 12. С. 18–20.

3 См.: Государственный реестр селекционных достижений, допущенных к использованию. Сорта растений (официальное издание). М.: 2000.

До недавнего времени сорта клюквы костромской селекции занимали квадратные метры или десятки метров, а отнюдь не гектары. Но в последнее время дело сдвинулось с мёртвой точки, правда, благодаря иностранному гранту и частному капиталу, а не помощи нашего государства. Сейчас под Костромой заложена клюквенная плантация площадью 20 га. Теперь можно будет закладывать и другие плантации, поскольку возник устойчивый источник посадочного материала.

Клюква и её сородичи по семейству брусничных — ценный источник витаминов и БАВ. Краткие сведения об основных полезных для здоровья человека веществах, которые содержатся в их ягодах, приведены в таблице ниже.

Таблица 3.8. Витамины и БАВ в плодах брусничных

Ягодные растения	Основные витамины и БАВ, содержащиеся в плодах	Воздействие на организм человека
Клюква крупноплодная и болотная	Витамин С, Р-активные вещества, бензойная, тритерпеновая, хинная и урсоловая кислоты, пектины, дубильные вещества, гликозид вакцинин, микроэлементы	Противолихорадочное средство, применяется при авитаминозах, воспалительных заболеваниях, для снижения температуры и утоления жажды, улучшает аппетит и пищеварение, полезна при гастритах и воспалениях поджелудочной железы, пиелонефрите
Брусника	Арбутин, бензойная кислота, в небольших количествах – витамин С	Предупреждает и лечит заболевания почек, защищает от гнилостных процессов в кишечнике
Голубика высокая	Р-активные вещества (превосходит почти все плоды и ягоды, кроме аронии), витамины С, группы В, К, каротин	Особенно полезна при атеросклерозе, гипертонии, ревматизме, очищает организм от радиоактивных веществ
Голубика топяная	Р-активные вещества, витамины С и B_2, пектины, хлорогеновая и тритерпеновая кислоты	Выводит из организма ядовитые и радиоактивные вещества, способствует синтезу половых гормонов

Как видно из таблицы, скромные ягоды северных лесов и болот содержат богатый набор витаминов и БАВ. Известно, что в прошлом большинство населения Русского Севера и Сибири не жаловалось на здоровье, несмотря на холодный климат. Можно предположить, что не последнюю роль в укреплении их здоровья играло постоянное употребление в пищу в разных видах

клюквы, брусники, голубики и черники. Для сравнительно редкого населения Севера и таёжной части Сибири дикорастущих ягодников хватало с лихвой. Но обеспечить ягодами население современных больших городов за счёт усиленной эксплуатации дикоросов всё равно не выйдет. Только широкое введение этих растений в культуру способно исправить то нелепое положение, когда современным москвичам клюква кажется более экзотическим «фруктом», чем банан.

Ягоды клюквы и брусники отлично хранятся. Клюква крупноплодная сохраняет свою консистенцию и вкусовые качества даже после 9-месячного хранения в холодильнике при 2...4° тепла[1]. А издавна известный на Руси способ хранения брусники совсем прост. Ягоды просто замачивают в воде. И благодаря бензойной кислоте, препятствующей гниению, они сохраняются длительное время.

Противники введения в культуру клюквы и других нетрадиционных ягодных растений выдвигают довод, что на них якобы нет спроса. Однако опыт показывает, что спрос вполне можно создать. Когда новозеландцы в 1958 году впервые доставили в Англию большую партию плодов киви, спроса на этот фрукт (его настоящее название — актинидия китайская) не было и не могло быть. В Европе о существовании такого растения знали лишь некоторые ботаники. Но очень скоро европейцы стали не только импортировать киви из Новой Зеландии, но и разводить эту культуру. Спрос появился!

Что касается культивируемой клюквы, то спрос на неё — в специфической российской форме — уже появился. «Мы не успели замерить ягоды своего урожая, — сообщают исследователи из Хабаровска, — из-за повышенного интереса местного населения (коллекционный участок не охраняется)»[2].

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Мы убедились, что направление, по которому развивалось российское садоводство советского периода, оказалось тупиковым. Преобладание монокультуры яблони, да к тому же на сильнорослых подвоях, привело большинство товарных садоводческих хозяйств к глубокому кризису. Не меньшую роль в углублении кризиса сыграло и неизбежно присущее колхозному строю массовое воровство плодов и ягод. Внешние для отрасли (макроэкономические) факторы способствовали обострению этого кризиса, но не стали его перво-

---

1 См.: Круглякова Г.В., Кругляков Г.Н., Коссая Ж.Н. Крупноплодная клюква как объект хранения // Брусничные в СССР. Новосибирск: Наука (Сибирское отделение), 1990. С. 225–228.

2 См.: Копотева Т.А., Кобозева А.В. Экономическая целесообразность выращивания ягодных кустарничков рода Vaccinium // Состояние и перспективы развития нетрадиционных садовых культур : Материалы конф. С. 64–68.

причиной. При этом Россия обладает возможностью обеспечить население своей страны витаминами, не прибегая к импорту. И ведущую роль в этом должны сыграть ягодные культуры. Причём наиболее перспективны среди них те виды, которые дико растут на нашей территории.

Как отмечал известный плодовод Е.П. Куминов, лозунг «продвинуть юг на север», которым руководствовались и А.К. Грелль, и И.В. Мичурин, и многие их преемники, себя не оправдал. И дело не в том, что акклиматизация древесных и кустарниковых пород к северу от их естественного ареала якобы невозможна, как иногда утверждают[1]. Примеры с черешней, абрикосом и гибридной алычой убедительно опровергают этот взгляд. Но к северу от привычных условий обитания культуры длительное время остаются недостаточно адаптивными, а потому такие продвинутые на север «южане» пока что в основном перспективны для приусадебных участков, а не для товарных садов.

Вместо того чтобы пытаться переделать природу, следует использовать те растительные ресурсы, которые есть в наших широтах. А эти ресурсы, как мы убедились, весьма велики. Введение в культуру облепихи, жимолости, актинидии коломикты и клюквы болотной принадлежит к числу крупнейших достижений российских садоводов за минувший век. Очевидно, именно этим путём следует идти и дальше. В российской флоре ещё много ягодных растений, которые пока практически не встречаются даже на садовых участках, но представляют большую ценность благодаря хорошим вкусовым качествам и высокому содержанию витаминов и биологически активных веществ. Это и брусника, и красника, и голубика топяная, и морошка, и княженика (поленика). Широкое введение их в культуру — задача нынешнего века.

А ВЕДЬ ЕСТЬ ЕЩЁ И ОВОЩИ!

Помимо плодов и ягод важным источником витаминов служат овощи. Так же как и плодовые культуры, они сильно различаются по содержанию витаминов и БАВ. Очень беден полезными для здоровья веществами огурец. Как-то раз на совещании по тепличному овощеводству один маститый учёный сказал: «Вот, мы с вами обсуждаем вопрос, как поднять один килограмм воды на высоту в один метр при помощи такого растения, как огурец...» И в самом деле, плоды огурца почти целиком состоят из воды. Правда, известный овощевод прошлого века В.И. Эдельштейн говорил, что эта вода — не водопроводная.

Наоборот, исключительно полезен сладкий перец — рекордсмен среди овощей по содержанию аскорбиновой кислоты и Р-активных соединений. Но, к сожалению, это растение южное, требовательное к теплу. В открытом грунте перец

---

1 См.: Мятковский О.Н. Переселения растений: Учебное пособие. Калуга, 2000.

хорошо растёт у нас только на Северном Кавказе. А на большей части территории России это чисто тепличная культура, причём тепличные перцы, как правило, беднее витаминами, чем выращенные в поле, хотя и они очень полезны.

Естественно, нам следует возделывать прежде всего такие овощи, которые богаты витаминами и БАВ и при этом хорошо укладываются в сравнительно короткий вегетационный период большинства земледельческих районов России. О капусте белокочанной, моркови, салате, репчатом луке (у которого полезно в основном перо и в гораздо меньшей степени репка) долго говорить не будем: эти культуры в нашей стране и так широко распространены и всем известны. Здесь важно лишь отметить, что белокочанная капуста в средней полосе России находится в почти оптимальных природно-климатических условиях и даёт высокие урожаи (порядка 550–600 ц/га), при движении на юг её урожайность падает. Притом наша страна занимает ведущие позиции в мире в области селекции капусты. Главная заслуга в этом принадлежит селекционерам Тимирязевской сельхозакадемии во главе с А.В. Крючковым и Г.Ф. Монахосом. Превосходно чувствует себя в средней полосе России и морковь. Её урожайность в Подмосковье достигает 800–1000 ц/га. Ценность этой культуры как источника каротина общеизвестна.

Но существует довольно большая группа овощных культур умеренного пояса, которые в России до сих пор редки, хотя они предпочитают прохладные температуры и хорошо укладываются в короткий вегетационный период. Например, у нас редко встречается капуста брокколи, которую можно отнести к поливитаминным культурам. Брокколи богата аскорбиновой кислотой, каротином, витаминами B_1, B_2, PP, K, незаменимыми аминокислотами (лизином, изолейцином, триптофаном), а также содержит антисклеротические вещества — метионин и холин. Оптимальные температуры для этого растения — от 16 до 25°C, поэтому брокколи считают особенно перспективной культурой для средней полосы и севера России[1]. К тому же эта капуста переносит заморозки (до минус 7...10°C) и имеет короткий период от посева до уборочной спелости (50–150 дней в зависимости от сорта).

К числу недооцениваемых и редких культур принадлежит в России и китайская капуста пак-чой. Её важнейшие достоинства — скороспелость (от посева до уборки проходит всего 50–65 дней) и богатство витаминами и биологически полезными веществами. Китайская капуста содержит незаменимую аминокислоту лизин, очень много аскорбиновой кислоты (77 мг%), а каротина и Р-активных веществ в ней больше, чем в любом другом овоще капустной группы[2]. В Китае, Корее и Японии это не только овощ, но и старинное лечеб-

---

1 См.: Кононков П.Ф., Бунин М.С., Кононкова С.Н. Новые овощные растения. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Нива России, 1992.

2 См.: Пустовалова Н. Пак-чой — китайская капуста // Сад и огород. 2004. № 1 (66). С. 6–8.

ное средство, которое нормализует обмен веществ, улучшает пищеварение, помогает в борьбе с анемией, выводит из организма холестерин, входит в состав диетического питания при сердечно-сосудистых заболеваниях, язве желудка. Из листовой китайской капусты готовят салаты, супы, делают голубцы. Её также с успехом квасят. Квашеная китайская капуста — кимча — главное национальное блюдо Кореи. Легендарная работоспособность корейцев, по-видимому, не в последнюю очередь обусловлена постоянным употреблением этого продукта. Поскольку для китайской капусты оптимальна температура от 15 до 20°С, возможности её выращивания в России самые широкие.

В Японии, где средняя продолжительность жизни наивысшая в мире, главной овощной культурой служит дайкон. Среднестатистический японец съедает в год 20 кг этой своеобразной японской редьки. В России дайкон теперь тоже известен, но возделывается лишь на приусадебных и садовых участках. Между тем многие сорта дайкона способны давать в Подмосковье не меньшие урожаи, чем морковь. Пусть аскорбиновая кислота и каротин содержатся в основном в листьях этого овоща (в молодом возрасте они съедобны и очень полезны!), но и корнеплоды обладают целебными свойствами. Они помогают при простуде, улучшают работу кишечника, укрепляют волосы, но главное — очищают печень и почки и растворяют камни. Из всех овощей таким действием обладают только дайкон, редька и хрен. Однако две последние культуры накапливают множество редечных масел, из-за которых их много не съешь, а для пожилых людей увлекаться редькой или хреном просто опасно из-за действия редечных масел на сердце. Дайкон редечных масел практически не содержит.

НУЖЕН ЛИ РОССИИ ИЗРАИЛЬСКИЙ ХРЕН?

Недавно я узнал удивительный факт: оказывается, Россия импортирует хрен из Израиля! Хоть падай, а хоть стой! Везти хрен в Россию — это куда круче, чем везти уголь в Ньюкасл или сов в Афины. Нужно приложить невероятные усилия, чтобы до такого дойти. Но добро бы ещё к нам везли хрен из Польши или Латвии, а то — из далёкого Средиземноморья!

Последователи г-на Паршева попробуют возразить, что, дескать, хрен в субтропическом климате продуктивнее, чем в наших широтах. Да с какой радости? Хрен — одна из немногих исконно русских сельскохозяйственных культур. Нет никаких сомнений, что впервые его ввели в культуру именно у нас. Немецкое и французское названия хрена представляют собой искажённое русское слово[1]. Естественно, что любое растение превосходно приспособ-

[1] См.: Синская Е.Н. Историческая география культурной флоры. Л.: Колос, 1969. С. 195.

лено к природным условиям своей родины. Да в этом может убедиться всякий, кто выращивал хрен на своём огороде: если он завёлся, то искоренить его практически невозможно. Сколько его не копай, а меньше не станет! Правда, изобретатели из ВНИИ селекции и семеноводства овощных культур создали особый инструмент — хренокоп. С его помощью, как утверждают, можно справиться даже с хреном. Но промышленность этот инструмент не выпускает, и множество огородников стонет от захватнических действий этого полуовоща, полусорняка.

Можно с уверенностью сказать, что в Израиле (Палестине) никто не выращивал хрен до появления там выходцев из нашей страны. Вообще-то, условия для этого растения там совсем не подходящие. На богаре (без орошения) хрен в этой стране едва ли вырастет. Сухо! А выращивание любой культуры при орошении всегда выходит дороже. Тем более — в стране, где с водой большая напряжёнка (см. главу 1). Так что снимем шапку перед овощеводческими дарованиями и деловыми навыками наших бывших соотечественников, но признаем: при здоровой российской аграрной экономике экспорт хрена из Израиля в Россию никогда бы не состоялся. Но в том-то и дело, что сельское хозяйство России тяжело и хронически больно...

В советское время хрен во всей великой державе выращивали всего два специализированных колхоза, причём один из них — латвийский. Второй — российский (из Владимирской области), но производство в нём резко сократилось. Вряд ли кто-то из хозяйств «общественного сектора» с тех пор взялся за хрен. Поскольку хренокопов в продаже нет, то сбор урожая затруднителен. А ведь «общественный сектор» и яблоки-то собрать не в состоянии! Так что вся надежда на фермеров, личные подворья и кооперацию. Но для их нормального развития необходимо коренное изменение всей аграрной (и не только аграрной) политики.

А при нынешней вялотекущей шизофрении даже *хреновая* независимость России (не говоря уж о продовольственной и витаминной) в принципе невозможна!

ГЛАВА 4. ЗАМЁРЗНУТ ЛИ РОССИЯНЕ?

Мороз идёт. По ёлки щёлкат,
по берёзки щёлкат, по зародцю
щёлкат, по девушки щёлкат.
— Девушка, тепло ли, холодно?
— Божьё тепло, Божьё холодно.
«Падчерица и Мороз», русская народная сказка

Нигде воображение г-на Паршева не разыгралось так, как в описании грозящей нам гибели от исчерпания энергоресурсов. По сравнению с красочными картинами вымирания населения России от холода все предыдущие ужастики в книге «Почему Россия не Америка» — это просто забавы для детей дошкольного возраста.

По утверждению г-на Паршева, **«исчерпание энергоносителей на нашей территории приведёт именно к экологической катастрофе — не только к гибели нынешнего населения и его потомков, но и к невозможности проживания здесь любого народа, уже не только русских и татар... Мы что — собираемся существовать как народ всего сто лет? А почему хотя бы не тысячу? Очевидно, нельзя ожидать, что за сто ближайших лет "учёные что-нибудь придумают"»** (с. 282–283).

Разберём эти слова с исторической точки зрения. Говоря об энергоносителях, г-н Паршев имеет в виду ископаемые углеводороды — нефть, газ и каменный уголь. Человечество стало использовать их сравнительно недавно. Каменный уголь начал находить применение в XVIII веке, нефть — в середине XIX, а газ — только в XX. Естественно, что сжигание ископаемого топлива началось лишь после того, как учёные придумали, каким способом это делать.

Всякий вправе ругать учёных за то, что они изобрели не то, что надо. Великий русский химик Д.И. Менделеев говорил, что топить нефтью — куда большее безумие, чем топить ассигнациями. И, как мы увидим, он был совершенно прав. Но если бы учёные не придумали те двигатели, котлы, горелки и турбины, благодаря которым человечество сейчас использует заключённую в углеводородах энергию, г-н Паршев сегодня не плакал бы об исчерпании запасов нефти, газа и угля. А топил бы печь дровами. Так поступали разные народы, населявшие территорию России (и других более или менее холодных стран), на протяжении тысячелетий. А ещё раньше, до изобретения печей, первобытный человек жёг костры в пещерах или полуземлянках.

То есть до начала сжигания ископаемых энергоносителей люди на территории современной России всё-таки жили. Причём, по меньшей мере, на протяжении 30 тысяч лет. Поэтому нет никаких оснований сомневаться в том, что наша страна останется населённой и после того, как запасы ископаемых углеводородов будут исчерпаны. Любопытно, что г-н Паршев предлагает нам су-

ществовать тысячу лет вместо ста, но в конечной погибели россиян от холода нисколько не сомневается. Всё, что он предлагает, с его собственной точки зрения, лишь оттяжка неизбежного конца. Но для такого крайнего пессимизма нет ни малейших оснований.

МАЗУТ КАК СИМВОЛ РУССКОЙ САМОБЫТНОСТИ

Раз уж мы заговорили об ископаемом топливе, то уместно оценить эрудицию г-на Паршева в этом вопросе. Если верить книге «Почему Россия не Америка», то **«в основном наша тепловая и электроэнергия вырабатывается из топливного мазута, как во всём мире, откуда же разница в цене?»** (с. 71). Но верить не надо!

Когда я попросил прокомментировать это высказывание доктора наук Р.И. Соколовского, то почтенный собеседник просто не поверил своим ушам. Ведь времена мазута давно прошли во всём мире. Зачем пускать нефть на отопление домов, перерабатывая её в топочный мазут, когда она служит ценнейшим сырьём для химической промышленности? Правда, в нашей стране мазут и в самом деле ещё кое-где используется. Для Камчатки это и вовсе основной источник тепла и электроэнергии. Это более чем странно, поскольку на этом полуострове вполне можно использовать и геотермальную энергию, и энергию приливов. Одних только уже выявленных геотермальных ресурсов хватит для полного обеспечения Камчатки электричеством и теплом более чем на 100 лет![1] Причём геотермальные тепловые и электрические станции дают более дешёвую энергию, чем мазутные или буроугольные. Да и горных речек на Камчатке великое множество, и почему бы на них не сооружать небольшие ГЭС? Пожалуй, для развития энергетики, основанной на возобновляемых источниках, дальневосточный полуостров — один из самых подходящих регионов в России. Но... города на Камчатке всё замерзают и замерзают — якобы оттого, что у властей области и городов нет денег на закупку мазута. Везти его на отдалённый полуостров действительно дорого, да и нефтяные компании стараются нажиться. Казалось бы, из периодических замерзаний надо извлекать какие-то уроки? Однако воз и ныне там. А отопление мазутом (оно сохранилось и кое-где ещё в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, но особенно на Крайнем Севере) стало в наши дни своего рода символом русской «самобытности», а точнее, расточительности и бесхозяйственности. Впрочем, только ли бесхозяйственности? Может, в ещё большей степени — воровства? Только это уже

---

[1] См.: Поваров О.А. Тепло Земли — эффективное энергообеспечение удалённых районов и ЖКХ России // Бюллетень «Возобновляемая энергия», декабрь 2003 (http://intersolar.ru).

не воровство яблок из сада, а хищения в особо крупных размерах. И не оттого ли камчадалы периодически замерзают, а полуостров всё ещё отапливается мазутом, что чиновники-казнокрады и нефтяные дельцы взаимно способствуют обогащению друг друга? Но мы забежали вперёд.

Г-Н ПАРШЕВ В РОЛИ ПРОРИЦАТЕЛЯ

Мы уже не раз отмечали, что автор книги «Почему Россия не Америка» обладает редким даром пророчества. Он всё время прорицает, причём провидит исключительно всевозможные ужасы. Вот ещё один яркий пример: **«Дальше кривая падения** (добычи нефти. — *И.С.*) **может загнуться ещё круче — месторождения и трубопроводы массово выходят из строя... Недалёк день, когда графики добычи и вывоза пересекутся — до него не более 5 лет. Чем тогда будут отапливаться сибирские города?»** (с. 283).

Вообще-то, и в Сибири подавляющее большинство городов отапливается всё-таки не получаемым из нефти мазутом, а бурым углём. Этим Сибирь резко отличается от европейской части России, где основным топливом служит газ. Разница между этими двумя видами топлива существенна, и она не в пользу угля. «Буроугольная» энергетика Сибири в экологическом отношении гораздо грязнее, чем основанная на газе энергетика европейской части страны. И если задать вопрос, почему современные сибиряки не унаследовали отменного здоровья своих предков, то придётся ответить: сибирское здоровье загублено буроугольным отоплением. На долю угольных электростанций и отапливаемых углём ТЭЦ и котельных в сибирских городах приходится до 70% всех ядовитых выбросов! В ряде промышленных городов Сибири допустимые нормы по содержанию пыли в атмосфере превышены в 4–18 раз, по оксидам серы — в 4 раза, по оксидам азота — в 6–7 раз, а по концентрации тяжёлых металлов в почве — в десятки (!) раз[1].

Однако печальная и постыдная для нас правда состоит в том, что «мазутные» города в Сибири и на Дальнем Востоке действительно есть. Так что тревога по поводу замерзания в какой-то мере понятна, пусть даже отоплением от мазута пользуется не больше 3% населения России.

Но, главное, перед нами тот редкий случай, когда пророчество в полной мере поддаётся проверке. Ведь названа конкретная дата его исполнения — через 5 лет! Книга г-на Паршева вышла в 2000 году, значит, год, когда сбудется или не сбудется пророчество, 2005-й. Он уже прошёл, так что самое время оценить правдивость паршевского прогноза.

---

[1] См.: Аврорин А.В., Огородников И.А., Чернова Г.В., Чиннов Е.А. Экологическое домостроение. Проблемы энергосбережения. Новосибирск: СО РАН, 1997.

Таблица 4.1. Добыча и экспорт российской нефти (млн т)[1]

Год	Добыча нефти	Экспорт сырой нефти	Экспорт нефтепродуктов	Внутреннее потребление
1999	305	135	57	113
2000	324	145	63	116
2001	348	162	64	122
2002	380	189	75	116

Эта таблица разом опровергает и кликушеское пророчество г-на Паршева, и правительственную басню о грядущем «удвоении ВВП». Потребление нефтепродуктов внутри страны не падает, но и не растёт, а сохраняется на постоянном уровне с небольшими колебаниями. Это — наглядное доказательство *застойного* состояния «внутренней» российской экономики. Только нынешний застой наступил при более низком жизненном уровне большинства населения страны (Москва не в счёт), чем предыдущий застой времён Брежнева — Андропова — Черненко. Но если экономика, ориентированная на внутреннее потребление, у нас не развивается, то этого нельзя сказать о политической системе. Она с каждым годом неуклонно приближается к тому политическому строю, который существовал в период предыдущего застоя.

О РАСТОЧИТЕЛЬСТВЕ И ХАЛЯВЕ

А сколь велики запасы нефти в России? Как ни странно, однозначного ответа на этот вопрос мне найти не удалось. Так, крупный специалист по традиционной, основанной на углеводородном сырье энергетике Р.И. Соколовский утверждает, что на долю России приходится 13% мировых запасов «чёрного золота». А вот в книге, изданной под руководством бывшего министра природных ресурсов Б.А. Яцкевича, дана другая цифра: более 10%. Г-н Паршев предлагает свою версию, ссылаясь на анонимные (как всегда у него!) «западные источники»: **«По зарубежным оценкам, у нас 7% мировых** (запасов нефти. — *И.С.*). **Много это? Это мало. Это мизер! У Венесуэлы — 8%, а Венесуэла поменьше и потеплее России... нужнее теплоносителей в России ничего нет. У нас города отапливаются мазутом, ведь мы не Венесуэла»** (с. 65).

Насчёт мазута мы уже всё выяснили (ну и дался Паршеву этот мазут!). Более интересен вопрос об анонимных «зарубежных оценках». Честно говоря, трудно поверить, чтобы западники знали о наших запасах нефти больше оте-

[1] Данные о добыче и экспорте нефти и экспорте нефтепродуктов взяты из российских статистических ежегодников. Внутреннее потребление рассчитано автором на основании этих данных.

чественных специалистов. Слишком уж глубоко укоренилось в западном мире невежество в отношении России. Вот характерный пример: у моей тёти на стене висит немецкая карта мира середины 1990-х, сделанная на экспорт, с подписями на русском языке. Там на Волге, на месте Самары написано: *Магнитогорск.* А Красноярск помещён в доброй сотне вёрст к западу от Енисея. Не говорю уж о крепкой вере многих жителей Запада в то, что по улицам российских городов разгуливают медведи. (Это последнее заблуждение, очевидно, возникло от смешения двух значений слова «медведь»: «крупный хищник» и «сторонник Путина»). Поэтому очень трудно согласиться с предположением г-на Паршева, что западным оценкам российских запасов нефти стоит доверять больше, чем отечественным.

Что касается доступных мне зарубежных оценок российских запасов нефти, то для них характерен разнобой. Так, Всемирный банк оценивает подсчитанные запасы нефти в России в 12 млрд т[1], а корпорация «Бритиш петролеум» полагает, что доказанные запасы российской нефти составляют лишь 6,7 млрд т[2]. Разница почти двукратная!

Но предположим, что таинственные «зарубежные оценки», взятые за основу г-ном Паршевым, правильны. 7% мировых запасов нефти — такой ли это мизер? Ведь доля России в населении земного шара не достигает и 2,5%. Следовательно, наша страна всё-таки обеспечена запасами нефти лучше, чем абсолютное большинство других государств. По любым оценкам, в России больше нефти, чем в США, Канаде или Китае. Не говорю уж о таких странах, как Германия, Франция, Италия и Япония, которые своей нефти совсем не имеют! Так что нам не стоит прибедняться.

Другое дело, что таким богатством, как нефть, надлежит разумно распоряжаться. А вот этого в России точно нет. Сохранившееся у нас до сих пор мазутное отопление городов не только ненадёжно и ведёт к периодическому отключению отопления (в чём имели возможность убедиться камчадалы). Это и безумное расточительство! Нефть — слишком ценное сырьё, чтобы сжигать её в виде мазута. Но у нас и нефтепроводы текут — и тут уж нефть никак не используется вообще, а просто отравляет реки, подземные воды и почвы. Однако чего ещё можно ожидать в государстве, где упразднено даже слабое и неэффективно работавшее природоохранное ведомство?

А факелы из попутного газа, которые горят на российских нефтепромыслах? Это ведь двойное преступление: и экологическое (выделение «парникового» углекислого газа в атмосферу в особо крупных размерах), и экономическое (бессмысленное уничтожение невозобновляемых запасов ценного природ-

[1] См.: Обзор Всемирного банка по вопросам энергетики и охраны окружающей среды. Российская Федерация. Июнь 2000 г. (www.worldbank.org.ru)

[2] См.: British Petroleum statistical review of world energy — oil, 2000. (www.bp.com)

ного сырья). Утверждают, что, когда американцы впервые запустили свои спутники в космос (как известно, они с этим несколько припозднились) и увидели горящие факелы из попутного газа на территории тогдашнего СССР, они не поняли, что это такое. В Штатах подумали, что это взлетающие советские баллистические ракеты с ядерными боеголовками! И едва не началась мировая ядерная война, поскольку американцы были на грани принятия решения об «ответном» ударе. Однако всё же для начала позвонили в Москву и с изумлением узнали, что никакой угрозы для них нет.

С тех пор прошло больше 40 лет, а газовые факелы горят и горят. Мы можем утешиться тем, что не одиноки: в Нигерии на нефтепромыслах тоже горят газовые факелы. Боюсь только, что это слабое утешение. Те, кто жжёт эти факелы, утверждают, что попутный газ якобы «невыгодно» улавливать и использовать! Правда, в своё время Ходорковский пришёл к противоположному мнению и вроде бы принял меры, направленные на прекращение сжигания попутного газа на нефтепромыслах «ЮКОСа». Но, во-первых, прочие нефтяные компании продолжают сжигать попутный газ, а, во-вторых, теперь, в связи с посадкой Ходорковского, с его инициативой могут покончить.

Но не ищите в книге «Почему Россия не Америка» упоминаний о текущих нефтепроводах и горящих газовых факелах. Об этом в сочинении г-на Паршева ни слова. Весь пафос нашего идеолога направлен против экспорта нефти.

Вообще-то, экспорт представляет собой более разумное использование нефти, чем отравление ею рек, болот и подземных вод. Но верно то, что этот экспорт следует постепенно свернуть. Это лучше делать шаг за шагом, в течение 10–15 лет. При этом нефтяные компании, грубо нарушающие природоохранные нормы, должны немедленно лишаться доступа к экспортной трубе до тех пор, пока они за свой счёт не очистят загрязнённую местность. Можно не сомневаться, что при таком подходе даже известные своим хищническим отношением к природе российские нефтяные компании резко «позеленеют»!

Конечно, нефтяной экспорт не более полезен для нашего государства, чем «игла» для наркомана. Но нельзя забывать о наличии у России крупного внешнего долга, а также о городах Западной Сибири, экономика которых всецело держится на нефти. Если немедленно прекратить экспорт нефти (к чему призывает г-н Паршев), то придётся переселять из Западной Сибири (куда?) десятки тысяч внезапно оставшихся без работы людей. Да и с выплатами по внешнему долгу могут возникнуть сложности, что крайне нежелательно. Если не платить долги, начнутся аресты российской собственности за рубежом, и нормальные экономические связи с внешним миром могут вообще рухнуть! А из этого уже точно ничего хорошего не выйдет. Так что совет г-на Паршева немедленно запретить нефтяной экспорт нельзя не признать исключительно вредным. Вместе с тем программа постепенного прекращения вывоза нефти совершенно необходима, поскольку невозобновляемые природные

богатства надо беречь и оставлять грядущим поколениям. Они наверняка сумеют ими лучше распорядиться! Да и политическая жизнь России в условиях прекращения нефтяного экспорта станет гораздо здоровее. Исчезнут, например, дебаты о том, как поделить «природную ренту» (= халяву). В здоровой экономике халявы вообще не должно быть! А разговоры о её «справедливом» дележе — сплошной разврат.

МИФ О «НОВОМ КУЗБАССЕ»

Если запасы нефти в России г-н Паршев всячески старается преуменьшить, то в отношении угольных месторождений нашей страны он выбрал другую тактику и старается доказать, будто добыча угля нерентабельна, а потому разведанные месторождения бесполезны: **«Во-первых, значительная часть разведанных ресурсов, а тем более перспективных — это низкосортный уголь, да к тому же залегающий в Сибири. Как вы представляете себе строительство в нынешних условиях нового Кузбасса? Со старым-то непонятно что делать»** (с. 61).

Но в действительности никакого «нового Кузбасса» строить не надо. В шахтах Кузбасса добывают *коксующийся* уголь. Он необходим для металлургического производства. Конечно, вместе с ним на поверхность извлекают и менее ценные марки каменного угля, которые идут на топливо. Но не ради них строят шахты! А *энергетический* уголь и в современной России добывают не из шахт, а открытым способом. Так ведётся угледобыча в Канско-Ачинском бассейне, в Забайкалье и в ряде других районов. Затраты живого труда, капитала и энергии при этом многократно ниже. Кстати, уже сейчас в России открытым способом добывают почти 2/3 угля, а из шахт — чуть больше трети. Естественно, что и другие угли энергетического назначения будут добывать из карьеров, а не из шахт. Так что миф о «новом Кузбассе» никакого отношения к реальной жизни не имеет, а утверждение г-на Паршева о «недоступности» сибирских низкокачественных (= энергетических) углей ровным счётом ни на чём не основано.

Впрочем, наш идеолог считает «недоступными» даже некоторые месторождения газа и нефти. Вот его подлинные слова: **«Напомню, что, хотя они** (прогнозные запасы. — *И.С.*) **и существенно больше разведанных, 80% из них — это уголь и сланцы, добывать которые просто нерентабельно. Поэтому из этих 140 трлн. долл. прогнозных запасов по крайней мере 112 трлн. можно не учитывать. И часть из оставшихся 28 трлн. — такие же. Значительная часть российского газа и нефти доступны не более, чем метановая атмосфера Юпитера»** (с. 63).

Ох, трудно в это поверить! Вспомним, как яростно боролись российские нефтяные компании за контроль над нефтяным месторождением на Вале Гам-

бурцева. В ход шли любые средства, включая чёрный пиар и, очевидно, взятки чиновникам. А это месторождение — на шельфе Северного Ледовитого океана. Где же условия для добычи нефти могут быть тяжелее? На суше и в более тёплых морях они явно лучше. Так что сравнение с метановой атмосферой Юпитера — всецело риторическая фигура.

А вот ещё пример того, как г-н Паршев наводит тень на плетень. Он готов признать, что газа в России много, и даже (странное дело!) преувеличивает долю России в мировых запасах природного газа. По Паршеву, она составляет якобы 41% (реально 32 или 33%). Но, если верить книге «Почему Россия не Америка», добыча газа у нас якобы невыгодна. И вообще положение газовой отрасли такое, что её стоит оплакивать: **«Спрос на газ в мире несколько падает, падают и цены. Падает добыча, и привлекать к освоению новых месторождений иностранные инвестиции не удаётся, да и не удастся. Газпром даже на Ямале всё делает сам»** (с. 379).

Очевидно, читатель должен восхищаться самоотверженностью и бескорыстием «Газпрома». Он всё делает сам и, верно, себе в убыток! Ведь нехорошие иностранные инвесторы не желают вкладывать свои денежки в Ямал!

Но верить г-ну Паршеву и в этом случае не надо. Во-первых, «Газпром» изначально представлял собой монополию, да и сейчас на его долю приходится около 87% добычи газа в России. А почти все остальные 13% добывает загадочная компания «Итера», зарегистрированная в США, но явно принадлежащая российским владельцам. Кому именно, в точности неизвестно. Тайна сия велика есть! Впрочем, список частных акционеров «Газпрома» тоже не разглашается. Хотя известно, что частным владельцам принадлежит 62% акций «Газпрома», а государству — только 38%[1]. И есть сильные подозрения, что частные акционеры «Газпрома» и подлинные хозяева «Итеры» — это в основном одни и те же лица. Но для нас существенно то, что связанные очень тесными и дружескими отношениями «Газпром» и «Итера» просто не пускают в российскую газовую промышленность никаких посторонних инвесторов — ни российских, ни иностранных. Так что стратегия «Газпрома» направлена не на привлечение в отрасль иностранных инвестиций, а на их недопущение.

Но, и это во-вторых, иностранные акционеры самого «Газпрома» существуют. Они, как и положено второстепенным акционерам, постоянно жалуются на руководство компании и подозревают его в жульничестве и обмане. Но с акциями «Газпрома» иностранцы почему-то не расстаются. Вероятно, владеть ими совсем не так уж невыгодно!

---

1 В самое последнее время путём слияния «Газпрома» с «Роснефтью» доля государства в этой компании была доведена до 51%. Но от этого «Газпром» не стал более прозрачной фирмой. Скорее наоборот!

ПОЧЕМУ НЕ СТОИТ СЖИГАТЬ ИСКОПАЕМОЕ ТОПЛИВО

Итак, Россия обеспечена ископаемым топливом лучше подавляющего большинства стран мира. Этим мы обязаны своей большой территории, а также холодному климату, правда, не в настоящем, а в прошлом. Ведь каменный уголь — это видоизменённый торф, отложившийся в минувшие геологические эпохи, особенно в каменноугольном и пермском периодах. Торф в тропиках в сколько-нибудь значительных количествах не накапливается! Для крупного торфонакопления необходим умеренный или холодный климат. Но в каменноугольном и пермском периодах на территории нашей страны климат был как раз подходящим (хотя теплее современного). Южная Африка в те времена располагалась ближе к Южному полюсу, чем Сибирь к Северному, а потому эта ныне довольно тёплая страна так богата месторождениями каменного угля. В отношении нефти и газа органическая теория их происхождения не доказана, но весьма вероятна.

Историческая бесперспективность энергетики, основанной на сжигании ископаемого топлива, очевидна. Ясно, что рано или поздно его запасы всё равно иссякнут. Кроме того, сжигание угля, газа и получаемого из нефти бензина (отопление мазутом в остальном мире уже отошло в область преданий) ведёт к «парниковому эффекту». В России почему-то многие считают, что нам потепление климата выгодно. Но эта гипотеза более чем сомнительна! В нашей стране много городов, стоящих на вечной мерзлоте. Если она растает (а «пороговая» вечная мерзлота, которая вполне может растаять в условиях резкого потепления, занимает в России очень большие площади), то многие сибирские и дальневосточные города «поплывут». Фактически их придётся отстраивать заново! А в европейской части страны, в Нижнем Поволжье, грядущее потепление должно привести к возникновению настоящей пустыни среднеазиатского типа. Опустынивание угрожает и Забайкалью, где ценная в сельскохозяйственном отношении чернозёмная степь существует только благодаря вечной мерзлоте. Наконец, не забудем о Северной Пальмире. В случае резкого глобального потепления уровень океана повысится, и Петербург превратится в настоящую Голландию, лежащую ниже уровня моря. И так ли мы уверены, что сумеем, подобно голландцам, построить и поддерживать систему дамб для защиты от морских волн? До сих пор качество строительства в нашей стране было несколько хуже, чем в Голландии...

А ведь Петербург не одинок! Не меньшая угроза затопления в случае повышения уровня океана нависает над Архангельском, Находкой, Приморско-Ахтарском. Будут затоплены плавни в низовьях Кубани, и исчезнут пляжи в районе Сочи. Что касается наших арктических берегов, то там море может продвинуться и потеснить сушу на десятки километров[1]. Борцы с Киотским

---

[1] См.: Каплин П.А., Павлидис Ю.А., Селиванов А.О. Морские побережья в 21 веке // Природа. 2000. № 3. С. 37–46.

протоколом обычно изображают из себя державников и патриотов. Но им следует зарубить на носу, что глобальное потепление приведёт к неизбежному сокращению территории государства. И из борьбы за территориальную целостность против Мирового океана вряд ли что-нибудь выйдет!

Однако самый сильный довод против сжигания ископаемого топлива состоит в том, что мы тем самым уничтожаем исключительно ценное сырьё для химической промышленности. Между тем энергию вполне можно добыть другими способами. Известно множество возобновляемых источников энергии. Переход к ним — это вопрос времени. Но должна ли Россия идти в голове или в хвосте процесса перехода? До сих пор она шла в хвосте, но нельзя сказать, что это неизбежно. Более того, если мы будем тратить хотя бы 10–20% пресловутой «природной ренты» на создание новой энергетики (а это, по моему глубокому убеждению, единственное разумное применение, которое можно найти доходам от нефтегазового экспорта), то ещё можем пробиться в лидеры. Так почему бы не попробовать?

Как ни удивительно, но г-н Паршев пишет о возобновляемых источниках крайне скупо и с глубоким презрением (за одним счастливым исключением). Казалось бы, автор, который понимает неизбежность исчерпания углеводородного сырья, должен проявлять повышенный интерес ко всему, что способно его заменить. Но нет! Похоже, будущее российской (и мировой) энергетики нашего идеолога вовсе не интересует. И его истеричные, кликушеские пророчества о грозящем замерзании продиктованы отнюдь не заботой о будущем страны, а лишь сиюминутными интересами некоторых социально-политических сил. Каких? На этот вопрос мы ответим позже.

Но, кроме использования возобновляемых источников энергии, есть и другой способ уменьшить сжигание ископаемого топлива: энергосбережение. Как известно, одним из главных потребителей тепла и электроэнергии служит жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ). В России расход тепла и энергии в ЖКХ гораздо выше, чем в развитых странах. Г-н Паршев, как всегда, утверждает, что проблема заключается в нашем исключительно холодном климате. А только ли в нём?

ЖКХ — СПОНСОР ПАРШЕВА?

Из всех существующих в России бюрократических систем жилкоммунхозовская — одна из самых закрытых и непрозрачных. То есть в реальности счетов, которые ЖЭКи/ДЕЗы/РЭУ присылают обывателям, сомневаться не приходится. Эти счета всё растут и растут. А вот из чего они состоят... «История мидян темна и непонятна» — поучал дореволюционный учебник древней истории. А откуда берутся те вычисленные вроде бы с большой точностью сум-

мы, которые мы вынуждены платить за отопление, холодную и горячую воду, газ, понять ещё сложнее, чем историю мидян!

Вот и г-н Паршев признаёт: **«Никто ведь у нас не знает, сколько гигакалорий расходуется на обогрев его квартиры, и сколько стоит эта гигакалория»** (с. 92). Чистая правда! Даже хочется заплакать от умиления: ведь и г-н Паршев, когда желает, способен писать правду!

А вот почему у нас никто этого не знает? Только ли оттого, что мы ленивы и нелюбопытны? Да нет, многие россияне с интересом восприняли бы сведения о количестве затраченных на отопление квартиры гигакалорий и их цене. Тогда можно было бы самому пересчитать расходы на отопление и проверить, не обманывают ли нас и не дерут ли лишнего. На счётчики электроэнергии ведь все смотрят, никто не испытывает желания их убрать и платить какую угодно сумму по произволу ЖЭКа. А вот других счётчиков в нашей стране нет. И узнать, сколько реально мы тратим на отопление, сколько льём воды и сжигаем газа, — негде. От нас эту «избыточную» информацию заботливо скрывают.

Когда нет точных данных, возникают версии. Одну из них предлагает г-н Паршев. По его утверждению, отопление в нашем климате стоит исключительно дорого. **«Но даже для европейца то, что мы расходуем на отопление — чувствительная сумма, а для промышленного рабочего "третьего мира" — целое состояние. На отопление жителя Москвы расходуется в год 4 тонны условного топлива. Бог его знает, сколько стоит в Европе или в Сингапуре тонна условного топлива, но если приравнять к цене отопительного мазута, то это не менее 2000 долларов на семью из 4 человек — как раз годовая зарплата всей семьи из "третьего мира". В наших городах не редкость и горячее водоснабжение — в отличие от всего мира.**

А вот спросите любого человека, который ездил туристом или в командировку в Голландию или в Бельгию — они подтвердят, что в зданиях там вообще не предусмотрены системы отопления. В Австрии и Баварии — есть, и обязательно — с регулятором на батареях, чтобы не платить лишнего» (с. 92–93).

Ну и жмоты эти голландцы с бельгийцами! Ух, скупердяи! В Москве в октябре среднемесячная температура воздуха плюс 4°, и попробуй-ка обойтись без отопления! А в Бенилюксе даром что нет настоящей зимы, но всё же в январе в Амстердаме в среднем плюс 3°, в Брюсселе плюс 2° — и они не топят! Вот до чего скупость доводит!

Позволю себе лирическое отступление. В сентябре — октябре 1984 года нас, студентов-первокурсников Тимирязевской академии, послали на первую в нашей жизни практику в подмосковное учебно-опытное хозяйство «Михайловское». До Москвы километров 20, от силы 30, а порядки всё же совсем не те, что в столице. Так, в Москве в то время отопление в квартирах включа-

ли 1 октября. А в области — это ж не Москва! — только с 15 октября. Так что ошибочно мнение г-на Паршева, будто у нас в советский период не экономили тепло и энергию. Экономили! Причём, так же как и теперь, всё больше за счёт здоровья населения.

Осень 1984-го выдалась в Подмосковье холодной. Днём от силы 10–12 градусов тепла, а часто и того меньше, ночью — около нуля или немногим больше. Точную среднесуточную температуру я привести не могу, но, по прикидочной оценке, она колебалась от плюс 4 до плюс 8 (что всё-таки больше, чем в Голландии и Бельгии зимой). И нельзя сказать, чтобы наша компания чувствовала себя особенно весело. Для большинства из нас температура в помещении для ночёвки ненамного выше нуля была всё-таки непривычной. Хотя вуз наш и сельскохозяйственный, больше половины группы составляли горожане, тогда как почти все сельские парни и девушки происходили с юга: с Украины, Дона, Кубани, Кавказа. Но ничего — выжили. Видимо, только благодаря тому, что всем нам тогда было по 17–20 лет, ни один человек серьёзно не заболел, но лёгкую простуду перенесли — конечно, на ногах — если не все, то большинство. А вот как выживало оседлое население Подмосковья, среди которого были и малые дети, и глубокие старики?..

И неужели кто-то всерьёз способен поверить, что голландцы и бельгийцы, с их высоким уровнем благосостояния, подобным образом (только ещё сильнее) мучаются каждую зиму? На каких дураков рассчитывал г-н Паршев, когда сочинял эти небылицы?

Конечно, столь же нелепа и выдумка о том, что горячее водоснабжение «во всём мире» (кроме России) — редкость. Как раз в российской глубинке горячей воды обычно нет. Много ли у нас сёл и деревень с горячим водоснабжением? А вот в Финляндии, в прошлом составлявшей часть Российской империи, картина совсем иная. Там даже в домике лесника или егеря, на отшибе, среди леса, горячая вода всё равно есть (кстати, благодаря отсутствию месторождений нефти, газа и угля.)

А ведь наш идеолог изредка способен говорить правду! Вот насчёт регуляторов на батареях — всё так и есть! И не только в Австрии и Баварии, но и в Голландии, Бельгии, Англии, Франции. Во всех этих странах потребитель имеет возможность отключать отопление, когда в квартире и без того тепло. Голландцы (настоящие, а не выдуманные г-ном Паршевым невероятные жмоты) даже считают безответственным открывать форточки при включённом отоплении. И в самом деле, какой смысл отапливать атмосферу? А вот москвичи в апреле и октябре вовсю её отапливают! Если выдаётся погожий тёплый день, а батареи работают на полную мощность, то как спастись от жары? Только открыв форточку настежь! И безвозвратно уходящая в атмосферу тепловая энергия заодно облегчает кошелёк московской семьи, а в придачу помогает г-ну Паршеву сочинять сказки о будто бы неизбежных в нашем климате немыслимых расходах на отопление.

Противники установки регуляторов на батареях в нашей стране уверены в том, что русские люди глупы и жадны. Если их послушать, то наши соотечественники начнут экономить и отключать отопление посреди зимы, отчего батареи лопнут от мороза. Но разве кто-нибудь ставил подобный эксперимент? И отчего это целая страна населена сплошь идиотами? Нет, этот довод — от лукавого. А правда состоит в том, что регуляторов и счётчиков у нас нет по простой причине: наш доблестный жилкоммунхоз не заинтересован в возможности проверки простыми гражданами тех счетов, которые он им присылает.

Но вернёмся к г-ну Паршеву. По его утверждению, расходы на отопление средней московской семьи из четырех человек якобы составляют 2000 долларов в год. В месяц выйдет 167 долларов, причём образца 1999 или, самое позднее, начала 2000 года. В пересчёте на январь 2004 года будет уже где-то 185–190 баксов. Запомним эти цифры. И переведём их в рубли, поскольку в последнее время наш деревянный стал устойчивее зелёного. Получится примерно 5300–5400 рублей! Это даже при московских зарплатах сущее разорение. А во многих, да нет, почти во всех регионах зарплата у большинства не достигает такой величины!

Однако о чём свидетельствуют эти цифры? О действительно больших расходах на отопление или же о непомерных аппетитах нашего ЖКХ, готового драть с обывателей такие деньги? Вероятнее второе.

В Москве в последние годы ставили опыты по установке счётчиков расхода воды. И — странное дело — ни у одной московской семьи точно измеренный счётчиками расход воды не достиг официальной средней цифры водопотребления на квартиру и даже не приблизился к ней. В основном москвичи тратили в 1,5–2 раза меньше воды, чем утверждает официальная статистика. Поэтому следует предположить, что статистика просто врёт.

Ещё сильнее убеждает в этом другой опыт, который в 2003 году поставила партия «Яблоко». Итоги этого опыта подвёл теперь уже бывший депутат Госдумы от «Яблока» Сергей Митрохин в статье «Поставим реформу на счётчик» («Новая газета», 23–26 октября 2003 г.). В 1500 квартирах 11 регионов страны на партийные средства были установлены счётчики потребления воды. Для опыта выбрали города, расположенные в самых разных концах страны: Ульяновск и Благовещенск, Тулу и Самару, Москву и Челябинск. А результат всюду получился одинаковый! «Реальное потребление воды в домах и квартирах, — пишет Митрохин, — оказалось намного ниже, чем установлено нормативами коммунальных служб. Как правило, от 1,5 до 7, иногда — до 12 раз! В среднем по стране нормативы завышены в 3,5 раза. Это означает, что во столько же раз больше мы переплачиваем за пользование водой. А выкачанная из наших карманов разница идёт на покрытие так называемых "издержек" монополистов.

Проще говоря, мы оплачиваем бесхозяйственность, а нередко и воровство коммунальных чиновников. Мы платим за утечки влаги сквозь дыры проржа-

вевших за десятилетия без ремонта водопроводных труб. За тепло, львиная доля которого в условиях вышедших из строя теплоизоляционных систем обогревает... атмосферу».

Стоп! Последнее пока, к сожалению, строго не доказано. Счётчиков тепла, увы, у нас пока не устанавливали. «Яблоко» собиралось это сделать, но предвыборная кампания и недопущение партии в новый состав Думы[1], очевидно, воспрепятствовали этому. Но есть все основания предполагать, что при измерении реальных затрат на отопление картина получится та же самая, которую продемонстрировали водные счётчики.

Недавно Сергей Переслегин показал, что москвичи с 1 января 2004 года платили за жильё уже 100%, а волгоградцы — даже 110% от реальных расходов. И что же? Рост цен на этом остановился? Ничуть не бывало! С 1 января 2005 года коммунальные платежи в Москве опять повышены на треть! И почти на столько же они выросли с 1 января 2006-го. Похоже, монополисты твёрдо намерены довести их до того уровня, который «обосновал» г-н Паршев.

СПОСОБЫ ЭКОНОМИИ

Мы убедились, что реальные затраты на отопление московской квартиры несколько меньше тех 5300–5400 рублей в месяц, на которых настаивает г-н Паршев. Но и эти затраты вполне можно сократить. Резервы энергосбережения очень велики. Тот же Митрохин — кажется, единственный человек в прошлом составе Думы, который всерьёз занимался этой проблемой (в нынешней Думе, боюсь, таких вообще нет), — указал в названной статье на некоторые способы сбережения тепла. Это, например, установка в квартирах стеклопакетов, экономящих до 40–60% тепла. Или замена батарей более эффективными и экономичными отопительными приборами.

При рассмотрении российских отопительных проблем удобно взять в качестве примера Сибирь. Там существующее положение хуже, чем в целом по России. Но зато и конструктивных идей предложено больше, чем в других регионах. Зима в Сибири по-настоящему холодная. В коммунально-бытовом секторе Сибири расход тепла на единицу жилой площади в 3–4 раза больше, чем в развитых странах[2]. Это как будто подтверждает теорию г-на Паршева, который утверждает: **«Мы — самая холодная страна мира. Для одинакового с другими странами уровня комфорта нашим согражданам приходится расходовать в 4–8 раз больше энергии, чем в других странах. Потребность**

1 По всей вероятности, политическое решение о недопущении «Яблока» в Думу следующего созыва Путин — по рекомендации Павловского — принял ещё в 2000 или 2001 году.

2 См.: Аврорин А.В., Огородников И.А., Чернова Г.В., Чиннов Е.А. Экологическое домостроение. Проблемы энергосбережения. Новосибирск: СО РАН, 1997.

в энергоресурсах у нас — самая большая» (с. 282). Правда, даже в Сибири нигде нет 8-кратного превышения расхода тепла по сравнению с уровнем развитых стран. Тут г-н Паршев хватил лишку, и изрядно. А в европейской части России, где проживает большинство населения нашей страны, расход энергоресурсов на единицу жилой площади превосходит уровень развитых стран в 2–3 раза, но никак не в четыре. Тем не менее, если исходить из существующего положения дел, учение нашего идеолога вроде бы частично подтверждается. Однако в действительности высокие затраты на отопление обусловлены отнюдь не только сибирскими морозами.

По оценкам специалистов, даже на современном экономическом и техническом уровне в условиях Сибири вполне можно сэкономить 30% потребляемой ЖКХ энергии. От 30 до 40% от общего потенциала энергосбережения приходится на такие меры, как снижение теплопотерь в распределительных тепловых сетях; автоматическое регулирование и учёт расходов энергии; децентрализация теплоснабжения с сокращением протяжённости тепломагистралей (чем длиннее тепломагистраль, тем выше в ней потери); повышение материальной заинтересованности потребителей в сбережении энергии. Из этих не самых сложных мер в современной России практически осуществляется только последняя: цены на отопление неуклонно растут. Ничего из остального не делается, поскольку монополистам из ЖКХ это неинтересно. Ведь вся путинская «реформа» ЖКХ сводится к монопольному взвинчиванию цен. Её единственная цель — обеспечить жилкоммунхозу устойчивый доход при самом плохом и постоянно ухудшающемся качестве услуг.

Разумеется, необходимы и более серьёзные меры. В Сибири (а вероятно, и не только там) 40% ТЭЦ отработали свой энергоресурс и оттого требуют более частых ремонтов с повышенными материальными затратами. При этом замена многих узлов и деталей невозможна, поскольку они давно сняты с производства. Естественно, что такое положение не только увеличивает затраты на отопление за счёт стоимости ремонтных работ, но и ведёт к авариям. А отключение тепла в разгар сибирских морозов — удовольствие намного ниже среднего.

Другая беда состоит в том, что теплоизоляция как систем теплоснабжения, так и большинства жилых домов очень плоха. В Сибири 80% существующего жилого фонда требует реконструкции для снижения потерь тепла. А пока очень большая часть затрат на отопление — это, по сути, затраты на обогрев атмосферы.

Нельзя сказать, что российская государственная власть совсем уж не способна понять серьёзность положения. С 1996 года в России введены новые СНиПы (строительные нормы и правила), которые предписывают строить дома с большим тепловым сопротивлением (следовательно, меньшей энергоёмкостью), чем этого требовали СНиПы советского времени. Но таких домов по-

ка построено не слишком много. Более того, продолжается строительство энергорасточительных домов старых типов. А о массовой реконструкции существующего жилого фонда и речи нет. У местных властей на это нет денег, у федерального правительства — нет желания.

ЭКОДОМА

Но есть и более радикальное решение проблемы — строительство экодомов. Здесь следует отметить, что современная российская мода на высотные здания с экономической и энергетической точек зрения — путь в тупик. Я уж не говорю о том, что высотные здания с большим удовольствием взрывают террористы. Ещё бы: один взрыв — и сразу сотни, иногда тысячи трупов. Но даже если отбросить соображения безопасности, от высотного строительства всё равно со временем придётся отказаться. Американцы уже давно подсчитали, что квадратный метр в многоэтажном доме всегда будет пожирать значительно больше энергии, чем квадратный метр в одноэтажном доме на одну семью. При прочих равных условиях квадратный метр многоэтажного дома на 37% более энергоёмок. Поэтому будущее за одно- и двухэтажными домами на одну семью. Это не роскошь, а энергетическая целесообразность, в связи с чем понятно, что мегаполисы вроде Москвы тоже со временем должны исчезнуть, поскольку с энергетической точки зрения они крайне расточительны. Но это дело отдалённого будущего. А вот экодома на семью с достатком несколько выше среднего можно строить уже сейчас.

Индивидуальных домов в России и теперь строят немало. Вряд ли стоит сомневаться, что в дальнейшем их число будет возрастать. Но пока, к сожалению, большинство из них строят по морально устаревшим проектам без учёта возможного энергосбережения. Тем не менее острота жилищной проблемы в России настраивает сторонников строительства экодомов на оптимистический лад. В отличие от развитых стран, где подавляющее большинство населения хорошо обеспечено жильём и оттого замена традиционных индивидуальных домов энергосберегающими будет происходить медленно, в России возможен массовый переход к экологическому жилью. С научным потенциалом и технологиями у нас дело обстоит неплохо, даже несмотря на «утечку мозгов». Промышленность, способная наладить выпуск всего необходимого для строительства экодомов и экопосёлков, тоже существует, её не надо создавать заново.

В мире движение за создание экодомов и экопоселений существует ещё с 1970-х годов. В нашей стране оно действует с 1989 года, причём главным центром его стал Новосибирск. Всё началось с попытки построить дом для четверых выпускников местного университета, которые поступили на работу

в Институт теплофизики, но места в общежитии не получили. Учёные решили построить для молодёжи небольшое общежитие в виде частного дома. Но тут выяснилось, что в условиях ещё существовавшего тогда социализма честно построить частный дом нельзя. Так, стройматериалы можно было либо украсть, либо купить на чёрном рынке (ясно, что ворованные), либо «выбивать» из централизованного распределения, которым ведали чиновники.

Ко всему прочему обследование существующих частных домов дало неутешительные результаты. Учёные выяснили, что частный дом требует большой работы по его обслуживанию, но при этом не даёт того комфорта, к которому привыкли обитатели стандартных городских квартир. Единственным обнаруженным плюсом являлся приусадебный участок.

Но молодые учёные не стали поднимать лапки кверху. Они решили разработать автономный дом, доступный по цене и обеспечивающий привычный комфорт, «как в квартирах». Работа оказалась нелёгкой, но все трудности удалось преодолеть. Так родился совершенно оригинальный проект сибирского экодома[1]. Лишь задним числом его авторы узнали, что экодома уже существуют во многих зарубежных странах, включая США, Канаду и Скандинавские государства.

СИБИРСКИЙ ЭКОДОМ: ПРОЕКТ И ВОПЛОЩЕНИЕ

Каковы основные особенности сибирского экодома? Его архитектура и размещение на местности подчинены задачам энергосбережения. Хотя потери тепла наименьшие при круглой форме здания, строить круглые дома не очень удобно. Поэтому предпочтение отдано прямоугольным домам, обращённым длинной стороной на юг. Это позволяет по максимуму использовать солнечную энергию.

Как уменьшить потери тепла через стены? Г-н Паршев знает только один способ: увеличить число кирпичей в стене. Он так и пишет: **«В Англии достаточна толщина стены в 1 кирпич (английский кирпич — 20 см). Там стены выполняют только несущую функцию. А вот в средней полосе России нужно минимум 3,5 кирпича (90 см). Конечно, это зависит от района, от материала, но и на Кубани 2 кирпича (50 см) — не роскошь»** (с. 55). Если руководствоваться этими глубокомысленными рассуждениями, то в Сибири придётся строить дома со стенами в шесть кирпичей! Это очень дорого. И тогда теория г-на Паршева блестяще подтвердится.

[1] См.: Открытое партнёрство: механизмы взаимодействия в жилищной и жилищно-коммунальной сферах / Басаргин А.Ф., Заморёнова Н.Г., Крючкова П.В., Огородников И.А., Рахлин А.Е. М.: ИНП «Общественный договор» ; ИИФ СПРОС-КонфОП, 2002.

Но маяться дурью совсем не обязательно! Вместо укладки шести кирпичей стоит использовать один из материалов-утеплителей. Эти материалы обладают в десятки раз более низкой теплопроводностью и в десятки раз меньшим удельным весом, чем кирпич и другие традиционные стройматериалы. Поэтому утеплители позволяют обеспечить необходимое тепловое сопротивление стены при её небольшой толщине. Так, чтобы добиться коэффициента теплового сопротивления R = 3 (это примерно втрое выше, чем у большинства современных российских домов), достаточно слоя стекловолокна в 15,2 см, или слоя уретана в 7,6 см, или слоя минеральной ваты в 14 см, а целлюлозной ваты — в 12,7 см. Если же мы хотим добиться коэффициента R = 5, что соответствует уже настоящему экодому, то потребуется слой стекловолокна толщиной 25,4 см, или слой уретана в 11,4 см, или слой минеральной ваты в 23 см, или слой целлюлозной ваты в 20,3 см. Легко заметить, что в любом случае слой утеплителя не толще *одного* кирпича. Но главное достоинство композитных стен с использованием утеплителей — сокращение почти в 2 раза материало- и энергоёмкости строительства[1].

Свойства утеплителей различны. Наиболее надёжны из них стекловолокно и минеральная вата, которые водостойки и не горят. Целлюлозная вата горюча и не водостойка, но зато её получают из возобновляемого ресурса — древесины (а точнее, в основном из газетной макулатуры). Утеплители, получаемые из нефти (полиуретан, полистерен, полиизоцианурат), водостойки, но горят. Но в любом случае ясно, что гораздо правильнее использовать нефть хотя бы для производства утеплителей, чем сжигать её в виде мазута. Можно применять и торфяные плиты с добавками, повышающими их стойкость и долговечность.

При использовании материалов-утеплителей стены выполняют в основном несущую функцию. Поэтому их вполне можно строить из дерева, как издавна поступали на Руси. Да и в современных США 90% одно- и двухэтажных домов для одной семьи возводят из дерева. При этом на строительство годится малоценная древесина при условии надлежащей химической обработки. Но можно строить и из кирпича. Причём одного ряда кирпичей будет достаточно в любых климатических условиях. С точки зрения экономии энергии очень перспективны такие стройматериалы, как силикатные кирпичи, грунтокирпичи, газобетоны, золобетоны, арболиты. Всё зависит от местных условий! Материал должен быть по возможности местным, а не привозным. Это позволяет сэкономить затраты энергии на перевозку.

Большое значение имеет тщательная гидро-, паро- и теплоизоляция фундамента. Для надёжной гидроизоляции наряду с требуемыми российскими СНиПами

[1] См.: Аврорин А.В. Экологическое домостроение. Строительные материалы : Аналитический обзор / СО РАН, ГПНТБ. Новосибирск: 1999.

мерами (нанесение битумных покрытий) необходимо дополнительно использовать полимерные плёнки. Они одновременно выполняют и функцию парозащиты. Теплоизоляция фундамента достигается благодаря укладке с внешней стороны утеплительных плит, которые служат опалубкой для заливаемого бетона.

Здесь настало время похвалить г-на Паршева. Читатель может быть уверен, что в тех крайне редких случаях, когда наш идеолог пишет что-нибудь дельное и полезное, я всегда отдаю ему должное. В данном случае нельзя не порадоваться за пропаганду двойного и тройного остекления окон. В российских условиях это действительно необходимо! Жаль только, что г-н Паршев не указал, что тройное остекление неизбежно ведёт к существенному изменению всей конструкции дома. Пространство между стёклами следует заполнять инертным газом аргоном или вакуумировать, на поверхность одного или двух стёкол нанести плёнку с антирадиационным покрытием, а рамы герметично встроить в стены дома. Естественно, что при этом отменяется столь привычное для жителей России проветривание помещения при помощи открытой форточки или окна. Но зато потери тепла через окна можно уменьшить в 6–7 раз! А приток свежего воздуха обеспечивается принудительной вентиляцией. При этом целесообразно использовать теплообменники, в которых свежий воздух с улицы нагревается за счёт тёплого воздуха, удаляемого из помещения. Таким способом удаётся сэкономить больше половины расхода тепла на вентиляцию.

Сибирский экодом обходится без централизованного отопления. Его обогревает автономный водогрейный котёл, работающий на угле. Это существенно уменьшает потери тепла, которые неизбежны на любой теплотрассе. Но, хотя в условиях Сибири обойтись без использования ископаемого топлива пока нереально, стоит использовать и солнечные коллекторы, которые служат дополнительным источником тепла. Они годятся в основном для нагрева воды. Причём потребность в горячей воде может быть на 60–70% обеспечена за счёт энергии Солнца. Расчёты показали, что использование солнечных установок для горячего водоснабжения целесообразно на всей территории России южнее 60° северной широты. А это почти вся населённая часть России! К северу от данной широты (линия Петербург — Магадан) у нас совсем немного населения.

До недавнего времени полагали, что в большинстве районов России использование солнечных установок для отопления не оправдывает себя. Но сейчас этот вывод пересматривается. Разработаны аккумуляторы для суточного, недельного и сезонного накопления тепла. Они должны стать неотъемлемой частью экодомов.

Не стоит забывать и об экономии энергии на освещении. Лампа накаливания — замечательное изобретение выдающегося русского электротехника А.Н. Лодыгина. Но — изобретение XIX века. А на дворе сейчас стоит XXI!

И пора переходить на более экономичные флуоресцентные или галогенные лампы. Из следующей таблицы видно, что на деле флуоресцентные лампы в развитых странах уже сейчас дешевле ламп накаливания.

Таблица 4.2. Экономическая эффективность использования различных ламп (долл.)

Показатель	Флуоресцентная лампа (30 Вт)	Лампа накаливания (135 Вт)
Число ламп для 10 000 часов работы	1	10
Цена	35	10 x 0,75 = 7,5
Стоимость энергии (1 кВт.-ч. = 0,1 долл.)	30	135
Общие затраты	65	142,5

У нас стоимость электроэнергии ещё не достигла 10 центов за киловатт-час, но она растёт такими темпами, что этот день не за горами. А главное, что даже при цене киловатт-часа в 4 цента флуоресцентные лампы всё равно дешевле ламп накаливания! Правда, не в два с лишним раза, а всего на четверть. В данном случае интересы энергосбережения и экономические интересы отдельных граждан полностью совпадают. Сейчас на рынке (включая российский рынок) появились флуоресцентные лампы с тёплым спектром освещения, и оснований держаться за лампочки накаливания больше нет.

Частью экодома является теплица. Её крыша — прекрасное место для установки солнечных коллекторов. Теплица также помогает продлить сезон, в течение которого обитатели экодома едят собственные овощи.

К числу преимуществ экодома принадлежит отсутствие необходимости подключаться к централизованной канализации. Сточные воды из всех источников (кухня, ванная комната, туалет, стиральная машина) поступают по трубам в септик, расположенный на отведённой под строительство территории приусадебного участка в пяти метрах от дома, а после очистки попадают самотёком в фильтрующую кассету на том же участке. При подземной фильтрации стоки дополнительно очищаются и не загрязняют окружающую среду[1].

Противники экодомов пока имеют один, но сильный довод: до сих пор таких домов в России построено всего около десятка. Это, конечно, не тот размах, который способен впечатлить. Но слой среднего класса, который может потянуть строительство собственного дома и при этом стремится сделать его экономичным, у нас пока очень тонок. К тому же большая часть этого слоя про экодома никогда ничего не слышала, ведь телевидение и печать заняты

1 См.: На пути к устойчивому развитию: экодом (сборник материалов) / И.А. Огородников, В.А. Огородников. М.: Социально-экологический союз, 1998.

у нас совсем другими вещами. Просвещение, и тем более экологическое просвещение, их не привлекает. Те, кто богаче или беднее среднего класса, в нынешних условиях постройкой экодома не займутся. У большинства населения денег на постройку своего дома нет. А самые богатые могут позволить себе платить за отопление и электроэнергию сколько угодно.

ЭНЕРГОСБЕРЕГАЮЩИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Все правила возведения экодомов применимы в той или иной степени и при многоэтажном строительстве. Конечно, многоэтажный дом никогда не удастся сделать настолько экономичным и энергосберегающим, как одно- или двухэтажный. Однако и там энергосбережение не роскошь, а существенная необходимость. Но в России даже введённые в действие с 1996 года новые СНиПы соблюдают плохо. И это уже вопрос не технический, а политический.

Переход от нынешнего расточительства к энергосбережению невозможен без участия государства. Понятно, что при нынешнем президенте, правительстве, Думе и т.д. такой переход вообще неосуществим. Однако они не вечно будут находиться у власти. Тем не менее пока о здравомыслящей энергетической политике нечего и думать. Но значит ли это, что надлежит сидеть, сложа руки, и ждать смены политической погоды?

Нет, это ошибочный подход. Не стоит дожидаться начала массового строительства экодомов, экономию энергии стоит начинать уже сейчас. Как отмечают А.В. Аврорин, И.А. Огородников и их соавторы, «можно существенно помочь энергосбережению, утепляя свои жилища, используя более совершенные нагревательные приборы, сокращая расход горячей воды с помощью экономящих воду душей и кранов, используя для стирки и мойки посуды высокоэффективные машины, а для освещения — компактные флуоресцентные лампы и многое другое»[1].

Конечно, усилия отдельных частных лиц дадут сравнительно небольшой результат. Но он не будет равен нулю! И велика вероятность, что именно такие «малые дела» подготовят неизбежное изменение государственной политики.

А что должно сделать государство, когда к власти придёт правительство, способное смотреть дальше интересов отдельных групп, клик, шаек и мафий? Во-первых, оно должно будет ввести вполне рыночные цены на электроэнергию и газ. Тут надо похвалить г-на Паршева, отстаивающего подобную меру. Правда, когда наш идеолог твердит, что **«литр бензина, батон хлеба и 7 ки-**

---

1 Аврорин А.В. и др. Указ соч.

ловатт-час электроэнергии должны стоить доллар» (с. 86), то верить ему не надо. Даже в развитых странах киловатт-час электроэнергии отнюдь не стоит 14,3 цента. Он и там дешевле. А в нашей стране, с учётом реальных затрат на добычу газа и угля, рыночная цена киловатт-часа не должна превышать 9–10 центов. Всё, что сверх этого — уже монопольная сверхприбыль, которой в настоящей рыночной экономике быть не должно. Г-н Паршев, видимо, выполняет социальный заказ тех, кто о такой сверхприбыли мечтает. Однако не надо идти на поводу у этих сил.

Введение рыночных цен на газ и электроэнергию, конечно, потребует существенного повышения пенсий и зарплат бюджетникам. Это вполне осуществимая задача. Для её выполнения, скорее всего, совсем не потребуется увеличивать налоги. Достаточно будет существенного (в разы, а не на проценты) сокращения воровства бюджетных средств.

Ещё одна необходимая государственная мера — поощрение экономии энергии. Если потребление энергии снижается по сравнению с нормативами, то потребитель вправе рассчитывать на прогрессивно уменьшающуюся оплату за неё. И нельзя будет обойтись без заимствования международных стандартов на энергосберегающее строительство и оборудование. Наши российские стандарты в этом отношении устарели и совершенно не соответствуют современным требованиям. Необходимо также ввести в производство, проектирование и строительство норматив полной энергоёмкости продукции. Без него нельзя разобраться, какое решение оправданно с точки зрения энергосбережения, а какое нет.

К сожалению, в современной России монополисты из ЖКХ используют совсем другие способы «экономии». Зимой 2002/03 года около 17 миллионов жителей 30 городов России жили при температуре 14–15 градусов. «До такого уровня энергетики и коммунальщики понижали температуру в домах в пик самых сильных морозов минувшей зимы. Оказывается, они экономили на топливе и при этом получали дополнительные прибыли, потому что замерзающие граждане вынуждены были в массовом порядке включать дополнительные электроприборы» (С. Митрохин, указанная выше статья).

Итак, традиции советского времени — экономия исключительно за счёт здоровья народа — не только живы, но развиваются и углубляются. И совершенству нет предела! Пока существует монополия в сфере ЖКХ, выстуживание обывателей и рост коммунальных тарифов неизбежно будут идти рука об руку. При этом не имеет никакого значения, является ли эта монополия государственной или частной. Заведуют ли ЖКХ чиновники или тесно сросшиеся с чиновничеством коммерсанты — неважно. Те и другие будут проводить одну и ту же грабительскую политику. Собственно, вся провозглашённая Путиным «реформа» ЖКХ и сводится к всемерному поощрению этого грабежа.

ЛЕС РУБЯТ — ЩЕПКИ ЛЕТЯТ?

Кроме дровяного отопления, автор книги «Почему Россия не Америка» не знает никакой альтернативы сжиганию ископаемого топлива. Или не хочет таких альтернатив замечать. Но по дровяному вопросу он высказывается довольно обстоятельно. Г-н Паршев даже заглянул в «Лесную энциклопедию» и пришёл к неутешительному выводу: **«Леса растут всегда, то есть, это вроде бы возобновляемый источник сырья и тепла. Правда, неизвестно, вырастут ли на месте срубленных аналогичные по качеству, или их качество ухудшается. Но если топить жилища всей страны дровами, то надо иметь в виду, что на зиму крестьянскому двору нужно хотя бы 20 кубов дров. У нас в СССР ежегодный прирост древесины был 4 куба на человека в год ("Лесная энциклопедия", М., «Советская энциклопедия», 1985) — как раз дрова на семью из пяти человек. Но ведь нужна и деловая древесина! И, главное, почти весь прирост древесины в Сибири! Далековато дрова-то возить. И население сейчас не то, что в "дровяные" времена, а побольше»** (с. 286).

Но наш идеолог лукавит. Он не пожелал заметить, что цитируемая им книга вышла в 1985 году. Следовательно, её составители делили ежегодный прирост древесины на территории СССР на численность населения СССР!

Россия имеет вдвое меньшее население, чем бывший Советский Союз. А вот подавляющее большинство лесов осталось на её территории. Поэтому прирост древесины в расчёте на каждого жителя России, естественно, намного больше.

По зарубежным оценкам, которые так любит г-н Паршев, на долю бывшего СССР в начале 1990-х годов приходилось 28% всех сплошных лесов земного шара[1]. И хотя часть этих лесов расположена на территории ныне независимых государств — бывших союзных республик, львиная доля приходится на Россию. Пусть даже часть этих лесов с тех пор вырублена (а рубка без лесовосстановления нас не красит), всё равно можно с уверенностью сказать, что доля России в мировом лесном фонде близка к четверти. Так что лесом мы обеспечены примерно в 10 раз лучше среднестатистического жителя планеты. И прибедняться нам опять-таки не стоит.

Г-н Паршев утверждает, будто неизвестно, какие леса вырастут на месте срубленных. Но нелепо думать, будто никто никогда не изучал этот вопрос! Интересно, что русское научное лесоводство началось как раз с составления таблиц роста русских лесов. Их впервые опубликовал один из замечательных лесоводов XIX века граф Альфонс Романович Варгас де Бедемар. Живой па-

---

[1] Келлисон Р.К. Мировое лесное хозяйство в 1990-х // Конференция «БумФор-92». СПб., 1992. С. 85–101.

мятник Варгасу до сих пор стоит в Москве. Это — Лесная опытная дача Тимирязевской сельскохозяйственной академии — искусственный лес, посаженный в 1860-х годах под руководством учёного. Гуляя по этому оказавшемуся почти в центре Москвы лесному массиву, каждый может убедиться: деревья выросли неплохие!

Конечно, при хищнических рубках без лесопосадок на месте срубленных лесов в громадном большинстве случаев вырастают менее ценные породы. На месте хвойных (ель, сосна) или широколиственных (дуб, липа) пород поселяются берёза и осина. Особенно долго они не протянут, поскольку через несколько десятилетий развившиеся под их пологом коренные породы начнут вытеснять «временщиков». В науке это явление называют сукцессией. Его подробно описали ещё в первой половине прошлого века такие выдающиеся учёные, как американец Ф. Клементс и русский В.Н. Сукачёв.

Но сукцессия обязательна только тогда, когда лес рубят, но «экономят» на его посадке. А если леса не только губить, но и сажать, то можно получить очень продуктивные древостои. Лесоводам известен целый ряд способов повышения продуктивности лесов: регулирование густоты древостоя, обрезка сучьев, гидролесомелиорация, внесение удобрений. Правда, очень трудно совместить ускоренный прирост биомассы древостоя и высокое качество древесины. Однако разрешить это противоречие всё-таки можно, если заранее определять будущую судьбу вновь посаженного леса. Если он предназначен для целлюлозно-бумажной промышленности, то целесообразно ускоренными темпами наращивать биомассу. Продуктивность древостоя окажется намного выше, чем в естественных лесах, и такой лес можно будет срубить уже через 25–50 лет. При этом качество древесины будет низким, но переводить на бумагу и картон высококачественную древесину неразумно. Если же нужна древесина для строительства, то темпы роста и продуктивность посаженного человеком леса не будут существенно отличаться от природных лесов. Зато и качество древесины получится высоким.

Г-н Паршев полагает, что щепки и прочие отходы при рубке леса на топливо не годятся. Он так и пишет: **«Наши "неисчерпаемые" леса дают примерно по 4 куба ежегодного прироста древесины на человека. А даже дров из этого прироста получается разве что куба три»** (с. 66). Но этот взгляд безнадёжно устарел. Вот что пишет современный российский исследователь: «Если раньше в качестве топлива рассматривали в основном отходы лесопиления и деревообработки, то после энергетического кризиса в энергоресурсы стали включать все отходы лесозаготовок, а также тонкомерную древесину от рубок ухода. За счёт кроны (сучья, ветви, вершина) общий объём сырья увеличивается на 15–50% в зависимости от породы, возраста и условий произрастания древостоев. Таким образом, вопросы комплексного использования стволовой части дерева переросли в проблему использования всей биомассы, по-

скольку известны направления и способы утилизации таких её частей, как хвоя, пни и корни»[1].

Другое дело, стоит ли вывозить и использовать хвою и ветки. В Швеции это запрещено, поскольку именно в хвое и ветках много азота и других питательных веществ, необходимых для роста молодых деревьев на месте срубленного леса.

Соседняя с нами Финляндия, на своё счастье, запасов нефти и газа не имеет. А зима в этой стране бывает. Поэтому финны давно и серьёзно занялись использованием древесных отходов для отопления. И достигли больших успехов. Например, у них работают газогенераторные установки мощностью от 1 до 8 мегаватт, использующие в основном древесные отходы. Таким образом, жечь можно не только дрова, но и то, что в России принято бросать на лесосеках! Правда, в финских газогенераторных установках в качестве топлива сжигают ещё и торф, но его тоже можно считать возобновляемым ресурсом. Финский пример подействовал на соседние российские регионы. Запланировано перевести на биотопливо 47 котельных Петербурга и столько же — в Карелии. (Но, увы, это пока ещё не сделано.)

Однако не следует думать, что над утилизацией древесных отходов задумывались исключительно финны и их соседи — карелы. И в Москве работает фирма, производящая оборудование для рационального использования древесных отходов. Правда, её владелец, князь Пётр Андреевич Трубецкой, жалуется на малое количество заказов. Но откуда им взяться в большом количестве? Экологические нормы в России и так необычайно мягкие для рубящих лес компаний (то есть жестокие для леса), а тут ещё Путин упразднил независимую лесную службу и пробивает новый Лесной кодекс, ещё более беспощадный в отношении леса. Так что у нас пока щепки летят. Вовсю.

В развитых странах отмечаются совсем иные тенденции. Там больше сажают лесов, чем рубят. С 1850 по 1980 год площадь лесов в Европе (без Российской империи/СССР) не только не сократилась, а выросла на 4%. Немного? Но прирост — не убыль. Сравним с другими частями света: за тот же период площадь лесов в Китае уменьшилась на 39%, в тропической Африке — на 20%, в Латинской Америке — на 19%. В Российской империи/СССР убыль лесов за тот же отрезок времени меньше — 12%[2], однако, учитывая громадную площадь нашей страны, и это очень много!

Но вернёмся к дровам. Возить дрова на большое расстояние и в самом деле нелепо. Поэтому сейчас развитые страны начинают переходить к созданию «топливных» плантаций быстрорастущих пород деревьев. Эти плантации за-

---

1 Гелес И.С. Древесная биомасса и основы экологически приемлемых технологий её химико-механической переработки. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2001.

2 См. там же. С. 14.

кладывают вблизи мест потребления топлива. Правда, в европейских странах продукцию топливных плантаций обычно используют не в виде традиционных дров. Существует несколько способов использования топливной биомассы. Простейший из них — измельчение на лесосеке и транспортировка в виде «зелёной» щепы. У неё повышенная влажность, поэтому для обычной печи такое топливо мало подходит. Однако в развитых странах делают более современные печи, представляющие собой небольшие энергоагрегаты. Подача топлива, воздуха, удаление золы и другие операции осуществляются в них автоматически. Такими печами оборудованы жилые дома, школы, дома отдыха, дома престарелых и другие отдельно стоящие объекты. Более совершенным видом топлива считают получаемые из древесины брикеты и гранулы, но они при более высокой плотности и низкой влажности и стоят дороже. Зато такие гранулы можно передавать по трубопроводам и перевозить автоцистернами![1]

В разных странах предпочтение отдаётся разным быстрорастущим породам деревьев. Так, в Швеции ставка сделана на ивы. Для стимулирования роста черенков на ивовых плантациях создают благоприятные условия для развития микоризы, которая особенно благоприятно влияет на ранних стадиях роста растений. Создана технология и система машин по посадке, уходу и сбору урожая ивы. Оборот рубки составляет 4 года, за этот срок ивы достигают в высоту 7 м. Причём в Швеции биотопливо оказалось лучше ископаемых углеводородов во всех отношениях: не только по числу созданных рабочих мест и по меньшему загрязнению окружающей среды, но и по цене!

В этой стране на щепе из лесорубочных остатков и отходов лесопиления, на коре и гранулах из древесины (в том числе специально выращенной на топливо) работают сотни котельных. А некоторые крупные электростанции перерабатывают более 1 млн кубометров древесины в год! Доля биотоплива в энергетическом балансе Швеции всё время растёт. В 1970 году из древесного топлива вырабатывалось 9% энергии, в 1997-м — 15%, а по последним данным — уже до 18%. Швеция тут не одинока: в Финляндии доля древесного топлива ещё выше — 23%[2].

Растут ли в России ивы? Как будто растут и не вымерзают. Только вот топливных плантаций у нас, в отличие от Швеции, Финляндии или Канады, нет и не предвидится. Но это уже сознательный политический выбор наших властей. Они, как всегда, живут по старому и незамысловатому правилу: «После нас хоть потоп».

Заметим, что в будущем нет никакой необходимости возвращаться исключительно к дровяному отоплению. Уже сейчас в России значительная

---

1 См.: Гелес И.С. Указ. соч. С. 18–19.
2 См.: Страхов В.В., Писаренко А.И., Алфёров А.М., Ямбург С.Е. Ожидаемое влияние климатической конвенции на лесной сектор (о киото-углероде и древесном биотопливе) // Лесное хозяйство. 2004. № 1. С. 10–12.

часть электроэнергии производится на гидроэлектростанциях, а они используют возобновляемый и неисчерпаемый энергоресурс — кинетическую энергию воды.

КОГДА Г-Н ПАРШЕВ ДОСТОИН ПОХВАЛЫ

Автора могут заподозрить в необъективности, пристрастности и даже сведении личных счётов (которых нет). Неужели в книге «Почему Россия не Америка» совсем нет никаких разумных и конструктивных идей? Отвечаю: есть! Правда, очень мало. Но и на том спасибо. Одна из таких счастливых мыслей г-на Паршева — это мысль о полезности малых гидроэлектростанций: **«Была у нас при Сталине программа строительства небольших "колхозных" ГЭС. Когда плывёшь на байдарке по небольшим рекам, кое-где приходится обносить полуразрушенные плотины. Спасибо хрущёвской политике! А ведь когда-то они делали наше село хоть частично независимым от сибирского мазута. И рыбку там ловили»** (с. 73).

Без ложки мазута автор книги «Почему Россия не Америка» обойтись не может. Но с его главной мыслью нельзя не согласиться. Малая гидроэнергетика у нас действительно незаслуженно находится в загоне. Конечно, г-н Паршев, который по соображениям политической конъюнктуры (надеюсь, всё-таки не по искреннему убеждению) восславил Сталина, сильно преувеличивает заслуги этого деятеля в использовании энергии малых рек. Кое-где в сталинское время и в самом деле строили плотины на небольших речках для малых, «колхозных», ГЭС. Но использование малых рек в энергетических целях началось много раньше. И можно с уверенностью сказать, что со времён коллективизации плотины на небольших речках не столько строили, сколько разрушали.

Трудно сказать, когда на Руси появились водяные мельницы. Но они известны на нашей территории с очень древних времён. В дореволюционный период почти в каждом сколько-нибудь крупном селе и во многих небольших деревнях были собственные мельницы. А для постройки мельницы требовалась плотина. Где плотина — там и пруд! Можно смело сказать, что водяные мельницы представляли собой экологически чрезвычайно полезное изобретение. Благодаря ним регулировался сток малых рек. В летнюю жару и засуху они не пересыхали полностью и не превращались в жалкие ручьи. Зато и весной половодье представляло меньшую опасность. Деревенские бабы использовали мельничные пруды для стирки, а дети в них купались. Нередко в таких прудах и рыба водилась, пусть обычно и в небольшом количестве. Однако встречались и богатые рыбой пруды.

Но после коллективизации с деревенскими мельницами быстро покончили. Для начала раскулачили почти всех мельников. В основном это были

действительно зажиточные (по сельским меркам) люди, которых не составило труда записать в кулаки. Если учесть, что из раскулаченных и сосланных большинство ждала верная (и планируемая партией и правительством) гибель, а выжило лишь незначительное меньшинство, то впору говорить о геноциде целой профессии. Без мельников мельницы и сами плотины стали быстро разрушаться. К тому же власть совсем не была заинтересована в сохранении мельниц, ведь возможность самим молоть зерно оставляла даже колхозникам определённую самостоятельность.

Мой дед по матери вырос в селе Волочок бывшего Сычёвского уезда Смоленской губернии. Это село стоит на малой речке Высоте, которая немного ниже Волочка впадает в Днепр. Впрочем, и Днепр там невелик, его исток совсем недалеко. В дореволюционные и первые послереволюционные годы (дед родился в 1906 году) Высота была настоящей речкой, в которой и дети могли купаться, и рыба жила, но вся экосистема держалась благодаря мельничному пруду! После поступления в 1927 году в Ленинградский университет дед не бывал в родном селе больше 10 лет. Он снова попал в родные места в 1941-м, когда сбежал из немецкого плена и временно поступил учителем в местную школу. (Хотя Волочок находился на оккупированной немцами территории, своего односельчанина никто бы немцам не выдал.) И не мог узнать Высоту! Мельница была разрушена, плотина — тоже, от речки остался жалкий ручей. А началось всё с того, что раскулачили мельника...

Кое-где разрушение водяных мельниц запоздало, и они продержались до 1950-х годов. Но и их ждал тот же конец. Хрущёв — один из ближайших соратников Сталина — докончил то, что не успел сделать восхваляемый г-ном Паршевым усатый людоед. Одну из грустных историй гибели небольшой русской речки изложил пенсионер В.М. Глебов в письме члену-корреспонденту РАН А.В. Яблокову[1]: «...я родился и до службы в армии жил на одной из малых рек бассейна Волги, в Калининской области. Деревушка стоит на берегу реки Логовежи — притоке Тверцы. На речке было три водяных мельницы с плотинами около 2 м высотой. Жить на этой речке было — рай господний. Кроме того, что селяне на мельницах мололи зерно на муку, в прудах выше плотин была масса рыбы, жили утки и другие птицы, жили бобры и выдры. Был разговор об установке на мельницах электродинамиков (правильнее — динамомашин. — *Прим. ред. цитируемой книги*) для освещения близлежащих деревень. Но вдруг в 50-е годы мельницы ликвидировали. В деревню пришло электричество от электростанций-гигантов. Речка наша обмелела и почти пересохла. Вместо щук, язей, линей, голавлей теперь кое-где живут лишь пескари. Утки улетели. Вместо радости посидеть с удочкой на берегу люди получи-

---

1 Цит. по: Яблоков А.В. Миф о необходимости строительства атомных электростанций. М.: Центр экологической политики России, 2000.

ли горестные воспоминания... Люди говорят, что согласны бы жить без электричества, лишь бы вернуть жизнь речке нашей...»

Но задача возрождения речки и задача обеспечения местных жителей электричеством не только не исключают друг друга, а неразрывно взаимосвязаны. В России множество умирающих малых речек. Чтобы они не погибли окончательно, на них необходимо снова построить плотины. И здравый экономический смысл требует, чтобы эти плотины давали энергию.

Между прочим, такие меры совершенно необходимы и для возникновения в России полноценного сельского самоуправления. Сейчас оно может существовать только на бумаге, поскольку лишено источников доходов. Но если построить на малых речках множество небольших ГЭС, то сёла и деревни приобретут энергетическую самостоятельность, а из неё вырастет и самостоятельность экономическая.

По расчётам специалистов, к 2050 году малые ГЭС в мире будут давать значительно больше электроэнергии, чем гидроэлектростанции-гиганты. И почему Россия должна составлять исключение из этого правила?

И всё же потенциал традиционной речной гидроэнергетики сравнительно невелик по сравнению с тем потоком энергии, которую Земля получает от Солнца.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЛНЕЧНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ

Автор книги «Почему Россия не Америка» пытается представить солнечную энергетику в нелепом, карикатурном виде. Однако нелепо выглядят как раз его собственные потуги: **«Гринписовцы любят поговорить об "экологически чистых источниках энергии". Так вот что касается неисчерпаемых ресурсов — солнечной энергии и энергии рек — то для гелиостанций нет более неподходящей страны, чем Россия. У нас много пасмурных дней (в Москве больше половины, около 200 в году), а когда энергия особенно нужна — зимой — и дни коротки. К тому же нынешние технологии получения солнечной электроэнергии дают электричество, в сотни раз более дорогое, чем полученное другими способами. И солнечные панели дороги, и какие-то аккумуляторы нужны — ведь неудобно пользоваться электрическим освещением только днём, не правда ли? Если вы автомобилист, представьте себе габариты аккумулятора для Москвы»** (с. 72).

Не будем придираться к мелочам, скажем к отождествлению организации «Гринпис» со всем движением «зелёных». Будем считать это просто элементарной логической ошибкой — неспособностью различить целое и его часть. Но вот суждение о климате всей России на примере одной Москвы — это уже не мелочь. Это та же самая логическая ошибка, но в резко увеличенных масштабах.

Количество солнечных дней на громадных просторах России варьирует в огромных пределах. И не составляет труда найти на карте нашей страны такие регионы, в которых продолжительность солнечного сияния за год гораздо больше, чем в столице. Таков весь Северный Кавказ, всё Нижнее Поволжье, Нижний Дон, Южный Урал (особенно Оренбургская область). А так как все эти местности по широте лежат южнее Москвы, то там и разница длины дня летом и зимой меньше. И так ли уж непригодна эта часть России для развития солнечной энергетики? Но самое интересное, что в этом смысле очень перспективна большая часть Сибири! Дело в том, что там столь ненавистный г-ну Паршеву резко континентальный климат и много солнечных дней. Причём количество солнечных дней и суммарное поступление солнечной радиации на юге Сибири возрастают с запада на восток. Даже в Новосибирской области солнечная энергетика вполне перспективна, а Бурятию по приходу солнечной радиации вполне можно сравнить с Сочи, Дагестаном и Астраханью. В Приморском крае климат нельзя назвать континентальным, всё-таки рядом Японское море. Но благодаря сравнительно южному местоположению этот регион также обладает хорошими возможностями для развития солнечной энергетики.

Действительно, ещё в 1980-х годах практическим использованием энергии Солнца занимались в основном субтропические страны вроде Италии, Израиля и Кипра. Как известно, все эти государства совсем не имеют ископаемого топлива, что сильно стимулировало развитие в них солнечной электроэнергетики. В 1990-х годах 90% домов на Кипре и 70% в Израиле имели солнечные установки для нагрева воды. Однако пригодные для Средиземноморья технологии, казалось, совсем не годились для наших широт. Но с тех пор положение существенно изменилось. Теперь уже Бельгия всерьёз занялась солнечной энергией. Родина Тиля Уленшпигеля по широте расположена севернее Волгограда. Климат там морской, солнечных дней заведомо меньше, чем в России на той же широте. И если бельгийцы пришли к выводу, что у них солнечная энергетика перспективна, то нет никаких оснований сомневаться в её перспективах для юга России (в одних широтах с Бельгией и южнее). Что ещё показательнее, солнечной энергией занялись даже такие страны, как Финляндия и Норвегия. Природные условия для развития солнечной энергетики здесь не лучше, чем в средней полосе России: солнечного сияния мало, преобладает пасмурная и дождливая погода. Но эти государства используют солнечную энергию, и неплохие результаты есть.

А плоская шутка насчёт габаритов «аккумулятора для Москвы» рассчитана на невежд. Причём невежд, считающих традиционную советскую гигантоманию нормой для всех стран и времён. Возобновляемые источники энергии как раз предусматривают отказ от создания чудовищных по размерам сооружений и переход к строительству множества сравнительно малых электростанций. Любопытно, что временами г-н Паршев это вроде бы понимает. По крайней мере, он высказывается за широкое строительство малых гидроэ-

лектростанций, что делает ему честь. Но с этой здравой мыслью соседствует нелепость про «аккумулятор для Москвы».

Что касается солнечной энергетики, то, как мы уже отмечали, одно из главных направлений её развития — строительство домов с солнечными коллекторами для подогрева воды или с солнечными батареями для выработки электричества на крышах. Можно устанавливать коллекторы и батареи и на существующих крышах, но, конечно, они не всегда для этого подходят. В США построено 1,2 млн зданий с солнечным подогревом воды, а в одном лишь Токио — 1,5 млн. Европейский союз запланировал к 2010 году установить дающие электричество батареи на 1 млн новых крыш. Это уже не мелочь, это серьёзный масштаб. Столь быстрый рост применения солнечной энергии обусловлен во многом тем обстоятельством, что она быстро и неуклонно дешевеет. Пока солнечная энергия ещё дороже энергии, получаемой от сжигания ископаемого топлива, но уж никак не в сотни и не в десятки раз.

На юге европейской части России, по всей Южной Сибири, в Приморском крае тоже никто не мешает устанавливать солнечные батареи на крышах. Но у нас это не делается. Правительство не заинтересовано. То есть, собственно, не заинтересованы нефтяные и газовые компании плюс Минатом. А правительство всего лишь идёт у них на поводу и ставит их сиюминутные выгоды выше долгосрочных национальных интересов.

О БОРЬБЕ С ВЕТРЯНЫМИ МЕЛЬНИЦАМИ

Как известно, Рыцарь Печального Образа Дон Кихот Ламанческий прославился атакой на ветряные мельницы, которые принял за великанов. Простительная ошибка! В Испании времён Сервантеса и его героя ветряные мельницы только начали строить. Это была совершенно новая для страны технология, и провинциальный мелкопоместный дворянин вполне мог ничего о ней не знать.

Г-н Паршев с ветряными мельницами не сражается. Он об использовании энергии ветра просто... молчит. И вот это умолчание куда менее простительно, чем заблуждение Дон Кихота. Ну, никак нельзя поверить, чтобы автор книги «Почему Россия не Америка» совсем ничего не слышал о ветроэнергетике. В отличие от солнечной электроэнергетики она-то уж вполне рентабельна и, по некоторым оценкам, даёт более дешёвое электричество, чем угольные, газовые или атомные электростанции.

От ветряных мельниц времён Сервантеса современные ветроустановки отличаются тем, что дают энергию не только тогда, когда дует ветер. Когда турбина вырабатывает избыточную энергию, её аккумулируют либо батареи, либо компрессор и труба, в которой накапливается сжатый воздух. Коэффициент использования энергии ветра у современных агрегатов составляет от 0,35

до 0,50 по сравнению с 0,14 у старинных ветряных мельниц[1]. При этом энергию ветра можно сочетать с другими источниками энергии. Для условий российского Крайнего Севера очень перспективно сочетание ветроустановок с дизель-генераторами. Когда дует ветер, энергию вырабатывает «ветряк», и аккумуляторные батареи непрерывно подзаряжаются, а дизель выключен. В периоды затишья, когда заряд аккумуляторных батарей падает ниже определённого уровня, автоматически или вручную запускается дизель. Такие установки уже работают в Мурманской и Архангельской областях. Частичная зависимость от ископаемого топлива при этом сохраняется. Но его экономия достигает 50–60%, поскольку именно такую долю энергии даёт ветроустановка. Подсчитано, что на огромных просторах российского Крайнего Севера расположено 17 тысяч малых населённых пунктов, для энергоснабжения которых целесообразно использовать ветер. К сожалению, реально работающих ветроэнергетических станций очень мало.

Потенциал ветроэнергетики в мире огромен. Причём, по оценкам специалистов, Россия вместе с Канадой и Китаем входит в тройку стран с самыми большими возможностями использования энергии ветра. Подсчитано, что ветроэнергетический потенциал России составляет 7,5% от её современного годового энергопотребления[2].

Конечно, рентабельное использование энергии ветра при современных технологиях возможно не на всей территории нашей страны, а лишь там, где средняя сила ветра превышает 4 м/с. Но таких мест в России не столь уж мало. Из 89 российских регионов благоприятные природные условия для развития ветроэнергетики имеются в 26. Причём сюда входит весь Крайний Север и всё побережье Дальнего Востока, а также Калининградская область, Краснодарский край, Ростовская, Волгоградская и Астраханская области, Калмыкия, Дагестан и степной юг Западной Сибири.

Беда в том, что эти возможности в современной России почти никак не используются. Причины всё те же: могущество нефтяных, газовых и атомных лоббистов и принципиальное нежелание правительства думать о долгосрочных интересах страны. Но пример соседней Украины доказывает, что даже при весьма коррумпированном правительстве развитие ветроэнергетики возможно, когда страна бедна ископаемым топливом. В 1997 году украинское правительство поставило задачу увеличить к 2010 году долю ветра в производстве электроэнергии в стране до 5%. Эта цель вполне достижима, поскольку ветроустановки рентабельны. На лучших украинских ветроэлектростанциях стоимость электричества в 1997 году составляла всего 2,3 цента за киловатт-час, а в среднем по Украине — 2,8 цента за киловатт-час.

---

1 См.: Прохорова А. Запоёт ли в России «Жаворонок»? (http://intersolar.ru)
2 http://intersolar.ru

Российские специалисты по альтернативным источникам энергии при поддержке движения «зелёных» предлагают превратить Мурманскую область в первый российский регион, получающий всю электроэнергию от ветроэлектростанций. Для этого там есть все условия, в том числе ветры необходимой силы и устойчивых направлений. Никаких качественно новых технологий придумывать не надо. Но, как обычно, правительство утверждает, что на такие цели у него нет денег. (А на экологически вредные и опасные атомные электростанции деньги находятся.) Не развивается ветроэнергетика и на Чукотке, где для этого тоже отличные условия. Вероятно, решающую роль играет то обстоятельство, что «северный завоз» — в том числе завоз мазута — для некоторых чисто конкретных личностей (и чиновников, и бизнесменов) очень уж выгоден. Поэтому они стараются сохранить его и пока добиваются своего.

К счастью, малые автономные ветроустановки по цене доступны не только федеральному бюджету, но и частному сектору. И число их в России постепенно растёт.

ЭНЕРГИЯ ВОЛН И ПРИЛИВОВ

Этот вид энергии как будто не очень подходит для такой континентальной страны, как Россия. Но не следует забывать, что хуже других обеспеченная источниками энергии часть нашей страны — это Дальний Восток. Именно там — то на Камчатке, то в Приморье — как раз и происходят те катаклизмы, которые внушают части наших сограждан доверие к теориям вроде паршевской. Между тем на Дальнем Востоке существуют хорошие возможности для широкого использования энергии волн и приливов. Так, по проекту Тугурская приливная электростанция на южном берегу Охотского моря по своей мощности должна быть равна двум крупным АЭС, а по затратам на её сооружение — вдвое дешевле.

В число районов России, где положение сейчас аховое, входят Курильские острова. Население оттуда разбегается, большинство уже сбежало на материк. Между тем на Южных Курилах климат отнюдь не суровый и соответствует даже не Сахалину, а японскому острову Хоккайдо. На Кунашире растут магнолии, и по всем Южным Курилам встречаются бамбук и тис. Беда курильчан не в климате, а в пресловутом «северном завозе». Хотя Кунашир и даже Итуруп скорее должны быть причислены к южным, чем к северным, районам России, эти острова не меньше Арктики страдают от нехватки топлива. Из-за дороговизны тепла и энергии и постоянных перебоев с отоплением и электроснабжением говорить о нормальной работе экономики не приходится. Однако никакой настоятельной необходимости держать Курилы в зависимости от подвоза (или недовоза) мазута нет. Эти острова вполне могут обеспечить себя энергией за счёт возобновляемых источников. Существует проект беспло-

тинной волновой электростанции в проливе Екатерины между Кунаширом и Итурупом. Он вполне способен удовлетворить энергетические потребности обоих основных островов Курильской гряды.

Так что если у нас энергия приливов и волн никак пока не используется, то исключительно в силу особенностей нашего социально-политического строя, при котором чиновники принимают решения в интересах своих «деловых партнёров». Но никаких объективных причин для отказа от таких ценных и экологически чистых источников энергии нет.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О БИОГАЗЕ

Связаны ли между собой проблемы энергетики и животноводства? Оказывается, самым тесным образом!

В период существования Варшавского договора и СЭВ знаменитые «коровьи дворцы» советского образца возводили не только в СССР. Их навязывали и другим странам соцлагеря. Когда соцлагерь развалился и в бывших соцстранах начался переход к рынку, то «коровьи дворцы» сразу стали резко убыточными.

Не знаю, как поступали в других странах Восточной Европы, а вот в Словакии сумели разрешить головоломку с гигантскими животноводческими комплексами советского типа. Братья-славяне почти буквально повторили один из подвигов Геракла. Они нашли способ рационального использования навоза, который в «коровьих дворцах» сливали водой и превращали в полужидкую массу, непригодную для использования в качестве удобрения традиционным способом. Конечно, к этому словаков подтолкнула экономическая необходимость: ведь нефти и газа у них нет.

Из навоза стали делать биогаз. И выгода получилась двойная! Во-первых, за счёт биогаза животноводческий комплекс удовлетворил половину своих потребностей в энергии. Во-вторых, та часть навоза, которая оставалась после получения газа, отлично годилась для использования в качестве удобрения.

А всего в мире насчитывается более 1000 промышленных установок по выработке биогаза из навоза. В России — только несколько опытных установок[1]. А между тем российский изобретатель Александр Николаевич Чумаков рассчитал, что при полной утилизации органических отходов наша страна могла бы получать электроэнергию в количестве 23% от современного производства и тепло в количестве 8,2% от современной выработки. Это масштабы, значительно превосходящие всю российскую атомную энергетику! И притом речь идёт о технологии, которая существенно улучшает экологическое состо-

---

1 См.: Ковалёв А.А. Использование отходов животноводства для получения биогаза // Бюллетень «Возобновляемая энергия», апрель 2001 (http://intersolar.ru).

яние страны и особенно полезна для сельского хозяйства, поскольку позволит решить проблему органических удобрений.

БУДУЩЕЕ ПРИНАДЛЕЖИТ ВОДОРОДУ

При всей значимости таких источников энергии, как Солнце, ветер, приливы и подземное тепло Земли, большинство специалистов склоняется к мысли, что ведущим источником энергии в обозримом будущем станет водород. Это экологически очень чистый энергоноситель: ведь отходом при его сжигании служит вода! Запасы водорода на Земле практически не ограничены. По всей вероятности, именно водород вытеснит бензин в качестве топлива для автотранспорта. Этот день не далёк: даже бывший министр экономики Е. Ясин, которого никто не может причислить к гринписовцам и вообще к «зелёным», полагает, что до наступления эры водородной энергетики осталось лет 20–30 («Новая газета», 22–25 января 2004 года). Но некоторые другие эксперты полагают, что это произойдет ещё раньше.

Проблема заключается не в том, как получить водород, а в том, как получить его по достаточно низкой цене. Пока никто в мире эту задачу не решил. Тот, кто это сделает, способен надолго стать лидером не только мировой энергетики, но и, что вполне вероятно, мировой экономики.

Простейший способ получения водорода — гидролиз воды, которая расщепляется на водород и кислород. Но гидролиз сам требует затрат энергии. Уже в наше время процесс гидролиза используют для того, чтобы аккумулировать избыточную энергию при работе приливных или ветряных электростанций. Однако пока это делается в очень скромных масштабах. Есть проект получения почти неограниченного количества водорода за счёт тепла земных недр. Для этого предложено пробурить сверхглубокую скважину в одном из тех участков земной коры, где она относительно тонкая, и закачивать в эту скважину воду.

Для России этот проект выглядит привлекательным, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, одно из четырех подходящих мест для бурения — район озера Байкал (три других — окрестности Мёртвого моря, озера Танганьика и разлом Сан-Андреас в Калифорнии). Вода там есть, из океана её качать не надо. Во-вторых, самая глубокая в мире скважина пробурена как раз в нашей стране, пусть и в противоположном её конце — на Кольском полуострове. Так что технология бурения таких скважин известна, и есть соответствующие специалисты. Правда, проект стоит дорого: около 2 млрд долларов. Впрочем, это не дороже средней атомной электростанции. А их у нас продолжают строить, несмотря на все экономические трудности и очевидную экологическую опасность этих сооружений.

Так что сделаем простой вывод: будем жить по уму и без воровства — не замёрзнем!

ГЛАВА 5. ЭХ, ДОРОГИ...

Теперь у нас дороги плохи...
А.С. Пушкин

Александр Сергеевич не принадлежал к числу розовых оптимистов и полагал, что на улучшение дорог в России потребуется лет 500. Почти 200 лет прошло, и пока здоровый скептицизм поэта оправдывается. Воз и ныне там!

В чём причина? Г-н Паршев со свойственной ему последовательностью уверяет почтенную публику, что всё дело в климате. Якобы он у нас настолько плох, что по-другому и быть не может: **«Для дорожного покрытия даже нынешние гнилые зимы смертельны — колебания температуры вокруг нуля с таянием и замерзанием воды в трещинах асфальта как раз и добавляют впечатлений водителям и хлопот дорожникам. Для западноевропейцев эти проблемы непонятны. Помню, трассу в Домодедово строили немцы — получилась, как стол, едешь, как на месте стоишь. Но через пару лет дорожное покрытие "обрусело" полностью, так что дело не в немецкой аккуратности»** (с. 54).

Казалось бы, точка зрения предельно ясна и находится в полной гармонии с другими утверждениями нашего идеолога. Но у г-на Паршева есть и иной взгляд на дорожное строительство: «**Там, где возможны приписки и сокрытия денежных потоков, независимо от общественного строя, там есть и почва для бандитов. (Традиционно к таким областям относится строительство, особенно дорожное. Причина именно та, что проверить объёмы работ государственным контролёрам в некоторых видах производства труднее, чем в других...)**» (с. 80).

Нельзя утверждать, что второе утверждение г-на Паршева полностью разбивает его первую версию. Но оно, скажем прямо, возбуждает серьёзные и глубокие сомнения в правильности «климатической» гипотезы. Вряд ли кто усомнится в том, что традиции приписок и сокрытия денежных потоков в России очень прочные. Бандитов у нас тоже хватает, по крайней мере, никто не жалуется на их недостаток. А в честность наших государственных контролёров поверить очень сложно. При этом дороги в России строят за счёт государственного бюджета. Поневоле возникают нехорошие подозрения: а не для того ли в нашей стране делают плохие дороги, чтобы почаще их ремонтировать и побольше доить государственную казну?

ОЦЕНКА СПЕЦИАЛИСТА

Увы, это предположение подтверждается. О причинах бездорожья в России в своё время подробно рассказала «Новая газета» (от 21–24 августа 2003 года, статья Александра Никонова «Ухабы на дорогах»). Оказывается, почвенно-

климатические факторы в некоторой степени действительно причастны к российскому бездорожью. Вот что разъяснил журналисту дорожник Вячеслав Быкадоров: «Сначала о том, почему дороги у нас хуже, чем в Европах. Дело в том, что Россия — страна уникально неудобная с точки зрения дорожного строительства: 86% всех грунтов в России — так называемые связные грунты, то есть грунты с примесью глины или целиком состоящие из таковой. Есть, конечно, в России и нормальные песчаные грунты, наиболее подходящие для строительства, — их 14%. Но не будешь же для дорожной насыпи возить грунт за тыщу километров! Насыпь всегда делается из того, что есть под рукой, то есть из связных грунтов.

Как и почему связные грунты убивают асфальтовую дорогу? Дело в том, что глины и суглинки хорошо набирают и плохо отдают влагу. Вода подтягивается по рыхлостям и пустотам грунта из низлежащих слоёв прямо под дорожное полотно и с первыми морозцами замерзает. Давление воды, замерзающей в замкнутой системе, достигает 2000 кг/кв. см. И происходит то, что специалисты называют "морозным пучением". Асфальт трескается, а весной верхний слой грунта непосредственно под асфальтом обводняется и теряет несущую способность. Колёса проезжающих грузовиков завершают картину, проламывая асфальт над пустотами и разрушая так называемые выпоры асфальтового полотна. Вот и весь механизм...

— А почему в Канаде и на Аляске дороги хорошие? Там тоже бывают морозы...

— В Канаде и на Аляске насыпь под дорогой делают только из песчаных грунтов, поэтому морозного пучения не происходит. Там много песка, издалека возить его не приходится. А в тех странах, где, как и в России, много глины в почвах, либо нет морозов, либо нет такого количества грунтовых вод. Это называется "не повезло"...»

Бездорожье обходится российской экономике исключительно дорого. Всемирный банк подсчитал, что движение автотранспорта по участку дороги в 1350 км с заметными дефектами покрытия несёт годовую потерю, равную 250 млн долларов США. Две трети денег, выделяемых на дорожное строительство федеральным и местными бюджетами, уходит на ремонт уже существующих дорог, а не на строительство новых. Российский автотранспорт на одну подвижную единицу перевозит самый маленький груз в мире! И происходит это оттого, что большегрузные европейские фуры по большинству наших дорог в принципе проехать не могут. 76% дорог в России допускают перемещение грузовиков с нагрузкой на ось не более 6 тонн. А у европейских большегрузов и автобусов нагрузка на ось достигает 8–10 тонн. Так что если они и проезжают по нашим дорогам, то губят их окончательно.

Отсюда и перерасход горючего. В среднем автомобиль расходует на российских дорогах в 1,5 раза больше горючего, чем в промышленно развитых

странах, а средняя скорость автомобильных перевозок у нас по сравнению с этими странами вдвое ниже.

А влияние бездорожья на сельское хозяйство? Автор этих строк провёл мини-опрос подмосковных фермеров. И один из немногих вопросов, по которому все опрошенные высказались единодушно, это качество дорог. Все согласны, что дороги нельзя назвать хорошими, что они снижают рентабельность хозяйства. Это в Московской области! А в большинстве других областей дело обстоит куда хуже! Скажем, в Пыталовском районе Псковской области, где в начале 1990-х происходил массовый переход бывших колхозников в фермеры, основная масса фермеров теперь разорилась. И главная причина разорения — непроезжие дороги.

Так что пока в России будет царить бездорожье, ни о какой конкурентоспособности нашей страны в рамках мирового рынка говорить не приходится. При таких затратах в сфере перевозок российские товары не могут конкурировать с зарубежными.

Но то, что мы сейчас сказали, вроде бы подтверждает теорию г-на Паршева? Получается, что неконкурентоспособность российской экономики обусловлена совершенно объективными причинами? А вот и нет. Способ исправить российские дороги давно изобретён. Вячеслав Быкадоров разработал соответствующую технологию ещё в 1980-х годах.

КАК ТЕЛЯТА С ДУБОМ БОДАЛИСЬ

Быкадорову, который тогда работал средним начальником в стройуправлении, помогло его первое образование металлурга-литейщика. Он вспомнил, что металлурги формуют грунт для литейной формы вибрацией. От этого грунт становится гораздо плотнее, чем при укатывании катком. Поэтому Быкадоров предложил своему другу, более высокопоставленному дорожнику Феликсу Губерману идею — трамбовать дорожную подушку не катком, а вибротендом. Это позволяет уплотнить глинистые грунты настолько, что они не уступают песчаным. При этом поры между частицами грунта уменьшаются, соответственно, падает и всасывающая сила грунта. И угроза морозного пучения и разрушения дороги резко снижается.

Губерман всецело поддержал идею Быкадорова. Благодаря его пробивным способностям ещё тогда, в 1980-х, удалось построить работающую на дизеле виброплатформу, которая цеплялась к трактору «Кировец». Конструкция оказалась очень эффективной: с одного захода грунтотрамбовочная машина уплотняла грунт ровно настолько, насколько требовалось. По сравнению с несколькими заходами обычного катка рост плотности дорожной подушки выходил небольшим — всего 5%. Но зависимость прочности дорожного по-

лотна от плотности дорожной основы растёт по экспоненте! И потому пятипроцентное повышение плотности дорожной подушки повышает прочность дороги и срок её службы в 2 раза.

Оказывается, в США стандарт плотности насыпи выше нашего ГОСТа (установленного ещё в советское время) как раз на 5%. И это ведёт к тому, что промежуток между ремонтом американских дорог вдвое больше, чем в России. А качество дорожного полотна намного выше. В США необходимой плотности насыпи можно достигнуть обычным катком, поскольку там, в зависимости от штата, либо зима тёплая, либо песка много. Российские суглинки и глины катком до такой же плотности утрамбовать нельзя, поэтому наш ГОСТ подогнали под реальные возможности катка.

Для того чтобы обеспечить широкое внедрение изобретения Быкадорова, всего-то и требовалось изменить ГОСТ, повысив норматив плотности дорожной подушки на те самые 5%. Здесь инициативу взял на себя Губерман. Обладая невероятными способностями к «вертикальной трансгрессии», он ознакомил с быкадоровским изобретением многих деятелей, занимавших в 1990-х годах крупные государственные посты. В их число входили А. Чубайс, Е. Гайдар, Е. Ясин, Б. Немцов. И все они были «за»! На словах. Кроме того, идею Быкадорова — Губермана поддерживали: грунтовая лаборатория геофака МГУ; Инженерный центр геологии и экологии РАН; кафедра инженерной геологии Геологоразведочной академии; Московский автомобильно-дорожный институт (МАДИ-ТУ); Российское дорожное научно-производственное объединение «ГП "РосдорНИИ"»; Всероссийский научно-исследовательский институт строительного и дорожного машиностроения (АО «ВНИИСтройдормаш»); наконец, сама Российская академия наук. Дорожные испытания дали положительные результаты. Открытых противников у новой технологии не было. Но ГОСТ не менялся. Он оказался куда устойчивее часто менявшихся в 1990-х правительств, премьеров и вице-премьеров!

«— Мы с Губерманом тем не менее не оставляли наших атак на правительства, — продолжает в беседе с А. Никоновым Вячеслав Быкадоров. — Однако воз не двигался с места ни на йоту. Это вызывало у нас недоумение, пока нам, наконец, не объяснили, в чём тут дело, знакомые ребята из ФСБ. Они тоже ознакомились с нашими документами и сказали следующее: "Понимаете, в дорожном бизнесе крутятся миллиарды рублей. Эта бюджетная река разбивается на потоки, идущие по разным адресатам, в том числе и в дорожное строительство. А строительный бизнес, как известно, удобен для воровства — помнишь скандал с МКАД?.. Внедрение вашего предложения перенаправит часть бюджетного потока не на ремонт дорог, а на строительство новых, потому что старые дороги перестанут нуждаться в столь частом ремонте. Но каждый, кто пытается немного перераспределить финансовые потоки, невольно ущемляет чьи-то конкретные интересы. Так что, если вам жизнь дорога, луч-

ше туда не суйтесь. Если, конечно, не хотите получить пулю в подъезде. К тому же Федеральная дорожная служба России, которая на словах выступает за вашу идею, пока что находится в крайне удобной ситуации — сама отвечает за строительство дорог и сама же себя контролирует. А если, как ты предлагаешь, ввести специальную вневедомственную инспекцию по контролю земляного основания дорог до укладки дорожного покрытия, это положит конец их хорошей жизни"».

Пророчество гэбешников скоро сбылось. На Губермана в подъезде наставили ствол и недвусмысленно намекнули: «Убирайся, пока живой». И Губерман эмигрировал в Израиль. Однако не спешите осуждать его, читатель! На вас когда-нибудь направляли дуло? Нет? И слава Богу!

А Быкадоров остался. И до сих пор ходит по чиновничьим кабинетам, пытаясь пробить свою идею. Конечно, сейчас на это нет совсем уже никаких шансов. Если в 1990-х годах коррупция в России была отчасти стихийной, то теперь она выстроилась в стройную, хорошо организованную вертикаль. Между прочим, не последнюю роль в исполнительной вертикали до недавнего времени играл председатель правительства М. Касьянов — человек с высшим автодорожным образованием. Необычайно трудно поверить, будто г-н Касьянов ничего не знает о российских дорожных проблемах. Но на уме у него совсем не преодоление бездорожья. Как сообщила «Парламентская газета» (26 декабря 2003 года), премьер считал, что «ликвидация *убыточных* функций» министерств и ведомств «должна помочь в деле регулирования в экономике». Очевидно, глава правительства хотел оставить за министерствами и ведомствами одни лишь *прибыльные* функции. Естественно, что речь идёт о прибыли конкретных чиновников и тех паразитических частных компаний, которые с ними в доле. Например, плохое качество российских дорог и огромные расходы на их бесконечный и бесплодный ремонт наносят огромный убыток государственному бюджету, то есть нам с вами, налогоплательщикам. Но для конкретных ребят из Федеральной дорожной службы и их друзей из строительных трестов это источник прибыли. Значит, функция поддержания бездорожья у чиновников останется.

Теперь Касьянов уволен. На смену Мише Два Процента пришёл другой Миша. Но изменится ли что-нибудь от этого? Едва ли. Как гласит литовская поговорка, Mishka zu Lokis abi du tokis. Иными словами, два сапога — пара. Или, в буквальном переводе, два медведя — одно и то же.

Но для нас важно, что дороги в России можно исправить уже сегодня. Для этого требуется «всего-навсего» коренное изменение политического и экономического строя. При нынешней власти рассчитывать на какие-либо перемены к лучшему нет оснований. Естественно, что правительство гэбешников служит идеальной крышей для любой мафии, в том числе и дорожно-строительной. Как следует из вышеизложенного, в органах, которые нынче нельзя

отделить ни от исполнительной, ни от законодательной власти, прекрасно знают суть проблемы. И считают вполне нормальным, что из-за бездорожья Россия теряет многие миллиарды долларов ежегодно.

А идея Быкадорова — Губермана по созданию виброкатков практически воплощена в жизнь. Но, естественно, не у нас, а в Испании. Испанцы экспортируют эту технику в разные страны мира и очень хорошо на этом зарабатывают. Высококачественное уплотнение дорожного полотна оказалось нужным очень многим странам мира. Но только не России — при теперешней власти.

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У МЕГАПОЛИСОВ

Хорошие дороги жизненно необходимы для России ещё и из-за явной бесперспективности мегаполисов. Мы уже доказали их крайнюю энергетическую расточительность. Однако ещё важнее экологическая вредность. Причём эта черта мегаполисов даже не зависит напрямую от количества промышленных предприятий. В Москве сегодня промышленности немного, а загрязнение окружающей среды сильнейшее, причём 70% всех ядовитых выбросов даёт автотранспорт. Установлена прямая зависимость между уровнем загрязнения по административным округам столицы и заболеваемостью детей в них. Так что жить в мегаполисах просто вредно для здоровья.

России нужна целенаправленная политика разукрупнения больших городов. Речь идёт, понятно, не о сиюминутной кампании, а о стратегии, рассчитанной на десятилетия. Такая политика совершенно необходима и по демографическим соображениям. Все знают, что в России рождаемость настолько низкая, что не обеспечивает даже простого воспроизводства населения, которое устойчиво сокращается. Но добиться существенного роста рождаемости у скученного в городских квартирах большинства россиян вряд ли удастся даже в том случае, если государственная политика коренным образом изменится и будет направлена на реальную помощь семьям с детьми. Городские квартиры просто не рассчитаны на многодетные семьи. Один ребёнок в семье — это своего рода «норма» для мегаполиса. Двухдетные семьи в Москве и других больших городах, конечно, тоже попадаются. Но число родителей, отваживающихся на такой шаг, едва ли превышает количество бездетных взрослых. Так что в итоге получается один «среднестатистический» ребёнок на родительскую пару. А это означает сокращение численности населения вдвое с каждым последующим поколением.

Это понятно: в стандартной городской квартире для детей просто нет жизненного пространства. А выпускать ребят младше 10 лет одних на улицу понастоящему опасно. Поэтому мамы (иногда — бабушки) водят их за ручку, что, вообще-то, вредно. Не следует забывать, что крестьянские дети столетней

давности (да и более позднего времени) в 6–7 лет были уже вполне самостоятельными людьми. Но их окружала здоровая природная среда, а не враждебная человеку — хотя им же и порождённая — техносфера.

Если мы хотим добиться хотя бы простого воспроизводства населения, то другого пути, кроме массового переселения из больших городов в пригороды, просто не видно. Для этого в России есть, по крайней мере, две предпосылки: обширная территория и массовое владение дачами и садовыми участками. Конечно, наша типовая «фазенда» в 6 соток тоже мала. Но она примерно на порядок обширнее обычной городской квартиры. И дети на даче либо в деревне находятся в куда более естественной обстановке, чем в четырёх стенах в городе.

Статистика развитых стран свидетельствует, что у жителей пригородов рождаемость выше, чем в больших городах. Некоторые демографы этому удивляются. Но такое соотношение следует признать совершенно естественным. Кстати говоря, во всех развитых странах на смену урбанизации давно пришла *субурбанизация* — переселение из квартир в многоэтажных домах крупных городов в одно- и двухэтажные, односемейные дома в пригородах. Однако в России пока ничего похожего не наблюдается. Совсем наоборот! Сочинённые ещё в 1950-х годах шутливые стихи: «Бегут, спешат в Москву народы» — ничуть не утратили своей злободневности. Это наглядное доказательство нашего отставания от передовых стран.

Чтобы переломить тенденцию, придётся менять всю нынешнюю экономическую политику. Придётся прекращать войну против малого и среднего бизнеса, которую до сих пор успешно ведёт могучая армия российских чиновников. Без прекращения этой позорной, чисто грабительской войны нечего и думать о создании миллионов новых рабочих мест за пределами больших городов. Необходимостью станет и банковская реформа. Ведь без надёжных, обладающих прозрачной отчётностью банков массовое строительство односемейных домов (не дачных домиков, а домов, рассчитанных на круглогодичное проживание) вряд ли возможно. Во всём мире жильё строят или покупают в основном в кредит. И, конечно, надо будет в полной мере задействовать опыт строительства экодомов. В частных домах традиционных образцов при рыночных ценах на энергоносители жить будет разорительно.

Но даже все эти меры, вместе взятые, не помогут, если автодороги останутся в теперешнем безобразном состоянии. Как метко сказал путинский министр транспорта И. Левитин, «автомобильные дороги — это один из барьеров на пути транспорта»[1]. И, пока они будут служить барьером, воз российской экономики и социальных проблем из трясины вытащить не удастся.

[1] Аргументы и факты. 2004. № 52.

МИФ О «ДОРОГОВИЗНЕ» ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

Российские железные дороги отнюдь не делят дурную славу наших автодорог. Да, ширина колеи в нашей стране отличается от европейской. Но тут ещё неизвестно, кто к кому должен подлаживаться. Всё-таки по площади Россия превосходит даже нынешний, сильно разросшийся Европейский союз. А в остальном наши железные дороги вроде бы выглядят прилично. Ну, цены вздувают, но это свойство любой монополии.

Однако г-н Паршев утверждает, что перевозка товаров по железной дороге крайне дорога и совершенно невыгодна. Впрочем, такого же мнения он и о любых сухопутных перевозках: **«Беда в том, что сухопутный транспорт существенно, на порядок, дороже морского, и отвезти морем норильский никель в Лондон и даже Куала-Лумпур не дороже, а дешевле, чем в Москву, из-за перевалки и длинного железнодорожного плеча. Морские транспортные тарифы в мире на порядок ниже любых сухопутных»** (с. 58).

Не будем придираться к мелочам вроде того факта, что Куала-Лумпур стоит не на море, и без перевалки туда никель (и любой другой товар) не доставишь. Но верно ли утверждение, что железнодорожные перевозки в десять раз дороже морских? Вот ведь такая страна, как Южная Корея, просто мечтает присоединиться к евразийской железнодорожной сети. Со времени корейской войны это государство фактически является островом, поскольку граница с Северной Кореей закрыта. Сообщение с внешним миром возможно только морем и по воздуху. И одним из главных стимулов к примирению с тоталитарным режимом в Пхеньяне для южных корейцев служит стремление установить прямое железнодорожное сообщение с остальной Евразией. По-видимому, перевозка грузов из Кореи в Европу (или обратно) по железной дороге вполне может обойтись дешевле, чем услуги морского транспорта.

КАК БЕЗДОРОЖЬЕ В ГЛУБИНКЕ ВЛИЯЕТ НА МОСКВИЧЕЙ

А вот ещё одно откровение г-на Паршева, на первый взгляд, никак не связанное с проблемой российского бездорожья: **«...сооружения, построенные при Хрущёве, еле простояли 30** (лет. — *И.С.*) **(пятиэтажки, мосты, эстакады)»** (с. 222).

Странная вещь: ваш покорный слуга живёт в пятиэтажке, построенной в 1958 году, и она до сих пор не развалилась, а ведь со дня её постройки прошло уже 48 лет! Чему же мне верить? Своему жизненному опыту или многомудрым речениям г-на Паршева? Да ведь и из окрестных пятиэтажек ни одна сама по себе не рухнула. Многие уже сломали, чтобы возвести на их месте 22-этажные дома, это факт. Но, вообще-то, наши «хрущобы» вполне могли простоять ещё столько же лет. Строили их, по крайней мере в Москве, вполне добротно. Недостатков у этих домов, безусловно,

немало: отсутствие лифтов (для живущих на 5-х и 4-х этажах стариков и старух это очень существенный минус) и мусоропроводов, совмещённый санузел, но утверждения о «ветхости» пятиэтажек и необходимости их срочного сноса — враньё. Конечно, это не г-н Паршев выдумал, он просто подхватил с чужих слов.

А вот кому эта ложь выгодна? Общеизвестно, что строительный бизнес в Москве сейчас приносит огромную прибыль. В новых домах в 22 этажа селят-то ведь не только тех, кого выгоняют из разрушаемых «хрущоб», да и с тех стараются содрать побольше в качестве «доплаты» за дополнительные квадратные метры, а при нехватке денег выселяют на окраины города. Не меньше трёх четвертей квартир в новых домах идёт в продажу. И их покупают те, у кого есть деньги. Серьёзные деньги, поскольку квадратный метр жилья в столице стоит от 1,1 до 2 тысяч «зелёных». И это цена именно типового жилья. Дома для элитного жулья мы не берём в счёт, там квадратный метр и вовсе стоит около 6 тысяч долларов. Так вот, по расчётам Росстата, себестоимость строительства жилья в Москве в 2003 году составила 15 748 рублей (около 543 долларов) за квадратный метр[1]. Причём это средняя себестоимость в домах всех типов, включая элитные. А издержки на строительство типового жилья ещё ниже. Следовательно, норма прибыли московских строительных компаний значительно превышает 100%. Таковы факты.

И тут на сцену выступает г-н Паршев и начинает доказывать, будто получение прибыли в российской экономике, за исключением некоторых сырьевых предприятий, якобы невозможно: **«А каждый появившийся у нас доллар немедленно побежит туда, где он сможет получить прибыль»** (с. 97). Дело не в косноязычии этого изречения, дело в его лживости! У московских строительных компаний, которые к добытчикам сырья явно не принадлежат, с прибылью всё в порядке. И совершенно очевидно, что теория г-на Паршева придётся им по вкусу, ведь в соответствии с ней легко «объяснять» запредельные московские цены на квартиры исключительно холодным климатом России, в силу чего для стены **«в средней полосе России нужно минимум 3,5 кирпича»**, тогда как в Англии всего один. Но об этом, впрочем, мы говорили в предыдущей главе.

Итак, ложь о ветхости пятиэтажек обслуживает вполне конкретные интересы. Хрущобы сносят не оттого, что они разваливаются, а оттого, что множество состоятельных жителей России и стран СНГ готово заплатить большие деньги за квартиру в Москве.

А ведь не будь современного российского бездорожья, не было бы и бешеных московских цен на жильё! Тот огромный разрыв в уровне жизни между столицей и большинством регионов, который мы отметили в первой главе, во многом благодаря бездорожью и сохраняется! Так что выходит, что в сохранении бездорожья в глубинке кровно заинтересованы не одни дорожно-строительные фирмы, но и компании, которые строят жильё в Москве.

---

1 См.: Чичерова Л. Сумасшедшие метры // Деньги. 2004. № 9.

ГЛАВА 6. ОПРОВЕРЖЕНИЕ ТЕОРИИ ПЕРЕДЕЛА

Епиходов. Не могу одобрить нашего климата. Не могу. Наш климат не может способствовать в самый раз.

А.П. Чехов

Из всех положений учения Паршева самой убедительной и правдоподобной выглядит его теория передела. Вот как излагает её сам автор: **«...каждая стадия технологического процесса (каждый передел) обходятся нам дороже на несколько десятков процентов, чем в среднем в мире. Но это превышение накапливается по стадиям технологического процесса — а их в среднем 5–6»** (с. 291). И далее он сравнивает Россию с некой воображаемой «средней» страной: **«Итак, эта "средняя" страна потратит 10 долл. на топливо, 50 на сырьё, 30 на зарплату, 10 на амортизацию — итого 100 долларов. Мы потратим соответственно 30, 50, 30 и 20 — итого 130 долл.**

К следующему этапу мы будем иметь результат передела, который послужит полуфабрикатом для следующей стадии, уже в 1,3 раза более дорогой, чем у наших конкурентов.

Новый передел: конкурент опять тратит 10, 50, 30 и 10. А мы тратим уже 30, 65 (а не 50, как на первом этапе), 30 и 20 — итого 145. Продукт уже в 1,45 раза дороже, чем у конкурента» (с. 292).

Общий вывод г-на Паршева состоит в том, что из-за высоких энергозатрат, обусловленных холодным климатом, **«наша промышленная продукция, аналогичная иностранной по потребительским характеристикам, оказывается выше по себестоимости и при реализации по мировым ценам приносит нам не прибыль, а убыток»** (с. 103).

Если принимать эту теорию всерьёз, то она даёт объяснение преимущественно сырьевой ориентации российского экспорта, да и российской экономики в целом. Г-н Паршев рисует следующие жуткие последствия повышенных затрат на каждый передел: **«Если сырьё в России обходится дороже на десятки процентов, то готовые изделия уже на сотни, и, продавая их по мировым ценам, российский производитель, чтобы быть конкурентоспособным, отнимает у себя... Экономить приходится на зарплате (не платить её) и, самое неприятное, на амортизации. То есть приходится не восстанавливать основной капитал, расходуемый в процессе производства! Вот именно поэтому и складывается сырьевая ориентация российского экспорта...»** (с. 293). Дороговизна амортизации объясняется всё той же климатической причиной: надо строить капитальные здания в несколько рядов кирпичей (как мы помним, о других стройматериалах г-н Паршев ничего не слышал).

Таким образом, преобладание сырья в российском экспорте, по мнению г-на Паршева, объективный и непреложный закон. Не стоит ругать за это

Брежнева или Ельцина. Само вовлечение России в мировую экономику обусловливает сырьевую ориентацию экспорта.

Преодолеть все эти печальные последствия, если верить автору книги «Почему Россия не Америка», можно только одним способом: отгородиться от мирового рынка. Никакие другие меры не помогут. Не стоит возлагать надежд и на рост производительности труда: **«Ну, предположим, мы добьёмся превышения среднезападной производительности труда. Но победим ли мы в этом случае в глобальном соревновании? Если расход энергии в 4–8 раз больше, выигрыша-то всё равно не будет!»** (с. 243).

ТЕОРИЯ ПЕРЕДЕЛА НЕ МОЖЕТ ОТНОСИТЬСЯ К ОДНОЙ СТРАНЕ!

В отличие от подавляющего большинства других положений автора книги «Почему Россия не Америка», теория передела, повторим, представляется логичной. Действительно, мы знаем, что затраты на отопление зданий в современной России в несколько раз выше, чем в развитых странах. В европейской части страны это превышение составляет 2–3 раза, а в Сибири — даже 3–4 раза (см. главу 4). Конечно, восьмикратных различий, которые выдумал г-н Паршев, на самом деле не существует. К тому же, как мы убедились, столь огромные затраты топлива и энергии — отнюдь не неизбежное следствие холодного климата, а прежде всего показатель экономической отсталости России и безответственной экологической политики наших властей. Но фактически затраты сейчас очень велики. И климатическая составляющая в состав этих затрат, безусловно, входит. Может быть, при столь высоких затратах на отопление российская продукция машиностроения и других высокотехнологичных отраслей действительно обречена быть дороже иностранных аналогов, что автоматически делает её неконкурентоспособной?

Для проверки паршевской теории передела необходимо принять во внимание, что эта теория не может относиться к одной отдельно взятой России. Действительно, в мире есть и другие государства, в которых расходы на отопление явно выше среднемировых. Яркими примерами таких государств являются Канада и наша соседка Финляндия. Да и недавно восстановившие свою независимость прибалтийские государства тоже отличаются более холодной зимой по сравнению с условной «средней» страной. Если теория передела верна, то эти страны тоже не могут не страдать от высоких затрат на отопление. Конкурентоспособность их машиностроительной и другой высокотехнологичной продукции должна быть пониженной, а сырьевая (или, во всяком случае, «низкопередельная») ориентация экспорта — неизбежной.

Следует отдать должное г-ну Паршеву: он понимает логическую неизбежность распространения теории передела на другие государства и сам идёт

по этому пути. Здесь уместно привести три высказывания из книги «Почему Россия не Америка», касающиеся Прибалтики, Финляндии и Канады.

У прибалтийских государств, по мнению г-на Паршева, нет другого пути, кроме экономического объединения с Россией: **«В рамках российского и советского рынков их продукция была ой как конкурентоспособна, а вот в рамках мирового — извините. И не надо быть особым прозорливцем, чтобы догадаться, что доллары они заработать не смогут, а вот рубли — запросто. И вернутся, голубчики, туда, откуда с таким скандалом вылетели, — в изолированный от мирового рынка российский рынок, со всеми его прелестями. Не хочется? А придётся»** (с. 359).

Финляндия, если верить нашему идеологу, добилась за вторую половину XX века высокого уровня благосостояния исключительно благодаря тесным связям с СССР: **«А где сбывались, скажем, финские товары? Я думаю, об этом легко догадаться. Не в Западной Европе»** (с. 360).

Для Канады такое объяснение не годится. Её экономические связи с бывшим СССР ограничивались экспортом зерна, а канадскую промышленную продукцию Советский Союз почти не закупал. Сейчас же российско-канадская торговля вообще почти на нуле. И г-н Паршев придумывает другое объяснение, которое, при всей его анекдотичности, стоит привести: **«Канада — фактически провинция США, по сути, это северная периферия самой богатой страны мира. Попробую провести аналогию: североамериканские эскимосы имеют более высокий уровень жизни, чем российские, но это не значит, что они более трудолюбивы или умны — для них действуют правительственные программы развития. Примерно то же, в разных формах, касается и канадцев»** (с. 45).

Однако все эти утверждения имеют роковой — для нашего идеолога — недостаток: они поддаются проверке.

ФАКТЫ — ВЕЩЬ УПРЯМАЯ

Начнём с Прибалтики. За годы, прошедшие после выхода в свет книги «Почему Россия не Америка», Литва, Латвия и Эстония не побежали назад на российский рынок, а выбрали совсем другой путь — вступление в Европейский союз. Очевидно, сомнений в том, что они сумеют заработать еврики, у прибалтов нет. А евро сейчас всё же привлекательнее и дороже доллара. Любопытно, что и евроскептики в прибалтийских странах выдвигают совсем другие доводы против Евросоюза, чем г-н Паршев. Противники европейской интеграции боятся, что брюссельская бюрократия окажется не лучше московской и затормозит экономический рост государств Балтии.

Но мы уже привыкли к тому, что пророчества автора книги «Почему Россия не Америка» никогда не сбываются. Лучше перейдём к фактическому материалу,

который был вполне доступен г-ну Паршеву ко времени выхода в свет его книги, да только наш идеолог им не воспользовался. Не нашёл? Да нет, скорее сознательно избегал. Факты в очередной раз свидетельствуют не в пользу его построений.

Откроем ежегодник International Trade Statistics Yearbook за 1997 год и выясним, какова структура экспорта Финляндии. Оказывается, продукция обрабатывающей промышленности составляет в финском экспорте 98,2%, продукция сельского хозяйства — 1,4%, а продукция добывающей промышленности — всего 0,4%. Ни о какой сырьевой ориентации экспорта у наших соседей нет и помину! А вот как менялась с 1991 по 1997 год доля отдельных отраслей в экспорте Финляндии.

Таблица 6.1. Вклад отдельных отраслей промышленности в общий экспорт Финляндии (%)

Вид продукции	1991	1997
Машины и изделия из металлов	31,8	43,9
Бумага и продукты из неё	32,0	23,5
Продукция химической промышленности	11,4	9,8
Металлы	9,4	7,6

Ясно, что в экспорте наших соседей возросла доля продукции высоких степеней передела (если использовать терминологию г-на Паршева). Очень сильно выросла доля машин (в частности, мобильных телефонов) и изделий из металла, а вот удельный вес самих металлов уменьшился. Итак, развитие финляндской экономики опровергает теорию передела.

Но куда направлен финский экспорт? В книге «Почему Россия не Америка» утверждается, что не в Западную Европу. Это легко проверить по тому же самому статистическому ежегоднику.

Таблица 6.2. Экспорт Финляндии по странам (млн долл.)

Страна	1993	1997
Германия	2993,2	4416,5
Великобритания	2391,5	4019,8
Швеция	2699,6	3963,4
Россия	1372,8	2951,3
США	1831,7	2822,0
Франция (с Монако)	1206,7	1687,3
Нидерланды	1147,7	1645,0
Эстония	Нет данных	1291,0
Италия	731,7	1182,4
Норвегия	734,7	1175,4
Мир в целом	23473,4	40980,0

Мы видим, что Россия занимает почётное четвёртое место в списке стран — импортёров финских товаров, но её доля в экспорте Финляндии чуть больше 7%. Несравненно большее число финских товаров сбывается в Западной Европе. Примем, что Швеция, Норвегия и Эстония имеют равные с Финляндией условия, и на них «эффект передела» распространяться не должен. Это допущение не совсем верно, поскольку зима в Финляндии всё же несколько холоднее, чем в перечисленных странах. Но различия малы, и ими можно пренебречь. Однако совершенно очевидно, что в Германии, Англии, Франции, Нидерландах и тем более в Италии расходы на отопление существенно меньше финских. Если теория передела описывает реальный, а не вымышленный эффект, то здесь она должна была сработать. Продукция обрабатывающей промышленности Финляндии должна оказаться дороже аналогичной продукции стран Западной и Южной Европы и проиграть конкуренцию с ней. Но в действительности этого отнюдь не наблюдается! Экспорт Финляндии в пять существенно более тёплых стран Западной и Южной Европы более чем в 4 раза превосходит её экспорт в холодную Россию. А что финны вывозят отнюдь не сырьё, мы уже показали. Значит, теория передела не работает.

Не менее показателен пример Канады. Как свидетельствует тот же ежегодник, в её экспорте продукция обрабатывающей промышленности составляет 85,3%, продукция добывающей промышленности — 9,9%, а продукция сельского хозяйства — 4,8%. И это при том, что канадский зерновой экспорт — один из самых крупных в мире! На первом месте в канадском экспорте идут машины и изделия из металлов — 44,7%. Интересно, что удельный вес машин и изделий из металлов в вывозе Канады и Финляндии почти одинаков, разница не достигает и одного процента. А вот в экспорте России за тот же 1997 год доля машин и изделий из металлов всего 7,7%. Поневоле начинаешь задумываться, в климате тут дело или действуют совсем иные причины.

Остальные статьи канадского экспорта сильно отстают от машин и металлических изделий. На долю продукции химической промышленности приходится 9,4% канадского вывоза, бумаги и продуктов из неё — 7,8%, леса и изделий из древесины — 6,0%. Можно заключить, что в экспорте Канады сырьё играет определённую роль, и этим Страна кленового листа отличается от Суоми. Но даже если сложить весь сырьевой экспорт Канады (нефть и другую продукцию добывающей промышленности, зерно, лес), он всё равно окажется в 2 с лишним раза меньше, чем вывоз продукции машиностроения и металлоообработки.

Из таблицы 6.3 видно, в каких странах реализуются канадские товары. Остальные страны можно не перечислять, поскольку их доля в канадском экспорте незначительна. Россия (вывоз в которую составил лишь 253,7 млн долл.)

Таблица 6.3. Экспорт Канады в 1997 году по странам (млн долл.)

Страна	Сумма экспорта
США	176 758,7
Япония	7 861,7
Китай (с Гонконгом)	2 830,5
Великобритания	2 756,7
Южная Корея	2 115,1
Германия	1 969,6
Нидерланды	1 222,8
Бразилия	1 163,3
Бельгия (с Люксембургом)	1 112,3
Франция (с Монако)	1 087,4
Италия	1 071,3

как торговый партнёр для Канады значит очень мало — даже меньше, чем Куба (259,7), Филиппины (291,7) или Колумбия (304,3).

В экономическом отношении Канада действительно заслуживает названия периферии США. На долю южного соседа падает более двух третей канадского экспорта. Но как раз это обстоятельство окончательно губит теорию передела. Мы знаем, что в канадском экспорте не более 20% сырья, а преобладает готовая продукция высоких степеней передела, особенно машины и изделия из металла. И представить себе, чтобы частные американские компании и отдельные потребители-индивидуалисты закупали дорогие и неконкурентоспособные канадские промышленные товары на добрую сотню миллиардов долларов ради каких-то высших политических соображений, никак невозможно. Что касается правительственной помощи США другим государствам, то общая её сумма не превышает 15 млрд долл., к тому же Канада в число получателей этой помощи не входит и никогда не входила.

Как видно из таблицы 6.3, остальные крупные импортёры канадских товаров — это также более тёплые по сравнению со Страной кленового листа государства. Отсюда необходимо сделать чёткий и определённый вывод: канадские товары на мировом рынке вполне конкурентоспособны, и из попыток приложить к другим странам мира (кроме России) теорию передела решительно ничего не выходит.

«МММ» В АМЕРИКЕ И У НАС

Здесь следует привести ещё кое-какие данные относительно той самой Америки, с которой г-н Паршев почему-то постоянно сравнивает Россию. Климат США крайне разнообразен, там представлены все природные зоны —

от арктических пустынь (север Аляски) до тропических лесов (Гавайи и юг Флориды). Вопреки довольно распространённому у нас мнению, холодная зима в пределах США бывает не только на Аляске. В северо-центральных штатах этой страны (Висконсин, Миннесота, Северная Дакота, Монтана) зима вполне сопоставима со среднерусской. Правда, лето там заметно жарче, чем в средней полосе России, но г-н Паршев, как мы уже хорошо знаем, постоянно делает упор именно на зимние температуры. Так вот, в большей части штата Миннесота средняя январская температура ниже, чем в Московской области. Поскольку этот штат сильно вытянут с севера на юг, то и изменение январской температуры значительное: от –15°C на севере до –9,5°C на юге. В любом случае это вполне русская зима! Если бы теория передела соответствовала истине, то следовало бы ожидать чисто сырьевой экономической специализации Миннесоты.

Так когда-то и было! Ещё в середине XX века экономика этого штата держалась на двух китах: сельском хозяйстве (тёплое лето позволяет в южной и центральной части Миннесоты выращивать даже кукурузу на зерно, хотя на севере штата сеют в основном овёс) и добыче железной руды. Однако за последние полвека положение сильно изменилось. И не потому, что пришло в упадок сельское хозяйство (оно по-прежнему занимает видное место в американской аграрной экономике) или сократилась добыча железной руды (Миннесота сохраняет в этой отрасли первое место в США). Просто возникли и стали активно развиваться новые для штата отрасли: металлургия, машиностроение (особенно изготовление электрооборудования), производство компьютеров и транспортного оборудования. Причём сочетание новых и старых отраслей экономики в результате привело к тому, что доход на душу населения в Миннесоте выше, чем в расположенных на юге США Калифорнии, Флориде или Техасе[1].

У нас мало кто знает, что название печально знаменитой фирмы г-на Мавроди «МММ» (что греха таить, я и сам сдал туда свой ваучер, хотя на обогащение не рассчитывал) отнюдь не оригинально. Оно представляет собой чуть переделанное название крупной американской корпорации MM&M (Minnesota Metals & Manufacture), которая возникла в Миннесоте и до сих пор действует прежде всего в этом штате. О роли MM&M в американской экономике можно судить по тому, что она входит в число тех 30 акционерных обществ, по курсу акций которых рассчитывают широко известный индекс Доу Джонса. Причём роль добычи сырья (железной руды) в общем производстве этой корпорации устойчиво падает, а удельный вес несырьевых отраслей растёт.

Теория передела, конечно, бессильна объяснить эти факты.

---

1 The USA and Canada 2003. L. & N.Y.: Europa Publications, Taylor and Francis group, 2002.

БЕДА НЕ В ЗАТРАТАХ, А В КАЧЕСТВЕ

Мы убедились, что теория передела неприложима ни к одной стране, кроме России, что вызывает непреодолимые сомнения в её правильности. Есть все основания полагать, что сырьевая ориентация российского экспорта и всей российской экономики обусловлена какими-то иными причинами, а задача г-на Паршева состоит в том, чтобы их получше замаскировать. Но вначале ответим на ключевой вопрос: а точно ли российская машиностроительная продукция дороже зарубежной аналогичного качества?

Тут у нас не столь уж большое поле для сравнений. Скажем, гражданские самолёты в России понемногу, но делают. И — это важно — они дешевле «боингов». Правда, различия в цене сейчас невелики, но лишь оттого, что российские самолёты нынче — штучный товар, а «боинги» — массовый. А, как справедливо писал г-н Паршев (надо ж его и похвалить, когда есть за что!), **«мелкие серии плохи тем, что на единицу продукции уходит больше сил и получается больше отходов, чем в крупных сериях»** (с. 314). При массовом выпуске российские самолёты оказались бы существенно дешевле «боингов». И не потому, что у нас зарплату не платят. На авиазаводе зарплату (пусть незначительную) платят даже тогда, когда он простаивает годами, ведь отрасль считается стратегической и получает государственные дотации.

Вся беда в том, что массовый выпуск нынешним моделям российских самолётов не светит. Их не покупают даже российские авиакомпании, включая государственный «Аэрофлот». Отчасти дело в том, что отечественные товаропроизводители требуют от покупателя немедленной оплаты, тогда как «Боинг» прибегает к лизингу самолётов. Но этот фактор — не решающий. Главный и пока неискоренимый порок российских самолётов — это моторы. Они гораздо менее надёжны, чем у конкурентов, и вдобавок не вписываются в жёсткие экологические нормы, установленные Евросоюзом. Самолёты с такими шумными и грязными моторами приходится использовать только на внутренних авиалиниях, что делает их гораздо менее привлекательными для любой авиакомпании. При этом фюзеляж самолёта российские конструкторы умеют делать едва ли не лучше всех в мире, но из-за низкого качества моторов в целом получается продукция, неспособная конкурировать с иностранной. А ценовой фактор играет второстепенную роль.

О том, насколько сравнима по качеству с зарубежной продукция российской автомобильной промышленности, подробно писать нет необходимости. Все понимают, что единственное достоинство «Лады» — её низкая цена. Если бы цены на продукцию АвтоВАЗа и зарубежных фирм сравнялись, банкротство волжского автогиганта стало бы неизбежным. Поэтому не стоит удивляться тому, что владельцы главного российского автозавода боятся конкуренции даже со стороны подержанных иномарок. Отсюда — непрерывно растущие го-

сударственные пошлины на ввоз подержанных автомобилей из-за границы. Но как всё это согласуется с теорией передела? Ведь по этой теории у нас себестоимость и цена должны быть выше, чем у них! А выходит наоборот. Причём нельзя сказать, что Волжский автозавод работает себе в убыток. Там и зарплату регулярно платят, причём по российским меркам неплохую. А раз зарплату платят, значит, прибыль точно есть.

И с российским (точнее, по времени его изобретения, советским) оружием те же проблемы. Каково его качество, весь мир мог убедиться во время недавней войны США и Великобритании против Ирака. Да, Ирак располагал лишь советским оружием 1980-х годов, более позднее туда не могло попасть из-за международных санкций. Но разве российская армия с тех пор перевооружилась? Риторический вопрос. Если у нас и есть передовые технологии в военном деле (боюсь, что процентов на 90 это пропагандистский миф), то степень их использования даже в нашей собственной армии крайне мала. А на продажу за границу такой высокотехнологичной военной продукции власти (и особенно ФСБ) накладывают запрет, что недавно подтвердил председатель Совета Федерации С. Миронов. И нельзя сказать, чтобы этот запрет был неразумным. Если его отменить, то в военной области наша страна вообще останется у разбитого корыта.

У нас принято гордиться выдающимся изобретателем стрелкового оружия М.Т. Калашниковым. Не очень разделяю широко распространённые восторги в его адрес, поскольку считаю любые изобретения в военном деле весьма неоднозначными с точки зрения их нравственной оценки. Но сейчас нас прежде всего интересует конкурентоспособность продукции Ижевского завода, на котором много десятилетий проработал создатель знаменитого автомата. По крайней мере, некоторые виды его продукции явно не выдерживают конкуренции, и отнюдь не из-за цены. Так, российские биатлонисты («стреляющие лыжники») по собственному горькому опыту знают, что выезжать на любые международные соревнования с ижевскими винтовками — значит заранее обречь себя на поражение. Поэтому вся российская сборная по биатлону стреляет из немецких винтовок.

Но ведь должны же быть какие-то отрасли машиностроения, где российские товары не уступают по качеству зарубежным? Они действительно есть. И тут возникает интересная закономерность: российская продукция оказывается дешевле, чем у иностранных конкурентов. Пример — продукция завода «Криогенмаш». Он производит воздухоразделительное оборудование, которое используется для выделения в чистом виде азота, кислорода и других газов и в среднем на 30% дешевле западных аналогов. Могут возразить: цена — не себестоимость. Вот ведь г-н Паршев утверждал, что наши производители продают свои товары по мировым ценам, экономя на выплате зарплаты и на амортизации. Но если российский завод продаёт свою продукцию по це-

не на 30% *ниже мировой*, то это притянутое за уши объяснение сразу отпадает. Ясно, что и себестоимость у «Криогенмаша» ниже, чем у его иностранных конкурентов. Победу «Криогенмаша» в конкурентной борьбе признали американцы, которые закупают оборудование этого завода для запусков ракет с мыса Канаверал.

ПОЧЕМУ ЛОЖНА ТЕОРИЯ ПЕРЕДЕЛА

Чем больше мы собираем материала, тем очевидней становится, что теория передела, внешне столь убедительная, явно не соответствует истине. Попробуем разобраться, в чем её ложность. Пройдём по стадиям технологического процесса и выясним, так ли уж чудовищно велики расходы на отопление.

Начнём с добычи самого ископаемого топлива. Нефть и газ качают автоматизированным способом, и температура воздуха на их себестоимость не влияет. Уголь добывают либо открытым способом, либо из шахт. В первом случае из-за высокой механизации температура окружающего воздуха также не имеет значения. А в шахтах свой режим температуры, почти никак не зависящий от того, тепло или холодно на поверхности. Во всяком случае, шахты в России не отапливаются. Но при добыче любой руды варианты те же, что и при добыче угля. Итак, мы прошли уже целый передел — добычу руды и топлива — а на отопление ничего не потратили.

Перейдём дальше — к выплавке металла. Это энергоёмкий процесс, но дополнительного отопления помещений тут не требуется. Обогрев их идёт за счёт самой плавки, происходящей при высоких температурах. Вот дела: мы прошли уже второй передел, а обошлись без чудовищных — если верить г-ну Паршеву — затрат на отопление.

Что дело обстоит именно так, подтверждает и книга «Почему Россия не Америка». Иногда её автор нечаянно говорит правду: **«Когда американцы запрещают нашим металлургам продажу стали в США — это чистейшее нарушение законов рынка. Пусть они называют это "демпингом". И запрет "демпинга" — явное нарушение основополагающих законов свободного рынка! А для нас всё мировое — демпинг! Всё дешевле себестоимости — нашей себестоимости!»** (с. 374). При этом г-н Паршев явно позабыл собственные слова: **«Хорошо, что у нас сталь сейчас не варят, а если бы варили?»** (с. 66).

А потом ещё некоторые сомневаются в том, что унтер-офицерская вдова сумела сама себя высечь! Да посмотрите на нашего идеолога: он как раз это самое чудо и сотворил. А всё оттого, что г-н Паршев очень хотел уесть американцев. Причём в данном случае — за дело. Введя запрет на импорт стали (не только российской), они действительно грубо нарушили основополагающие

законы свободного рынка. Правда, ненадолго. Конкуренты американских металлургов подали жалобу в ВТО и, конечно, выиграли дело. Но, ругая американцев, г-н Паршев не только заставил российских металлургов экспортировать несуществующую сталь (её ведь не варят!), но и не заметил полного подрыва доверия к собственной теории. Раз американцы боятся российского «демпинга», значит, затраты на производство стали у них выше, чем в нашей стране. Да и как может быть по-другому? Зарплата российских металлургов ниже, чем в Америке — это раз. Экологические нормы у нас несравненно мягче для сталелитейных компаний (следовательно, жестче для населения и природы) — это два. Стало быть, просто благодаря нашей экономической, социальной и политической отсталости затраты у нас ниже.

Но, может быть, российские металлурги выезжают за счёт дешевизны электроэнергии в России? Сторонники г-на Паршева наверняка уцепятся за это спасительное для их любимой теории объяснение. (Забавно, что тот же довод выдвигали американцы, когда вводили запрет на импорт российской стали.) Однако сейчас электроэнергия в России не так уж и дешёва, а хозяева металлургических заводов продолжают процветать. У г-на Лисина — владельца металлургического комбината в Липецкой области — третье по величине личное состояние в России.

Да и не стоит преувеличивать долю топлива и энергии в общих затратах российской промышленности. Согласно нашей государственной статистике, эта доля на протяжении ряда лет колеблется около 14%. В отдельных отраслях она, конечно, выше, но далеко не достигает тех фантастических величин, которые выдумал г-н Паршев.

ЗАЧЕМ «БОИНГ» ПРИШЁЛ В РОССИЮ

Мы уже говорили о том, что российская авиационная промышленность дышит на ладан из-за неумения сделать хорошие моторы. При этом оказываются незадействованными достижения российских конструкторов, которые способны изготовлять лучшие в мире фюзеляжи. Но теперь есть надежда, что наши конструкторы будут востребованы. Знаменитая компания «Боинг» решила наладить выпуск самолётов в России. Моторы у этих самолётов будут американскими, а фюзеляжи — российскими. То есть обе стороны займутся тем, что каждая из них умеет делать лучше.

Могут возразить, что такое совместное производство приведёт к исчезновению экономически самостоятельной российской авиапромышленности, которая-де превратится в придаток американской корпорации. Но дело в том, что сейчас российские авиазаводы попросту стоят. Если они и выполняют какие-то отдельные небольшие заказы, то при этом задействована незначитель-

ная часть их производственных мощностей, а тем временем работники авиазаводов теряют квалификацию или навсегда уходят из отрасли. Поэтому в теперешней обстановке совместное с «Боингом» производство — это единственный реальный путь спасения целой отрасли. А в будущем нам, конечно, необходимо научиться делать моторы не хуже «Боинга» и начать конкурировать с этой фирмой.

Но вот почему «Боинг» пришёл в Россию? Ведь невозможно поверить, чтобы эта компания стремилась наладить производство самолётов для сбыта их в одной, отдельно взятой — нашей — стране. Российский рынок не так уж и велик, ведь для большинства наших соотечественников самолёт всё ещё роскошь, а не средство передвижения. Но если «Боинг» организует в России производство самолётов на экспорт, значит, эта гигантская американская корпорация не разделяет теорию передела. А там наверняка работают экономисты получше г-на Паршева!

Заметим, кстати, что сборка самолётов производится на открытом воздухе, а не в закрытом помещении. И теория передела к этому технологическому процессу опять не имеет никакого отношения.

«БЫВШИЙ РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИЙ ЮГ»: ПРИЧИНЫ ОТСТАЛОСТИ

Г-н Паршев уверяет читателей, что чем жарче климат, тем лучше: **«Приятно посмотреть на климатическую карту Юго-Восточной Азии — в Таиланде и Малайзии средняя температура июля +28 градусов и января +28 градусов»** (с. 70). Это не совсем точно. На самом деле месячные температуры и там колеблются, но в узких пределах — от +25 до +30 градусов. Но не в этом суть. Кто спорит, купаться в море и загорать на пляже при +28° очень приятно. А вот работать? Обычно как-то не тянет. И не забудем, что при среднесуточной температуре +28°С в середине дня жара доходит примерно до +32...+35!

Но это соображения, вытекающие из здравого смысла. А ведь проводились и точные научные исследования. Они показали, что оптимальные условия для работы создаются при температурах от +12 до +24°С. Не ниже, но и не выше! А если температура выходит за указанные рамки, возрастает частота несчастных случаев[1]. И особенно затруднительной становится любая физическая работа при температуре выше 32°С.

Возьмём в качестве примера остров Яву, расположенный тоже в Юго-Восточной Азии. Климат там не самый жаркий для экваториальной полосы, по-

---

[1] См.: Вайсберг Дж. С. Метеорология. Погода на Земле / пер. с англ. А.Г. Бройдо. Л.: Гидрометеоиздат, 1980.

скольку Ява гориста. Причём это не просто горы, а вулканы. Именно благодаря вулканам на Яве лучшие в мире условия для разведения риса. Тепла и влаги хватает во многих тропических странах, но их почвы обычно крайне бедны питательными веществами. Обильные дожди вымывают бо́льшую часть питательных веществ в нижние горизонты почвы или прямо в ручьи и реки. На Яве всё по-другому. Там со склонов вулканов стекают многочисленные речки, вода которых содержит всю таблицу Менделеева. Так что достаточно наладить орошение — и проблема удобрений решается сама собой. Благодаря идеальным условиям для рисоводства на Яве самая высокая в мире плотность сельского населения. Такой густоты населения нет ни в Китае, ни в Индии, ни даже в Бангладеш! Остальные острова Индонезии, где нет вулканов (или их мало), населены несравненно реже. Правда, рисоводческий рай на Яве имеет и свою оборотную сторону: время от времени какой-нибудь вулкан начинает извергаться и губит поселившихся на его склонах крестьян тысячами и даже десятками тысяч. Но это бывает не столь уж часто.

Не стоит думать, будто в тропиках нет необходимости работать. На той же Яве крестьянам приходится не только обрабатывать землю, сеять, бороться с сорняками (в тепле и влаге они замечательно растут!) и собирать урожай, но и поддерживать довольно сложные оросительные системы в рабочем состоянии. Так что вкалывать всё равно надо. Но вот что любопытно: с незапамятных времён и до наших дней яванские крестьяне работают по семь часов в сутки: с пяти до девяти утра и с трёх до шести после полудня. А в середине дня у них продолжительный тихий час. Жарко!

Сходные обычаи сложились и у других народов тропического пояса. В одной из бывших английских колоний в тропиках даже родилась поговорка: «Только бешеные собаки и англичане выходят на улицу в полдень». Англичане поначалу придерживались другого мнения и любили упрекать жителей колоний в лени. Но постепенно и до них дошло, что это совсем не лень, а приспособление к климату.

Вот и подумайте, насколько легко организовать в тропической стране промышленное производство современного типа. Ведь при этом приходится бороться и с жарой, и с прочно укоренившимися традициями населения.

Другой пример. Многие в России слышали, что южные штаты США длительное время оставались экономически отсталыми даже после окончательной отмены рабства негров в 1865 году. С точки зрения теории передела этот факт не поддаётся объяснению, ведь климат там тёплый и даже жаркий! Большая часть юго-востока США относится к субтропическому поясу, а Флорида — это просто область тропического климата. А на Севере США, как мы видели, местами зима по-настоящему морозная, а расходы на отопление повсеместно выше. Тем не менее длительное время промышленность развивалась только на Севере, а Юг оставался его аграрным придатком.

Положение изменилось только в последние десятилетия, и всё благодаря изобретению кондиционеров. Именно это устройство сделало возможным развитие промышленности на Юге! А до того белые американцы просто не могли работать при той жаре, которая бывает летом (а лето там длится не три месяца — дольше) в южных штатах в закрытых помещениях. Могут возразить: а как же более жаростойкие негры? Но афроамериканцев в США всегда считали не очень хорошими работниками, и их доля среди промышленных рабочих никогда не была высокой. Причём дело тут не в якобы присущей неграм лени и не в белом расизме. Просто, как мы уже видели на примере Явы, у жителей тропиков нет привычки работать по 8 (или больше) часов подряд без продолжительного перерыва. Они привыкли совсем к другому ритму, и эту выработанную сотнями поколений привычку в одночасье не искоренишь.

Однако кондиционер обладает одним роковым — для теории передела — свойством: он жрёт энергию! Вот и выходит, что в странах с низкими или нулевыми затратами на отопление энергозатраты на поддержание в помещении оптимальной температуры всё равно не равны нулю. Более того: на Юге США или, скажем, в Израиле, затраты на охлаждение сопоставимы с нашими затратами на отопление.

Итак, наш вывод в отношении теории передела неутешителен. Научная ценность этой теории — на том же уровне, что и всего учения г-на Паршева. То есть даже не нулевая, а отрицательная.

ГЛАВА 7. ТРЕТИЙ РИМ — В ЧЕТВЁРТОМ МИРЕ

Созданы все необходимые условия для голодания.
Б.В. Грызлов

Перейдём к ещё одному мифу, распространяемому г-ном Паршевым. Это миф о том, что заработная плата в России якобы выше среднемировой.

Такое представление автор навязывает читателям с невероятным упорством. Мы приведём лишь некоторые цитаты, хотя их можно набрать, по крайней мере, вдвое больше. Любопытно, что при этом автор книги «Почему Россия не Америка» избегает приводить какие-либо статистические данные. Как мы увидим, это далеко не случайность!

«Во многих странах-производителях "товаров народного потребления" (Юго-Восточная и Южная Азия, Латинская Америка) вполне приличной считается почасовая оплата 20 центов в час. Это примерно 40 долларов в месяц. Мало? Почему же? Ведь это три наших "минималки" (до 98-го года)! Для китайской швеи 40 долларов очень даже неплохо. Квалифицированный служащий, например, бухгалтер небольшой фирмы в Южной Азии, может получать 120 долларов, и это нормально. К началу "аргентинского чуда" зарплата строительного рабочего в Буэнос-Айресе упала до 20 долларов, и в ходе реформы Кавальо она не индексировалась. Вот к такой зарплате и инвесторы потянулись!» (с. 85).

О том, какова реальная зарплата в так называемом третьем мире, мы скажем ниже. Но здесь надо разобрать враньё насчёт Аргентины. В этой стране в конце 1980-х годов была высокая инфляция, и спекулянты играли против неустойчивой национальной валюты. Поэтому спекулятивный курс доллара по отношению к аргентинскому песо поднимался очень высоко, в результате зарплата в долларовом исчислении могла падать очень низко. Падала ли она до 20 долларов? (Кстати, это 20 долларов в неделю, как привыкли считать на Западе? Или в месяц? Автор книги «Почему Россия не Америка» этого не разъясняет.) Не знаю. Но спекулятивный курс доллара к песо ни в коем случае не отражал реальной покупательной способности аргентинской денежной единицы. По паритету покупательной способности даже в годы высокой инфляции зарплата аргентинского рабочего составляла, конечно, не 20 долларов в месяц, а раз в 20–30 больше. Что же касается «реформ Кавальо», которыми г-н Паршев надеется ещё пуще напугать читателя, то эти так называемые реформы свелись к привязке национальной валюты к доллару. В долгосрочной перспективе эта затея провалилась, но краткосрочный эффект она дала. Аргентинская валюта на время стабилизировалась, а зарплата в долларовом исчислении резко выросла. К устойчивой валюте и выросшей зарплате, конечно, и инвесторы потянулись. Ведь инвестиции целесообразно делать только в ту страну, которая имеет ёмкий внутренний рынок.

РОССИЙСКАЯ ЗАРПЛАТА НА МИРОВОМ ФОНЕ

Далее автор книги «Почему Россия не Америка» приводит более или менее достоверные данные о зарплате в России за 1993–1998 гг. По его оценкам, в нефтяной, электроэнергетической, металлургической промышленности она составляла 200–300 долларов в месяц, в швейной — около 60. И последнее докризисное значение средней зарплаты за май 1998 года — 160 долларов в месяц — выглядит правдоподобно.

Но вот какой вывод делает из этих данных наш идеолог: **«Так что зарплата у нас, там, где её платили, была не ниже, а выше среднемировой. И это неизбежно. Ниже она и не может быть, так как не обеспечит в наших условиях физического выживания, просто не хватит на отопление, тёплую одежду и питание. А ведь у нас цены на коммунальные услуги пока что ниже мировых раз в 5–10! Если их учесть, то средняя зарплата горожанина у нас, можно сказать, выше ещё раза в два–три!**

Сейчас "денежная составляющая" зарплаты у нас упала почти до уровня "третьего мира" — за май 1999 года — 70 долларов. Возникла ли для инвестора благоприятная ситуация? Да, но ненадолго» (с. 86).

Итак, по версии г-на Паршева зарплата в так называемом третьем мире ниже 70 долларов в месяц. Запомним эту оценку. Она в книге «Почему Россия не Америка» не единственная. Временами г-н Паршев загибает и круче: **«Чтобы победить жителя "третьего мира" в конкурентной борьбе за рабочее место, наш рабочий должен согласиться на месячную зарплату, эквивалентную одной заправке бензобака высокооктановым бензином»** (с. 94). Если принять ёмкость бензобака в 40 л, то заправка его высокооктановым бензином в феврале 2004 года (до резкого взлёта цен) стоила 476 рублей. При пересчёте в доллары по текущему курсу выходило менее 18 баксов. Теперь, при очень высоких мировых ценах на нефть и соответствующих ценах на бензин заправка бензобака стоит в районе 31–32 долларов. Коли так, то зарплата рабочего «третьего мира», очевидно, и до 40 долларов не дотягивает! Конечно, если верить г-ну Паршеву... А мы уже знаем, что доверять ему нельзя.

«Но откуда же взялся миф о низкой цене рабочей силы в России? — продолжает наш идеолог. — **Выскажу предположение — излишняя информация об уровнях зарплаты в производящих странах "третьего мира" могла повредить пропаганде реформ»** (с. 86).

Что ж, обратимся к фактам. Заглянем в книгу World Development Indicators 2000, изданную Всемирным банком. (Это учреждение никоим образом не надо смешивать с Международным валютным фондом. Отношения между ВБ и МВФ удивительно напоминают взаимную «любовь» мушкетёров короля и гвардейцев кардинала во Франции времён Д'Артаньяна.) Всемирный банк приводит данные о средней стоимости рабочей силы одного работника в про-

мышленности разных стран мира. Учтены предприятия с числом работников более 10, и, как правило, принадлежащие к формальному сектору (то есть теневая экономика не учитывалась). Премии, отпускные и бюллетени включены в состав зарплаты. Для удобства читателей привожу зарплату за месяц. В нашей стране привыкли именно к этой единице измерения.

ПЕРВЫЙ МИР: РАЗВИТЫЕ СТРАНЫ

Эта группа государств не слишком велика, но постепенно пополняется. Прошу уважаемых читателей не лопаться от зависти и не настраиваться на немедленную эмиграцию, глядя на следующую таблицу.

Таблица 7.1. Зарплата в промышленности. Первый мир

Страна	Месячная зарплата в промышленности (без начислений), долл. США	Годы
Нидерланды	3322,1	1995–1999
Норвегия	3201,3	1995–1999
Италия	2928,0	1995–1999
Германия	2768,8	1990–1994
Япония*	2640,6	1990–1994
Швеция	2420,3	1995–1999
США	2408,9	1990–1994
Канада	2368,6	1990–1994
Израиль	2219,8	1995–1999
Финляндия	2217,9	1990–1994
Ирландия	2117,8	1995–1999
Сингапур	1794,5	1995–1999

* В Японии до сих пор преобладает 48-часовая рабочая неделя, так что почасовая оплата труда в этой стране ниже, чем в Швеции, США или Канаде.

Что же, можно сверить эти данные с некоторыми утверждениями г-на Паршева. Вот наш идеолог уверяет читателей, будто **«рабочий Запада получает 3–5 долларов в час»** (с. 126). Легко сосчитать, что при 40-часовой рабочей неделе и средней за месяц продолжительности рабочего времени 173,3 часа изобретённый Паршевым рабочий получит от 520 до 846 долларов в месяц. Сравнив эти цифры с таблицей, мы убедимся, что г-н Паршев занизил зарплату западных рабочих в четыре раза! Ошибочка вышла.

Или вот другое утверждение из книги «Почему Россия не Америка»: **«Ни один буржуй, если он в своём уме, не будет разворачивать новое промышленное производство в стране с высоким уровнем оплаты труда. Из евро-**

пейских стран ещё лишь в Ирландии, стране с мягким климатом и низкой зарплатой, появляются новые заводы, на которых производятся "японские" часы "Ориент", "американская" фотохимия "Кодак"» (с. 134). Следовательно, если г-н Паршев правильно понял точку зрения буржуев, то для них 2117,8 доллара в месяц — это низкая зарплата (нам бы такую низкую!). Она почти на 13% ниже, чем в США! При такой зарплате буржуям выгодно развивать новые производства. А при американской или японской — уже невыгодно. Тут, как видно, проходит особо тонкая грань, которую нам трудно уловить.

Конечно, на этом список фантазий г-на Паршева далеко не исчерпан. Вот ещё одна его байка: **«Знаете ли вы, что значительная часть западноевропейской молодёжи при возможности уехала бы в Америку? Америка гораздо богаче Европы, и, открой туда свободный доступ, не только вся Африка сразу оказалась бы в США. США умело защищаются от наплыва иммигрантов»** (с. 226). Любопытно, что когда-то давно уровень зарплаты в США действительно превосходил западноевропейский в 2–3 раза и более. Так было! Причём подобное соотношение сохранялось не меньше столетия — с середины XIX по середину XX века. И Джек Лондон, сто лет назад писавший о горестном положении тогдашних английских рабочих, имел все основания смотреть на Англию сверху вниз и обличать английскую буржуазию за бессердечие и эгоизм. (О своей, американской, буржуазии социалист Лондон писал чаще похвально: взять хотя бы «Маленькую хозяйку большого дома».) И даже в первое десятилетие после Второй мировой войны картина оставалась прежней: обедневшие за годы военного лихолетья европейцы массами отъезжали в США.

Однако с тех пор мир коренным образом изменился. За вторую половину XX века США утратили прежнее монопольное положение единственной страны — мирового лидера. Из таблицы видно, что сейчас Штаты уступают по уровню зарплаты некоторым европейским государствам. А другие западноевропейские страны вплотную приблизились к Америке. Так что в наши дни материальных стимулов для переезда из стран Западной Европы в США почти не осталось. «Почти» — потому что такие стимулы сохранились для миллионеров: в Америке богатые платят существенно меньшие налоги, чем в Европе.

Вообще-то американские правящие круги были бы страшно рады возобновлению массовой эмиграции из Западной Европы в США. Но об этом они могут только мечтать. А в целом приток переселенцев в «единственную оставшуюся сверхдержаву» не ослабевает. Вот только в наши дни в Штаты вострят лыжи отнюдь не европейцы, а мексиканцы, кубинцы, китайцы, вьетнамцы, филиппинцы, индийцы... Многие белые американцы не очень-то приветствуют их приезд. Но прожить без *притечки мозгов* (и рабочих рук) сверхдержава никак не может, поэтому ей приходится мириться с нарастающим наплывом азиатских и латиноамериканских иммигрантов.

Но спустимся на ступеньку ниже — во второй мир.

ВТОРОЙ МИР

Таблица 7.2. Зарплата в промышленности. Второй мир

Страна	Месячная зарплата в промышленности (без начислений), долл. США	Годы
Южная Корея	895,0	1995–1999
Южная Африка	706,0	1990–1994
Турция	663,2	1990–1994
Мексика	634,0	1995–1999
Португалия	631,0	1995–1999
Аргентина	611,5	1990–1994
Чили	485,2	1990–1994

Из этой таблицы видно, какая зарплата была в Аргентине после «реформ Кавальо», так что к ней «и инвесторы потянулись». Большей части России до такой зарплаты, конечно, очень далеко. Хотя отдельно взятая Москва уже приближается к Аргентине и — поразительный успех! — к Португалии. Более того, Аргентину, недавно пережившую дефолт, столица нашей Родины теперь, скорее всего, опережает. Вот только стоит ли этим гордиться... Ведь Аргентина — это общепризнанный пример страны, которая на протяжении многих десятилетий клонится к упадку из-за чрезмерных расходов на содержание бюрократии и огромной коррупции.

Любопытно отметить, что зарплата промышленных рабочих во втором мире находится как раз на том уровне, который г-н Паршев приписал... Западу. Но причислять к Западу Южную Корею, Турцию и даже ЮАР, конечно, очень странно.

Насчёт Португалии стоит оговориться: в этой стране, как и почти повсюду в Европе, 40-часовая рабочая неделя (в некоторых странах, как во Франции и Голландии, уже более короткая). А в Южной Корее и Турции, как и почти повсеместно в Азии, продолжительность рабочей недели — 48 часов, иногда и больше. Поэтому почасовая оплата труда португальского рабочего выше, чем турецкого. Хотя от Южной Кореи Португалия всё равно отстаёт, но не так сильно, как может показаться из таблицы. Но, отставая по зарплате от остальной Западной Европы, Португалия всё равно сильно опережает третий мир (и последующие миры). Так что утверждение г-на Паршева, будто у португальцев **«зарплата как в "третьем мире"»** (с. 134), просто фактически неверно.

ТРЕТИЙ МИР В ЕГО НАСТОЯЩИХ ГРАНИЦАХ

Ниже второго мира расположился тот самый третий мир, о котором так много толкует автор книги «Почему Россия не Америка».

Таблица 7.3. Зарплата в промышленности. Третий мир

Страна	Месячная зарплата в промышленности (без начислений), долл. США	Годы
Малайзия	286,0	1990–1994
Зимбабве	285,0	1990–1994
Венгрия	231,4	1990–1994
Таиланд	225,4	1990–1994

Как видно, третий мир не особенно обширен. В него входит небольшое число стран, и их роль в мировой экономике скромная. Зарплата в них десятилетие тому назад находилась на том уровне, который только теперь становится более или менее реальным для большей части России.

Здесь уместно привести ещё одну цитату из опуса г-на Паршева: **«Что минимально нужно, скажем, малайцу? Сандалии, трусы, рубашку, бейсболку. Крышу от дождя. Когда чувство голода становится нестерпимым — сникерс. Ну и семье тоже. А россиянину? В придачу к вышеперечисленному ещё штаны, телогрейку, шапку и т.д. А это дороже. И питание. Трагизм ситуации в том, что россиянин много ест...»** (с. 89). Очевидно, наш идеолог пытается убедить читателей в том, что зарплата в «производящих странах третьего мира» находится на уровне некоего физиологического минимума. Но на самом деле данное утверждение — ложь, и реальная зарплата в этих странах существенно выше средней по России.

Конечно, третий мир — не самый последний снизу. Ниже располагается четвёртый мир.

ЧЕТВЁРТЫЙ МИР: ГИГАНТЫ С КАРЛИКОВОЙ ЗАРПЛАТОЙ

Таблица 7.4. Зарплата в промышленности. Четвёртый мир

Страна	Месячная зарплата в промышленности (без начислений), долл. США	Годы
Россия	127,0	1995–1999
Индия	99,3	1990–1994
Болгария	98,3	1990–1994
Индонезия	84,0	1990–1994
Китай	60,8	1995–1999

Четвёртый мир по числу входящих в него стран тоже не особенно велик. Зато какие страны! Самое обширное государство в мире и два самых многолюдных! Ещё и Индонезия в придачу! Хотя она по числу жителей только четвёртая в мире, а Россию превосходит в полтора с лишним раза.

Только единоверная нам Болгария среди таких колоссов кажется случайной гостьей.

При рассмотрении таблицы поневоле складывается ощущение, что зарплата обратно пропорциональна размерам государств. Чем более великим является или провозглашает себя государство, тем ниже в нём заработки. России по уровню зарплаты далеко до Малайзии или Таиланда, которые на место в «большой семёрке» не претендуют. Но превосходящие Россию по численности населения Индия, Индонезия и Китай принадлежат к числу очень немногих стран, где зарплата в промышленности ниже российской. Столь прославляемое в России китайское экономическое чудо ведь всецело держится на дешевизне китайских товаров, а эта дешевизна имеет своей первопричиной крайне низкую зарплату. Но даже в Китае зарплата всё же несколько выше, чем в мифическом «третьем мире», о котором так любит говорить г-н Паршев. Если с.-х. рабочий в Китае до сих пор зарабатывает в среднем около 20 центов в час[1], то зарплата рабочего в промышленности уже вдвое больше. По последним данным, средняя зарплата промышленного рабочего в Китае превысила 80 долларов в месяц. Так что китайское экономическое чудо не вечно: зарплата там потихоньку растёт, и, когда она достигнет более или менее достойного уровня, чудо сойдёт на нет.

ВПЕРЁД, В ТРЕТИЙ МИР?

Но, быть может, причисление России к четвёртому миру устарело за последние годы? Ведь в новом веке средняя зарплата в нашей стране заметно выросла. Конечно, это странный рост: быстрее всего увеличивалась зарплата в валютном исчислении (будь то доллары или евро), поскольку на смену резко заниженному курсу рубля приходил более или менее реальный. Медленнее росла номинальная зарплата в рублях. И всего медленнее увеличивалась реальная зарплата с учётом инфляции. Тем не менее официальная статистика подсчитала, что с 2000 по 2004 год фактическое конечное потребление российских домашних хозяйств (на душу населения) росло на 5,9–9,3% в год[2]. Тут нужна ещё одна важная оговорка: у кого-то потребление росло, а у кого-то — нет. Ведь если в 2000 году 10% самых богатых россиян имели доходы в 13,9 раза больше, чем 10% самых бедных, то в 2004-м разница увеличилась уже до 15 раз[3]. И всё же средняя зарплата в российской промышленности в 2004 году достигла аж 7864,8 рублей[4]. Это почти 300 долларов! Может быть, нашей стране удался прорыв в третий мир?

---

1 См.: Макош Э. Методы экономических исследований в польском садоводстве // Плодоводство и ягодоводство России. Т. 14. М., 2005. С. 80–94.

2 См.: Российский статистический ежегодник. Официальное издание за 2005 г.

3 См. там же.

4 См. там же.

Но не стоит спешить со столь оптимистическими выводами. Во-первых, пока Россия выбиралась со дна ямы, достигнутого в 1998 году, государства типа Малайзии, Таиланда и Венгрии тоже не стояли на месте. Их экономики динамично развивались. И разрыв между этими странами и Россией вряд ли уменьшился. (Исключение среди типичных представителей третьего мира 1990-х годов составляет Зимбабве, которая переживает глубокий кризис и близка к скатыванию в четвёртый мир.) Во-вторых, теперешний доллар по покупательной способности заметно уступает доллару 1990–1994 годов, когда зарплата в третьем мире составляла 225–286 долларов в месяц. В-третьих, 300-долларовой отметки достигла зарплата по российской промышленности в целом, а не только в обрабатывающих отраслях. Между тем самая щедрая оплата труда у нас в чисто добывающих отраслях — нефтяной, газовой, алмазной, никелевой, платиновой.

Так что правильнее говорить не о прорыве России в третий мир, а об её глубоком расслоении. Как мы показали ещё в первой главе, это расслоение очень велико и в региональном аспекте, что особенно тревожно. Вспомним, что только 20% российских регионов имеют доходы выше среднего по стране, а 80% до среднего уровня не дотягивают. Можно сказать, что сейчас Москва и некоторые северные центры добычи сырья по уровню зарплаты проникли во второй мир. Наиболее благополучные из прочих российских регионов (Петербург, Татарстан, Самарская область и др.) могут быть отнесены к третьему миру. А вот большая часть России как была частью четвёртого мира, так в нём и застряла. В лучшем случае можно говорить о продвижении к верхней границе четвёртого мира.

РОССИЯ И ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Прежде чем перейти к выводам, нам осталось провести сравнение России со странами Восточной Европы. Ещё в 1990-х годах российская коммунистическая печать горестно оплакивала судьбу этих бывших социалистических стран. Якобы всё там развалилось, а народ впал в крайнюю бедность. В последние годы такие стенания по поводу печальной судьбы стран бывшего соцлагеря стали встречаться реже. Зато теперь не только коммунисты, но и СМИ, принадлежащие партии власти, стараются по возможности сообщать об этих государствах только негативную информацию. Стоит, скажем, в Польше произойти драке молодёжи с полицией, как газета «Труд» (старающаяся не замечать «подвигов» наших ментов) долго обмусоливает данный факт.

В том же русле идёт и г-н Паршев: **«Сейчас витрины на центральных улицах у "братьев-славян" — как надо, а вот производство где стоит, а где**

и лежит пластом Проблема, видимо, в том, что хотя экономики всех этих стран не в лучшем состоянии, о причинах кризиса в этих странах пока не подозревают. А пора бы! Уже нельзя всё валить на "русский менталитет", — у этих, "новых членов НАТО", менталитеты свои, ого-го, какие менталитеты! А развал экономики — точно такой же» (с. 362–363). Естественно, что г-н Паршев объясняет «развал» экономик восточноевропейских стран своей теорией передела. Её несостоятельность мы уже показали в предыдущей главе.

Вот только существует ли этот самый «развал»?

Сравним заработную плату в России и некоторых новых членах НАТО. Здесь принята во внимание зарплата в среднем по стране, а не только в промышленности.

Таблица 7.5. Заработная плата и пенсии в России и странах Восточной Европы[1] (2001)

Страна	Среднемесячная зарплата, евро	Среднемесячная пенсия, евро
Польша	562	248
Чехия	430	196
Словакия	286	124
Венгрия	404	150
Россия	123 (3240,4 р.)	43 (1138 р.)

Пожалуй, большинство из нас охотно согласилось бы жить в условиях такого «развала», который наблюдается, скажем, в Польше. От тамошней пенсии (в среднем около 9000 рублей на наши деньги) подавляющее большинство российских пенсионеров точно не откажется! Причём при подобном уровне пенсий бунтов и митингов против отмены бесплатного проезда на транспорте наверняка бы не произошло. Корень бед ведь не в отмене льгот, а в нищенском уровне российских пенсий. Конечно, пенсии для высших чиновников составляют исключение (они весьма высоки), но ведь это очень малая доля населения страны.

Демографическая статистика восточноевропейских стран тоже сильно отличается от нашей. Не по уровню рождаемости! С рождаемостью и там очень большие проблемы. Да и в Западной Европе положение сходное. Низкий уровень рождаемости сейчас характерен для всех христианских стран Европы, исключая лишь Ирландию. И Россия на общеевропейском фоне не слишком выделяется. А вот показатели общей смертности, младенческой смертности (до 1 года) и продолжительности жизни у нас и в странах Восточной Европы качественно различны.

[1] Данные по Восточной Европе из книги Statistical yearbook on candidate countries. Data 1997–2001. European Commission, 2003. Данные по России — из Российского статистического ежегодника (2003).

Таблица 7.6. Демографические показатели России и стран Восточной Европы[1] (2001)

Страна	Общая смертность на 1000 жителей	Детская смертность на 1000 родившихся живыми	Продолжительность жизни женщин, лет	Продолжительность жизни мужчин, лет
Польша	9,4	7,7	78,4	70,2
Чехия	10,5	4,0	78,5	72,1
Словакия	9,7	6,2	77,6	69,5
Россия	15,6	14,7	72,3	59,0

Но откуда происходят такие огромные различия? Они не унаследованы от времён социализма! Тогда жизненный уровень в Польше был едва ли выше, чем в СССР. Народы Чехословакии и Венгрии жили несколько лучше «старшего брата», но ненамного. Очевидно, всё дело в том, что в последние 15 лет Россия и страны Восточной Европы шли разными путями. Западные славяне с мадьярами за эти годы построили демократию. А особенность этой формы правления состоит в том, что власти всех уровней вынуждены оказывать какие-то услуги населению. Иначе их просто не переизберут!

А что касается России, то лишь некоторые, и притом самые замшелые, коммунисты всё ещё пытаются утверждать, будто в нашей стране у власти стоят демократы. Этого не было и в 1990-х годах, тем более этого нет сегодня. До недавнего времени исход выборов в России зависел не от того, как избиратели проголосовали, а от того, кто и как считал голоса. А теперь и выборы всё больше отменяют. И, понятно, безответственная перед народом власть не считает себя обязанной что-либо делать ради «быдла».

За отсутствие демократии приходится платить! И цена очень велика: нищенская зарплата, нищенские пенсии и катастрофические демографические показатели. Причём исключительно высокий уровень смертности и низкую продолжительность жизни невозможно целиком свалить на Ельцина, как всё чаще поступают в последнее время пропагандисты партии власти. Да, с 1991 по 1995 год смертность в России выросла с 11,2 до 15,0 на 1000 жителей. Но затем она на протяжении трёх лет сокращалась (до 13,6 в 1998-м), а продолжительность жизни росла. А вот с наступлением эпохи мочения в сортире начался устойчивый рост смертности, которая ежегодно увеличивалась с 1999 по 2003-й.

[1] Данные по странам Восточной Европы из того же сборника Statistical yearbook..., 2003. Данные по России — из Российского статистического ежегодника (2003).

МАСКА СОРВАНА

Итак, мы окончательно разоблачили г-на Паршева. Под личиной оппозиционера прятался заурядный лакировщик российской действительности. На деле Россия на мировом фоне смотрится куда страшнее и безотраднее, чем это следует из писаний г-на Паршева.

Но почему автору книги «Почему Россия не Америка» понадобилось прибегать к столь явной и откровенной лжи о сравнительном уровне зарплаты в России и остальном мире? Очевидно, правдивые сведения о зарплате в других странах не нужны и опасны не столько для самого идеолога, сколько для заказчиков его опуса. Ведь в этом случае и россияне, чего доброго, начнут требовать повышения зарплаты! А это спонсорам г-на Паршева не нужно, более того, для них это вредно. Сами эти спонсоры благоденствуют прежде всего за счёт очень высокой нормы эксплуатации рабочей силы в России.

Всего забавнее, что главные читатели и почитатели г-на Паршева — коммунисты и им сочувствующие. По крайней мере, все приверженцы паршевской теории, которых я когда-либо встречал, относят себя к коммунистам, левым, антиглобалистам или, на худой конец, к «патриотам»[1]. Рядовые сторонники компартии в основной массе искренне верят, что эта партия защищает интересы трудящихся. Автор настоящих строк в эту версию нисколько не верит, что можно считать доказательством его испорченности. Однако борцы за интересы трудящихся по логике должны выступать против такой идеологии, которая очень сильно преувеличивает благополучие российских рабочих и интеллигенции и облыжно утверждает, что на мировом фоне Россия выглядит не так уж и плохо. На деле выходит обратное! Коммунисты некритически верят г-ну Паршеву и даже не пытаются проверить, не водит ли он их за нос. А ведь лжи о том, что зарплата в России якобы выше среднемировой, достаточно для того, чтобы вычислить заказчиков книги «Почему Россия не Америка». Эти заказчики, конечно, принадлежат к партии власти.

Но было бы ошибкой считать, что единственное назначение теории г-на Паршева — это околпачивание лопухов (или лохов) из левого лагеря. Это не только не единственное её назначение, но и не главное! Теория придумана как *руководство к действию*. И она отражает позицию некой очень мощной и влиятельной номенклатурной группировки. Картина изрядно прояснилась после того, как «Новая газета» (от 15–17 марта 2004 года) опубликовала забавный документ под названием «Крепость Россия». Авторство этого саморазоблачительного для нынешней российской власти текста приписывается некое-

[1] Автор полностью разделяет мнение В.Г. Белинского, что «титло патриота даётся историей и народом, а не самозванством». Поэтому «патриотов» как *особое политическое течение* следует обязательно брать в кавычки.

му М.З. Юрьеву. Любопытно, что этот деятель некогда состоял депутатом Госдумы от «Яблока». Этот факт важен для того, чтобы читатель судил о «Яблоке» по его настоящим сторонникам, а не по тем личностям, которых в ряды «Яблока» *забросили*. А таких насчитывалось довольно много: достаточно назвать Вячеслава Игрунова, Елену Мизулину и — теперь это стало очевидным — Михаила Юрьева. О его откровениях стоит поговорить подробнее.

КУДА ВЕДУТ ИЗОЛЯЦИОНИЗМ И АВТОРИТАРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

Надо отдать должное г-ну Юрьеву: этот человек не только совершенно свободен от химеры, именуемой совестью, но и ничуть не скрывает этого. Он не просто провозглашает изоляционизм, а прямо считает за образец «хорошего» изоляционизма Третий рейх. Вот буквальная цитата из аналитического доклада, который г-н Юрьев представил Путину: «И если экономика России совершит поворот к изоляционизму, но сохранит имеющийся ныне рыночный принцип организации, то аскетичной она не будет, как не была аскетичной экономика рекордсмена 20 века по экономическому росту — германского Третьего рейха: несмотря на провозглашённый приоритет пушек над маслом, в нём производились не только "тигры" и "пантеры", но и революционные для своего времени (притом доступные народу по цене) "Фольксвагены"».

К чему привёл экономический рост в Третьем рейхе, думается, всем известно. В 1945 году Германия лежала в руинах, число беженцев превысило десяток миллионов, и немалая часть «истинных арийцев» начала по-настоящему голодать. К счастью, в западной части Германии не без помощи англо-американских оккупантов к власти пришёл блок христианских демократов и либералов, экономическая политика которого позволила совершенно разорённой стране за 20 лет (1949–1969) практически догнать пресловутую Америку по уровню жизни.

Но, быть может, в экономической политике Третьего рейха действительно было что-нибудь ценное и полезное, что следует заимствовать? Увы, всё это свист и лажа. Высокие темпы экономического роста в предвоенной Германии (1933–1938) объясняются просто: к моменту прихода к власти Гитлера не менее половины производственных мощностей простаивали из-за Великой депрессии, и, когда они заработали, ВВП за несколько лет почти автоматически удвоился. При этом качественное отличие от России 1990-х состояло в том, что в России простаивали технически отсталые, неконкурентоспособные предприятия (либо узкоспециализированные военные), а в Германии 1929–1933 годов — технически передовые. Как ни ругай веймарскую демократию, а всё же Германия веймарского периода по технологическому уровню своей промышленности уступала только США, а по развитию фундаменталь-

ной науки и вовсе занимала первое место в мире. Поэтому для подъёма германской промышленности хватило одних макроэкономических мер, а в современной России столь простое решение невозможно.

Конечно, заслуги бесноватого фюрера даже в таком экономическом «росте» вовсе нет. Организатором восстановления германской экономики был министр хозяйства Яльмар Шахт. Это имя у нас сегодня мало кто помнит. Кроме исторических трудов, я его встречал только в некоторых статьях Е. Гайдара, причём бывший и.о. премьера упоминал Шахта как сугубо положительный образец. Так вот, о Шахте полезно узнать побольше и г-ну Юрьеву, и г-ну Паршеву, и всем многочисленным у нас сторонникам «авторитарной модернизации».

Профессиональный экономист, Шахт полагал, что проводить «правильную» экономическую политику в условиях нестабильной веймарской демократии невозможно. Поэтому в 1932 году он сделал ставку на Гитлера. Причём роль Шахта в наведении мостов между нацистами и крупнейшими германскими предпринимателями (естественно, из числа истинных арийцев) никоим образом не следует недооценивать. Шахт сильно способствовал и назначению Гитлера канцлером (30 января 1933 года). Любопытно, что в России до сих пор распространяют версию о том, что нацисты якобы пришли к власти законным и демократическим путём, хотя это ложь. На деле группа пронырливых политиков и неразборчивых в средствах обогащения крупных капиталистов «обработала» престарелого и почти совсем выжившего из ума президента фон Гинденбурга и добилась от него назначения на пост канцлера нацистского фюрера. И уж только затем, задействовав на полную мощь административный ресурс, грубо попирая все законы и организовав провокационный поджог здания Райхстага, Гитлер с неимоверным трудом добился крайне неубедительной победы на выборах 5 марта 1933 года. Шахт торжествовал. Он всерьёз думал, что государством реально будут управлять умники вроде него, а не нацистские бонзы с их куриными мозгами.

Отчасти его надежды сбылись: до конца 1937 года экономической политикой руководил именно Шахт. И он действительно добился того экономического роста (чисто восстановительного), которым по сей день восхищается г-н Юрьев. Но особой радости Шахту эти успехи не доставили. С каждым днём он убеждался в том, что изоляционизм фюрера (восхваляемый Юрьевым) — это система мер подготовки к новой мировой войне, репетиция будущей блокады. (Кстати, степень достигнутой в Третьем рейхе автаркии не стоит преувеличивать — нефть, к примеру, всё равно приходилось импортировать, и этот фактор во многом предопределил поражение Германии в войне.) Шахт был достаточно умён, чтобы понять: Германия не может не проиграть Вторую мировую войну. И в 1938 году он стал одним из руководителей заговора, ставившего своей целью свержение Гитлера. Но тут-то как раз и выяснилось, что именно бла-

годаря «успехам» авторитарной модернизации спасение страны от военной катастрофы путём свержения тирана стало невозможным!

В самом деле, никакой легальной оппозиции и никакой независимой прессы давно уже не существовало. Соответственно, заговорщики не могли разъяснить свою позицию рядовым немцам. При этом немецкий народ в своей основной массе был очень решительно настроен против войны, но одновременно вполне доверял Гитлеру. Ведь в глазах простых рабочих, крестьян, лавочников и младших офицеров (роль которых была особенно важной) именно фюрер вытащил страну из пучины экономического кризиса и вернул народным массам относительный достаток, а государству — международный авторитет и значение сильной державы. И простые немцы крепко цеплялись за спасительную иллюзию, что Гитлер тоже не хочет войны. То есть, возможно, «плохие» люди в окружении фюрера, особенно эсэсовцы (а СС вызывали к себе какие угодно чувства, кроме доверия и уважения), и стремятся к войне. Но сам Гитлер? Не может быть!

Поскольку у заговорщиков не было никакого способа привлечь на свою сторону народ, их «сопротивление» свелось к надеждам на устройство переворота несколькими разумными (настроенными против войны) генералами. Гражданские участники заговора во главе с тем же Шахтом требовали от генералов решительных действий. Но генералы отчаянно трусили. Они не верили, что отданный ими приказ о свержении и уничтожении Гитлера будет выполнен младшими офицерами! В итоге из антивоенного заговора 1938 года ничего не вышло, и фюрер беспрепятственно развязал Вторую мировую войну — самую кровавую и страшную за всю мировую историю...[1] О последствиях войны для Германии уже сказано выше.

В конце войны (в 1944-м, после неудачного покушения на Гитлера) эсэсовцы всё же посадили неугодного им Шахта в концлагерь. Это каждый поборник авторитарной модернизации обязан зарубить на носу и хорошенько подумать, устраивает ли его лично такая перспектива. Если не устраивает, то не лучше ли отказаться от планов авторитарной модернизации?

ДРУГИЕ ОТКРОВЕНИЯ Г-НА ЮРЬЕВА

Надо ещё раз похвалить г-на Юрьева: он откровенно высказывает такие вещи, которых мы никогда не услышим от Путина, Грызлова, Шойгу или Слиски. Так, г-н Юрьев открыто призывает уничтожить систему разделения властей. Её у нас в России в реальной жизни нет и никогда не было, но на бу-

---

1 Провалившийся антигитлеровский заговор 1938 года превосходно описан в книге Г.-Б. Гизевиуса «До горького конца» (Смоленск: Русич, 2002). Немецкий оригинал этой книги вышел сразу после войны.

маге, в Конституции, разделение властей записано. Противоречия между Конституцией и реальной жизнью можно разрешать двояко: либо добиваться соблюдения Основного закона, либо закон приводить в соответствие с *понятиями*. Г-н Юрьев безоговорочно поддерживает второй вариант. Однако весь мировой и наш собственный опыт доказывает, что современное государство без системы разделения властей может быть либо тоталитарным, либо клептократическим. В первом случае у власти стоят убийцы, во втором — воры. Третьего — при отсутствии «сдержек и противовесов» — в большинстве стран мира не дано.

Единственное исключение — восточноазиатские государства, принадлежащие к конфуцианской цивилизации. Как известно, Конфуций ещё 2500 лет назад разработал систему отношений между самодержавным государством и его подданными, основанную на взаимных обязанностях сторон. На этой основе, как показывает опыт, даже в современных условиях возможен некий просвещённый авторитаризм, способствующий экономическому развитию страны. Но у нас и в других странах СНГ конфуцианство не то что не вошло в плоть и кровь, а вообще почти неизвестно. В этом мы не одиноки. В странах исламского мира, в Чёрной Африке, в Латинской Америке неограниченная власть тоже не связана конфуцианскими представлениями о нравственности — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Конечно, различия между двумя типами государства — тоталитарным и клептократическим — не абсолютны. Многие убийцы воруют, а значительная часть воров способна пойти на убийство. Но речь идёт об основном направлении преступной деятельности правящей верхушки. В тоталитарном государстве основной вид преступной деятельности — это массовое истребление людей (гитлеровская Германия, сталинский Советский Союз, маоистский Китай, Камбоджа при Пол Поте, Иран при Хомейни, Ирак при Саддаме Хуссейне). А в клептократическом государстве на первое место выходит системное казнокрадство вкупе с мошенничеством и бандитизмом (СССР в последние 15–20 лет его существования, а в ещё большей степени — современная Россия и ряд других стран СНГ; Индонезия при Сухарто и Филиппины при Маркосе; Нигерия и большинство других государств Чёрной Африки с момента получения независимости).

Какой же из этих двух типов государства без разделения властей выбирает г-н Юрьев? Прямо он об этом не говорит. Но совершенно ясно, что в современных российских условиях реален лишь второй вариант, но с заимствованием ряда политических технологий первого. По сути, мысль г-на Юрьева как раз и движется по этому пути. Например, он радуется тому, что с «жестокостью общества и готовностью к своим и чужим потерям — у нас всё и так обстоит нормально».

Г-н Юрьев борется за обособление России от остального мира. При этом он признаёт, что «некоторые вещи... на которые придётся пойти, будут достаточно противоречивыми — например, легализация наркотиков либо большей

их части...». В чьих интересах такие «вещи», читатель должен догадаться. Конечно, это полезно для самой коррумпированной части российских силовиков, которые уже давно заняты крышеванием наркоторговли. В то же время наркотики — это мощный способ оболванивания народа. А ещё идеологи деспотических монархий в Древнем Китае полагали, что оболванивание народа (по-китайски *юймин*) — самый надёжный способ укрепления существующей власти. Правда, враждебная конфуцианству школа *фацзя*, проповедовавшая подобные идеи, настолько опорочила сама себя, что на протяжении более 2000 лет — до появления Мао Цзэдуна — никто не осмеливался открыто объявлять себя её сторонником. Но это — в Китае. А у нас идея оболванивания народа столь сильного отторжения не вызывает.

Той же цели, что и распространение наркотиков, служат две другие меры, пропагандируемые г-ном Юрьевым: почти полный запрет поездок за границу и полное сворачивание «изучения иностранных (читай: западных) языков». Если ставить конечной целью достижение максимальной нормы эксплуатации рабочей силы, то без таких шагов вообще нельзя обойтись! Ведь иначе шила в мешке не утаишь, и отнюдь не лестное для российской «элиты» сравнение с другими странами всё равно неизбежно распространится в широких массах. Вот ведь г-н Паршев солгал, что в России зарплата выше среднемировой — и попался на этой лжи. А если сделать так, чтобы никто не мог узнать, какова зарплата в других странах? Тогда любая ложь сможет иметь успех.

Конечно, в придачу необходимо ещё запретить Интернет. Если сохранить свободный доступ ко Всемирной паутине, то никакие запреты загранпоездок и изучения иностранных языков не помогут. Почему-то г-н Юрьев об этом не говорит. Но многие чины ФСБ приходят к этой глубокой мысли и без советов автора аналитического доклада.

И наконец — внимание! — предел откровенности г-на Юрьева: «Ещё полезнее ввести радикальные нововведения в систему правосудия — например, не просто легализовать, а предписать широко использовать в следствии и суде допрос с психотропными средствами». Тут уж путинский аналитик дошёл до точки! Той точки, где от правосудия не остаётся даже видимости, а существует только кривосудие. Но не следует забывать, что цель г-на Юрьева — обеспечить безраздельное господство клептократии. А для этого любые средства хороши!

ПРЯМОЙ ПЛАГИАТ

Если во многих отношениях г-н Юрьев высказывается на редкость откровенно, то другие свои гениальные идеи он откровенно списывает из книги «Почему Россия не Америка». Для удобства читателя сведём такие примеры плагиата в таблицу.

Таблица 7.7. Сравнительный анализ двух «шедевров»

№ п/п	А.П. Паршев. «Почему Россия не Америка»	М.З. Юрьев. «Крепость Россия»
1.	«Вовлечение экономики России в мировые рыночные отношения («международное разделение труда») губительно и в короткий срок приведёт её к коллапсу» (с. 207)	«Открытая экономика... надёжно ведёт Россию к исчезновению как государства»
2.	«Внутренний российский рынок должен быть изолирован от мирового» (с. 311)	«Итак, нет в стратегическом плане более важной задачи для России в экономической политике, чем провозглашение автаркии как цели и, соответственно, подготовка, поворот и собственно движение к ней»
3.	«А всего-то надо изолироваться от мировой экономики. С нашим-то опытом – плёвое дело... Мер этих три: госмонополия на внешнюю торговлю, прекращение вывоза капитала и отмена конвертации рубля, то есть нецелевого выделения валюты кому угодно» (с. 260). «То, что называется бартером, на самом деле стихийно возникшая неконвертируемая российская валюта, пока безналичная» (с. 306)	«Сам поворот к автаркии должен включать увязанное по времени дестимулирование экспорта и импорта, с одной стороны, и вывоза и ввоза капитала, с другой... Наилучшим инструментом для всего этого, существенно более эффективным, чем таможня, является отмена конвертируемости рубля (внутренней) и вообще ужесточение валютного и в целом финансового регулирования, т.е. упор на администрирование движения денег, а не товаров»
4.	«Что закупать на Западе – тоже будет определять Торговая палата, исходя из того объёма валюты, который будет выделен на импорт централизованно» (с. 371)	«Принцип для определения приоритетности дестимулирования импорта должен быть таков: производится ли нечто в стране сейчас (имеется в виду сопоставимого качества), а если нет, то может ли такое производство начаться и в какие сроки»
5.	«То есть само присутствие иностранных средств в каком-либо месте – это сигнал тревоги, это SOS, это сирена и мигалка! Так просто иностранные деньги не могут у нас появиться! Либо это признак какой-то дыры в экономике, через которую утекают наши невосполнимые ресурсы, либо там копошится гнездо отвратительных вредителей, и нужны дуст и керосин» (с. 260)	«Что же касается иностранных инвестиций, то с ними всё проще: они являются безусловным вредом». «Те же принадлежащие иностранному капиталу предприятия, которые уже существуют, не надо национализировать – достаточно объявить, что заработанные ими рубли государство не будет обменивать на иностранную валюту, а покупка её на рынке невозможна. Конечно, весь мир при этом совершенно справедливо скажет, что теперь уж точно никогда, ни через сто лет, ни через двести, никто не будет вкладывать деньги в Россию – и это особенно радует и греет душу»

Таблица 7.7. Продолжение

№ п/п	А.П. Паршев. «Почему Россия не Америка»	М.З. Юрьев. «Крепость Россия»
6.	«Но настоящие "новые русские" – это на самом деле только экспортёры... Именно они ради куша в 50 млрд. долл. ежегодно и пытаются законсервировать нынешнее положение страны. Они составляют особую группу, можно сказать, "первый класс" нашего общества – наиболее влиятельный» (с. 377)	«Вот у нас засилье олигархов, связанных с властью, причём по ненависти к ним в обществе достигнут почти консенсус. Но на момент написания этих строк (январь 2004 года) появилась серьёзная надежда и даже уверенность, что в обозримом будущем с ними будет покончено как с классом»
7.	«Как наше государство смогло собраться с силами в 1943 году, когда мы уступали соединённой Западно-Центральной Европе по населению вдвое, а по промышленности вчетверо? Да, конечно, был Сталин, кто же спорит, но в 1941-то тоже был Сталин! Чего ж не хватало? А Жареного Петуха!» (с. 406)	«Так, может, есть надежда, что российское руководство так сделает? Бог весть, конечно, но я таких шансов не вижу. На что же тогда надеяться? Так ещё до меня подмечено, что главной движущей силой и истинным символом многовековой российской истории является не двуглавый орёл, а жареный петух»

Жареный петух, конечно, наиболее показателен. Совершенно очевидно, что бо́льшая часть аналитического доклада для Путина представляет собой не самостоятельное произведение (на это у г-на Юрьева, вероятно, извилин не хватило), а вольное переложение книги «Почему Россия не Америка». Но мы видим, что паршевский шедевр востребован. И востребован на самом высоком уровне.

НЕИЗБЕЖНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КЛЕПТОКРАТИЧЕСКОЙ УТОПИИ

Неисправимые оптимисты из «Новой газеты» видят в докладе г-на Юрьева некую «интеллектуальную провокацию». Едва ли это так. «Интеллектуальные провокации» распространяются в открытой печати, а не в докладах для главы государства. Поэтому следует исходить из предположения, что г-н Юрьев и та группировка, чьё мнение он озвучил, надеются хотя бы на частичное практическое осуществление своего плана. Положим, что г-н Путин сумеет в точности воплотить в жизнь идеи г-д Паршева и Юрьева. (Нет сомнений, что подполковнику КГБ эти идеи нравятся, но как реальный политик Путин не может не видеть сложности их выполнения.) Что из этого получится?

Очевидно, что в результате будет создано образцово-показательное клептократическое государство. Коррумпированное чиновничество начнёт извлекать огромные доходы из «целевого» выделения валюты, разрешений на загранпоездки, а равно и из прямой и циничной сверхэксплуатации основной массы

населения путём поборов за отопление, электроэнергию, воду, квартплату, налогов на землю и на имущество. Недаром ведь г-н Паршев многократно преувеличил реальные затраты на отопление и электроэнергию в России! Без задней мысли подобная ложь не сочиняется. В таком государстве «элита» из казнокрадов и взяточников уже не сможет жаловаться на бедность. А вот сейчас — представьте себе — жалуется! В том числе устами г-на Паршева: **«...в любом государстве правящий слой (элита) живёт только за счёт прибавочного продукта. Так вот, российская элита всегда беднее, всегда чувствует себя обделённой. Ей никогда не достичь того уровня жизни, который свойственен "элите" Запада. И если основные производящие классы России не слишком озабочены мыслями об этой разнице, хотя бы в силу постоянной занятости, то имеющая более обширные контакты с Западом элита может сравнивать. Комплекс неполноценности особенно сильно обострялся после победоносных войн, когда она в массе своей знакомилась с жизнью своих западных коллег. Как же так, мы им дали, а живём хуже?»** (с. 399).

В случае реализации плана Паршева — Юрьева подобные жалобы прекратятся. Элита урвёт гораздо больше, чем даже она хапает сегодня. А вот что ждёт основную массу населения страны? На этот вопрос легко ответить: нарастающее обнищание, оболванивание (в том числе с помощью наркотиков и психотропных средств), физическая, умственная и моральная деградация.

Естественно, что обещания г-на Юрьева обеспечить ускоренный экономический рост в закрытой от внешнего мира стране — это такая примитивная ложь, которую нельзя рассматривать всерьёз. Такого никогда и нигде не бывало да и не будет. Особенно важно подчеркнуть принципиальную невозможность сколько-нибудь значительного научно-технического прогресса в изолированном государстве. Здесь уместно сравнить пути развития Китая и Европы. На протяжении длительного времени китайцы значительно опережали Европу по техническим изобретениям. Компас, порох, бумага, книгопечатание (правда, очень несовершенное) — всё это в Китае появилось раньше. А вот затем, с середины XV века, в Китае начался застой, продлившийся до насильственного «открытия» этой страны европейцами в середине XIX века. Почему?

Конечно, вовсе не потому, что китайский народ уступает европейцам в одарённости, изобретательности или трудолюбии. Этот расистский бред теперь, в связи с выдающимися успехами китайских государств (КНР и в ещё большей степени Тайваня и Сингапура) в последние десятилетия, даже и рассматривать не стоит. Но в Китае действовал мощный тормоз: сильное централизованное государство с самой многолюдной в мире вертикалью власти (мечта наших державников!), изолированное своими правителями от остального мира. Частную инициативу это государство успешно душило, а само в техническом прогрессе не нуждалось, ибо и без того презирало весь остальной мир как «варваров» *(ху)*. Последствия такой политики наглядно проявились во время англо-французской

агрессии против Китая в 1858–1860 годах. Тогда несколько английских и французских батальонов без труда разгромили многочисленную китайскую армию и взяли Пекин. Китаю были навязаны крайне тяжёлые условия мира, но с изоляцией этой страны от внешнего мира европейцы покончили. И тем самым — скорее невольно, чем сознательно — создали предпосылки для превращения Китая в мощную мировую державу, которое стало фактом в последнюю четверть века.

Так что явной ложью следует признать и «заботу» г-на Юрьева о военной мощи России. У изолированного государства клептократического типа боеспособной армии по определению быть не может! Кстати, и изоляция подобного государства в наш век будет лишь сугубо относительной. Задача отрезать от контактов с внешним миром основную часть населения страны пока ещё выполнима. Для этого в России есть соответствующий репрессивный аппарат, прежде всего ФСБ. Но будет ли в изоляции от внешнего мира правящая верхушка, которую г-н Паршев высокопарно именует «элитой»? Отрицательный ответ на этот вопрос очевиден. Наверняка большая часть элиты изолированного государства будет хранить свои сбережения в иностранных банках.

Но не напрасны ли наши опасения, что в случае претворения в жизнь изоляционистско-клептократической утопии основная масса нашего народа обнищает ещё сильнее, чем теперь? Может быть, ниже падать некуда? Ведь «Третий Рим» и без того не дотягивает до уровня третьего мира и по всем основным показателям принадлежит к четвёртому миру.

РАССЛОЕНИЕ «ТРЕТЬЕГО МИРА»

А есть ли кто-нибудь ещё ниже? Конечно, есть! Существует и пятый мир, в котором промышленности как таковой нет или почти нет, а потому и зарплату в промышленности невозможно исчислить. К счастью, пятый мир сильно уступает четвёртому по площади и числу жителей. Выделять эту группу стран правильнее всего не по ВВП, а по гораздо более печальному показателю — высокому проценту голодающих детей. Большинство государств, в которых значительная часть детей до 5 лет хронически недоедает, расположено в Африке к югу от Сахары. Однако на самом дне по этому грустному проценту три азиатские страны — Бангладеш (52%), Афганистан (49%) и Непал (48%), а в худшей из стран Африки — Эфиопии (47%) — дела обстоят чуть-чуть лучше. По соседству располагаются ещё Йемен, Бурунди, Камбоджа, Судан, Лаос, Нигер, Эритрея. Во всех этих странах голодает не менее 40% детей...[1]

Эта неутешительная статистика приведена для того, чтобы читатель осознал: России всё-таки ещё есть куда падать. У нас «всего» 6% детей младше

[1] См.: World Development Indicators 2005 (издание Всемирного банка).

5 лет хронически недоедает[1]. Конечно, и это — страшная и позорная цифра для крупного экспортёра нефти, члена «восьмёрки» и кандидата на роль великой сырьевой державы. (Заметим в скобках: великих сырьевых держав не бывает.) Но в случае падения в пятый мир — неизбежного при попытке реального выполнения изоляционистской программы г-на Юрьева — всё станет намного хуже.

А вот «третий мир» в понимании г-на Паршева — это мнимая величина. Его давно уже не существует. Он расслоился ещё в 1960–1970-х годах, и с тех пор это расслоение нарастает. Для примера удобно взять Юго-Восточную Азию, которую г-н Паршев не раз приводит в качестве типичной области «третьего мира». Совершенно ясно, что Сингапур стоит на одной ступени развития, Малайзия и Таиланд — на другой, Индонезия — на третьей, а Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Мьянма (бывшая Бирма) — на четвёртой. Эти государства в настоящее время не только сильно различаются по уровню оплаты труда, но и решают совершенно разные задачи.

Сингапур, где ещё в начале 1960-х годов царила страшная нищета и 40% избирателей голосовали за компартию маоистского толка, теперь прочно вошёл в первый мир. Даже Малайзия и Таиланд очень сильно отстают от Сингапура. Но эти государства сумели избежать войн и революций и давно перестали быть сырьевыми придатками развитых стран. В их экспорте доля высокотехнологичной продукции высока, и притом она возрастает. Богатая нефтью Индонезия сильно пострадала от социалистического эксперимента при президенте Сукарно и от разгула коррупции при президенте Сухарто. Начавшийся в последние годы переход к демократии там тоже оказался нелёгок. Но доля «ненефтяного» экспорта в Индонезии уже сейчас значительна, и у этого государства есть хорошие шансы в обозримом будущем слезть с нефтяной «иглы». Хотя пока что жизненный уровень там низкий (27% детей хронически недоедает).

Однако в Юго-Восточной Азии есть и такие страны, по сравнению с которыми даже Индонезия — передовое государство. Вьетнам, Лаос, Камбоджа и Мьянма и вовсе принадлежат к группе беднейших стран мира. Скажем, в Социалистической Республике Вьетнам, по данным на 2000–2003 годы, хронически недоедало 34% детей. Этот показатель хуже, чем в большинстве стран Африки! Да и установленная законом минимальная зарплата во Вьетнаме — 12 долларов в месяц — как-то не радует. Отчасти массовая нищета во Вьетнаме — это наследие войны, длившейся здесь с небольшими перерывами с 1945 по 1975 год. Но не стоит забывать и о том, что в первое десятилетие мирной жизни (1975–1985) жизненный уровень вьетнамцев не рос, а падал. В те годы во Вьетнаме всерьёз строили социализм, а из этого занятия ничего, кроме

[1] См.: World Development Indicators 2005.

дальнейшего роста бедности, получиться не может. В середине 1980-х годов в Сайгоне (официально этот город переименован в Хошимин, но никто из вьетнамцев официальным названием в разговорной речи не пользуется) электричество отключали куда чаще, чем в годы войны! Нередко отключали и воду. К счастью, после смерти генсека вьетнамской компартии Ле Зуана (1985) строительство социализма в многострадальной индокитайской стране прекратили. И правильно сделали, поскольку вьетнамский народ на редкость мало соответствует такому общественному строю. С тех пор во Вьетнаме наблюдается устойчивый экономический рост. Но он начался со столь низкой исходной точки, что до преодоления массовой бедности ещё далеко. Так что пока Вьетнам остаётся где-то в четырёхсполовинном мире.

Какой вывод мы обязаны сделать, рассмотрев опыт стран Юго-Восточной Азии? Этот вывод строг и ясен: страны, которые раньше других выбрали наиболее рыночную и наиболее открытую экономику, добились наибольших успехов. И напротив, государства, долго пытавшиеся изолироваться от внешнего мира (Вьетнам, Мьянма), ещё весьма далеки от преодоления массовой нищеты. Хотя их правительства давно взялись за ум и не только отказались от строительства социализма, но и всячески привлекают (а отнюдь не изгоняют) иностранный капитал.

Расслоение некогда единого «третьего мира» — не столько результат действия каких-либо объективных факторов, сколько следствие политики правящих кругов азиатских, африканских и латиноамериканских государств. Одни из этих стран поднялись во второй мир (а Сингапур — даже в первый), другие упали в пятый, а третьи толкутся где-то посередине.

Следует признать, что миф о «третьем мире» живуч, и его распространяет далеко не один г-н Паршев. Это яркий пример инерции общественного сознания. Однако мифы ничего, кроме вреда, не приносят, и их надо изживать. Реальный третий мир существует, но он невелик. А самое главное — бо́льшая часть России до него пока не дотягивается. Так что угроза падения до уровня «третьемировых стандартов» для нашей страны — мнимая. Если мы достигнем уровня настоящего третьего мира (скажем, Малайзии или Таиланда), то для нас это будет подъём, а отнюдь не падение. Например, в Таиланде минимальная зарплата составляет 90 долларов в месяц. «Третьему Риму» до такой минимальной зарплаты ой как далеко! Да к тому же у нас не минимальная зарплата, а МРОТ. Любому человеку, мало-мальски знакомому с языкознанием, очевидно, что это слово одного корня с глагольными формами «мру», «мрут» и т.д., смысл которых предельно ясен...

ГЛАВА 8. СУЩЕСТВУЕТ ЛИ В РОССИИ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ?

В России никогда не будет капитализма.
У неё всегда будет свой специальный строй.
В.К. Плеве

При каком строе мы живём? Ответы на этот внешне не слишком каверзный вопрос в современной России отличаются большим разнообразием. Самая распространённая версия: у нас утвердился дикий, или бандитский, капитализм. Достоинство этого объяснения в том, что оно ухватывает внешнюю, наиболее наглядную сторону наблюдаемых в нашей стране социальных процессов. Действительно, сложившиеся у нас порядки похожи, пожалуй, всё-таки не на капитализм, а на советское пропагандистское представление о нём. Тут и вроде как бы частная собственность, и сильнейшее имущественное расслоение, и монополии. (Правда, монополии — отнюдь не характерный признак капитализма, и в экономически развитых странах как раз существует жёсткое антимонопольное законодательство. Но советская пропаганда десятилетиями бубнила о «господстве монополий», и многие советские люди в это верили.) Что касается определений «дикий» или «бандитский», то при всей своей эмоциональности и пристрастности они верно отражают некоторые черты нашего нынешнего уклада. Такие черты сложившегося у нас общественного «порядка», как несоблюдение законов, верховенство силы над правом, являются очень существенными его особенностями.

Интересно отметить, что обслуживающие Путина и его режим журналисты полюбили утверждение, что нынешняя Россия движется по капиталистическому пути. Это пытается доказать, в частности, небезызвестный О. Султанов, некогда изображавший из себя демократа и даже сумевший внедриться в «Новую газету». Но те времена прошли. Сегодня Султанов подвизается на страницах «Московской правды» — самого откровенного рупора коррупционеров. Напомню, что эта бесстыжая газета защищала даже «оборотней в погонах» от Ромодановского. И на её же страницах Султанов хвалит Путина за успехи в строительстве капитализма (6 января 2004 г.). Это можно назвать советской пропагандой наоборот. Ведь если в чём советская пропаганда убедила весь советский народ, так это в том, что жить при «ужасах капитализма» совсем не так уж плохо.

Однако при всей своей популярности представление о России как о капиталистической стране крайне уязвимо для критики. Многие всё-таки наслышаны о том, что при капитализме частная собственность «священна и неприкосновенна». А как обстоит дело в современной России? Ответ знает каждый: у любого из граждан России запросто могут отнять собственность. Не имеет

значения, кто этот человек: бедная старушка-пенсионерка или миллиардер Ходорковский. Так что настоящей частной собственности в нашей стране не существует. Имеется только некоторая условная собственность, которой данный индивид владеет лишь до тех пор, пока она не приглянулась кому-нибудь более сильному и могущественному.

Но возможен ли капитализм без полноценной частной собственности? Руководствуясь здравым смыслом, на этот вопрос надо ответить отрицательно. Для капиталистического строя охрана частной собственности — важнейшая из задач. Да и вообще, рыночный механизм способен нормально работать только там, где участники рынка равны перед законом. А если они не только не равны, но к тому же некоторые из них живут по *понятиям*? Очевидно, в этом случае мы имеем дело не с рынком в настоящем смысле слова, а с качественно другой, пусть и внешне сходной с рынком, системой отношений. Так что в данном случае нельзя не согласиться с выводом г-на Паршева: **«Строй, сложившийся у нас — это не капитализм»** (с. 377).

Если сложившийся в России порядок не подпадает под определение капитализма, то, может быть, это феодализм? Близкую точку зрения в нашей печати отстаивает даровитая и остроумная Юлия Латынина. А сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Николай Алексеевич Косолапов прямо говорит об установлении «неофеодализма» в современной России. Сходство господствующего у нас уклада и феодализма действительно велико. Их главная общая черта — условный характер собственности, которой сеньор награждает своего вассала за верную службу. Скажем, известная семибанкирщина поддержала на выборах 1996 года Ельцина против Зюганова и в награду получила очень жирные куски бывшей государственной собственности. Но если вассал перестаёт служить своему сюзерену, последний вправе отобрать у неверного всё, чем тот владеет. Так отняли собственность у Гусинского и Живило, а теперь отбирают у Ходорковского, Платона Лебедева и Невзлина.

Однако налицо и важные различия между феодализмом и нашим нынешним укладом. Причём не в пользу современного порядка. Феодализм держался силой обычая, который связывал руки не только слабым и убогим, но даже сильным и могущественным. У нас не то. У нас господствующий слой твёрдо уверен в том, что ему всё дозволено.

Разумеется, существующий ныне в России порядок нельзя называть и социализмом. Хотя такая точка зрения — сравнительно редкая — тоже существует. Я даже слышал от одной весьма интеллигентной дамы сравнение Путина с чилийским президентом С. Альенде. Действительно, аграрный строй у нас до сих пор более чем наполовину социалистический, сильны государственные или подконтрольные государству монополии («Газпром», РАО «ЕЭС России», «Российские железные дороги», телевидение). Но, несмотря на множество

сохранившихся до сих пор пережитков (их в России гораздо больше, чем, например, в Китае), социализм как цельная система у нас давно развалился. Причём распад его произошёл не в 1991–1992 (как почему-то думают многие), а в основном ещё в 1988–1989 годах. Обломки социализма вошли в состав внешне похожей на рыночную системы и обрели новые черты. Взять хотя бы жилкоммунхоз! Сохранив в большинстве городов страны вполне социалистическое устройство, он вдруг приобрёл несвойственное ему прежде стремление к получению максимальной монопольно-паразитической прибыли. Сейчас, правда, наблюдается тенденция к приватизации ЖКХ, но она возникла уже после того, как стали безудержно взвинчиваться цены на «услуги» крайне сомнительного качества.

Так что же у нас за система такая, ни на какой известный строй по совокупности признаков не похожая? А может, никакого общественного строя в современной России вообще нет?

Казалось бы, сама постановка вопроса лишена смысла. Как это так — совсем нет никакого строя? Разве такое бывает?

УНИКАЛЬНЫ ЛИ НАШИ БЕЗОБРАЗИЯ?

Здесь важно выяснить, уникально современное положение в нашей стране или существуют какие-нибудь аналоги. В первом случае научное объяснение тупика, в который мы попали, становится крайне затруднительным. Уникальное явление вообще с трудом поддаётся научному анализу. Тут легко сочинить какую-нибудь теорию, всецело объясняющую создавшееся положение особенностями страны. К такому разряду теорий принадлежит разобранная нами теория г-на Паршева. Мы показали её несостоятельность. Но если не дать правильного объяснения той совокупности общественных отношений, которая у нас сложилась, появление других подобных теорий неизбежно.

Вот если удастся доказать, что сложившийся в теперешней России порядок не уникален, тогда сразу отпадёт целый класс теорий, объясняющих произошедшие у нас события холодным климатом или, к примеру, этническими особенностями русского народа. Тогда подобные теории даже не надо будет рассматривать из-за их очевидной ложности.

Долгое время автор настоящих строк полагал, что уклад, подобный современному российскому, может сложиться только в условиях разложения и распада социализма. Однако теперь я вполне преодолел такую точку зрения, за что готов высказать особую признательность В.В. Белоцерковскому. Напомню, что этот человек долгое время проработал на радиостанции «Свобода» в Мюнхене и по сей день живёт в Германии, однако время от времени наезжает в Россию, чтобы учить русских дураков социализму. За образец «правиль-

ного» социализма (ибо к советской модели он относится отрицательно) г-н Белоцерковский принимает объединение испанских кооперативов «Мондрагон». Как-то раз я попал на доклад этого проповедника социализма в Сахаровском центре. Г-н Белоцерковский яростно доказывал, что бывают страны, несовместимые с капитализмом. Кроме России, он назвал ещё Южную Италию (!), и в особенности Сицилию (!!), а также государства Чёрной Африки (!!!). «Тепло», — подумал я.

Однако о Чёрной Африке я знал очень мало, а потому взялся за литературу. И тут мне сказочно повезло: чуть ли не с первого раза попалась именно такая книга, которая объяснила суть дела. Речь идёт о замечательном, но недооценённом (или даже не замеченном сколько-нибудь широкой публикой) труде известного российского африканиста Леонида Владимировича Гевелинга «Клептократия»[1].

Очень советую каждому, кто хочет понять суть происшедшего с нашей собственной страной, прочитать эту книгу, посвящённую Нигерии. Здесь же позволю себе кратко изложить основные научные понятия, введённые или использованные Л.В. Гевелингом. Некоторое упрощение и сокращение определений обусловлено популярным характером настоящего издания в противоположность строго научной, академической направленности «Клептократии».

КЛЮЧЕВЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Экономическая коррупция — использование должностными лицами своего служебного положения в корыстных целях (для приобретения материальной либо нематериальной выгоды). Основные виды экономической коррупции: казнокрадство, взяточничество и «откат», когда чиновник и бизнесмен совместно «распиливают» государственные деньги.

Клептократия (буквально — власть воров) — социальный слой (в основном государственные чиновники, но, помимо них, функционеры политических партий и общественных организаций), использующий своё служебное положение для самообогащения; также политическое господство этого слоя.

Негативная экономика — совокупность видов направленной на обогащение деятельности, не связанной с производством потребительски полезных товаров и услуг. Либо эта деятельность может быть связана с производством потребительски вредных товаров (наркотики, фальсифицированная водка, под-

[1] См.: Гевелинг Л.В. Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. М.: Гуманитарий, 2001.

дельные лекарства, фальшивые деньги) и оказанием потребительски вредных услуг (например, проституция и заказные убийства), что прямо ведёт к деградации и даже гибели людей. Либо она может быть направлена на обманное или насильственное перераспределение собственности (мошенничество, рэкет, вооружённые ограбления, организованные кражи). Существует чёткая закономерность: чем больше развита в стране негативная экономика, тем хуже обстоят дела в позитивной экономике.

Лутократия (буквально — власть грабителей) — совокупность главарей организованных преступных сообществ, контролирующих негативную экономику.

Плутократия (буквально — власть богачей) — социальный слой, воплощающий слияние богатства и политической власти. Плутократы тем и отличаются от «нормальных» капиталистов, что стремятся не к независимости от государства и не к свободному рынку, а к сращиванию с государственной машиной и получению от этого всевозможных выгод. Отчасти это объясняется тем, что по происхождению многие плутократы — бывшие клептократы.

Негативный капитал — капитал, лишённый функции общественного воспроизводства, нацеленный на получение сверхприбыли без инвестиций.

Квазирынок — внешне похожая на рынок система общественных связей, в которой нет обязательных правил игры, сила господствует над правом, монополия вытесняет конкуренцию. Главный признак, отличающий квазирынок от настоящего рынка, — внеэкономические способы воздействия со стороны сильных.

Политическая коррупция — совокупность не вполне законных и совершенно противозаконных средств, которые применяют клептократия, лутократия и плутократия для сохранения и укрепления своего господства. Диапазон таких приёмов и методов велик: от клеветы в средствах массовой информации («чёрный пиар») и подкупа депутатов и общественных деятелей через подтасовки результатов выборов до терроризма, провоцирования массовых беспорядков (чаще всего на этнической и религиозной почве), мятежей и военных переворотов.

Квазидемократия (иначе — нелиберальная демократия) — тип государственного устройства, при котором существуют формальные признаки демократии, но на деле господствует клептократия (чаще всего совместно с луто- и плутократией). От настоящей демократии отличается широким и безнаказанным применением методов политической коррупции. Квазидемократия неустойчива и недолговечна.

Читатель, вероятно, уже заметил, что в этих определениях нет никакой африканской экзотики. Это точно! Всё или почти всё, что есть в Нигерии, можно обнаружить и в России.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОРРУПЦИИ В НИГЕРИИ И У НАС

Нигерия — самая многолюдная страна Чёрной Африки. Там живёт около 120 млн человек, что вполне сопоставимо с численностью населения России. Существенно, что это государство целиком расположено в тропиках и отличается — на радость г-ну Паршеву — жарким климатом. Средние месячные температуры там колеблются от +20 до +33°С. По мнению автора книги «Почему Россия не Америка», это просто благодать! Во всяком случае, замёрзнуть в Нигерии нельзя. Вдобавок там ещё и осадков выпадает довольно много. Кроме засушливого северо-востока страны, их всюду вполне достаточно для богарного земледелия. При этом Нигерия весьма богата полезными ископаемыми. Там есть каменный уголь, олово, ниобий, тантал, алмазы, изумруды, сапфиры. Но главное ископаемое богатство этой страны — нефть. Это одновременно и основная статья нигерийского экспорта. По добыче и экспорту нефти Нигерия занимает шестое место в мире.

Но при всём том подавляющее большинство населения страны живёт в бедности. По официальным данным за 1998 год, за чертой нищеты находилось 48,5% нигерийцев. Причём черта нищеты там проведена не слишком высоко: 48 долларов в год. В чём же дело?

В книге г-на Паршева мы такого ответа не найдём. У него есть только несколько загадочно звучащих фраз: «**Кто бывал в экваториальной Африке и общался там с населением, знает, что живущие там негры поголовно влюблены в Америку. Как же, американские негры, хотя бы тот же Майкл Джексон, такие навороченные! И там свобода! А ходят эти сторонники мирового рынка голые, и не только из-за климата**» (с. 218). Из-за чего негры — если верить на слово г-ну Паршеву — ходят голыми, можно лишь догадываться. То ли из-за мирового рынка, то ли из-за Америки. А может быть, г-н Паршев просто путает и не различает понятия «Америка» и «мировой рынок»? Это смешно, но очень похоже на автора книги «Почему Россия не Америка».

Однако такие объяснения не проходят. Ведь нельзя сказать, чтобы Нигерия страдала от эксплуатации её иностранным капиталом. Прямые иностранные инвестиции в нигерийскую экономику очень малы. Из крупных транснациональных корпораций там действуют лишь нефтяные: «Роял Датч/Шелл», «Шеврон/Тексако», «Эксон/Мобил» и «ТотальФинаЭльф». Причём эти компании только качают нефть, а в обрабатывающую промышленность капитал не вкладывают.

Между тем, почему бы буржуям не вкладывать деньги в нигерийскую экономику? По теории Паршева они должны туда устремиться! Ведь затрат на отопление в Нигерии нет, а зарплата — у кого она вообще есть — явно ниже среднемировой. Следовательно, затраты на производство ка-

кой-либо продукции в этой стране должны быть гораздо ниже среднемировых!

Но — вот беда! — на деле наблюдается противоположное явление. Капитал бежит из Нигерии! Причём утекает он оттуда в особо крупных размерах. К концу 1990-х годов общие размеры вывезенного из Нигерии капитала составляли, по различным оценкам, от 26 до 55 млрд долларов США. Если правильна первая цифра, то сбежавший из Нигерии капитал примерно равен внешнему долгу этой страны и немного уступает годовому ВВП. Если же верна вторая цифра, то размеры бегства капитала вдвое превышают внешний долг и в полтора с лишним раза — валовой внутренний продукт!

Известно, что капитал из Нигерии утекает в западные банки, особенно британские и швейцарские, которые отнюдь не предлагают своим клиентам какую-то баснословно высокую прибыль. Получается картина, прямо противоположная теории Паршева. Напомню, что наш идеолог писал: **«А каждый появившийся у нас доллар немедленно побежит туда, где он сможет получить прибыль»** (с. 97). В Нигерии прибыль на вложенный доллар должна быть в разы более высокой, чем в Швейцарии или в Англии. А капитал утекает из африканской страны в Европу, а наоборот не желает. Выходит, не в одной прибыли дело? Тут стоит разобраться. В этом нам поможет книга Л.В. Гевелинга.

Нигерия — очень показательная модель клептократического государства, где ярко и полно проявились неизбежные последствия засилья клепто-, луто- и плутократии. Здесь следует не упускать из виду, что клептократия первична. В Нигерии она сложилась уже в первые годы после получения независимости (1960). Уже тогда в стране получило распространение мнение, что использование служебного положения для обогащения — характерная особенность африканского образа жизни. Лутократия и плутократия сформировались позднее — примерно к концу 1970-х годов.

С 1979 по 1999 год у власти в Нигерии неизменно находились правительства, откровенно защищавшие интересы клептократии вместе с её естественными союзниками — лутократией и плутократией. Именно в этот период наиболее ярко проявились все пагубные последствия такого социально-экономического уклада.

Во-первых, клептократическое государство непривлекательно для иностранных инвесторов. Буржуи — довольно капризные люди, и они вовсе не рвутся туда, где живут по понятиям. Отпугивают их, видите ли, коррупция, преступность и правовая непредсказуемость! Не привлекает и необходимость тратить 37% рабочего времени на согласования с чиновниками. Не нравится укоренившийся в Нигерии обычай захватывать представителей иностранных фирм в заложники — то с целью выкупа, то просто с целью трудоустройства (!). А ещё вдобавок не радуют плохие дороги и постоянные перебои

с электроэнергией. И ведь вот что примечательно: климат Нигерии ничуть не похож на российский — а дороги столь же плохи (если не хуже). Это обстоятельство должно окончательно подорвать веру в «климатическое» объяснение российского бездорожья. Да и отключения электроэнергии, надо думать, с природными условиями не связаны.

Во-вторых, в подобном государстве крайне неуютно всем более или менее законопослушным «туземным» предпринимателям. Они скованы мириадами правил, нарочно придуманных коррумпированным чиновничеством, чтобы иметь предлог вымогать взятки. Помимо чиновников, нередко приходится отстёгивать круглые суммы и бандитам. Рэкет в Нигерии процветает — так же как и заказные убийства. Государственные кредиты среднему и малому бизнесу недоступны, они монополизированы плутократами. Из-за отсутствия регулярной подачи электроэнергии при каждом предприятии приходится создавать небольшую электростанцию на мазуте или хотя бы держать дизельные двигатели. А это, между прочим, существенно увеличивает затраты! Бездорожье тоже заметно повышает издержки.

И, главное, отсутствуют гарантии личной безопасности и прав собственности. Даже плутократ не застрахован от тюрьмы и конфискации имущества. Такая участь постигла одного из богатейших людей Нигерии 1980-х — начала 1990-х годов М. Абиолу. Он захотел стать президентом, а генералам это не понравилось, и силовики показали, на чьей стороне сила. Хотя Абиола, по-видимому, победил на выборах 1993 года (военные отменили их результаты), его посадили. Его деловая империя была расхищена чиновниками, а жену убили якобы уголовники. Когда умер диктатор С. Абача (за 4,5 года правления укравший около 5 млрд долл.), пошли разговоры о скором освобождении Абиолы. Но тут бывший богач и кандидат в президенты внезапно скончался. (В России тоже появился свой Абиола, притом он уже сидит, но пока ещё не победил на президентских выборах.)

Для расправы же с мелким и даже средним предпринимателем не нужно вмешательства всесильного главы государства. С ним может справиться и клептократ средней руки.

Таким образом, бегство капитала из живущего по понятиям государства неизбежно. Клептократы вывозят капитал по той простой причине, что всё их состояние — результат воровства. Скрыть его преступное происхождение и «отмыть» можно только за рубежом. Кроме того, редкий клептократ настолько уверен в прочности своего положения, что совсем не рассматривает возможность бегства за бугор. У лутократов мотивы вывоза капитала примерно те же, но международный размах их деятельности (это в особенности относится к наркоторговцам, контрабандистам, международным мошенникам) и более частые столкновения с правоохранительными органами на родине ещё более усиливают их стремление перевести капитал за границу. Что касается

плутократии, то её капитал не всегда приобретает свойства негативного капитала, но в случае возникновения угрозы конфискации имущества плутократы тоже переводят капитал за рубеж. К этому же шагу они прибегают, чтобы уйти от налогообложения, или в тех случаях, когда взятки чиновникам, дань бандитам и прочие непроизводительные издержки подрывают прибыльность их деятельности.

В силу этих причин очень значительную долю всего капитала в клептократическом государстве составляет негативный капитал. Он нацелен на получение сверхприбыли без инвестиций и потому имеет паразитический характер.

Но из живущего по понятиям государства неизбежно утекает не только капитал, но и мозги. Учёные, специалисты высокого класса и любые высокообразованные люди либо остаются невостребованными, либо получают зарплату, не соответствующую уровню их квалификации. Поэтому они покидают свою страну. В результате, как отмечает нигерийский исследователь Л. Севаньяна, «в коррумпированных обществах не могут проводиться исследовательские работы высокого уровня». А это тормозит научно-технический прогресс и подрывает и без того невысокую конкурентоспособность такого государства во всех отраслях, кроме сырьевых. Отсюда и сырьевая ориентация экспорта да и всей экономики.

Отличительная особенность клептократического государства — упадок сельского хозяйства. Это именно та отрасль экономики, которая требует долгосрочных капвложений, однако при отсутствии гарантий личной безопасности и прав собственности их почти нет. К тому же крестьяне лишены доступа к кредитам.

Всё перечисленное, взятое вместе, приводит к регрессу экономики и падению жизненного уровня населения. Нигерия в этом отношении — крайне характерный пример. В 1980 году доход на душу населения здесь достигал 1000 долларов, а в 1998 году упал до 300. Не забудем, что покупательная способность доллара за эти годы тоже снизилась, и заметим, что снижение жизненного уровня большинства нигерийцев происходило на фоне стремительного и бесстыдного обогащения незначительного меньшинства. Л.В. Гевелинг называет это явление имущественным расслоением коррупционного типа.

Правда, 1998-й год оказался для Нигерии низшей точкой падения. С тех пор положение «гиганта Африки» чуть-чуть улучшилось, чему способствовал рост мировых цен на нефть. Может быть, отчасти помогла и произошедшая в 1999 году смена власти, но это спорный вопрос. Во всяком случае, коренных сдвигов в Нигерии не отмечено, и массовая нищета остаётся там таким же обыденным явлением, как и очень высокий уровень преступности.

Вам эта картина ничего не напоминает, читатель?

Если не напоминает, приведу ещё один маленький пример. В «Новой газете» от 25–28 марта 2004 года помещена любопытная статья Р. Шлейнова

«С чувством украденного долга». Речь идёт о мошеннических операциях российских чиновников, которые выдумывают несуществующие долги для совместного хищения их вместе с мнимыми «кредиторами». А в Нигерии, как свидетельствует Л.В. Гевелинг, целых 13% суммы внешнего долга составляют мнимые долги, являющиеся исключительно результатом махинаций тамошних клептократов.

РАЗРУШЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И НРАВСТВЕННОСТИ

Вред от коррупции и негативной экономики не исчерпывается падением материального благосостояния народа. Не меньшее значение имеет ущерб культуре и нравственному состоянию общества. Некоторые характерные явления в этой области перечислил ещё в 1980 году Гбадебо — комиссар полиции нигерийского штата Плато. К числу последствий коррупции и негативной экономики он отнёс распространение малохудожественных западных фильмов, быстрое увеличение числа ночных клубов, неконтролируемое потребление алкоголя и распространение наркотиков, рост проституции, утрату молодёжью семейной дисциплины. Сюда же входит и «мода» на материальное богатство. (Не так уж далеко от нашей российской действительности!)

Однако не стоит думать, будто в коррумпированном обществе исключительно господствует подражание чужеземным образцам. Для Нигерии не менее типично возрастание роли многочисленных магов и ведунов, а они ниоткуда не импортированы! В стране, где подавляющее большинство населения исповедует одну из двух мировых религий (либо ислам, либо христианство), процветают самые дикие и несовместимые с этими религиями суеверия. В основном маги и ведуны работают открыто и превратили свои услуги в весьма доходный промысел. Но есть и тайные общества, не чуждающиеся даже общения с дьяволом.

Но самым пагубным следствием засилья клепто-, луто- и плутократии является атомизация общества. Возникает то уродливое явление, которое Л.В. Гевелинг назвал «коллективным индивидуализмом». Это несколько неудачное выражение, поэтому лучше говорить о «*стайном эгоизме*». Его нельзя смешивать ни с классическим («буржуазным») индивидуализмом, ни с коллективизмом. Речь идёт о людях, преследующих сугубо эгоистические цели. Но в клептократическом государстве для достижения таких целей полезно действовать стаей, шайкой, бандой, а не в одиночку. Отсюда широкое распространение поговорки: «Почеши мою спину, и я почешу твою». Если буржуазный индивидуализм способствует развитию личности (хотя нередко одностороннему) и благоприятен для установления гражданской свободы и правового государства, то о стайном эгоизме этого никак нельзя сказать. Отдельный ин-

дивид превращается в примитивное, жаждущее только материальных благ и чувственных наслаждений существо, а стая таких индивидов — в спаянное понятиями сообщество преступного или, в лучшем случае, полукриминального характера. В чём такое сообщество нельзя заподозрить — так это в стремлении к установлению правового государства.

А что возникает на другом полюсе — не среди тех, кто грабит, а среди тех, кого грабят? Там тоже царит атомизация, но другого рода. Когда большинство населения всецело поглощено борьбой за выживание, его мало интересуют партии, профсоюзы, общественные организации или участие в выборах. Способность к каким-либо солидарным действиям идёт на убыль. В лучшем случае такие действия удаются на местном уровне, а в худшем и более частом все борются за выживание порознь.

Вряд ли нужно доказывать, что атомизация большинства населения выгодна коррумпированному правящему слою. Доводя народ до нищеты, он тем самым автоматически укрепляет собственное господство. Для клептократов и их партнёров из лутократии и плутократии очень полезно и широкое распространение тезиса, что политика — дело грязное. Ведь этот расхожий тезис отрицает всякую политическую деятельность, в том числе такую, которая угрожает коррумпированному правящему слою.

Таковы единые закономерности развития клептократического государства — хоть в Нигерии, хоть в России.

КАК НАЗВАТЬ ЭТОТ СТРОЙ?

Мы более или менее разобрались с основными особенностями стран, где господствующее положение занимают клепто-, луто- и плутократия. Это было не так трудно, поскольку основная часть работы уже блестяще проделана Л.В. Гевелингом. Но как назвать строй, сложившийся в таких государствах? Очевидно, что готового названия он не имеет. Для того чтобы дать ему правильное название, следует выбрать его самый существенный признак. И таким признаком необходимо считать *отсутствие механизма общественного воспроизводства.*

Как будто мы упёрлись в тупик. Ведь любой описанный наукой общественный строй — как бы плох он ни был — обладает таким механизмом. Так с чем же мы имеем дело? Это даже и не строй, а прямо химера какая-то! Кажется, нужное слово найдено: химера.

Это понятие широко используется в биологии. Химерой называют организм, состоящий из генетически чужеродных друг другу клеток. Например, у химеры, возникшей в результате прививки, кора может принадлежать к одному виду, а древесина — к другому. Поэтому половое размножение химерных

организмов невозможно. Растения-химеры размножают исключительно черенкованием. Химеры известны и у животных. Современная биотехнология позволила получить химеры разных видов мышей, овцы и козы, курицы и куропатки. Но при скрещивании химерных самок и самцов получается потомство, принадлежащее к одному из исходных видов. И лишь в редких случаях — межвидовые гибриды. Но — не химеры.

Однако значение термина можно расширить. Социальный уклад, который делает невозможным общественное воспроизводство, — тоже не что иное, как химера.

ОБ ИНВЕСТИЦИОННОЙ НЕПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РОССИИ

Теперь, когда мы докопались до истины и знаем, что собой представляет сложившийся в современной России общественный уклад, можно перейти к разбору и характеристике гениальных идей г-на Паршева в области экономики. Во всяком случае, теперь мы не ошибёмся в понимании того, чьи интересы отстаивает наш идеолог. О главной паршевской идее — изоляционизме — речь уже шла в предыдущей главе. Но у автора книги «Почему Россия не Америка» есть и другие «глубокие» мысли, которые способны найти больше сторонников, чем изоляционизм.

Скажем, внешне убедительно звучит такой пассаж: **«Те, кто эксплуатирует ресурсы, не вкладывает свои капиталы даже в разведку и разработку новых месторождений по той же самой причине, по которой не вкладывают другие капиталисты: освоение ресурсов на территории нашей страны в рамках мировой экономической системы невыгодно»** (с. 387). Естественно, «невыгодность» здесь — полная чушь. Средняя прибыль в российской экономике куда выше, чем в экономике любой из стран «большой семёрки». Но капиталовложения в разведку и разработку новых месторождений действительно невелики (49,6 млрд руб. в 2002 году, из них 1/6 — бюджетные деньги). И малы они именно оттого, что воспринимаются как крайне рискованные! Сегодня ты вложишь капитал в освоение нового месторождения, а завтра его у тебя отнимут. Кому это нужно? А раз гарантии прав собственности и личной безопасности на нуле, то в экономике не может не преобладать негативный капитал.

Но об этих главных причинах инвестиционной непривлекательности России г-н Паршев молчит как партизан. Ещё бы! Ведь речь идёт о сознательном защитнике своекорыстных интересов клептократии. Всячески обеляя своих заказчиков, он обязан наводить тень на плетень. И делает это: **«Конечно, для инвестора более привлекательны страны, в которых нет профсоюзов и левых партий, и трудящиеся не требуют лишнего, вроде оплачиваемых отпус-**

ков и социального страхования, и о сохранении природы никто не беспокоится, но какие-то налоги всё равно неизбежны. Ведь если не хочешь платить лишнего рабочим, то придётся оплатить и военную диктатуру, и "эскадроны смерти", которые только и могут обеспечить столь райский инвестиционный климат» (с. 81). Тут наш идеолог ничего нового не сказал, подобную лапшу на уши советских граждан постоянно вешала советская пропаганда времён Брежнева. Но для людей моложе 30 лет этот примитив может звучать как новое слово. Поэтому данное утверждение заслуживает подробного разбора.

Начнём с того, что левые партии и профсоюзы — это мало совместимые друг с другом организации. Там, где у власти левые партии — например, в Китае, во Вьетнаме или на Кубе, — независимых профсоюзов и в помине нет. А там, где существуют сильные профсоюзы — скажем, в Бразилии или в Южной Корее, — возможность установления диктатуры коммунистического типа совершенно исключена. Чего же именно боятся инвесторы — левых партий или профсоюзов? Да ни того ни другого! Опыт свидетельствует о том, что инвесторы охотно вкладывают капитал и в авторитарные государства с коммунистической вывеской вроде Китая или Вьетнама, и в молодые демократии типа Бразилии и Южной Кореи.

А вот из государств, где действуют «эскадроны смерти», капитал бежит. Я не буду долго рассуждать, почему так происходит, а просто советую прочитать замечательный роман Грэма Грина «Комедианты». Там всё разъяснено предельно ясно и в высшей степени подробно — на примере Гаити времён диктатора Дювалье. Как известно, Гаити при этом тиране завоевала не слишком почётный титул самой нищей страны Западного полушария и поныне его удерживает. Любопытно, что Грэм Грин был человеком левых взглядов и, по некоторым сведениям, даже агентом советской внешней разведки. Однако он никогда не занимался такой убогой антикапиталистической пропагандой, к какой прибегает г-н Паршев.

Следует ещё отметить, что в наши дни государства, в которых сохранились «эскадроны смерти», почти перевелись. Почти — но не совсем. В числе стран, где ещё сохранилось это позорное явление, Россия. Правда, у нас эти «эскадроны» сеют смерть пока только в Чечне и с недавних пор в соседней с ней Ингушетии.

По далеко не полным данным общества «Мемориал», в 2003 году в Чечне было похищено 495 человек, а в 2004 — 396[1]. Как будто наблюдается «прогресс», но сами правозащитники уверены, что похищения людей просто уходят в «тень». Поскольку обращаться в милицию или прокуратуру бесполезно, жители Чечни всё чаще пытаются договориться с похитителями и освободить

[1] Чечня, 2004 год. Похищения и исчезновения людей (www.memo.ru).

своих родных за выкуп. Примерно в половине случаев этого удаётся добиться. В 2004 году из 396 похищенных освобождено 189 человек. В то же время найдено 24 тела похищенных со следами пыток и признаками насильственной смерти. Остальные похищенные пока числятся пропавшими без вести, и надежд найти их живыми очень мало. Всего же за пять лет второй чеченской войны пропавшими без вести считаются от 3 до 5 тысяч человек. Разброс цифр не случаен: милиция, прокуратура и различные чиновники приводят самые разные цифры. А истина никого из них явно не интересует.

Попытки возложить ответственность за большинство похищений на боевиков несостоятельны. Как правило, похитители подъезжают к домам своих жертв на бронетранспортёрах. Одно из двух: либо российские силовики на время сдают БТРы в аренду сепаратистам, либо сами совершают похищения.

Достаточно широко известен и главарь «эскадронов смерти» в Чечне — Рамзан Кадыров. Недавно он стал дважды героем. В дополнение к званию Героя нации, полученному от Масхадова в 1997-м, он теперь получил и звание Героя России от Путина. Так что отношение наших властей к похищениям, пыткам и убийствам в Чечне вполне определённое. Это государственная политика, известная как «мочение в сортире».

Можно не сомневаться, что убийцы, которых натаскивают в Чечне и Ингушетии (где число жертв похищений тоже неуклонно растёт), будут готовы заняться «мочением в сортире» и в любом другом российском регионе. Тут первая ласточка — злосчастный подводник Пуманэ. Его гибель — серьёзное предупреждение всем, кто воображает, будто чудовищные преступления, совершаемые российскими силовиками в Чечне, не могут перекинуться на остальную Россию.

Но как быть с инвестиционной привлекательностью Чечни и Ингушетии, где хозяйничанье «эскадронов смерти» давно стало нормой существования? Риторический вопрос. Понятно, что она на нуле.

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА Г-НА ПАРШЕВА

Некоторые идеи, пропагандируемые г-ном Паршевым, достаточно популярны в нашем обществе. Возьмём хотя бы национализацию нефтяной промышленности. Этой идее симпатизирует большое число людей, среди которых не одни только коммунисты. Да ведь и самого г-на Паршева нельзя отнести к коммунистам, а между тем он пишет: **«До тех пор, пока возможны легальные методы — борьба за национализацию, как первый шаг — полный контроль со стороны государства, отмена коммерческой тайны. Добиться этого (не добиваться, а добиться) должны были бы представители**

народных сил в парламенте. Где их только взять...» (с. 389). Речь идёт исключительно о национализации «нефтянки», ибо в целом г-н Паршев хорошо осознаёт, что **«общенародная, "ничья" собственность — это всё равно исторический тупик, это неизбежная попытка её присвоить»** (с. 389–390).

Но не противоречит ли наш идеолог самому себе? Ведь возвращение нефтяной промышленности в государственную («общенародную») собственность по его же собственной логике неизбежно приведёт к попыткам присвоить нефть или доходы от неё (разницы нет). Да точно так и будет! Отрицательный опыт Нигерии должен послужить нам наукой. Там национализацию нефтяной отрасли уже однажды проводили — в 1970-х годах. И вот что характерно: почти сразу после перехода «нефтянки» в руки государства из Нигерийской национальной нефтяной корпорации (ННК) стали таинственно исчезать очень крупные суммы денег. В 1979 году было «потеряно» 2 млрд 841 млн найр. А ведь найра в ту пору ещё принадлежала к полноценным валютам и стоила дороже доллара США. Под давлением общественности правительству Нигерии пришлось назначить комиссию для расследования этой «пропажи». Комиссия, как и положено в таких случаях, стала уверять публику в том, что никакие деньги не исчезали. Никто в это не поверил, но дело удалось замять.

При военной диктатуре, которая в 1983 году пришла на смену квазидемократии, воровство нигерийской нефти и доходов от неё усилилось. В этом участвовали и клептократия во главе с военными диктаторами И. Бабангидой и С. Абачей, и не желавшая отставать от неё лутократия. Диктаторам и их приближённым вообще не требовалось шевелить мозгами: они просто запускали руку в казну ННК, поскольку не отличали её от своего кошелька. Размеры этого воровства в начале 1990-х достигали 2,7 млрд долларов в год, что составляло 1/10 от ВВП Нигерии. Схема обогащения «чисто конкретных ребят» из организованных преступных сообществ выглядела лишь чуть сложнее. Правительство дотировало нефть и нефтепродукты (бензин, мазут и др.) внутри страны. Дотация достигала 2 млрд долларов в год и составляла одну из крупнейших статей государственного бюджета. Эта мера преподносилась обывателям как важнейшее благодеяние правительства. Власти делали вид, что таким способом поддерживают автовладельцев и даже пеших пассажиров общественного транспорта (дабы он оставался дешёвым), а заодно и отечественных товаропроизводителей, использующих горючее по льготной цене. Официальная цена на бензин в Нигерии (20 центов за литр) действительно составляла лишь половину от мировой, вот только купить его по этой цене удавалось только тем, кто был готов стоять в очереди много часов, нередко — несколько суток. А те, кто предпочитал экономить время, а не деньги, приобретали бензин на чёрном рынке по мировым ценам.

Понятно, что купленные по льготным ценам нефть и нефтепродукты утекали за рубеж и там перепродавались по мировым ценам. Барыш синдикатов,

которые занимались этим «бизнесом», составлял 5 млн долл. в день. Правда, частью этой суммы приходилось делиться с таможенными и иными чиновниками. Но умножьте 5 млн на число дней в году — и вы получите почти те самые 2 млрд долларов, которые выделяло государство в качестве дотации. То есть, по сути дела, дотация предназначалась организованным преступным сообществам и коррумпированным чиновникам.

Так что ждать каких-то благ для простого народа от национализации «нефтянки» не стоит. В любом государстве с *системной коррупцией* — будь то Нигерия или Россия — от такой меры выиграет только клептократия вместе с лутократией. Будет ли «Юганскнефтегаз» при Сечине или Богданчикове платить налоги хотя бы на том же уровне, как при Ходорковском? Вряд ли! Можно с большой уверенностью предсказать, что поступления в бюджет уменьшатся, зато возрастут теневые доходы некоторых конкретных личностей... Чьи интересы защищают борцы за национализацию нефтяной отрасли, вы и сами теперь догадаетесь, дорогой читатель.

Сказанное не является апологией плутократии. Конечно, если нефтяные скважины принадлежат частным компаниям, они обычно лучше управляются и приносят более высокий доход, но не следует думать, что экологический ущерб при частной собственности на нефтепромыслы обязательно уменьшится. При отсутствии жёсткого контроля со стороны независимого природоохранного ведомства он вполне может и возрасти. Это подтверждает опыт и России, и Нигерии. Да и здравый смысл свидетельствует о том же.

АФРО-РОССИЙСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Мы уже говорили, что иностранные инвестиции в экономику Нигерии ничтожны. Но правил нет без исключений. Известная корпорация «Роял Датч/Шелл» стяжала в Нигерии дурную славу. И дело тут не только в горящих газовых факелах (совсем как в России!) и многократных разливах нефти, которые погубили значительную часть дельты реки Нигер. Дело ещё в далеко зашедшем сращивании англо-голландско-американской корпорации с нигерийскими клептократами, особенно с той их частью, которая носит погоны. В 1990-х годах, когда у власти находились Бабангида и Абача, протесты местного населения против разрушения среды его обитания подавлялись с помощью военной силы. Причём военные совершенно одинаково действовали и в тех случаях, когда протесты вызывала деятельность государственной нефтяной компании ННКК, и когда оказывались задеты интересы иностранных корпораций, особенно «Шелл». В обоих случаях они стреляли. Точное число погибших в ходе этих карательных операций неизвестно, но, по-видимому, счёт

идёт на многие сотни. Здесь мы видим, как экологические преступления с неотвратимостью порождают преступления в общеуголовном смысле слова. Очевидно также, что современные торговцы «чёрным золотом» унаследовали некоторые характерные черты негоциантов, в своё время торговавших «чёрным деревом».

В России нефть добывают не инофирмы, а свои, российские, компании. Исключение составляет шельф вблизи северо-восточного побережья Сахалина, где нефтепромыслами владеет иностранный консорциум с участием уже хорошо известной нам по Нигерии компании «Шелл». Однако добыча нефти там пока невелика, хотя ущерб природе уже значителен. Но, может быть, российские компании ведут себя лучше иностранцев? К сожалению, это не так.

Загрязнение окружающей среды начинается уже на стадии бурения скважин. Нитраты, свинец и кадмий обнаруживают на расстоянии до 2 км от буровой. Обваловка шламовых амбаров (таких амбаров в одном Нижневартовском районе Тюменской области более 7 тыс.!), выполненная из неустойчивых западносибирских грунтов, часто разрушается. Нефть и отходы бурения стекают в ручьи и реки.

Большой вред наносят открытые газонефтяные фонтаны, выбрасывающие нефть и газ иногда до месяца. Число таких фонтанов достигает 7–9 в год. Некоторые фонтаны могут выделять до 1 млн кубометров газа в сутки. Часто нефть и газ при этом возгораются. Ликвидация последствий фонтанирования сводится к выжиганию основной массы разлитой нефти и засыпке загрязнённых площадей грунтом[1].

Все эти безобразия начались в советский период при государственной форме собственности и продолжаются в настоящее время после приватизации нефтяных компаний. Можно с уверенностью сказать, что и новейшая тенденция к обратной национализации (путём конфискации — «Юганскнефтегаз», или путём выкупа — «Сибнефть») ничего не изменит. Как видно, форма собственности не имеет никакого значения. Что действительно важно, так это наличие (или отсутствие) независимой природоохранной службы, а также давления общественности. Вот в этом отношении дела в России обстоят очень плохо. Государственная природоохранная служба у нас и в 1990-х годах была очень слаба и часто шла на уступки виновникам разрушения природной среды, а при восшествии Путина на престол её вообще упразднили. А давление общественности слабо не только из-за нашей с вами пассивности, но и из-за малолюдности севера Западной Сибири — нашего главного нефтедобывающего региона. По-настоящему оседлых жителей там немного, и притом их образовательный уровень невысок (а потому их легко обманывать). А от рабочих

[1] См.: Таргулян О.Ю. Тёмные страницы «чёрного золота»: Экологические аспекты деятельности нефтяных компаний в России. М.: ОМННО «Совет Гринпис», 2002.

и служащих нефтяных компаний и членов их семей трудно ожидать участия в природоохранных действиях.

Однако транспортировка российской нефти ещё вреднее, чем её добыча. Россия — единственная страна мира, где существуют официально утверждённые нормативы потерь нефти и нефтепродуктов при их перекачке по нефтепроводам, а также с железной дороги на нефтебазу и с нефтебазы на танкер. Во всём остальном мире нормой считается отсутствие потерь. Особенно много нефти разливается у нас в результате аварий на так называемых промысловых и межпромысловых трубопроводах небольшого диаметра. Общая длина российских нефтепроводов составляет 350 тыс. км (почти 9 экваторов!), а число прорывов и «свищей» на них ежегодно оценивается в 50–60 тысяч (!). Разумеется, официальные данные о числе аварий всячески занижаются. Чтобы авария стала достоянием гласности, нужен либо особо крупный разлив нефти, который скрыть нельзя, либо прорыв около населённого пункта, либо попадание нефти в крупную реку. В остальных случаях дело удаётся замять. Ведь в Западной Сибири приходится всего по одному инспектору на целый район (а районы там огромные), да и в других местах положение не лучше.

Достоверных сведений о размерах утечки нефти нет. Но наименьшая оценка ежегодных потерь составляет 3 млн т, а наибольшая — 20 млн т. В результате хищнической добычи и транспортировки нефти в Западной Сибири загублено уже не менее 1/3 оленьих пастбищ. В Надымском районе Тюменской области совместными усилиями нефтяников и газовиков уничтожено 3,5 млн га лесов, на берегах Оби — более 700 тыс. га. В районе Самотлорского месторождения сильно загрязнённая нефтью территория превышает 10,5 тыс. га. Там почти отсутствует растительность. 250 рек и 1200 ручьёв бассейна Оби потеряли рыбохозяйственное значение из-за загрязнения нефтью. Среднегодовое содержание нефтепродуктов в воде Оби составляло во второй половине 1990-х годов 12–19 предельно допустимых концентраций (ПДК), а в воде Иртыша — 35–39 ПДК[1].

Мы видим, что и в Нигерии, и в России прибыли нефтедобывающих компаний включают значительную *криминальную составляющую*. Если бы не совершались экологические преступления, эти прибыли были бы куда ниже.

В России сторонники государственного регулирования, изобличая то, что они объявляют свободным рынком, любят выдвигать такой довод: при свободном рынке добыча сырья выгоднее любой другой экономической деятельности. Читатель уже помнит, что тот же вывод — но из других посылок — заложен и в паршевской теории передела. Однако в действительности добыча сырья становится высокодоходным занятием только в условиях клептократического государства. В таком государстве можно не соблюдать никакие экологические нормы. Доста-

[1] См.: Таргулян О.Ю. Указ соч. С. 22–23.

точно дать на волосатую лапу кому надо — и дело в шляпе. А вот в правовом государстве та же добыча нефти вряд ли будет так уж баснословно выгодна. Соблюдение строгих экологических нормативов съест очень существенную часть прибыли. К тому же от нефтедобывающей компании в таком государстве потребуют отчислений на поддержание в рабочем и экологически безопасном состоянии той самой пресловутой трубы, через которую она экспортирует нефть. Да вдобавок заставят заняться рекультивацией ранее загрязнённых земель. И очень сомнительно, чтобы в таких условиях добыча нефти оказалась более прибыльной по сравнению с другими отраслями экономики. Скорее наоборот!

А рубка леса и вывоз «кругляка» на экспорт? Ясно, что этот вид деятельности способен приносить высокие доходы лишь в государстве клептократического типа. Ведь в правовом государстве любую занятую рубкой леса фирму неизбежно заставят либо саму сажать лес, либо платить крупные суммы денег в лесовосстановительный фонд. И в этом случае от сверхприбыли останутся одни воспоминания.

Таким образом, мы установили ещё одну причину сырьевой ориентации экспорта клептократических государств. Капитал, вложенный в сырьевые отрасли таких стран, — это типичный негативный капитал. Он приносит высокую прибыль лишь благодаря систематическому совершению экологических преступлений. Но такая схема может работать лишь благодаря прикрытию со стороны коррумпированных чиновников. То есть надо видеть, где просто большое зло, а где корень зла. Плутократия вредна. Но она развивается и процветает только там, где уже расцвела махровым цветом клептократия.

БИТВА КЛЕПТОКРАТОВ С ПЛУТОКРАТАМИ

У нас любят говорить о необходимости развития наукоёмких и высокотехнологичных производств. Спору нет, хорошее дело! Но почему-то российские политики практически в один голос утверждают, будто для развития таких производств необходимо изъятие прибыли сырьевых компаний и перераспределение денег чиновниками. Один избирательный блок — назовём его «Уродина» (читатель догадается, о ком речь) — вообще построил на этом тезисе всю свою платформу и пролез-таки в Думу — пусть и не без помощи партии власти. Хотя вряд ли лидеры «Уродины» сами дошли до этой великой мысли: она родилась где-то в недрах администрации президента, а деятели карманной «оппозиции» её лишь взяли на вооружение.

Однако к чему приведёт такой курс? Очевидно, что в российских условиях всякое перераспределение чиновниками крупных сумм денег — а тут речь идёт о десятках миллиардов долларов — ведёт к росту казнокрадства. И только. А вместо высокотехнологичных производств мы получим шиш.

По существу, программа «Уродины», представляющая собой вариант правительственной программы, это манифест клептократии в её внутривидовой борьбе с плутократией. Чиновники-казнокрады полагают, что плутократы (которых в России крайне неудачно прозвали «олигархами») загребают слишком много денег и надо заставить их делиться. Не со страной — с чиновничеством. То есть нельзя сказать, чтобы до сих пор плутократы с ним не делились, но всё же во времена Ельцина бо́льшую часть доходов от экспорта нефти и прочего сырья плутократы присваивали себе. Теперь такое безобразие должно прекратиться! «Олигархам» указали их настоящее место — место холуев правящего клептократического слоя. Это очень богатые холуи, но тем лучше: из них много можно вытрясти! Уже сейчас значительно больше половины доходов от экспорта нефти поступает в государственную казну. А вот на что они идут дальше... Ещё во времена Брежнева, по официальной оценке (которую разрешили озвучить Аркадию Райкину), у нас 15% государственного бюджета уходило на воровство. Есть все основания думать, что с тех пор эта доля возросла.

Откровенно говоря, внутривидовая борьба клептократии и плутократии — на редкость противное зрелище. Однако многим кажется, что в лозунгах «Уродины» всё же заключена какая-то правда, ведь развитие наукоёмких отраслей для страны действительно позарез необходимо. Но как этого добиться? Ответ на удивление прост: следует вычесть из прибылей сырьевых компаний входящую в них огромную криминальную составляющую. Для этого не нужно никакого перераспределения денег чиновниками. Надлежит всего лишь восстановить независимые природоохранную и лесную службы и дать им реальные права и властные полномочия. Об остальном беспокоиться не надо. После того как сырьевым компаниям придётся платить за наносимый природе огромный ущерб, их доходность резко упадёт. И неизбежно начнётся перелив капитала в другие отрасли экономики, в том числе наукоёмкие.

Нам пора преодолеть распространённые до сих пор древнесоветские представления о том, в чём состоит национальное богатство России и каковы наши главные ресурсы. Пока мы будем считать главной частью нашего национального богатства различные виды сырья, нам не выкарабкаться. Между тем этот убогий взгляд на вещи по-прежнему преобладает и порождает жаркие споры о дележе природной ренты. Но в действительности *главное национальное богатство России — это мозги ее граждан*. Они в состоянии принести стране в сотни и тысячи раз больше доходов, чем любое сырьё. Однако сейчас этот важнейший ресурс почти не используется.

Как же его задействовать? Для этого не надо делать ничего сверхъестественного. Для того чтобы российские мозги начали работать на благо России (ибо сейчас они либо работают на благо других государств, либо не работают вообще), нужны всего две вещи: хозяйственная свобода и правовое государство.

СКАЗКА О «КРИЗИСЕ ЛИБЕРАЛИЗМА»

Вот вы проповедуете либерализм, возразят автору, но разве он не потерпел в России полный крах в 1990-е годы?

Нет, не потерпел! Потому что его не было.

Мерой экономического либерализма служит хозяйственная свобода. Россия по данному показателю плетётся в самом хвосте: занимает 124-е место из 161 обследованной страны. Эти расчёты принадлежат американской неправительственной организации «Фонд наследия» (Heritage Foundation). И ссылаться на нелюбовь американцев к России здесь неуместно. Каждый может открыть любую российскую рекламную газету и обнаружить объявления о продаже *готовых фирм*. Это наша самобытная черта, резко отделяющая Россию от всех развитых государств. Там торговлю готовыми (то есть официально зарегистрированными) фирмами просто нельзя себе представить. Каждый гражданин любой развитой страны без проблем регистрирует новую фирму тогда, когда ему (ей) это нравится. Никаких хлопот и никаких усилий при этом не требуется.

То ли дело у нас! У нас зарегистрировать фирму сложнее, чем наладить какое-нибудь производство. А если фирма всё же зарегистрирована, то с неё всё время будут требовать те или иные лицензии, сертификаты и прочие бумаги, оформление которых стоит серьёзных денег.

Отсутствие хозяйственной свободы — вполне достаточное доказательство того факта, что либеральные реформы в постсоветской России и *не начинались*. Автор с радостью подчёркивает, что в этом своём суждении он не одинок. Точно такого же взгляда придерживаются, например, Андрей Илларионов и Юрий Болдырев. Оба названных деятеля не вызывают у меня симпатий из-за явного сотрудничества с воровской властью[1], но тем ценнее для нас их свидетельства.

Об отсутствии в России каких-либо либеральных реформ хоть в прошлом, хоть в настоящем свидетельствует и место нашей страны в мировом рейтинге коррупции, который ежегодно публикует международная организация Transparency International. Все страны мира (кроме карликовых государств и стран, по которым нет данных, вроде Северной Кореи) оцениваются по 10-балльной шкале, где 10 баллов — абсолютная честность, а 0 баллов — абсолютная коррумпированность. Таких крайних оценок нет ни у кого. Но Россия с оценкой 2,8 балла[2] располагается куда ближе к хвосту, чем к голове. Это 90–96-е места (из 146), наравне с Гамбией, Индией, Малави, Мозамбиком, Не-

1 Относительно недавно г-н Илларионов ушёл-таки в отставку. Это хорошо, но не поздно ли? Не потеряна ли уже репутация?

2 Здесь и далее использован помещённый в Интернете отчёт Transparency International за 2004 год.

палом и Танзанией. Кстати, по странному стечению обстоятельств все наши соседи обладают жарким климатом. Так что теория климатической обусловленности коррупции отпадает.

При пересчёте на школьную пятибалльную шкалу наша оценка ближе к колу, чем к двойке! Нам остаётся утешать себя тем, что кое-где воруют даже сильнее, чем у нас. К таким «райским» уголкам принадлежат Азербайджан и Парагвай (по 1,9 балла), Чад и Мьянма (по 1,7), Нигерия (1,6) и замыкающие таблицу Бангладеш и Гаити (по 1,5). Но ещё не вечер! Вертикаль власти у нас крепчает, а это значит, что коррупция в России неизбежно будет расти и шириться. У нас отличные шансы догнать и перегнать Нигерию по этому показателю!

А вот развитые страны получили совсем другие оценки от Transparency International. Список самых честных стран возглавила некогда входившая в состав Российской империи Финляндия (9,7), за ней следуют Новая Зеландия (9,6), Дания, Исландия (по 9,5), Сингапур (9,3)[1], Швеция (9,2), Швейцария (9,1) и Норвегия (8,9). Обратим внимание на густую концентрацию северных стран в лидирующей группе! Вот только нас там нет. Государства «большой семёрки» расположились несколько ниже. Но показатели Великобритании (8,6), Канады (8,5) и Германии (8,2) тоже очень высокие. Немного скромнее они в США (7,5), Франции (7,1) и Японии (6,9). Однако ясно, что и в этих странах соблюдение закона является нормой, а коррупция — исключением. У нас всё ровно наоборот!

Вряд ли нужно объяснять, что о либерализме хотя бы в чисто экономическом смысле слова можно говорить только там, где соблюдаются законы. Без верховенства права, без независимости суда, без реальных гарантий личной безопасности и права собственности либерализма не бывает. И там, где ничего этого не было и нет (как в России), «либерализм» власть предержащих не более чем словоблудие. Впрочем, в современной России почти исчезла даже либеральная риторика, которую мы ещё нередко слышали от министров и иных чиновников в течение первого срока Путина.

Однако следует разобрать два мифа, которые сочинили в 1990-х годах коммунисты, а ныне широко использует партия власти. Первый гласит, что главными либералами якобы являются сторонники «прихватизации» 1990-х годов. Из всего вышеизложенного следует, что это полная чушь. «Прихватизация» (которая, кстати, неофициально началась ещё в конце 1980-х — при Горбачёве — Рыжкове) не привела и никоим образом не могла привести к созданию полноценной частной собственности. Она могла породить — и действительно породила — только *условную* собственность, незаконную в глазах большинства народа и потому легко отнимаемую. А горе-собственники, вроде бы обо-

1 Надо ли напоминать, что по уровню зарплаты Сингапур прочно вошёл в первый мир?

гатившиеся, превратились в рабов этой своей условной собственности. В том и состоит качественное отличие российской якобы частной собственности от настоящей частной собственности, что вторая даёт человеку независимость, тогда как первая делает «собственника» холопом государственной власти. Поэтому *нельзя* одновременно быть либералом и защитником проведённой в 1990-х годах «прихватизации». Как не существует в природе жирафов-норокопателей и летающих носорогов, так не бывает либералов, положительно оценивающих «прихватизацию».

Кстати, бегство капитала из России есть не что иное, как конвертация российской условной собственности в настоящую частную собственность. Это явление совершенно аналогично обмену подверженной инфляции денежной единицы на твёрдую валюту. Именно поэтому утечка капиталов из нашей страны не ослабевает даже при высоких мировых ценах на нефть.

Но ещё шире распространён другой миф, который продолжают твердить как открытые пропагандисты партии власти, так и причисляющие себя к левой оппозиции г-да Доренко, Кагарлицкий и им подобные. Этот миф гласит, что злокозненные либералы всё время стремятся к сокращению социальных расходов. Снижение уровня государственных расходов на образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение и другие социальные нужды преподносится как главная цель «либеральных реформ».

Нельзя сказать, что этот миф сложился совсем уж на пустом месте. В развитых странах Запада на протяжении первых 30 лет после Второй мировой войны (1945–1975) социальные расходы государства росли неуклонно и очень быстро. Увеличение их требовало почти непрерывного повышения налогов. При этом изрядная часть социальных расходов шла на пособия безработным, матерям-одиночкам, беженцам из развивающихся стран и некоторым другим «льготным» группам населения. Пособия со временем достигли такой величины, что на них можно было безбедно жить (правда, безбедно по нашим меркам, а не по западным). Оттого многие получатели пособий и не стремились найти работу. Средний класс, который в западных странах составляет большинство населения и платит основную часть налогов, люто возненавидел живущую на пособия прослойку. Этой ненавистью умело воспользовались крупные корпорации, которые, естественно, боролись за снижение налогов для себя. Итогом стала так называемая консервативная революция: почти на всех выборах в ведущих западных странах в 1979–1986 годах побеждали правые партии под лозунгами уменьшения вмешательства государства в экономику, снижения налогов и сокращения социальных расходов.

Последствия «консервативной революции» у нас (а отчасти и на Западе) обычно преувеличивают. Резкого снижения социальных расходов там не произошло. В большинстве стран либерально-консервативным прави-

тельствам удалось добиться лишь прекращения их дальнейшего роста и очень умеренного сокращения. В области снижения налогов успехи консерваторов оказались бо́льшими, особенно в США, что и объясняет длительный подъём американской экономики с 1983 по 1999 год (с небольшим перерывом). Однако, поскольку снижение налогов по масштабу сильно превзошло сокращение расходов государства, резко вырос дефицит бюджета. Пока доллар остаётся мировой валютой, это не ведёт к серьёзной инфляции, но всё же падение курса доллара очень ощутимо даже у нас в России. Так что результаты консервативного поворота неоднозначны, но несомненным оправданием политики консерваторов служит тупиковый характер того взаимосвязанного роста государственных расходов и налогов, который наблюдался до «консервативной революции». «Сказка о налогах», написанная в 1976 году Астрид Линдгрен (у которой шведская налоговая служба вычла больше денег, чем писательница заработала), отражает тот абсурд, к которому способно привести увлечение идеей государства всеобщего благоденствия.

Но... всё вышесказанное о развитых странах не имеет решительно никакого отношения к России! В нашей стране никаких *избыточных* социальных расходов нет и никогда не водилось. И тут Россия не одинока: из 192 независимых государств земного шара проблема чрезмерных социальных расходов возникала от силы в 20–25, а в остальных 170 её никогда не существовало. Напротив, в России — как и в большинстве стран мира — расходы на социальные нужды находятся на позорно низком уровне.

Вне всякого сомнения, российские налоги на малый и средний бизнес непомерно тяжелы. Однако львиная доля расходов государства у нас идёт отнюдь не на социальные нужды! В российском госбюджете три основные открытые статьи и одна теневая. К открытым статьям относятся: 1) расходы на содержание самих чиновников; 2) расходы на силовые ведомства, число коих неустанно множится (помимо армии, МВД и ФСБ, это ещё Федеральная служба охраны, таможня, Госнаркоконтроль, МЧС и пр.); 3) уплата внешнего долга. Теневой статьёй является откровенное воровство. Его размеры огромны. Например, из денег, выделяемых на так называемое восстановление Чечни, при Ельцине разворовывалось от 40 до 60%, а при Путине крадут уже все 90% (подсчёт сделан советником Путина, отставным генералом МВД А. Аслахановым).

Таким образом, российское государство существует само для себя и не желает оказывать никаких услуг гражданам. Что расходы на воровство и на содержание колоссальной армии чиновников не относятся к производительным, и доказывать не надо. Крайне низкий уровень боеспособности российской армии тоже очевиден — Чечня тому свидетельство. Что МВД не борется и не желает бороться с преступностью всерьёз (отдельные чест-

ные милиционеры и следователи обычно заканчивают свою карьеру увольнением, а иногда и посадкой) — опять-таки давно раскрытая «государственная тайна». Об эффективности работы ФСБ после «Норд-Оста», взрыва в метро, якобы «случайного падения» самолётов и Беслана могут говорить только совсем бесстыжие защитники путинского режима. Госнаркоконтроль (уже заслуживший неофициальное название Госкомдурь) прославился исключительно борьбой с ветеринарами, а отнюдь не с наркобаронами. То есть силовые ведомства в их нынешнем состоянии свои обязанности ни в самомалейшей степени не выполняют, хотя денег сосут немерено. Что же касается внешнего долга, то мы ещё в главе 2 выяснили, что это продукт коррупции прошлых лет: в большей части — советского времени, в меньшей — 1990-х годов.

Так что *главный вопрос в современной России — это вопрос об уничтожении существующей государственной машины и замене её правовым государством*. Пока это не будет сделано, ни на какие изменения к лучшему рассчитывать не стоит.

ПОДЛИБЕРАЛЫ

Но — опять-таки скажут те, кто не разделяет авторский взгляд на существо дела, — в 1990-х годах либералы стояли у власти, и ничего хорошего из этого не вышло!

Действительно, в российском правительстве с 1991 по 1998 год присутствовала группа людей, называвших себя «либералами». Сказать, будто они стояли у власти — значит многократно преувеличить их роль. Вполне очевидно, что начальник личной охраны Ельцина Коржаков (коллега Путина по ремеслу) обладал вдесятеро большей реальной властью, чем какой-нибудь Гайдар. Но *при* власти такого рода люди и вправду состояли.

Однако о политических деятелях следует судить не по ярлыкам, а по поступкам. Если, к примеру, некая партия именуется «либерально-демократической», но её вождь — одновременно шут гороховый и явное орудие правящей клептократии, то ясен обманный характер названия. А ведь «либеральные реформаторы» 1990-х годов были «либералами» и «демократами» примерно в той же самой степени, что и сын юриста!

В русском переводе «Алисы в стране чудес» есть такой персонаж — Подкотик. Он утверждает, что когда-то был настоящим котиком, но ведь врёт, собака! По аналогии с Подкотиком российских «реформаторов» 1990-х годов уместно называть подлибералами. Они тоже порой пыжатся доказать, что когда-то были настоящими либералами. Врут конечно. В странах Восточной Европы политиков, сходных с нашими подлибералами (Чубайсом,

Б. Фёдоровым, Кохом, Шохиным, Улюкаевым, Гайдаром и т.д.), вообще-то, называли «коммунистами-реформаторами» и никогда не смешивали с настоящими противниками коммунизма. Там они сошли с политической сцены за год-два и в большинстве своём уже никогда на неё не вернулись. А те немногие, кто позже вернулся к власти (как президент Польши с 1995 по 2005 год А. Квасьневский), действительно перестроились и, между прочим, научились бороться за голоса избирателей. Вот этого российские подлибералы никогда не умели и даже не пытались этому научиться! Они всегда вели борьбу только за благосклонность чиновников-клептократов. Причём всегда унижались перед ними и никогда не были свободными людьми. Уже поэтому именовать их либералами нелепо. Ведь заимствованное из испанского языка слово «либерал» проиходит от исп. libertad и лат. Libertas, что в переводе означает «свобода».

Но почему во времена Ельцина подлибералы пользовались благосклонностью номенклатуры, а при Путине её утратили? Может, дело в личных вкусах и пристрастиях двух президентов? Вряд ли! Очевидно, дело просто в уровне мировых цен на нефть. В течение всего правления Ельцина цены на нефть стояли на низком уровне. Российская казна тогда действительно была полупустой, а воровать чиновникам хотелось, отсюда выклянчивание иностранных займов. (Конечно, при условии реальной борьбы с коррупцией и в 1990-х годах Россия могла прожить без иностранных кредитов. Но борьба с коррупцией в планы правящей верхушки, мягко говоря, не входила.) Однако для выклянчивания займов требовались «специалисты» этого дела. Под Ельцина, Черномырдина, Сосковца и прочих совково-номенклатурных деятелей даже такие законченные циники, как бывший президент США Клинтон, постеснялись бы выдавать кредиты. Это нанесло бы тому же Клинтону большой внутриполитический ущерб. Иное дело — подлибералы. Они не только выучили английский язык, но даже освоили экономический жаргон! Среднему западному избирателю, по обыкновению мало знающему о далёкой и загадочной России, таких людей можно было представлять как «реформаторов» и уверять, что «российских реформаторов» стоит поддержать, в том числе и деньгами. На деле лидеры Запада, очевидно, поступали совершенно цинично. Они владели более чем достаточной информацией, чтобы не верить в сказку о «либеральных реформах» в России. И если они давали кредиты российской клептократии, то лишь с целью навесить на «непредсказуемую» Россию возможно больший внешний долг и с помощью этого нехитрого механизма держать её на коротком поводке.

Путину с ценами на нефть повезло гораздо больше. В последнее время они поднялись до самого высокого уровня с середины 1980-х годов, соответственно и российская казна наполнилась до краёв. Золотовалютный за-

пас страны превысил 120 млрд долларов, огромной величины достиг и лежащий мёртвым грузом Стабилизационный фонд. Сегодня клептократии хватает возможностей для воровства и без всяких иностранных займов. Именно по этой причине надобность в подлибералах отпала! Они выпали в осадок. Один «непотопляемый» Чубайс ещё цепляется за свою должность главного электрика, но его влияние на государственные дела нынче нулевое.

ЕЩЁ РАЗ О ЛИБЕРАЛИЗМЕ И СОЦИАЛЬНЫХ РАСХОДАХ

Но если доходы российского государства в последнее пятилетие неуклонно растут, то социальные расходы продолжают сокращаться. Явление в своём роде небывалое! Ни одно вменяемое правительство так никогда не поступало. С чего бы это? Может, оттого, что экономические ведомства и при Путине возглавляют какие-то закоренелые либералы? Кроме шуток, такое «объяснение» некоторые наши соотечественники выдвигают не то чтобы серьёзно, но с серьёзным видом.

Однако несомненный факт состоит в том, что политика путинского режима с каждым годом становится и всё более антисоциальной, и всё более антилиберальной. Одно нисколько не противоречит другому!

С одной стороны, взвинчиваются жилищно-коммунальные платежи и уничтожаются — под лживым предлогом «монетизации» — социальные льготы. Это открытое объявление президентом и правительством войны пенсионерам и инвалидам. Очевидно, что выживание этих людей противоречит видам правительства. А ещё ныне г-да Фурсенко и Свинаренко затеяли резкое сокращение научных учреждений (и научных работников) и официальное введение платы в общеобразовательных школах. (Неофициально уже значительная часть школ взимает деньги с родителей.)

С другой стороны, всевозможные поборы, которые чиновники и менты выколачивают из мелких и средних предпринимателей, тоже непрерывно растут! А показательное раскулачивание Ходорковского и Лебедева — сигнал для всего частного сектора: надеяться на правосудие нелепо, его просто нет. Тот, кто не хочет разделить участь владельцев ЮКОСа, обязан отстёгивать клептократам столько, сколько они захотят. Новейшее «достижение» в том же направлении — предоставление налоговой службе права взимать штрафы без суда. Тут уж не выдержал даже политический долгожитель Вольский, пользовавшийся влиянием при всех правительствах, от Андропова до Путина. Даже он сказал, что отныне предпринимателям придётся решать споры с налоговой службой исключительно путём взяток.

А налог на собственников жилья?! Эта мера одновременно и воинственно антилиберальная, и глубоко антисоциальная. Технология всецело заимствована у Сталина, который душил нэпманов в городах и единоличников в деревне заведомо непосильными налогами. Но при этом главная мишень данной путинской спецоперации — малоимущие граждане. Именно у них правительство решило отнять собственность.

И антисоциальные, и антилиберальные меры Путина преследуют одну и ту же цель — максимальное обогащение клептократии. Именно поэтому они и идут рука об руку.

Вполне закономерно, что проводящий антисоциальную и антилиберальную политику режим становится всё более авторитарным. Иначе и не может быть! Опыт африканских стран, особенно Нигерии, доказывает хрупкость и неустойчивость квазидемократии. Неизбежно наступает момент, когда клептократы начинают панически бояться самой процедуры выборов. В России этот момент уже наступил. С редким цинизмом использовав трагедию в Беслане, Путин уничтожил выборность губернаторов и право граждан выбирать депутатов от одномандатных округов. И на этом он не остановится. На очереди — введение назначения глав администраций всех уровней.

Оплакивать усопшую квазидемократию не стоит. Она этого не заслуживает. В какой-то мере демократическим силам будет даже легче бороться против открыто авторитарного режима. Больше не придётся, например, опровергать ложь коммунистической пропаганды о том, что демократы якобы близки к существующему режиму и мало от него отличаются. Эта ложь теперь сама себя побьёт.

Вместе с ней неизбежно умрёт и другая ложь: что засевшие у власти сторонники сокращения социальных расходов — это якобы либералы, пусть даже второй или третьей свежести. В современной России все сторонники сокращения социальных расходов принадлежат к партии власти и являются яростными врагами либерализма. Достаточно вспомнить, как «Идущие вместе» уничтожали портреты Явлинского, В. Рыжкова и Хакамады (хотя принадлежность последней к оппозиции вызывает большие сомнения). Те же самые силы выступают яростными защитниками вертикали коррупции и стоят за искоренение всех демократических свобод. А все либералы (так же как и демократы других оттенков) — противники клептократического режима.

Причём не следует воображать, будто идея резкого сокращения социальных расходов импортирована с Запада подлибералами, после чего усвоена и творчески развита правительством гэбешников. По свидетельству уже упомянутого Н.А. Косолапова, о необходимости резкого сокращения социальных гарантий говорили во многих высоких кабинетах ЦК КПСС

и Совмина СССР ещё в 1970–1980-х годах. Там твёрдо верили в то, что народ наш разленился и перестал работать. А как заставить его работать? Поставить в положение борьбы за выживание — и тогда уж придётся крутиться! (Сами авторы этих предложений крутиться, понятное дело, не собирались.)

Так что эта идея вполне КПССовская и самобытная. А вклад подлибералов, которые все родом из КПСС, состоял лишь в том, что они использовали риторику западных либералов и консерваторов в условиях, нисколько не похожих на западные. Однако Путин и его гэбешное правительство доказали, что подобная риторика вовсе не обязательна. Сейчас доля расходов на здравоохранение, образование, науку и культуру в госбюджете и ВВП упала гораздо ниже, чем она падала в 1990-х годах.

Но демократическим силам необходимо сделать чёткий и ясный вывод: в российских условиях нелепо противопоставлять хозяйственную свободу и социальную ответственность. В государстве, где бюджет служит почти исключительно потребностям клептократии, нет предпосылок для конфликта между либералами и социал-демократами. Спорить им в нашей стране не о чем. Для обеспечения свободы предпринимательства необходимо уничтожить клептократию. Для увеличения ассигнований на социальное обеспечение, здравоохранение, охрану природы, образование, науку и культуру необходимо то же самое! Поскольку социальные расходы ныне составляют незначительную часть госбюджета, их рост в 2–3 раза вполне совместим со снижением налогов. Кстати сказать, то и другое будет стимулировать рост экономики.

ГЛАВА 9. УРОКИ ИСТОРИИ

Я всё чаще задумываюсь о том,
что я буду делать за рубежом...
В.В. Путин

Автор книги «Почему Россия не Америка» посвятил свой шедевр отнюдь не проблемам истории, но он то и дело вторгается в область музы Клио. И каждый раз — невпопад. Некоторые из его «открытий» просто изумительны.

Вот яркий пример: **«Они** (армии Наполеона. — *И.С.*) **били всех — и русских, и англичан, и саксонцев, и австрийцев, и пруссаков, и янычар»** (с. 251). Бедные саксонцы! Их-то за что побил не то Наполеон, не то г-н Паршев? Более преданного холопа, чем наследственный саксонский король, у Наполеона, пожалуй, не было. На самом деле французский император не только не бил саксонцев, но даже пожаловал своего венценосного саксонского холуя герцогством Варшавским (то есть усечённой Польшей). Заметим, что англичан Наполеон тоже никогда не бил. На суше британцы предпочитали воевать чужими руками, а на море английский флот всегда одерживал верх над французским. Правда, в самом конце наполеоновских войн британцы всё же вылезли на сушу. И битва при Ватерлоо закончилась не в пользу Наполеона

Но здесь г-н Паршев просто прибавил несколько лишних наций для красного словца, а при желании он способен создать целый художественный образ: «**Уходя оттуда** (из Верхней Вольты. — *И.С.*), **французские колонизаторы оставили там короля — ну, так, молодой человек, по моральным и интеллектуальным качествам — что-то вроде Немцова или Бревнова, да и внешнее сходство было — тоже курчавенький. Жил он в основном во Франции, и госказну туда же забрал. Небольшая казна, примерно на "Мерседес" и жене на леопардовую шубку...».** Позднее **«случился... в этой Верхней Вольте государственный переворот. Король и казна остались в Европе уже насовсем, а к власти пришёл один армейский капитан»** (с. 271).

Пожалуй, эти строки — одна из самых больших удач Паршева как художника слова. Вот только короля в Верхней Вольте не было. Совсем. С момента провозглашения независимости в 1960 году Верхняя Вольта являлась республикой. Естественно, что увезённая никогда не существовавшим королём во Францию казна, которой хватало только на «Мерседес» и леопардовую шубку, тоже чистый вымысел. Если кто-нибудь из читателей заинтересовался историей Верхней Вольты (с 1984 — Буркина-Фасо), советую прочитать книгу Л.А. Авдюниной[1]. Там не только изложены подробные сведения об этой эк-

---

[1] См: Авдюнина Л.А. Буркина-Фасо : Справочник / Российская академия наук, Институт Африки. М.: Наука, 1992.

зотической стране, но и рассказано, как сменяли друг друга путём военных переворотов тамошние президенты. Упомянутый г-ном Паршевым армейский капитан Т. Санкара был среди них пятым по счёту.

Интересные сведения г-н Паршев готов сообщить и про Юго-Восточную Азию. Оказывается, в 30–40-х годах XIX века **«именно англичане и создали опиумную зону "Золотого треугольника" в своих владениях в Юго-Восточной Азии, специально для реализации в Китае»** (с. 155). Вот какие нехорошие бывают империалисты! Насчёт их дурных качеств с г-ном Паршевым, пожалуй, можно согласиться. Только вот «Золотой треугольник» расположен на территории Мьянмы (бывшая Бирма), Таиланда и Лаоса. Две последние страны английскими владениями вообще никогда не были. А ту часть Мьянмы, которая входит в «Золотой треугольник», англичане захватили только в 1885–1886 годах, лет на 40–50 позже мнимого создания ими опиумной зоны. В действительности «Золотой треугольник» создан не в XIX, а в XX веке, и не британцами, а китайцами. Его отцы-основатели — китайские гоминьдановцы, которые после поражения в 1949 году в гражданской войне с коммунистами бежали в страны Юго-Восточной Азии и занялись торговлей наркотиками. Но эту ошибку г-на Паршева ещё можно считать мелкой. В конце концов, разве ещё Иван Александрович Гончаров во «Фрегате "Паллада"» не подчёркивал большое сходство между англичанами и китайцами? Так что эти народы нетрудно спутать друг с другом.

О самом Китае из книги «Почему Россия не Америка» тоже можно узнать немало нового. Например, просто леденят душу строки г-на Паршева о злодействах всё тех же англичан против китайского народа: **«Результатом были две "опиумные войны" 1840–42 и 1856–60 гг. и оккупация Пекина, падение династии и распад страны на изолированные провинции, управляемые воюющими между собой генералами. Англичане отстояли своё право продавать в Китае опиум!»** (стр. 155). Звучит как обвинительный акт против англичан. Но здесь смешаны события разного времени, правда с ложью пополам.

Англичане на самом деле вели две позорные опиумные войны против Китая (вторую из них — совместно с Францией), но нам, русским, ругать их за это должно быть несколько неудобно. Дело в том, что именно в разгар второй опиумной войны Китай уступил России Приамурье и Приморье. Вряд ли китайцы пошли на это от хорошей жизни. Но если неприятель занял столицу, почему бы не пожертвовать для спасения государства почти безлюдными окраинами империи? Так, по-видимому, рассуждало китайское правительство, когда пошло на территориальные уступки России за обещание содействовать прекращению англо-французской агрессии.

Однако распад Китая на части с опиумными войнами никак не связан! Вторая опиумная война закончилась в 1860 году. Падение маньчжурской династии произошло в 1911 году, а распад Китая на части наступил после этого не сра-

зу, а в результате массового восстания жителей южных провинций против президента Юань Шикая в 1916-м. Это называется «в огороде бузина, а в Киеве — дядька!». Если связывать распад Китая на части с опиумными войнами, то с таким же успехом можно написать: нападение гитлеровской Германии на Советский Союз привело к его распаду на 15 признанных и полдюжины непризнанных государств. В обоих случаях между предполагаемой причиной и её якобы следствием — промежуток «всего» в полвека! Мелочь, по меркам г-на Паршева.

Совершенно новые и небывалые сведения наш идеолог сообщает и о Канаде. Вот его подлинные слова: **«Хотя Канада на карте выглядит довольно компактной страной, реально люди там живут в двух разобщённых районах: восточном — у Атлантики и Великих озёр и западном — на Тихоокеанском побережье. По сравнению со всей территорией Канады — это крошечные пятачки, прижавшиеся к южной границе. В 30-е годы даже сообщение между этими регионами было только по территории США»** (с. 43). Сказку о будто бы необитаемой центральной части Канады мы уже опровергли в главе 2. Напомним читателю, что именно срединные провинции Канады с континентальным климатом дают 80% сбора пшеницы и львиную долю продукции мясного животноводства. Но вот зачем г-н Паршев прибавил ещё утверждение о том, что до 1930-х годов сообщение между западом и востоком Канады было только по территории США? Ведь не очень умно так откровенно садиться в лужу. Из энциклопедии Canadiana легко узнать, что первый поезд из Монреаля в Ванкувер по Канадской Тихоокеанской железной дороге (целиком проходящей по канадской земле) отправился в июне 1886 года. А «золотое звено», соединившее восточный и западный участки этой дороги, уложили ещё 7 ноября 1885-го. Но, как видно, канадцы очень спешили успеть к красной дате, поэтому ещё семь месяцев ушло на исправление недоделок. Энциклопедия Canadiana также откровенно сообщает, что эту дорогу построили в основном из «националистических» соображений — чтобы не зависеть от США.

КРОВОЖАДНАЯ «ФИЛОСОФИЯ» ИСТОРИИ

Но если рассуждения г-на Паршева об истории других государств в основном смехотворны, то его подход к отечественной истории проникнут определённым, вполне последовательным мировоззрением. Это мировоззрение, пожалуй, тянет даже на философию истории. Любимые герои г-на Паршева — Иван Грозный, Александр Третий и — кто бы мог усомниться? — Иосиф Кровавый. Эту «троицу» наш идеолог заимствовал у вождя КПРФ Г. Зюганова.

«В нашей истории был жестокий, Грозный царь, — повествует автор книги «Почему Россия не Америка». — **За время его царствования было на-**

сильственно лишено жизни не то три, не то четыре тысячи человек. Многие из них — заслуженно. До сих пор и историки, и простые граждане спорят — можно ли его оправдать за это? Но споры спорами, а памятника этому царю нет. Почему нет его изображения на монументе "Тысячелетие России" — понятно, его устанавливали при царе-демократе Александре Втором, но почему вообще нет и не было памятника создателю России в её нынешних границах?» (с. 403–404). Какое безобразие! Даже памятник Соловью-разбойнику есть — его возвели на Орловщине по манию губернатора Строева. А памятника Ивану Грозному нет.

Начнём с границ. Восточная граница Московского царства в год смерти Ивана Грозного проходила примерно по нижней Оби и далее по Иртышу. Причём в Прииртышье русские ещё как следует не утвердились. Даже из «Думы о Ермаке» можно узнать, что, пока «На диком бреге Иртыша / Сидел Ермак, объятый Дуней», его враги не дремали: «Кучум, презренный царь Сибири, / Прокрался тайною тропой, / И пала грозная в боях, / Не обнажив мечей, дружина».

Дуня, как видно, сыграла в этих событиях роковую роль. Правда, в рылеевском варианте в отличие от более логичного народного упоминается не Дуня, а Дума. Но это неправдоподобно! С Думой Ермак не то что не стал бы обниматься, а наверняка изрубил бы её в капусту, не разбирая фракций.

А далее на восток от Иртыша никаких русских владений на март 1584 года вообще не было. И это — *нынешние* границы России? А кому, какой державе г-н Паршев подарил всю Среднюю и Восточную Сибирь и Дальний Восток в придачу?

Почитатели нашего идеолога говорят, что он-де патриот. Любопытно узнать: а сокращение территории России на востоке до Оби и Иртыша — это тоже патриотизм? Или просто действует нехитрое правило: кто много врёт — тот и патриот?

Итак, «создателем России в её нынешних границах» Иван Грозный не был. За что же ему памятник ставить? За взятие Казани? Но покорение Казанского ханства и кровавый штурм его столицы у современников вызывали неоднозначное отношение. С одной стороны, русскому войску удалось разгромить государство, для которого торговля русскими пленниками служила одной из главных статей доходов. А, с другой стороны, огромное количество жертв с обеих сторон при взятии Казани, обусловленное не в последнюю очередь приказом царя Ивана не брать в плен взрослых мужчин, придавало этой победе горький привкус. Вероятно, именно тогда родилась строчка из народной песни: «А Казань-город на крови стоит».

Что касается памятника в честь взятия Казани, то он был и есть (слава Богу, даже Лужков его пока что не снёс и не сжёг), — собор Василия Блаженного. Конечно, это не памятник отдельно взятому большому начальнику. Соору-

жение памятников в честь определённых лиц вообще противоречило русскому православному обычаю. Но храм можно считать памятником всем погибшим при взятии Казани. И главная идея собора Василия Блаженного — это идея примирения двух ещё недавно ожесточённо воевавших между собой народов. Отсюда подчёркнуто «восточный» стиль этого уникального памятника русской архитектуры.

А ещё какие-нибудь достижения у Ивана Грозного были? Можно приписать ему начало книгопечатания в России. Но два белоруса (Иван Фёдоров и Пётр Мстиславец), которые выпустили первые в Московском царстве печатные книги, скоро сбежали обратно в Польско-Литовское государство. Хотя православных там и затирали, а всё же «друкари» чувствовали себя в польских владениях в большей безопасности, чем под тяжёлой рукой православного Грозного царя.

Расселение русских казаков по Дону и Тереку, так же как и поход дружины Ермака в Сибирь, на счёт царя отнести невозможно. Это низовая народная колонизация, которую власти отнюдь не направляли. Одной из главных причин переселения надо считать резкое ухудшение положения народа в старых, исконно русских областях. Бежали оттуда на окраины и тем более за пределы государства не от хорошей жизни!

Так за что ставить памятник Ивану Грозному? За злодейства опричников? За страшный разгром самим царём второго по числу жителей русского города — Великого Новгорода? За сожжение Москвы крымскими татарами (1571), чего до опричнины не бывало уже больше ста лет? (Понятно, что «*прогрессивное* войско опричников»[1] умело воевать только со своим народом, а не с неприятелем.) Или за проигранную Ливонскую войну? Не стоит забывать, что от полного разгрома в этой войне Россию спасла не регулярная армия, а псковичи, отстоявшие родной город от превосходящих сил Стефана Батория.

Но, быть может, Иван Грозный заслужил памятник за то, что просил политического убежища в Англии? Вся его переписка с английской королевой Елизаветой Первой проникнута одной навязчивой идеей: в случае «крамолы» (то есть народного бунта) царь просил Елизавету пустить его в своё королевство. Очевидно, Иван Грозный нисколько не заблуждался относительно народного мнения о своей деятельности. Подобная переписка главы Российского государства с иностранной державой — явление в нашей истории уникальное. Впрочем... Цитата из выступления нашего нынешнего первого лица поставлена в качестве эпиграфа этой главы недаром. Вполне возможно, что в недалёком будущем у нас найдётся глава государства, который осуществит мечту царя Ивана и на самом деле убежит за границу.

---

1 Выражение «прогрессивное войско опричников» при Сталине было обязательным.

Народная оценка бурной деятельности Ивана Грозного сурова и беспощадна. В сказке «Микитушка Добрыня», записанной от известной северно-русской сказочницы Александры Михайловны Мелеховой[1], царь Иван Васильевич отдаёт такой приказ: «От году до трёх лет всех ребят прирезать и подписать на воротах, что тут казнены и пленены». А после выполнения приказа царь собирает пир на весь мир и хвастается: «Повыростил грозный царь Иван Васильевич двух сынков, сам пошёл в города казнить-пленить. А старший сын Иван Иванович пошёл пригород казнить-пленить. А младший сын Василий Иванович пошёл в сёла казнить-пленить».

Тут выясняется, что младший сын царя Василий (его очевидный прототип — исторический Фёдор) на самом деле не резал детей, а убивал только петухов и их кровью делал надписи на воротах. Царь велит казнить младшего сына, но того спасает дядя по матери — Микитушка Добрыня (у него тоже есть явный исторический прототип — боярин Никита Романович Юрьев). Грозному царю показывают отрубленную голову другого человека, но он думает, что казнён его сын. И начинает горевать об убитом царевиче. Иван Васильевич даже обещает полцарства, если кто-то сможет оживить его сына. Микитушка Добрыня говорит, что ему не нужна половина царства, а нужна неприкосновенность для каждого, кто перебежит в его вотчину. Царь соглашается, после этого Микитушка Добрыня показывает ему живого и невредимого царевича. Но наиболее показателен конец сказки: «Дак от грозного царя Ивана Васильевича перебежали к Добрынюшке Микитушке. Все перебежали — такой грозный был».

Так что народное голосование по оценке деятельности Ивана Грозного — пусть и в сказке — состоялось. И я как-то сомневаюсь, чтобы г-н Паршев проголосовал бы ногами иначе, чем весь народ. Тоже сбежал бы к Микитушке Добрыне, как пить дать...

Александр Третий попал в компанию к Ивану Грозному и Иосифу Джугашвили, конечно, чисто случайно. Этот царь нисколько не походил на двух страшных кровопийц, с которыми его объединили г-да Зюганов и Паршев. Александр Третий принадлежал к тому разряду миролюбивых и недальновидных правителей-консерваторов, которые вызывают у многих смех своим недомыслием, но большинство подданных тем не менее устраивают. К тому же разряду правителей можно отнести Л.И. Брежнева и Джорджа Буша-младшего. Пользы от таких «выдающихся деятелей» как от козла молока, но и вреда от них самих тоже никакого. Если вред и бывает, то от их окружения, которое выходит на первый план, поскольку сами они управлять неспособны.

А вот Иосифа Кровавого стоит обсудить — слишком уж близок он к нам по времени.

---

1 Сказки Кенского Волочка / вступ. ст., примеч. и подготовка текстов Ю.И. Смирнова. Архангельск: Правда Севера, 2004.

АПОЛОГИЯ УСАТОГО ЛЮДОЕДА

Временами г-н Паршев начинает просто взахлёб прославлять «лучшего друга советских физкультурников». Например, экономика при сталинской тирании будто бы росла невиданными темпами: **«Но экономика СССР добилась таких темпов, которые до сих пор в западных учебниках экономики приводятся как рекордные. Несколько превышали наши только показатели небольших азиатских стран, которые "накачивались" всем западным миром, и то в течение короткого времени. Этот рост советской экономики в 30-е – 50-е годы — неопровержимый факт, признанный всем миром, и странно, что у нас он не признаётся»** (с. 257).

Насчёт некоторых западных учебников г-н Паршев, похоже, пишет правду. Что на Западе умеют, так это сдувать без всякой проверки сведения, которые сообщали официальные и официозные советские источники. Разумеется, чудовищное враньё советской статистики не перестаёт быть враньём оттого, что его переписывает слово в слово и цифра в цифру какой-нибудь западный автор. Показатели военной промышленности и обслуживавших её потребности отраслей тяжёлой промышленности в сталинский период действительно выросли (правда, эффективность работы этих отраслей оставалась низкой, что доказал 1941 год). Но этот рост происходил за счёт планового обнищания народа! Вот два характерных факта. Первый: в предвоенные годы огромный Советский Союз строил столько же жилья, сколько маленькая Голландия. То есть жильё строили только для «элиты», выражаясь изящным языком г-на Паршева. А «быдло» (то есть подавляющее большинство населения страны) должно было как-нибудь утрамбовываться в бараках и коммуналках. И второй показательный факт: в 1952 году СССР собрал меньше зерна, чем царская Россия в 1913-м, а в 1953-м собранный урожай достиг как раз уровня 1913 года Таков был рост советской экономики при Сталине!

А вот ещё один перл паршевского бесстыдства: **«В 30-х годах у нас начали реализовывать грандиозную систему дешёвого транспорта. Была спроектирована система судоходных каналов, которая охватывала всю территорию СССР и должна была доходить до каждого уголка. При Хрущёве идея была похоронена — при нём предпочли жечь топливо, истреблять природные ресурсы»** (с. 75). Спасибо за откровенность! Выходит, что истреблять природные ресурсы плохо, а истреблять людей — хорошо. Что ж, автор книги «Почему Россия не Америка» — достойный ученик Сталина в признании цены человеческой жизни равной нулю. Ведь «дешёвые» судоходные каналы сооружены в буквальном смысле на костях. А.И. Солженицын оценивал число погибших на строительстве одного только Беломорканала в четверть миллиона человек[1]. При этом в хозяйственном отношении канал оказал-

[1] См.: Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛаг. Т. 2. М.: ИНКОМ НВ, 1991. С. 71.

ся совершенно бесполезен, да и для переброски военного флота непригоден — глубина-то всего 5 метров! Другие каналы, например Москва — Волга или Волго-Донской, может быть, экономически и были полезны, но строили их столь же варварскими методами, то есть загубили массу народа.

Столь же цинично рассуждает наш идеолог и о причинах обезлюдения русской деревни: **«А прежние жители** (северной деревни. — *И.С.*) **разъехались, кто в 30-е, кто после войны уже осел в городах, кто уже потом. Потянуло в город, что ж поделаешь, там можно работать от звонка до звонка»** (с. 267). Эту ложь легко опровергнуть, если прочитать любое произведение летописца умирания северно-русских деревень — Фёдора Абрамова. Тогда мы узнаем, как не годами — десятилетиями власть отнимала последнее у загнанных в колхозы крестьян. Как голодные годы чередовались с полуголодными, но просвета не было. Как взрослые не имели никаких надежд сбежать от колхозного крепостничества, зато убегали в города подростки до 16 лет, на которых ещё не распространялся паспортный режим. Как уже в 1960-х годах нормальной для северного колхозника считалась пенсия в 6–8 рублей (пусть рубли не нынешние, но эта пенсия всё равно была раз в 10 ниже тогдашнего прожиточного минимума). Только г-н Паршев о настоящих причинах бегства из деревни не скажет ни слова — его хозяева правду ему говорить не велели!

С КЕМ МЫ ВОЕВАЛИ ВО ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ?

Победу во Второй мировой войне г-н Паршев, конечно, тоже приписывает Сталину. Правда, с небольшими оговорками: **«Как наше государство смогло собраться с силами в 1943 году, когда мы уступали соединённой Западно-Центральной Европе по населению вдвое, а по промышленности вчетверо? Да, конечно, был Сталин, кто спорит, но в 1941-то тоже был Сталин! Чего же не хватало? А Жареного Петуха!»** (с. 406).

Если воспринимать эти слова буквально, то выходит, что в 1943 году Советскому Союзу противостояла некая «соединённая Западно-Центральная Европа». Что же это такое? В состав «Западно-Центральной Европы», очевидно, нельзя не включать Великобританию, которая была союзником СССР. Далее, не надо забывать про нейтральные страны: Швецию, Швейцарию, Ирландию и Португалию. Испания тоже объявила себя нейтральной, но провозглашённый нейтралитет не соблюдала. Диктатор Франко послал в помощь Гитлеру на Восточный фронт одну добровольческую «голубую» дивизию. В то же время испанских эмигрантов, воевавших на стороне СССР, едва ли было существенно меньше. Так что тут соотношение если не 1:1, то близкое к этому.

Г-н Паршев, по-видимому, включает в состав «соединённой Западно-Центральной Европы» все оккупированные нацистской Германией европейские

страны. Всего таких государств насчитывалось 11: шесть — в Западной Европе (Франция, Люксембург, Бельгия, Голландия, Дания и Норвегия) и пять в Восточной и Юго-Восточной Европе (Польша, Чехословакия, Югославия, Албания и Греция). Но могла ли гитлеровская Германия использовать жителей этих стран в качестве солдат? Отрицательный ответ на этот вопрос известен всем, кроме г-на Паршева. Правда, на Восточном фронте и в немецком тылу на оккупированной территории находились некоторые словацкие части, однако никто не упомнит, чтобы они по-настоящему сражались против советской армии. Обычно словаки при первой возможности сдавались в плен, а затем многие из них вступали в сформированную на советской территории чехословацкую армию Людвика Свободы. Отношение словаков к немцам очень наглядно характеризует факт сдачи в плен поварихе партизанского отряда в Белоруссии целой словацкой роты. Просто словаки никого не могли найти, кому можно было бы сдаться, и случайно подвернувшаяся повариха их выручила.

Кроме словаков, немцы ещё пытались задействовать жителей Эльзаса и Лотарингии. Их провозгласили германскими гражданами и стали призывать в вермахт. Результат получился примерно тот же, что и со словаками. Эльзасцы сдавались в плен при первой возможности и объявляли себя французами и сторонниками антигитлеровской коалиции.

Правда, были и другие французы, сотрудничавшие с немецкими оккупантами. В боях под Москвой зимой 1941/42 года на стороне Германии участвовал некий французский добровольческий легион, но численность его не могла быть велика, поскольку этот «легион» составлял лишь меньшую часть немецкой 7-й пехотной дивизии. Ещё немцам удалось направить на Восточный фронт один сводный датско-норвежский полк и один бельгийский батальон. Выходит, скажем прямо, не густо.

Так что вместо мифической «соединённой Западно-Центральной Европы» Советскому Союзу приходилось воевать против Германии (включая присоединённую к ней Австрию) и её сателлитов — Италии, Румынии, Венгрии и Финляндии. К числу германских сателлитов принадлежала ещё Болгария, но она отказалась воевать против СССР. По численности населения взятые вместе Германия, Австрия, Италия, Румыния, Венгрия и Финляндия *уступали* Советскому Союзу, но не намного. Однако насколько немцы могли положиться на своих сателлитов?

Итальянцев на Восточном фронте насчитывалось очень мало. В основном их били англичане в Северной Африке, а также югославские, греческие и даже албанские партизаны. Во время североафриканской кампании 4 тысячи англичан однажды взяли в плен 20 тысяч итальянцев. И в войне против СССР боеспособность итальянских частей была не выше.

Румынская армия существенно уступала итальянцам и по технике, и по выучке, но обладала столь же «выдающимися» беговыми качествами. Во время

Сталинградской битвы советские войска за четыре дня (19–22 ноября) полностью разгромили 9 румынских дивизий и частично — ещё 10. (Эти сведения не из советских источников, а из воспоминаний немецкого фельдмаршала Э. фон Манштейна, так что преувеличения тут быть не может.) Численность разбитых за четыре дня румынских войск лишь немного уступала численности окружённой в Сталинграде 6-й немецкой армии Паулюса, с которой потом пришлось воевать ещё больше двух месяцев. Так что приравнивать румынских солдат к немецким просто нелепо.

Венгрия воевала против СССР с большой неохотой. Правитель этой страны М. Хорти при всём своём антикоммунизме нисколько не верил в победу Германии и сочувствовал западным державам, но боялся Гитлера. Те немногочисленные венгерские части, которые участвовали в боях на Восточном фронте, в основном погибли или попали в плен в ноябре 42-го под Сталинградом. В 1943 — первой половине 1944 года венгерских войск на советско-германском фронте практически не было.

Оставалась Финляндия. В том, что финны — отличные солдаты, советская армия убедилась на собственном горьком опыте зимой 1939/40 года. Поскольку население Финляндии в большинстве своём считало войну против Советского Союза оправданной как реванш за сталинскую агрессию 1939 года, финны и летом 41-го воевали хорошо. К началу сентября 1941 года они заняли практически всю ту территорию, которую считали своей, и остановились. В дальнейшем до лета 1944 года серьёзных боевых действий на советско-финляндском фронте почти не было, если не считать взаимной заброски небольших диверсионных отрядов в тыл противника. Советская 23-я армия, оборонявшая Ленинград со стороны Карельского перешейка, вообще в основном отдыхала. (По численности она очень сильно не дотягивала до армии, но это не имело значения из-за отсутствия здесь настоящих боёв.)

Так что проку от сателлитов для Германии было очень мало. Если численность противостоявших друг другу на советско-германском фронте войск длительное время оставалась примерно одинаковой, а временами небольшое преимущество имел противник, то дело тут не в использовании немцами людских ресурсов «соединённой Западно-Центральной Европы» — причины следует искать внутри Советского Союза. И тут придётся вспомнить и потерю пяти миллионов пленных в страшных «котлах» 1941 года, и стремительную оккупацию немцами Белоруссии, почти всей Украины и ряда западных русских областей уже в первые месяцы войны, и двухмиллионную «армию» зэков (из которых очень многие мечтали попасть на фронт, да их не брали), а также десятки тысяч охранявших их вертухаев. К зэкам надо ещё прибавить сотни тысяч чудом выживших ссыльнопоселенцев из числа раскулаченных, которых на фронт тоже старались не пускать. И, конечно, нельзя не вспомнить пресловутую «дружбу народов», якобы утвердившуюся в стране победившего социа-

лизма. Эта «дружба народов» проявилась в высылке из родных мест за время войны восьми «подозрительных» национальностей: немцев, калмыков, крымских татар, карачаевцев, балкарцев, ингушей, чеченцев и турок-месхетинцев. При этом никто из них, кроме в очередной раз восставших чеченцев, не давал для этого никакого повода. Некоторые более многочисленные этносы не ссылали, но и в армию призывать боялись. Среди таджиков, узбеков и туркмен в армию взяли лишь около половины военнообязанных мужчин, да и тех чаще использовали не на передовой.

ПОЧЕМУ ГЕРМАНИЯ НЕ МОГЛА НЕ ПРОИГРАТЬ ВОЙНУ НА ИЗМОР

Но, может быть, Германия могла широко использовать экономические ресурсы сателлитов и оккупированных стран? Эту версию у нас широко пропагандировали в советское время, однако её следует считать сильным преувеличением. Страны Восточной и Юго-Восточной Европы — от Польши до Греции — не имели тогда сколько-нибудь развитой промышленности. Единственное исключение составляла Чехословакия. Однако чехи при всём своём неумении сражаться с оружием в руках — классные саботажники, достаточно вспомнить чешского национального героя — бравого солдата Швейка. И в годы Второй мировой войны земляки Швейка тоже были «на высоте». Вот характерный пример: во время одной из немецких бомбёжек Москвы авиабомба упала на дом В.И. Даля (это рядом с зоопарком). И — не взорвалась. Сапёры начали её обезвреживать и обнаружили, что вместо взрывателя в бомбу вложен чешско-русский словарь. Помимо саботажа, чехи ещё предоставляли убежище дезертирам, спасавшимся от службы в немецкой армии. К концу войны таковых набралось несколько десятков тысяч человек, и почти все они прятались именно в Чехии.

Во Франции промышленности тоже хватало, но без большой пользы для немцев. Саботаж процветал и там. Но вдобавок французское Сопротивление полюбило взрывать опоры ЛЭП и устраивать диверсии на самих электростанциях. Вряд ли нужно объяснять, что любому предприятию трудно работать при частом отключении электричества. Кроме того, среди французских предпринимателей нашлось некоторое число подлинных патриотов (без кавычек). Таков был Пежо, владелец знаменитого автозавода, который немцы переоборудовали под военное производство. Под влиянием представителей английской разведки Пежо сам приказал двоим особо проверенным техникам взорвать собственный завод, что они успешно осуществили.

Наконец, в самой Германии промышленность далеко не процветала по той простой причине, что большинство мужчин трудоспособного возраста либо служило в армии, либо уже лежало в земле. Правители Третьего рейха пыта-

лись решить проблему за счёт заключённых в концлагерях и мало чем отличавшихся от них иностранных рабочих, которых угоняли в Германию из оккупированных стран. Но из этой затеи по большому счёту ничего не вышло. Как отмечал гитлеровский министр вооружений А. Шпеер, производительность труда заключённого была в 6–7 раз ниже, чем вольнонаёмного рабочего. Данных о производительности труда «остарбайтеров» у меня нет, но есть все основания думать, что она мало отличалась от производительности труда заключенных, ведь немцы и с ними обращались как с рабами.

И не стоит забывать, что с середины 1942 года англичане и американцы непрерывно и беспощадно бомбили Германию. Сбылось пророчество офицера германского Генштаба Клауса фон Штауфенберга, который ещё в 1936 году писал, что в предстоящей войне у Германии не будет тыла. Уже в конце лета и осенью1942 года англо-американская авиация сравняла с землёй ряд городов Рура — важнейшего промышленного района Германии. В 1943-м союзники практически уничтожили Гамбург — второй по числу жителей немецкий город, и принялись за Берлин. Жертвы среди мирного населения стали сравнимыми с потерями на Восточном фронте, а бегство из столицы всей верхушки Рейха не укрепило её авторитет. И сколько бы немцы ни прятали свою промышленность под землю, она и там не была застрахована от бомбовых ударов.

В общем, в 43-м Третий рейх уже околевал, а исход войны стал абсолютно ясен любому солдату с обеих сторон. Утверждение, что перелом в войне наступил после Сталинграда, растиражировано советскими школьными учебниками, но не соответствует действительности. Окружение и разгром 6-й немецкой армии Паулюса сыграли важную психологическую роль, однако не они решили исход войны. В затяжной войне на измор Советский Союз неизбежно должен был победить Германию, а страны антигитлеровской коалиции — сломить державы «оси». Всё дело в том, что людские и материальные ресурсы стран антигитлеровской коалиции многократно превосходили ресурсы нацистской Германии и её союзников.

Военные профессионалы вычислили исход войны ещё до Сталинграда. Так, в германском штабе сухопутных войск войну считали безнадёжно проигранной уже в августе 1942 года. Именно с августа 42-го численность германских вооружённых сил начала абсолютно сокращаться, возмещать потери на фронте было уже некем — людские ресурсы Германии оказались исчерпанными, и немецкие штабники, как профессионалы, пришли к выводу: исход войны предопределён. Тогда часть этих штабников решила перейти от ворчания по поводу безмозглости фюрера к конкретным делам и стала готовить убийство Гитлера и свержение нацистского режима. Но на это у них не хватило пороху или, лучше сказать, гексогена. Ведь подрывному делу штабных офицеров не учили. Хотя справедливости ради надо сказать, что и от бомбы

Трешкова 13 марта 1943-го, и от бомбы Штауфенберга 20 июля 1944-го фюрера спасало буквально чудо.

Но не ошиблись ли и немецкие штабники? Поскольку в войне на измор у Германии не было никаких шансов на успех, её поражение стало неизбежным тогда, когда рухнули надежды на блицкриг. А это произошло в декабре 41-го.

ГЕНЕРАЛ МОРОЗ

Чтобы понять, почему в декабре 1941 года ранее непобедимую германскую армию стали бить, обратимся к книге одного из побеждённых в той войне — бывшего солдата вермахта Пауля Карелла[1].

По мнению немца, при 25-градусном морозе «дольше часа в окопе... не высидеть ни одному живому существу. Имеется в виду, что это "существо" укутано в меховой полушубок, на голове у него меховая шапка, руки в меховых рукавицах, а ноги — в меховых же унтах. Вот только у солдат 36-й мотопехотной ничего подобного нет и в помине». Дальше выясняется, что в сходных условиях находились и солдаты других немецких частей: «Офицеры и солдаты ощущали острейшую нехватку зимнего обмундирования для ведения боевых действий и ночёвки в условиях сильнейших морозов на открытой местности. И надевали на себя всё, что им попадалось под руку и что извлекалось из захваченных у русских в качестве трофея имущественных складов или с предприятий текстильной промышленности. Но такое "обмундирование" никак не давало выхода из сложившегося положения, поскольку от холода спасало плохо и к тому же делало солдат неповоротливыми, стало быть, ещё более уязвимыми для неприятеля. Вдобавок все эти многослойные одежды служили рассадниками вгрызавшимися в кожу вшей. Донимал не только холод, но и голод. Сливочное масло на морозе становилось твердокаменным, его приходилось разрубать топором или строгать тоненькими пластинками, которые можно было сосать как леденцы. Хлеб также разрубали топором, после чего разогревали на открытом огне. Последствия подобных способов пропитания выражались в эпидемиях кишечных расстройств. Роты таяли буквально на глазах — ежедневные потери в личном составе по причине обморожений и инфекционных желудочно-кишечных заболеваний превышали все мыслимые потери в боях».

Плохо приходилось и лошадям, которых немцы кормили промороженной соломой с крыш деревенских изб. Животные гибли десятками. Но самое главное

---

[1] См.: Карелл П. Дорога в никуда: вермахт и Восточный фронт в 1942 г. / пер. с нем. А.Л. Уткина. Смоленск: Русич, 2003. (Следует отметить, что немецкий оригинал книги вышел ещё в 1963 году.)

— вышла из строя хвалёная немецкая техника: «Двигатели отказывались запускаться на таком холоде. Катастрофически не хватало антифриза, вода в радиаторах замерзала, разрывая систему водяного охлаждения двигателей. Из строя выходило всё, что двигалось, — танки, автомобили, передвижные радиостанции. Давало осечку и оружие — застывала оружейная смазка. Никто загодя и помыслить не мог о том, чтобы своевременно обеспечить подвоз соответствующих сортов зимней смазки. Отсутствовала и специальная противозапотевающая смазка для окуляров оптических приборов — стереотруб, артиллерийских дальномеров, орудийных прицелов. Оптика слепла, приходя в негодность.

Не хватало практически всего, что было необходимо для ведения войны в условиях этой окаянной русской зимы».

Все свои победы немцы одержали благодаря танкам. Но если на то, чтобы завести двигатель танка, уходило по 10–15 часов, на что им оставалось рассчитывать?

Почему же армия не получала необходимые для неё вещи из Германии и оккупированных ею стран? «Да потому, что мороз не пощадил и немногие имевшиеся в распоряжении паровозы. Вместо положенных группе армий "Центр" 26 эшелонов снабжения ежедневно туда прибывали 8, от силы 10 составов. А большинство транспортных Ю-52 вследствие ужасающих морозов и отсутствия необходимых отапливаемых ангаров так и не могли подняться в воздух с полевых аэродромов Польши и Белоруссии».

И советским солдатам в ту исключительно суровую зиму приходилось тяжело. Но у переброшенных под Москву сибирских и дальневосточных дивизий тёплая одежда всё-таки была. К тому же, как отмечает П. Карелл, «советские солдаты всегда получали кожаные сапоги на один–два размера больше — зимой в них можно напихать сена или газетной бумаги — самое эффективное и доступное средство сохранить ноги в тепле. И это прекрасно знал любой бывалый солдат вермахта, сражавшийся на Восточном фронте. Но его сапоги, как и у его товарищей, к великому сожалению, были как раз по ноге». Поэтому в немецкой армии редко встречались солдаты, которые не отморозили себе пальцы или пятки.

Теперь понятно, почему в сражении под Москвой немцев побили? Завоевателям приходилось сражаться не только с советской армией, но и с русской зимой. И хотя советские генералы не отличались профессионализмом и продолжали допускать ошибки (особо забывчивым напомню, что всех наиболее толковых военных Сталин предусмотрительно истребил ещё в 1937–1938 годах), зато генерал Мороз своё дело делал исправно.

Так что советую читателю крепко задуматься, насколько справедлива ругань г-на Паршева в адрес русской зимы. Если после морозоустойчивых монголов нашу страну никто никогда не завоёвывал, то роль климата в этом не надо преуменьшать. Причём при нашествии завоевателей Россия всегда получа-

ла помощь от небесной канцелярии. Зима 1941/42 года — исключительно суровая, причём морозы ударили необычно рано. Однако и зима 1812/13 года тоже оказалась чрезвычайно суровой, и сильные морозы наступили чуть ли не на месяц раньше привычных сроков. А ещё раньше шведская армия страшно измучилась на Украине зимой 1708/09 года. Таких лютых морозов на Украине, кажется, не бывало ни до, ни после.

И если жареный петух — чисто мифическая птица, то генерал Мороз — самый надёжный страж нашей государственной независимости. Правители у нас нередко бывают бездарными и безмозглыми, армия часто находится в удручающем состоянии (именно так было в 1941-м, то же мы видим и сейчас), но любой пошедший на Россию завоеватель оказывается вынужденным сражаться с генералом Морозом. И всегда бывает бит!

ПОЧЕМУ НЕ СТОИТ ЗАБЫВАТЬ ПРО ТРЕТИЙ РЕЙХ

«Однако, — пожалуется иной читатель, — с чего это мы то и дело возвращаемся ко Второй мировой войне и к Третьему рейху? Стоит ли на это терять время? Ведь со дня разгрома нацистской Германии минуло уже более 60 лет!»

Это так. Но забывать об этой странице истории нельзя. Современная обстановка в России не позволяет. Вот, к примеру, М. Юрьев в своей «Крепости России» откровенно призывает взять гитлеровскую Германию за образец. О г-не Паршеве этого нельзя сказать. Он отличается большей осторожностью или, может быть, большей стыдливостью. Но проектируемое нашим идеологом изолированное от внешнего мира государство — поскольку речь не идёт о возврате к коммунизму — неизбежно приобретёт множество черт, сходных с Германией времён национал-социализма.

Припомним ещё, что известная часть чинов КГБ – ФСБ давно относится к Третьему рейху с большим сочувствием. Конечно, в фильме «Семнадцать мгновений весны» начальника гестапо Мюллера сделали симпатягой не случайно, а намеренно. Этого хотели его советские коллеги. И такие организации, как «Память» и РНЕ, без участия «искусствоведов в штатском» просто не появились бы на свет. (А вот нынешних скинхедов, похоже, уже никто не контролирует — даже компетентные органы.) Не забудем и про кумира многих наших «патриотов» г-на Лукашенко. Его любовь к «немецкому порядку» гитлеровского образца общеизвестна. А то, что этот «порядок» привёл к сокращению населения Белоруссии на четверть, нынешнего белорусского правителя нисколько не смущает.

А нам помнить о преступлениях «тысячелетнего Рейха» и его скором и бесславном конце просто необходимо. Но поставим вопрос в более общей форме: кому полезны «сильная рука» и закручивание гаек?

СИЛА И ЖЕСТОКОСТЬ

Многие из наших сограждан искренне верят, что жестокое правительство и есть желанная сильная власть. Отсюда — обожание таких людоедов, как Иван Грозный и Иосиф Джугашвили. Они и им подобные якобы способны «навести порядок». На этих настроениях играют и г-н Паршев, и КПРФ во главе с оголтелым сталинистом Зюгановым, а в последние годы и с наибольшим успехом — «Единая Россия», руководимая ведущим специалистом по мочению в сортире.

Но точно ли жестокость — это проявление силы? Гораздо основательнее считать её проявлением слабости, страха и неумения думать при помощи головы.

На примере царствования Ивана Грозного легко убедиться в том, что кровавый террор не делает государство сильнее. Несмотря на большие жертвы, длившаяся четверть века Ливонская война была бездарно проиграна. Но в колоде у любителей людоедского «порядка» как будто есть козырной туз: победа СССР над Германией в войне 1941–1945 годов.

Почитатели каннибализма не помнят (но чаще делают вид, что не помнят), к каким внутренним изменениям в СССР привела война. Что ж, о некоторых вещах необходимо напомнить. Первое: с самого начала войны воинствующий атеист Сталин принуждён был отказаться от ленинской идеи полного уничтожения религии и признать право церкви на легальное существование. Второе: существенно ослаб столь милый сердцу г-на Паршева железный занавес, которым отгораживался от остального мира довоенный Советский Союз. Многих простых и непривилегированных советских граждан: инженеров, моряков, лётчиков — приходилось выпускать в капстраны, в основном в страну «жёлтого дьявола» — США. А на советской территории прибавилось иностранцев. Третье: на смену отбору кадров по преданности начальству и анкетным данным пришёл отбор по способностям. Преданных холуёв Ворошилова и Будённого пришлось прогнать с руководящих постов в шею, а многих зэков из числа военных (из наиболее известных — Рокоссовского и Мерецкова) выпустить на волю и назначить на командные должности. Я уж не говорю о самом значительном за весь сталинский период ослаблении цензуры (положим, этот вопрос волновал одну интеллигенцию).

Однако самое главное изменение, произошедшее в СССР в военные годы, — разрешение инициативы снизу. В период расцвета советского тоталитаризма (1932 – июнь 1941) всякая инициатива снизу считалась наказуемой, и наказывали по большей части не выговорами, а сроками или стенкой. В военных условиях от таких порядков пришлось отказаться. В первые месяцы войны Сталин ещё пытался лично отдавать приказы каждому полку и даже некоторым батальонам. Но результаты не впечатляли. И тут даже до усатого лю-

доеда дошло, что лучше предоставить военным самостоятельность. К тому же они (и даже сталинист Жуков) этого очень настоятельно требовали. В дальнейшем рыжая и рябая *личность* ещё не раз издавала идиотские приказы (например, совершенно дебильный приказ «Ни шагу назад!»), но фронт эти нелепые распоряжения молчаливо игнорировал.

Так что войну с гитлеровской Германией наша страна выиграла не благодаря, а вопреки тоталитарному коммунистическому режиму. Вкратце можно сказать так: победа в войне — заслуга народа, страшные, чудовищные потери (27 миллионов по официальному счёту) — «заслуга» режима. Огромные потери в войне — это мера бездарности, безмозглости и слабости жестокой и кровожадной сталинской тирании. И если уж говорить о каком-то вкладе Сталина и верхушки ВКП(б) в победу, то он состоял лишь в том, что они на время поступились многими из своих принципов. Хотя после окончания войны, конечно, снова стали закручивать гайки.

Да, сейчас у нас принято восхвалять Сталина и его шайку. Коммунисты прославляют его открыто и бесстыдно, а партия власти — исподтишка и немного застенчиво. Однако на предвыборных плакатах «Единой России» в 2003-м можно было увидеть ту же самую усатую харю, которая так вдохновляет коммунистов всех оттенков. А с тех пор Путин и К° обнаглели и в январе 2005-го уже без стеснения говорили об установке памятников палачу и убийце № 1 в Москве и Белгороде.

Конечно, для страны и народа такое положение — позор. И пока любовь значительной части общества к сталинским убийцам не преодолена, нечего и надеяться на победу над современной клептократией. Ведь современные казнокрады, мошенники и бандиты — прямые и законные наследники убийц сталинского времени.

О НРАВСТВЕННОМ СОСТОЯНИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Понятно, что массовое сочувствие к палачам и убийцам — показатель глубокого нравственного упадка общества. Но поразительно, что в современной России находятся люди, которые воображают, будто наша страна в её нынешнем состоянии вправе учить морали другие страны. Вот образец подобной демагогии в исполнении г-на Паршева: **«У нас порой воспринимали любовь Гитлера к животным и детям как лицемерие. Напротив, в его образе ярко проявилась именно мораль Западной Европы»** (с. 403).

Ну, насчёт морали, чья бы корова мычала, а наша, российская, молчала бы. Напомню лишь, что по числу убийств в расчёте на 100 тысяч жителей Россия занимает второе место в мире, уступая лишь ЮАР. И не стоит думать, будто убийства у нас совершают в основном профессиональные «киллеры». Отнюдь

нет! На первом месте в нашей стране стоят внутрисемейные убийства, особенно убийства жён мужьями. Да и многие другие преступления также совершаются на бытовой почве.

Преступники в России — это не какие-то находники, не заброшенные к нам парашютисты, а наши же люди. Они — естественное порождение клептократического уклада. В разных странах и в разные эпохи подтверждается одна и та же общая закономерность: нравственное состояние общества в целом в сильнейшей степени зависит от морального уровня правящей верхушки («элиты», по г-ну Паршеву). Рыба всегда гниёт с головы. Но гниёт — вся.

И если в некотором царстве, некотором государстве — а именно в том, в котором мы живём, — установилась «власть воров» (М.Г. Делягин, устное сообщение[1]), то это не могло не отразиться на обществе в целом. Когда воровство процветает наверху, оно неизбежно и внизу. Припоминаю, как в 1990 году на Овощной опытной станции в Тимирязевской академии закупили 200 мотыг, а уже через год не осталось ни одной — все мотыги переехали на чьи-нибудь дачи. Это пример даже не мелкого, а мельчайшего воровства, зато ясно, что им занимался целый дружный коллектив.

К индивидуальному воровству наш народ не столь терпим, как к коллективно-долевому. Здесь я наступлю самому себе на любимую мозоль и расскажу про Л. Мы были с ней очень дружны, когда я уже поступил в вуз, а она ещё училась в выпускном классе школы. Л. мечтала стать ветеринаром и сильно переживала за несчастных собак и кошек. О своём опыте знакомства с реальными ветеринарами она говорила с ужасом:

— Представляешь, мы попросили разрешения сходить в ветлечебницу. Туда пришла женщина с собакой. Они осмотрели, говорят: «Усыпить!» Женщина в слёзы, а им хоть бы что! И кто к ним ни придёт, они всем говорят одно и то же: «Усыпить!»

Тогда я ничуть не сомневался в том, что Л. станет прекрасным ветеринаром и будет до конца сражаться за жизнь каждой собачки и кошечки.

Но вскоре наши пути разошлись. Мы не виделись лет 12 и снова встретились летом 99-го. При встрече оба очень обрадовались и заговорили с той степенью откровенности, которая бывает только у старых знакомых.

Л. оказалась замужем за бизнесменом, хотя и не из особо богатых, но — бездетна. Я спросил, есть ли у неё дача; как сотрудник Института садоводства, я мог бы обеспечить её саженцами. Она ответила:

— Есть. В Рязанской области. Место там хорошее, только воруют часто.

— И кто ворует? Местные?

— Да нет, больше бомжи. Мы как-то одного вора поймали, — она очаро-

---

1 В печатных работах Делягина я такого чёткого и жёсткого определения почему-то не встречал. Но, быть может, мне просто не повезло? Ведь статьи Делягина так многочисленны...

вательно улыбнулась кончиками рта, — так раздели догола, привязали к дереву и одежду натянули на голову. Только, — тут её лицо посерьёзнело, — он так и *издох*. Мы-то уехали, а его никто не отвязал. Хотя рядом шоссе, машины идут потоком, и оттуда его было хорошо видно.

После этого наша беседа с Л. как-то быстро угасла. И больше мне не хотелось с ней встречаться...

Но ведь эта картинка из жизни наглядно отображает нравственный уровень современного российского общества! Страшен наш бессмысленный и беспощадный «суд Линча», который приговаривает мелкого воришку к медленной и мучительной смерти. Но ещё страшнее всеобщее равнодушие. Ведь Л. и её сообщники по самосуду, вероятно, всё же рассчитывали, что вора кто-нибудь да отвяжет. Куда там! Всех волнуют только свои личные дела, в лучшем случае — дела своей семьи. На всё остальное — наплевать! Плюс постоянная спешка, когда нет времени оглядываться по сторонам.

Другой пример. Мой приятель К. — превосходный работник и примерный семьянин. Он также всегда готов помочь друзьям. Вообще, в частной жизни это в высшей степени привлекательный и симпатичный человек. Но как-то в конце того же 1999 года мы с ним разговорились про начавшуюся тогда вторую чеченскую войну. Я, конечно, сказал несколько неласковых слов про наших власть имущих и думал, что и К. того же мнения. По старой памяти (в августе 91-го мы находились по одну сторону баррикад) мне казалось, что наши оценки происходящего должны совпасть. Не тут-то было!

— Всех чеченцев нужно истребить, — со спокойной решимостью произнёс К.

— Как это? — моя челюсть отвисла.

— А вот так. Я не хочу, чтобы моего сына послали в Чечню, когда он вырастет (его сыну незадолго перед тем стукнуло три года. — *И.С.*). А если кого-нибудь из них оставить, то эта война никогда не кончится.

И потом ещё кто-то удивляется, почему великое множество стен и заборов в нашей стране разрисовано свастиками! Конечно, скинхеды — это просто поросята. Но этих поросят воспитывают в духе свинства взрослые и по всем внешним признакам добропорядочные граждане.

А отношение россиян к коррупции — как оно проявляется на избирательных участках? Возьмём в качестве примера столицу нашей Родины — Москву. Что, разве кто-нибудь из москвичей верит в честность столичного городского головы Ю. Лужкова? Да нет никакого сомнения в том, что число считающих градоначальника неподкупным бессребреником составляет 0,0%. Но это ничуть не помешало Лужкову получить на последних городских выборах 74% голосов. Да, значительная часть избирателей не голосовала. Нельзя также исключать того, что несколько процентов г-ну мэру приписали услужливые лакеи из избиркомов. Однако все эти соображения не отменяют того

постыдного для нас факта, что Лужков действительно победил на выборах. И из активных избирателей его действительно поддержало подавляющее большинство.

Понятно, что Москва в этом отношении не одинока. По всей России картина примерно одинакова. Избиратели готовы голосовать за ведомых воров, если они слывут «крепкими хозяйственниками». От этих пресловутых крепких хозяйственников наша загадочная русская душа мечтает получить чисто конкретные и сугубо материальные подачки. Изредка эти надежды сбываются, гораздо чаще избиратели бывают обмануты. Но до последнего времени они проявляли готовность обманываться снова и снова. И лишь теперь (писано в январе 2005-го) положение, похоже, начинает меняться.

А ПРОЧНА ЛИ НЫНЕШНЯЯ ВЛАСТЬ?

Внешне теперешняя российская власть выглядит куда прочнее, чем в 1990-х годах, при Ельцине. И рейтинг у Путина, как утверждают социологи, обалденный. (Только смущает, что мне, например, упорно не встречаются представители обожающего Путина большинства. Кого из знакомых ни спрошу, все его терпеть не могут.) И всё телевидение вместе с большинством радиостанций и газет открыто выполняет заказ власти. И все областные, краевые и республиканские чиновники выстроены в общую вертикаль воровства. И так называемые олигархи (плутократы) утратили всякое политическое влияние и низко кланяются всемогущим ленинградским гэбешникам (надо полагать, и деньги при этом суют немалые). И в Думе оппозиционных депутатов осталось человек семь, не считая компартию (а её всерьёз за оппозицию и считать нельзя, скорее, это последний резерв партии власти, каким оказалась украинская компартия в ходе недавних украинских событий). И всё-таки наши правители дрожат и трепещут. Отмена губернаторских выборов и выборов депутатов по одномандатным округам произведена от страха перед народом — ни по какой другой причине.

И ведь им есть чего бояться! Уж очень малочисленны те слои (клептократия, лутократия и плутократия), которые заинтересованы в сохранении нынешнего уклада. Слишком очевидна противоположность их интересов интересам большинства народа. И очень слаба организованная опора власти.

Молодёжь этого помнить не может, а моё поколение помнит митинги коммунистов начала 1990-х годов (ещё до авантюры ГКЧП). Их участники без конца выкрикивали: «Партия! Армия! КГБ!» И в самом деле, коммунистический режим держался десятилетиями на этих трёх опорах. И всё равно рухнул. Теперь не то. Нынешняя партия власти — «Единая Россия» — целиком набрана из шкурников, людей без всяких убеждений. В трудную для власти минуту

они просто разбегутся, и ни один из них не пойдёт эту власть защищать. Так что правящая партия для нынешнего режима — это вовсе не опора, а только лишняя статья расходов. А армия развалена настолько, что скорее способна стать источником опасного для власти брожения. Ведь воровство генералов можно скрывать от гражданского общества, но невозможно скрыть от прозябающих в бедности офицеров младшего и среднего звена. Вдобавок нынешний верховный главнокомандующий откровенно унизил армию в целом, назначив министром обороны самого тупого и бездарного из всех ленинградских гэбешников.

ПОСЛЕДНЯЯ ОПОРА

Настоящая опора у нашей нынешней власти всего одна — ФСБ. Для Путина это ведомство служит единственным поставщиком кадров на любые государственные должности. Но и эта опора становится всё менее надёжной. Как сообщала «Новая газета» от 25–28 марта 2004 года, группе «Альфа» пришлось проводить спецоперацию в сортире главного здания ФСБ на Лубянке. «Семнадцатого февраля этого года двое солдат срочной службы, "обколовшись", ударили ножом кассира столовой и похитили из кассы около двух тысяч рублей, после чего попытались скрыться, заперлись в туалете, но после штурма туалета были нами (группой «Альфа». — *И.С.*) захвачены. Произошло всё это на Лубянке, где сидит директор ФСБ Патрушев и весь генералитет. Солдаты-срочники работают на Лубянке в качестве подсобных рабочих: разгрузить машину, помыть пол, вынести мусор. В основном это дети и родственники высокопоставленных сотрудников ФСБ».

Так что представление о том, будто история в России прекратила течение своё, что поборники мочения в сортире воцарились всерьёз и надолго, в высшей степени обманчиво. Долго им не продержаться. Оттого они и нервничают.

Но будущее страны зависит от нас с вами. От нашего разума, воли и способности к самоорганизации.

И.Ю. Смирнов
А ЧЕМ РОССИЯ НЕ НИГЕРИЯ?

Подписано в печать 10.08.2006
Печать офсетная

Фонд «Либеральная миссия»
101990, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 923 33 13, 924 26 25
Факс: (495) 923 28 58

Фонд «Либеральная миссия» был создан в феврале 2000 года, чтобы содействовать развитию либеральной идеологии и обоснованию либеральной политической платформы, соответствующих сегодняшней России. Основная задача Фонда – распространение универсальных либеральных ценностей свободной рыночной экономики, свободы личности и свободы слова как основ существования гражданского общества и правового государства. Для этого фонд инициирует публичные дискуссии, где вырабатываются условия конструктивного диалога различных направлений либерализма и их идеологических оппонентов. Другое направление деятельности Фонда - издательская программа, призванная познакомить широкий круг читателей с достижениями либеральной мысли и прикладными исследованиями перспектив либеральных преобразований в современной России.

